

ВЕСТИНИК

ГУМАНИТАРНОГО ФАКУЛЬТЕТА ИГХТУ

Выпуск 2

Иваново 2007

Федеральное агентство по образованию

Государственное образовательное учреждение высшего
профессионального образования
Ивановский государственный химико-технологический
университет

ВЕСТНИК

**ГУМАНИТАРНОГО ФАКУЛЬТЕТА ИВАНОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО ХИМИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Выпуск 2

Научный журнал

Иваново 2007

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Н. К. Иванова, д-р филол. наук (отв. редактор)
М. Н. Милеева, канд. филол. наук (зам. отв. редактора)
Л.Н. Михеева, д-р филол. наук
Е.М. Раскатова, канд. истор. наук
М.Г. Зеленцова, д-р филос. наук
Р.В. Кузьмина, канд. филол. наук (отв. секретарь)
О.Н. Масленникова, канд. филол. наук

Издание Ивановского государственного химико-технологического университета

Адрес редакции: 153000, г.Иваново, пр. Ф. Энгельса, 7

E-mail: ino@isuct.ru

Официальный сайт ИГХТУ: www.isuct.ru

Набор и верстка: И.Ю. Базлова, Е.В. Костина, А.С. Крупнова

E-mail: big@isuct.ru

Подписано в печать 18.12.2007 Формат 70 x 08 1/8 Бумага писчая. Печать плоская

Усл.печ.л. 13,72 Уч.-изд.л. 15,22 Тираж 80 экз. Заказ _____

Отпечатано на полиграфическом оборудовании кафедры экономики и финансов
ГОУ ВПО «ИГХТУ»

153000, г. Иваново, пр. Ф. Энгельса, 14

ISBN 5-9616-0240-0

© ГОУ ВПО Ивановский государственный
химико-технологический университет, 2007

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА	5
Под знаком Года русского языка	7
Л.Н. Михеева О государственной языковой политике, некоторых путях и способах её реализации	7
Раздел 1. История и культурология	11
В.А. Аверин Археологические исследования в городе Иваново: результаты, проблемы, перспективы	11
И.А. Вербин, Н.М. Губина Система городского освещения Иваново-Вознесенска на рубеже 19-20 вв. и новые повседневные практики горожан	14
М.А. Гусева «Погодные записи корпорации рединг» как источник по истории развития самоуправления в церковных городах средневековой Англии	22
М.Б. Клейман Массовая культура и формирование имиджа города	23
А.С. Сироткин, Ю.Л. Малкова Из истории деятельности совещательных предпринимательских организаций Владимирской губернии.....	27
А.А. Морозова, Е.Л. Фёдорова Аппиан Александрийский о Гражданских войнах в истории древнего Рима.....	32
Е.А. Нечаева Роль и место подразделения по связям с общественностью в высшем учебном заведении	41
Е.М. Раскатова О стратегии власти в сфере культуры в эпоху позднего социализма: КГБ и художественная интеллигенция	46
Н.А. Рыжкова Некоторые аспекты восприятия женщины в народной культуре Италии эпохи Возрождения (на примере проповедей Бернардино Сиенского (1380-1444)).....	60
Раздел 2. Философия и психология	69
М.Г. Зеленцова Антиномия ценности и пользы в современной аксиологии.....	69
И.В. Козлов Особенности манипуляции массовым сознанием на современном этапе общественного развития	73
Е.В. Палей Ценностное отношение как система	81
А.Н. Портнов Хосе Ортега-и-Гассет: от философии жизни к философии истории.....	86
Раздел 3. Лингвистика	105
Р. Ю. Блинов Орфография в системе обучения английскому языку	105
Е. Борунова, С.С. Садина Язык эпохи в текстах газет Верхневолжья (20 – 30-е годы XX века).....	108
В.В. Ганина Особенности описания миремического невербального поведения человека в англоязычных художественных текстах	117
М.В. Емельянова Культурно-историческая тематика в названиях коммерческих организаций современного города Иваново	121
Н.К. Иванова Интернет и язык: основные механизмы взаимовлияния в современном обществе (на примере особенностей орфографии в английском и русском языках)...	124
Н.Е. Кирсанова К вопросу о формировании лингвокультурологической компетенции при обучении иностранному языку.....	129
Р.В. Кузьмина Особенности произношения омонимичных имен собственных	132

О.Н. Масленникова Жест как семиотическая проблема	136
М.Н. Милеева, О.В. Угарова Особенности современного компьютерного сленга.....	143
С.В. Мощева Креолизованный рекламный текст	148
А.Н. Смирнова Компьютерный сленг: его передача и значимость в современном языковом пространстве.....	151
Раздел 4. Филология и литературоведение.....	157
А.Ю. Благовестный Особенности художественной системы романа Гарриет Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома»	157
И.В. Долинина Речевая манера как критерий для типологии праведных героев в произведениях Н.С. Лескова.....	159
Е.Н. Золина К истокам современной истории культуры (по материалам немецкой гуманитарной мысли второй половины XIX века)	164
Е.Н. Клёмина Семантика существительного WULDOR в древнеанглийской поэме «Елена»	172
И.П. Кузнецова Образ Петербурга в «русских» романах Грегора Самарова	176
М.А. Миловзорова А.Н. Островский и Н.А. Чаев: движение стиля	184
В.И. Страдымова Концепция дружбы в древней Греции (ранний период)	190
Ю.Л. Цветков Модерн и модернизм в литературоведении	194
С.Г. Шишкина Литературная антиутопия: к вопросу о границах жанра	199
Раздел 5. Дебют.....	209
С.Г. Шишкина: Знакомьтесь: Саша Иванов.....	209
А. Иванов Понятие «поля» в анализе художественного текста: традиции и XXI век ..	212
In Memoriam Лия Васильевна Бондарко (1932- 2007).....	219
Хроника научной и научно-методической жизни факультета в 2007 г.	222
О работе научно-практического семинара-совещания	222
О работе межвузовского методологического семинара.....	228
Областной студенческий конкурс ораторов.....	229
Кампания «Студенты – против мата».....	231
Кафедра истории и культурологии. 2007 г. Хроника событий.....	232
Диссертации, защищенные в 2007 году на гуманитарном факультете.....	233
Список авторов номера	233

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Уважаемые коллеги-читатели!

Перед вами – второй номер «Вестника гуманитарного факультета» ИГХТУ. Данное издание, которое возникло в юбилейный год (2006) для гуманитарного факультета нашего университета, решено было сделать периодическим, и это стало возможным при непосредственной поддержке ректората, проректора по НИР В.А. Шарнина. Это свидетельство глубокого понимания той роли, которую играют гуманитарные науки в современном обществе, особой миссии гуманитарных знаний в техническом университете. Наконец, это проявление интереса и уважения к нам, гуманитариям, которые получили печатную трибуну для сообщения об итогах своих научных исследований: большая часть из них находит применение в процессе преподавания гуманитарных дисциплин в нашем вузе, излагается студентам и аспирантам на теоретических и практических занятиях, в спецкурсах.

Второй выпуск «Вестника гуманитарного факультета» посвящен Году русского языка, и ряд статей (С.С. Садиной и Е. Боруновой, Н.К. Ивановой, М.В. Емельяновой, И.В. Долининой, О.Н. Масленниковой, А.Н. Смирновой, М.Н. Милеевой и О. Угаровой и др.) связан непосредственно с проблемами развития русского языка. В этих публикациях рассматриваются безграничные возможности его воплощения в художественной литературе, динамика его норм под воздействием социолингвистических факторов.

Как и предыдущий выпуск, «Вестник» № 2 содержит статьи преподавателей и аспирантов нашего факультета, которые с очевидностью демонстрируют междисциплинарный характер проводимых исследований, охватывающий широкий спектр актуальных проблем из области истории и культуры, философии и психологии, лингвистики, филологии, литературоведения. Однако данный сборник включает и несколько публикаций наших коллег из других вузов - тех, кто давно сотрудничает с нашим университетом и помогает нам сверять вектор нашего развития, обогащаться новым опытом.

Продолжая традицию, заложенную в первом выпуске нашего «Вестника», мы предлагаем в настоящем издании как первые научные публикации наших студентов, так и ряд совместных статей преподавателей и студентов, подготовленных по материалам их выпускных квалификационных работ.

Понимая, что информационные технологии существенно изменили характер научного обмена, электронная версия этого и предыдущего сборников размещена на сайте университета: www.isuct.ru.

Проф. Н.К. Иванова

Под знаком Года русского языка

Л.Н. Михеева

О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКЕ, НЕКОТОРЫХ ПУТЯХ И СПОСОБАХ ЕЁ РЕАЛИЗАЦИИ

Ивановский государственный химико-технологический университет

Для сегодняшнего дня характерно повышенное внимание со стороны высших органов государственной власти страны к национальному языку своего народа, к его состоянию и происходящим в нём процессам. Об этом свидетельствуют новые тенденции в языковой политике ведущих государств мира. Если раньше этноязыковые процессы протекали стихийно, то сегодня наблюдается стремление правительств активно воздействовать на процессы языкового и этнического развития.

Осознание важности и необходимости целенаправленной языковой политики, понимание того, что русский язык как государственный язык Российской Федерации, национальный язык русского народа и средство межнационального общения играет особую роль в обеспечении консолидации, единства и культурного развития народов России, в осуществлении сотрудничества с народами государств-участников СНГ и стран Балтии, с мировым сообществом в целом, свойственно и руководству российского государства.

Первый вице-премьер и Председатель оргкомитета по проведению Года русского языка Дмитрий Медведев на одном из заседаний комитета сказал: «Развивая русский язык, мы способствуем продвижению наших национальных интересов, укреплению экономических и культурных возможностей во взаимодействии с другими государствами. Очевидно, что поддержка и развитие русского языка является нашим приоритетом, что подтверждается не только проведением Года русского языка, но и всей государственной политикой – внутренней и внешней» (<http://gramota.ru/>).

Среди принятых государством в этом направлении мер, прежде всего, следует назвать Федеральный закон о русском языке, и то, что проект закона широко обсуждался общественностью и в кругах специалистов, само по себе уже сыграло положительную роль в формировании новой языковой среды. Если говорить о высшей школе, то важным шагом в решении задачи повышения уровня речевой культуры учащейся молодежи стало введение в государственный образовательный стандарт дисциплины «Русский язык и культура речи». В рамках принимаемых государством мер был создан и Совет по русскому языку (сегодня это Межведомственная комиссия) при Правительстве Российской Федерации, решением которого утверждена Федеральная целевая программа «Русский язык», нацеленная на обновление языковой политики. Наконец, 2007-ой год объявлен Президентом нашей страны Годом русского языка.

Все эти шаги свидетельствуют о положительной динамике в сфере отношения к русскому языку со стороны высшего руководства страной. Однако остаётся открытым вопрос о том, как проводится государственная политика в области языка на мес-

тах, в отдельно взятом регионе, учебном заведении и что нужно сделать для ее оптимальной реализации?

Собственно, этой озабоченностью и была продиктована идея проведения на базе Ивановского государственного химико-технологического университета научно-практического семинара-совещания «Русский язык в Центральном регионе России: состояние, функционирование и перспективы развития», посвященного Году русского языка в России.

Такого рода мероприятие, призванное объединить усилия регионов в решении вопросов, связанных с функционированием русского языка в центре России, проводилось в Центральном федеральном округе и на базе Ивановского региона *впервые*. Не случайно оно получило грант РГНФ, вошло в перечень мероприятий РОПРЯЛ, в областную целевую программу «Русский язык» и проходило при поддержке совета по русскому языку при Правительстве Ивановской области.

Важная особенность семинара-совещания состояла и в том, что к обсуждению проблем русского языка были приглашены не только преподаватели-филологи, но и представители органов исполнительной и законодательной ветвей власти, руководители вузов, работники сфер образования, культуры, науки, СМИ, духовенство, учителя, работники библиотек.

Среди **целей** семинара-совещания были следующие:

- повышение статуса русского языка как государственного языка Российской Федерации и национального языка русского народа;
- укрепление позиций русского языка как средства межнационального общения народов России;
- привлечение внимания к состоянию современного русского языка и речевой культуры в обществе;
- обновление содержания и методов обучения русскому языку;
- формирование речевой культуры и стабильного интереса к русскому языку, особенно в среде молодёжи.

Основными **задачами** семинара-совещания стали такие:

- дать всесторонний анализ особенностей современного состояния русского языка;
- выявить основные тенденции его функционирования;
- определить перспективы дальнейшего развития;
- выработать практические рекомендации по совершенствованию условий функционирования русского языка и по внедрению новых форм и методов его изучения.

(Подробнее о совещании-семинаре читайте в разделе «Хроника» данного номера «Вестника ГФ».)

В свою очередь, преподаватели нашей кафедры принимали участие в разнообразных научных конференциях по проблемам русского языка, которые проходили в Год русского языка в высших учебных заведениях гг. Москва и Петербург, публи-

ковали статьи по актуальным проблемам русского языка и культуры речи в научных сборниках, участвовали в Круглых столах по соответствующей тематике.

Изучение особенностей функционирования русского языка на территории России как важная научная задача параллельно требует решения ряда прикладных вопросов, связанных с обновлением и корректировкой лингвокультурной ситуации в отдельном регионе. Пути и способы их решения многообразны, и деятельность отдельных структур (общественных советов по русскому языку или специализированных кафедр) в этом направлении имеет важнейшее практическое значение как для региона, так и для конкретного учебного заведения.

Имеющиеся областные советы по русскому языку, будучи проводниками государственной языковой политики на местах, играют большую роль в объединении различных – научных, политических, общественных – сил вокруг проблем русского языка, в привлечении региональных властных структур к решению задач в области государственной языковой политики. Они также оказывают реальное влияние на языковую ситуацию в регионе, на формирование языковой и речевой культуры в обществе.

С этой точки зрения интересен и показателен опыт ивановского совета, созданного представителями нашей кафедры, по реализации языковой политики в нашей области как одном из субъектов Российской Федерации. За время работы совет, с одной стороны, стал своего рода координирующим органом в проведении государственной языковой политики в нашем крае, а с другой, – региональным центром практической деятельности по укреплению позиций русского языка, по совершенствованию речевой культуры в обществе, по привлечению внимания к проблемам русского языка и к решению задач его распространения, защиты и поддержки.

Участие кафедры русского языка ИГХТУ в деятельности совета, в работе по реализации областной целевой программы «Русский язык» явилось несомненным вкладом коллектива в улучшение языковой среды региона и в повышение языковой и речевой культуры населения, особенно учащейся молодёжи, что является одной из насущных практических задач, стоящих, прежде всего, перед преподавателями-русистами.

2007-ой год как Год русского языка был также ознаменован для нашей кафедры целым рядом мероприятий, проводившихся в том числе в рамках областной программы. Кроме научно-практического семинара-совещания «Русский язык в Центральном регионе России: состояние, функционирование и перспективы развития», силами кафедры был организован и проведён среди русских студентов-нефилологов I курса **III Областной конкурс ораторов**, в котором приняли участие студенты вузов г. Иваново и ШГПУ. Характерно, что победителями конкурса стали именно студенты ИГХТУ: Р. Вичужанин - 1 место и А. Кузнецов - 2 место. *(Подробнее о конкурсе ораторов читайте в разделе «Хроника» . данного номера «Вестника ГФ».)*

В течение нескольких месяцев этого же года в ИГХТУ под руководством кафедры впервые в нашем регионе проходила **студенческая акция «Мату - нет!»**, включавшая целый ряд масштабных мероприятий, в том числе различные конкурсы - лозунгов, слоганов, плакатов, мини-сочинений; анкетирование преподавателей, со-

трудников и студентов ИГХТУ; обсуждение темы акции на форуме сайта вуза; уличный митинг. (*Подробнее об акции читайте в разделе «Хроника» данного номера «Вестника ГФ».*)

Не менее активно преподаватели кафедры участвовали в **областном Празднике русского языка**, к которому, в частности, подготовили *мультимедийную презентацию* проведённых крупных мероприятий.

Весь год кафедра вела активную *просветительскую работу*, связанную с пропагандой русского языка и культуры речи в СМИ: ведение постоянной рубрики в вузовской газете «Химик»; публикации в периодической печати; освещение различных мероприятий кафедры (Масленица для иностранных учащихся, Областной конкурс ораторов для студентов-нефилологов, Акция против мата и др.) на ивановском телевидении и по радио, в центральных журналах («Мир русского слова», «Русский язык за рубежом»), а также в «Ивановской газете» и «Рабочем крае».

Не случайно в **областном конкурсе СМИ на лучший материал о русском языке**, организованном Советом по русскому языку при Правительстве Ивановской области в 2007 г., ст. преп. Н.А. Патрикеева и доц. И.В. Долинина были награждены дипломами 1-й степени в номинации «Оригинальные формы пропаганды русского языка» за серию публикаций в вузовской газете «Химик».

Можно сказать, что кафедра русского языка ИГХТУ, опираясь на государственную языковую политику и осуществляя её в своём регионе, предложила ряд путей и реализовала некоторые способы практического решения задач, стоящих перед русистами в области поддержки, сохранения и защиты русского языка, российской словесности и русскоязычного информационного пространства, что, в общем и целом, отвечает стратегическим интересам страны и служит общей национальной идее. Как сказала в одном из докладов Марина Леонтьевна Ремнёва, декан филологического факультета МГУ, «язык – это единственное нациообразующее начало».

P.S. Под знаком Года русского языка осуществлялась вся деятельность нашей кафедры в 2007-ом году, но этим периодом она, конечно, не ограничивается и не завершается: впереди ещё много планов, связанных с реализацией государственной языковой политики в регионе, в нашем университете и с решением многочисленных задач в области русского языка, в сфере формирования речевой культуры населения области, молодёжи, в том числе наших студентов.

Раздел 1 История и культурология

В.А. Аверин

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ГОРОДЕ ИВАНОВО: РЕЗУЛЬТАТЫ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Ивановский государственный химико-технологический университет

В статье приводятся результаты археологических исследований, проведенных автором в 2007 г. на территории г. Иваново, определяются перспективы дальнейших изысканий, а также анализируются причины сложностей, возникавших в ходе проведения указанных работ.

До сравнительно недавнего времени «Родина Первого Совета» считалась практически бесперспективной в плане археологического изучения. Большинство ученых и краеведов уделяло внимание событиям, связанным с фабрично-революционным прошлым города. Действительно, село/город Иваново (Кохомской волости Шуйского уезда Владимирской губернии) зачастую рассматривалось как некое «молодое» образование, не имеющее своих «исторических корней», особенно по сравнению с соседними областными центрами, такими как Ярославль, Кострома, Н. Новгород и Владимир. И лишь в последнее время специалистами начали рассматриваться вопросы, связанные с ранней историей города [1, 2, 3].

В 2006 г. на территории Иванова была совершена новая «революция» - археологическая! Впервые в истории села-города на его территории были проведены **полномасштабные охранные археологические исследования**, позволившие реконструировать историю небольшого участка, расположенного на ул. Палехской [4]. Данные работы положили начало планомерному изучению исторической (!) части города.

С марта по ноябрь 2007 г. сотрудниками Ивановской археологической экспедиции было исследовано 7 земельных участков, отводимых под строительство, расположенных в границах Зоны охраны (зоны регулирования застройки), утвержденной решением исполкома Ивановского областного Совета народных депутатов 4 мая 1990 г. (№ 175).

Целью исследования являлось определение факта наличия / отсутствия объектов, обладающих признаками объектов культурного наследия. Все работы проводились согласно 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации» и Открытого листа (форма № 2), выданного Институтом археологии РАН. Изучение объектов велось путем «точечной шурфовки» с детальной фиксацией стратиграфических особенностей и фотофиксацией. В ряде случаев осуществлялся надзор за ходом земельных работ.

Приведем краткую характеристику изученных объектов.

Ул. Красногвардейская.

1. Площадка, расположенная напротив ТЦ «Луч». В ходе работ был обследован весь участок, отводимый под строительство. Прослеженная стратиграфия достаточно сложная: 1) асфальт – 12 см; 2) кирпичная кладка XX в. – 35 см; 3) светлый суглинок – 8 см; 4) светло-серая супесь – 5 см; 5) песчаная подсыпка – 12 см; 6) кирпичная кладка (видимо, более раннего времени) – 5 см; 7) серая супесь – 18 см; 8), 10) слои темно-серой супеси с редким присутствием кирпича, разделенные слоем 9 - строительным мусором (песок, щебень), который более темный по цветности – до 60 см; 11) темно-серая супесь с примесью битого кирпича – 55 см; 12) слой строительного мусора (песок, щебень, гравий) – 25 см; 13) слой перебитой кирпичной кладки перемешанной с серой супесью – 30 см; 14) темно-серая супесь с присутствием битого кирпича – до 100 см. В силу обводненности нижних слоев до материка шурфы довести не удалось. Залегание слоев достаточно равномерное, с небольшим наклоном в сторону пл. Революции. Находки встречались, в основном, в слоях 11, 13 и 14. В слое 13 и 14 найдены фрагменты керамики XVII – XIX вв. Однако здесь же обнаружены вещи, датированные второй половиной XX века (обломки посуды, гвозди и т.д.).

2. Площадка, расположенная напротив ТЦ «Петровский», на месте проектирования автостоянки. В ходе земельных работ выявлено кирпичное строение (стена), которое является сохранившейся частью находившихся здесь торговых рядов, построенных в 1880-е гг. В настоящее время стена служит опорой насыпного вала, на котором располагается здание городской администрации. Культурный слой на данном участке не сохранился. Находок не обнаружено.

Ул. Крутицкая.

1. Площадка, расположенная напротив здания «Роспечати». Стратиграфия такова: 1) асфальт – 5 см; 2) подсыпка из шлака и гравия – 35 см; 3) строительный мусор второй половины XX в. (песок, гравий, щебень, железная арматурная проволока и др.) – 80 см; 4) шлак – 30 см; 5-7) слои серой супеси с примесью битого кирпича, отличающиеся по цветности – 60 см; 8) темно-серая супесь – 70 см; 9), 10) слои светло-серой супеси с примесью битого кирпича – 20 см; 11) древесный тлен – 15 см; 12) материк (желтый ожелезненный песок). Основную массу находок составила керамика XVIII – XIX вв. При этом ниже основного уровня залегания данной керамики встречены артефакты, датированные XX в.

2. Площадка, расположенная на месте бывшей автостоянки, напротив Дворца искусств. Стратиграфия: 1) асфальт – 8 см; 2) подсыпка – 10 см; 3) насыпной грунт, содержащий находки, относящиеся как к советской эпохе, так и к более раннему времени (XVII – XIX вв.) – 35 см; 4) серый суглинок – 30 см; 5) желтый спрессованный песок – материк. Залегание материала указывало на то, что слои здесь залегают в переотложенном состоянии.

Пр-т Ф. Энгельса.

Площадка, расположенная во дворе Главного корпуса ИГХТУ. Стратиграфия: 1) асфальт – 15 см; 2) строительный мусор середины XX в. (щебень, песок, гравий и др.) – 70 см; 3) строительный мусор рубежа XIX – XX вв. – до 150 см; 4) слой пожара конца XIX в. – 20 см; 5) желтый песок – материк. В слое 2 встречена монета советского времени – 2 коп. (1942 г.), которая, в данном случае, является датирующей находкой, позволяющей установить время отложения этого слоя. Следующий слой (3) датируется по фрагментам керамики и обломкам фарфоровой посуды. Именно в это время, в результате активной строительной деятельности, были переотложены культурные слои XVIII – XIX в. Об их наличии (в прошлом) свидетельствует боль-

шое количество материала (керамика, «Кузнецовский фарфор», стекло, металлические предметы).

Ул. Багаева.

Площадка, расположенная напротив школы № 33. Стратиграфия следующая: 1) коричневый суглинок со строительным мусором – 40 см; 2) фрагменты булыжной мостовой – 10 см; 3) коричневый суглинок со строительным мусором XX в. – 65 см; 4) слой битого кирпича – 40 см; 5) рыжая глина – 20 см; 6) темно-коричневая супесь – 20 см; 7) кирпичная кладка – 140 см; 8) темно-серый суглинок – 20 см; 9) темно-коричневый суглинок – 40 см; 10) рыжий суглинок – материк. Основную массу находок составили чернолощенная, краснолощенная и поливная керамика. При этом фрагменты керамики, а также осколки посуды, стекло и др. были найдены, в основном, в слоях 3 и 4, что указывает на их переотложенное состояние.

Пер. Степанова.

Территория проектируемой автостоянки, за зданием Городской налоговой инспекции. Стратиграфия такова: 1) дерн – 5 см; 2) строительная подсыпка, состоящая из шлака и гравия – 35 см; 3) строительный мусор второй половины XX в. (песок, гравий, битый кирпич, железная арматурная проволока, битое стекло, пластик и др.) – 30 см; 4) желтый песок – материк. В слое 3 встречены единичные фрагменты чернолощенной керамики XVIII в. и монета того же времени.

Анализ приведенных выше данных позволяет сделать следующие выводы. Наиболее ранние артефакты, относящиеся к XVII в., встречены лишь в наиболее старой части города, а именно на улицах Красногвардейская и Крутицкая. Находки многочисленны, представлены исключительно керамическим материалом. Стратиграфическое положение находок указывает на их переотложенное состояние. Это, по всей видимости, произошло в результате активной застройки центральной части села Иванова в XVIII в., что подтверждается также письменными свидетельствами. Находки этого времени более многочисленны, они встречаются уже и за пределами «старого» центра, а именно на улицах Степанова и Багаева, что свидетельствует о расширении границ села. Интересно, что самые ранние монеты, обнаруженные в результате проведенных исследований, датируются серединой XVIII века. Находки XIX в. встречаются уже повсеместно. В большинстве случаев, именно строения XIX в. разрушили культурные слои более раннего времени. Не способствовала сохранению объектов археологического наследия и советская эпоха, когда центральная часть города была практически полностью перестроена. Особенно «богатыми на разрушения» стали 1930-е гг., когда варварски уничтожались не только памятники дореволюционной истории и архитектуры, но и археологии.

Исходя из вышесказанного, первостепенной задачей археологической работы на сегодняшний день являются поиски непо потревоженного культурного слоя, который мог фрагментарно сохраниться в центральной части города. Перспективными в этом отношении, на наш взгляд, являются такие улицы, как: Красногвардейская, Степанова, Палехская, Смирнова, 10 Августа, Советская, Пушкина. В случае обнаружения культурного слоя необходимо провести его тщательное изучение путем проведения стационарных раскопок. Другой, не менее важной задачей, является сохранение археологического достояния, полученного в ходе раскопок.

Теперь следует осветить те основные проблемы, с которыми специалисты-археологи сталкиваются при проведении исследований. Первой, и, пожалуй, самой значимой проблемой является стремление застройщиков уклониться от соблюдения норм, установленных Федеральным законом «Об объектах культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации» (73-ФЗ). Несмотря на то, что данный закон принят в 2002 г., в Ивановской области реально дей-

ствовать он только начинает. До сих пор в городе не утверждены четкие границы охранных зон, строительные работы в которых недопустимы без проведения соответствующих научных экспертиз.

Второй проблемой является так называемая «черная археология». В последнее время происходит постоянное увеличение числа «любителей древностей», стремящихся незаконно присвоить себе предметы старины с целью их последующей продажи. Поиск «древностей» осуществляется варварским способом, чаще всего с помощью металлодетекторов. Обнаруженные таким образом предметы (главным образом монеты) извлекаются из земли, естественно, без соблюдения какой-либо методики, что ведет не только к порче культурного слоя, но и к утрате огромного количества информации, которая могла бы быть зафиксирована профессионалами.

Третья проблема заключается в отсутствии четкого механизма сохранения археологического наследия. Государственные учреждения, в обязанности которых входит хранение и экспонирование древностей, зачастую отказываются принимать их, мотивируя это переполненностью фондов. Особенно нежелательным является так называемый «массовый материал», который превалирует в любой коллекции.

И, наконец, отсутствие взаимодействия между специалистами, работающими в сфере сохранения культурного наследия, отнюдь не способствует развитию охранной археологии.

Тем не менее, позитивные сдвиги очевидны, и хочется надеяться, что в недалеком будущем Иваново займет достойное место в числе исторических городов России.

Список использованной литературы

1. **Травкин П.Н.** Заметки об исторических истоках города Иванова // Краеведческие записки. Вып. 3. Иваново, 1998.
2. **Шлычков Л.А.** О начале Иванова // Краеведческие записки. Вып. 3. Иваново, 1998.
3. **Повелихин А.В.** Новые данные о градообразовании Иванова по археологическим исследованиям 2003 – 2004 гг. // Материалы областной краеведческой конференции. Иваново, 2005.
4. **Аверин В.А., Аверина А.В.** Исторический центр г. Иванова: опыт археологического исследования // Вестник гуманитарного факультета ИГХТУ. Иваново, 2006.

И.А. Вербин, Н.М. Губина

СИСТЕМА ГОРОДСКОГО ОСВЕЩЕНИЯ ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКА НА РУБЕЖЕ 19-20 вв. И НОВЫЕ ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ ГОРОЖАН

Ивановский государственный химико-технологический университет

В конце 19 – начале 20 вв. Иваново-Вознесенск благодаря развитию текстильной промышленности оказался в эпицентре индустриализации и урбанизационных процессов в России. Начавшаяся урбанизация формировала здесь специфический городской образ жизни, глубочайшим образом трансформировала всю повседневную

жизнь человека, влекла за собой кардинальное изменение ритма жизни, требовала создания системы искусственного освещения города. Доставшееся молодому городу весьма сложное для градостроительства пространство требовало от его руководителей, предпринимательской элиты и самих горожан больших усилий и принятия неординарных решений для благоустройства и модернизации городской среды адекватно новым, городским моделям поведения и новым, прежде всего, трудовым практикам его жителей.

В настоящее время наблюдается бурный рост интереса к проблемам города, его исторического развития, к урбанистической проблематике в целом во всех гуманитарных и социальных дисциплинах (социологии города, антропологии города, урбанистории, семиотике города и т.д.). Во второй половине XIX века Иваново-Вознесенск благодаря развитию текстильной промышленности оказался в эпицентре индустриализации и урбанизационных процессов в России. Начавшаяся урбанизация формировала здесь специфический городской образ жизни, повышала социальную мобильность населения, глубочайшим образом трансформировала всю повседневную жизнь человека.

Свершавшийся тогда, в том числе и в Иваново-Вознесенске, всемирно-исторический переход к машинному производству влек за собой кардинальное изменение ритма жизни - наверное, это самое тяжелое, чего требовал от человека город с его индустриальными, не считающимися с природными ритмами всепогодными и всесезонными трудовыми практиками. Городу с его искусственной средой пришлось преодолевать сезонные колебания дневного времени. Отсюда постоянная забота об искусственном освещении. Однако в средние века город, сохранявший традиционалистский образ жизни, жестко пресекал попытки некоторых ремесленных цехов продлить рабочее время за счет искусственного освещения, в миросозерцании средневекового человека это было бы посягательством на прерогативы Бога. Еще в 1818 г., когда в ведущих европейских странах уже разворачивалась промышленная революция и начинался бурный рост населения в городах, в газете «Кельнше Цайтунг» было опубликовано характерное для средневекового мироощущения воззвание: «Уличное освещение с теологической точки зрения есть вмешательство в Божий распорядок. Ночь нельзя превратить в день; с медицинской точки зрения ночное пребывание на улицах будет увеличивать заболевания; с философской точки зрения уличное освещение должно способствовать упадку нравов; с полицейской точки зрения оно делает лошадей пугливыми, а преступникам помогает; с общественной точки зрения публичные празднества имеют назначение создать подъем национального чувства, существенное значение при этом имеет иллюминация, существование же постоянного уличного освещения значительно ослабит эффект, производимый иллюминацией»¹.

К концу XVIII века уличное освещение все-таки стало непременной и привычной частью благоустройства большинства крупных городов мира, в том числе и обеих российских столиц. Правда, в первой половине 19 века, городские улицы Европы и России, как и полтора столетия до этого, освещались масляными фонарями. Параллельно велись опыты по замене масла спирто-скипидарной смесью. Но уже в середине XIX века на мировых рынках появились два непревзойденных конкурента - керосин (минеральное масло) и светильный газ (из каменного угля) - более легкое и дешевое горючее.

В допетровскую эпоху улицы российских городов в ночное время не освещались, и с наступлением темноты городская жизнь замирала. Для ночных передвижений горожане запасались фонарями. С утверждения Петром I в 1718 году проекта "Устройства уличных фонарей Санкт-Петербурга» В России началось регулярное

освещение улиц. В 1730 году появился указ Сената о постановке в Москве «фонарей на столбах». "Светильни" на деревянных столбах с фильтром, погруженным в конопляное масло, едва освещали небольшое пространство вокруг себя и служили по ночам тусклыми ориентирами для припозднившихся путников. Но уже к началу 80-х годов XIX века в пределах Садового кольца освещался уже весь центр Москвы, здесь было установлено около 9 тыс. газовых фонарей.

Иваново-Вознесенск приступил к решению этой задачи только в последние два десятилетия 19 века. Как показал опыт Иваново-вознесенской городской управы (1871-1918 гг.), самыми затратными статьями бюджета на обустройство городского пространства стали расходы именно на освещение улиц, без которого функционирование такого сложного организма как индустриальный город невозможно. По подсчетам ивановского историка Н. Новичковой в 1900 году на эти цели было выделено 7 500 рублей, что составило 25 процентов общей суммы расходов на улучшение условий городской жизни, в 1911 году - 21 000 рублей (40 процентов), в 1914 году - 26000 руб. (45 процентов)². Это было связано с высокой стоимостью осветительной аппаратуры и соответствующих ей трудовых и материальных затрат на установку, но не в меньшей мере - и со своеобразием планировочной структуры нового города, историей его формирования - из отдельных, уже сложившихся к 1871г. образований со своими самостоятельными центрами, магистральными улицами и пр. Как отмечает историк архитектуры Е. Щеболева, досконально знающая историю градостроительства в Иваново-Вознесенске и посвятившая ему несколько фундаментальных трудов, вошедшие в состав города поселения были «композиционно объединены основной планировочной осью - р. Уводью и стоявшими вдоль нее промышленными зданиями и сооружениями". План Иванова-Вознесенска за 1899 г. зафиксировал процесс формирования общегородских пространственных структур, которые стягивали город в единое поселенческое пространство, состоящее из 3959 домовладений на 118 улицах, а также 2300 домовладений двух пригородов (Ямы и Ушаково) на 61 улице³. Это означало, что ежедневные пешие (система общественного транспорта в новых урбанизирующихся поселениях тоже еще только складывалась) перемещения иваново-вознесенских рабочих из дома - с периферии поселения - на фабрику и обратно занимали несколько часов и измерялись километрами.

Доставшееся молодому городу весьма сложное для градостроительства физическое и социокультурное пространство требовало от его руководителей и предпринимательской элиты больших усилий и принятия неординарных решений для благоустройства и модернизации «городской» среды. Грязь, темнота, отсутствие элементов уличного благоустройства на протяжении многих десятилетий были одной из наиболее болезненных проблем и для рядовых иваново-вознесенцев, и для органов городского самоуправления. Хроника городской жизни запечатлела на страницах «Ивановского листка», самого массового ежедневного издания Иванова-Вознесенска начала 20 века, настоящие крики души иваново-вознесенцев. В одном из его выпусков сообщалось, что «...обыватели некоторых глухих улиц, где еще нет освещения, предполагают обратиться с просьбой в городскую управу, чтобы она вспомнила о них и поставила какие-либо фонари, т.к. без них в дождливую погоду некоторым приходится стать среди улицы и кричать «Караул, помогите!» Сообщение, опубликованное 5 лет спустя - 21 июня 1913 г., касалось уже не городских окраин, а са-крального, политического и торгового центра города (50 метров от здания городской управы), но, увы! - тоже еще слабо обустроенного. Как очень эмоционально констатирует обозреватель «Листка», прохожие здесь «рискуют в темное время сломать себе ноги, свалившись в гнилую деревянную водосточную трубу, под обрывом»⁴.

Как и во всех регионах центра России на рубеже 19-20 вв. иваново-вознесенские улицы освещались лишь 9 месяцев в году⁵. В журнале заседания городской думы от 30 января 1874 г. в росписи городских расходов в статье об освещении улиц было «назначено на наем служителя 80 руб. в период [...] с 15 августа по 15 апреля и с назначением в непосредственное его распоряжение на покупку свеч и спичек для зажигания фонарей по 50 коп. в месяц. Постановили [...] деньги в жалованье за январь служащему по найму фонарщику бессрочноотпускному рядовому М. Латышеву 10 руб. и на покупку свеч и спичек [...] выдать 50 коп., а всего 10 руб. 50 коп.»⁶. В силу относительной дешевизны керосиновых фонарей, нещадно коптивших и требовавших к себе вседневного внимания, именно ими обустроивалось в последние десятилетия XIX века большинство иваново-вознесенских улиц. Световая отдача таких источников была очень мала из-за низкой температуры пламени.

Вопреки общественному мнению, весьма критически настроенному по отношению к городским властям и для которого усилия городского самоуправления всегда казались недостаточными, городские власти и экономическая элита города, судя по большому количеству принимаемых решений и предпринимаемых мер, были серьезно озабочены проблемами уличного освещения города. Помимо необходимости постоянной заботы о поиске во все возрастающих размерах денежных средств, им приходилось практически с нуля создавать систему управления и обслуживания уже имеющегося «фонарного» хозяйства, привлечения специалистов для разработки новых проектов, побуждения предпринимателей к участию в организации освещения коммунальных и частных социально значимых объектов.

В 1891 г. городской Голова А.И. Дилигенский в примечаниях к отчету о благоустройстве города особо отметил, что кроме 2 828 рублей на освещение городских улиц 544 фонарями «комитетом по управлению приобретенным от графа Шереметева именем в 1891 г. произведено хозяйственным способом освещение базарной площади 50 фонарями и покупкою ламп и фонарей на 222 руб 78 коп.»⁷. Постановлением городской думы о трактирном промысле от 4 октября 1893 г. всем держателям трактирных заведений в обязательном порядке вменялось «освещать свои заведения, для чего у входных дверей на особом столбе по образцу уличных фонарей и должен быть поставлен, по крайней мере, один фонарь»⁸. Из нескольких сотен фонарей, установленных в городе в самом начале 20 века, 5 находились около здания управы, 12 при полицейских будках, один фонарь располагался у входа в приемный покой городской больницы, 2 при городских бараках, 3 на местах свалок нечистот, 56 размещались на базарной площади, а остальные освещали непосредственно улицы⁹.

Некоторые состоятельные граждане Иванова-Вознесенска проявляли инициативу в устройстве освещения отдельных улиц за свой счет. Так, например, А.Я. Дюрренгер в январе 1912 г. обратился в городскую управу с просьбой принять «в дар городу Керосино-Калильный фонарь системы «Самосвет» в 1600 свечей с лебедкой, чугунным столбом, для освещения 2-ой Борисовской улицы и Борисовского переуллка, которые очень страдают от недостатка освещения в особенности в весенние и осеннее время, а почему движение в эту пору года здесь невозможно трудное»¹⁰.

В 1912 г. потребность в учете неуклонно умножавшегося осветительного хозяйства вызвала обращение главы города к «Господину Члену Городской управы А.И. Трофимову сделать насколько возможно немедленно распоряжение о пронумеровании всех фонарей уличного освещения. Каждой категории фонарей присвоить свою нумерацию, то есть для электрических свои, керосинокалильным свои, при чем нумерацию начать с центральной части города. После учинения нумерации, прошу Вас распорядиться, чтобы чертежная изготовила карту, с нанесением фонарей и с указанием где какие фонари расположены и какой им присвоен номер»¹¹.

В России проблемы освещения всегда рассматривались в контексте обеспечения общественного порядка, поэтому в организации наружного освещения большая роль отводилась полиции. 9 августа 1912 г. Городской Голова Иванова-Вознесенска обращался и просил именно Иваново-Вознесенского Полицмейстера «сделать соответствующие распоряжения вверенной Вам полиции о производстве наблюдения за своевременным и правильным освещением уличных фонарей, как со стороны контрагента Мамаева (по керосинокалильному освещению, (так и со стороны уличных сторожей (простые фонари). Нарушители точного исполнения принятых на себя обязательств, нанося ущерб городу, вместе с сим ставят городскую полицию в весьма затруднительное положение, когда представляется необходимость следить за наружным порядком и когда, благодаря неаккуратности монтера или ночных сторожей, улицы и площади остаются во тьме»¹².

На те несколько десятилетий до первой мировой войны, когда молодой город героически пытался преодолеть свой безудельный удел и создать современную городскую среду, пришелся наиболее интенсивный поиск научной и технической мысли в области совершенствовании искусственного освещения. В 1880-х годах австрийцем Карлом Ауэром была изобретена калильная сетка, в несколько раз увеличивавшая силу света керосиновых фонарей. Это означало, что достигнутый уровень искусственного освещения открывает совсем новую эпоху в овладении человеком временем и в преобразовании своего повседневного пространства.

Это не осталось незамеченным и населением провинциальных городов, в чьи дома и на чьи улицы новая осветительная аппаратура, массово производимая на самых современных заводах, пришла практически одновременно с крупными городами. Восторженный тон рекламы на страницах столичных и провинциальных периодических изданий наглядно отражал это настроение: «Получена громадная партия настоящих керосинокалильных ламп «Метеор» №20 Теодора Крейнгель. Остерегайтесь подделок. Цена 14 рублей. Георгиевская улица, дом Маркова»¹³. Реклама наиболее распространенной марки керосинокалильного фонаря «Марса» обещала сильный свет (800-1000 свечей), полную безопасность, отсутствие искусственного давления. Главные достоинства, которые, по мнению производителя, обеспечивали его преимущества – «Наливка керосина простейшая - нет никаких насосов. Фонарь горит без давления. Фонарь зажигается очень просто и немедленно может быть поднят на место - через минуту сам засветит, не требуя никакой регулировки. Фонарь горит непрерывно свыше 20 часов, расходуя в час около $\frac{3}{4}$ фунта керосина – на 3 копейки. Для тушения достаточно повернуть кран; по израсходованию налитого количества керосина, фонарь сам гаснет, не давая копоти»¹⁴.

Несмотря на явное преимущество в качестве освещения, которые обеспечивали керосинокалильные фонари, их установка шла очень медленными темпами. Для более эффективного использования городского имущества управа сдавала его на подряд организациям, которые, на строго оговоренных условиях, обязывались его эффективно использовать на благо города. Так, например, в 1912, были сдан подряд освещения всех улиц города Иванова-Вознесенска керосильнокалильными фонарями системы «Люкс» вместе со столбами, кронштейнами, лебедками, тросами, баллонами для угольной кислоты¹⁵. Только в 1913 г. началась планомерная замена уличных фонарей с простыми лампами-коптилками керосинокалильными, когда 24 сентября 1913 г. городским самоуправлением было принято решение о замене всех уличных фонарей с простыми лампами-коптилками керосинокалильными¹⁶. Незадолго перед этим, по информации «Ивановского диска» от 21 июня 1913 г., Городская Дума при обсуждении вопроса об оптимизации уличного освещения и о приобретении новых и ремонте старых керосинокалильных фонарей, приняла решение выдать управе всю

запрашиваемую сумму, но было «постановлено старые обветшавшие фонари не продавать, а оставить на складе [...] имея в виду то, что эти негодные фонари могли попасть в руки такого монтера, который, подкрасив их заново и отремонтировав, мог снова пустить их в оборот и, пожалуй, спустя несколько лет, та же Управа могла приобрести их для нужд города вместо настоящих новых». Чтобы не впасть в такой обман, их и решили держать при складе под спудом¹⁷.

Но все-таки важнейшим, после изобретения паровой машины и железной дороги, событием в хозяйственной и повседневной культуре XIX в. был переход к использованию электричества. После того, как русский изобретатель П.Н. Яблочков получил патент на "Русский свет", началось внедрение новшества - первых дуговых фонарей для электрического освещения улиц. Первая в России установка наружного электрического освещения дуговыми лампами была введена в работу 10 мая 1880 года на Литейном мосту в Петербурге. 10 сентября 1880 года Московская городская дума решила устроить "электрическое освещение в местности вокруг храма Христа Спасителя". В 80-х годах строятся первые городские электростанции общего пользования в Москве и Петербурге, Киеве и Нижнем Новгороде, Баку, Харькове, создаются благоприятные условия для широкого применения электрического освещения в быту и промышленности.

Первые электрические установки и станции в Иваново-Вознесенске появились на промышленных предприятиях в 1890 г. для освещения производственных помещений. В конце XIX - начале XX века они уже использовали электрическую энергию не только для освещения, но и для приведения в движение машин. Крупнейшие предприятия города заменяют громоздкие трансмиссии электрическими моторами с местной передачей, позволявшей ускорить ход станков. Темпы перехода промышленных предприятий к использованию электрической энергии были стремительными. Если в 1904 г. некоторые крупные предприятия еще имели керосиновое или газовое освещение, то в 1912 г. керосиновое освещение сохранилось только на фабрике Щапова¹⁸. До наших дней на территории города сохранилось 3 электростанции, построенные в конце 19-начале 20 вв. на территории иваново-вознесенских текстильных фабрик: "Товарищества куваевской ситценабивной мануфактуры" (1887 г., 1900-е гг., одно из лучших сооружений этого типа в Иваново-Вознесенске, имеющее двухсветный машинный зал и выдержанное в формах переходных от рационального модерна к неоклассицизму, с крупными витражами остекления); «Товарищества мануфактур Н.Н. и Я.Н. Фокиных наследники» (1890-1900-е гг., высокое компактное здание *электростанции*, которое вместе с другими сооружениями придает комплексу урбанизированный облик); «Товарищество мануфактур «Иван Гарелин с сыновьями» (перешло на электрическую тягу в 1898 г., одноэтажный объем *электрической станции* в формах эклектики)¹⁹.

Восторженную реакцию и энтузиазм, с которыми иваново-вознесенцы встретили революционные новшества, передают (наверное, лишь в небольшой степени) дошедшие до нас строки местной прессы: анонсов и отчетов о заметных событиях, рекламы и т.д. Впечатляет то, какое исключительное внимание один из иваново-вознесенских книжных магазинов (Ф.И. Ильинского) уделяет специально рекламе пособия по электротехнике «Практическая электротехника»: «Только что отпечатана и поступила в продажу.... Имеются и другие книги В.А. Александрова по электротехнике!». В информации о событиях в городе хроникеры и рекламодатели обязательно подчеркивали исключительный статус очередного мероприятия наличием в его программе электроосветительных эффектов, иллюминации, демонстрации кинематографических электрических номеров. «Ивановский листок» 5 мая 1906 г., приглашая в сад графа Шереметьева на открытие летнего сезона, сообщает, что в день

открытия 6 мая сад будет иллюминирован. Известный в городе клуб господ приказчиков, приглашая 12 ноября 1911 г. на вечер в пользу голодающих, не забывает сообщить, что «залы клуба будут декорированы при электрическом освещении» и что полонез пройдет при световых эффектах. 7 августа 1913 там же главной частью детского праздника наряду с концертом, детскими играми и каруселью должны стать иллюминации, фейерверк в саду²⁰.

Но за фасадом такого праздничного восприятия горожанами начавшейся эры электричества стояла масса трудно разрешимых технических и материальных проблем. Руководству города предстояло решить сложнейшую задачу электрообеспечения города и переустройства городского хозяйства на базе электрической энергии. Еще 24 октября 1896 задолго до взрыва массового энтузиазма для координации усилий при Городской Думе была создана специальная комиссия «для разработки на перспективу вопросов устройства рельсового электрического, парового или конного сообщения и освещения улиц электричеством»²¹. В комиссию по устройству электрического освещения вошли авторитетнейшие в городе люди – такие, например, как влиятельнейший иваново-вознесенский предприниматель Антон Михайлович Гандурин, бывший тогда гласным Иваново-Вознесенской городской думы (с 1881 по 1902 гг)²².

8 января 1910 года Городская Дума приняла решение по строительству в городе электростанции общего пользования. Строительство было поручено частной фирме - Товариществу механических изделий, и в феврале 1911 года между городским управлением и Товариществом механических изделий был заключен договор об устройстве в Иваново-Вознесенске электрического освещения^{23,24}. Согласно этому договору, эксплуатация электростанции разрешалась Товариществу бесплатно в течение 30 лет. Город в дальнейшем мог построить свою станцию с кабельной сетью, но не нарушая и не сокращая деятельности Товарищества. За освещение улиц и общественных зданий Городское управление платило Товариществу по 30 коп. за квт./час (часть энергии поставлялась со скидкой 30 процентов). Частные лица должны были платить по 30 коп. за квт./ час без скидок, в последующие годы цены не раз менялись²⁵. К 1917 г. мощности электрической станции возросли, но величина тарифов и прибыль от производства энергии по-прежнему оставались в ведении завода²⁶.

13 декабря 1910 г. считается началом уличного электроосвещения в Иваново-Вознесенске. В 1911 году улицы Иванова-Вознесенска уже освещались 48 дуговыми электрическими, 68 керосинокалильными и 495 простыми керосиновыми фонарями²⁷. В 1909 г. открылся первый в городе, а за ним еще 6 электротеатров (электричек, кинематографов, кинотеатров). Но горожане торопили руководство города: «Знатен город наш ситцами, Массой фабрик, богачами, Многокрасочной рекой. Местом грязным и болотным; Управленьем беззаботным Над общественной нуждой. Электрического света Мы дождемся ль? Нет ответа»²⁸, - строчки, которые часто цитируют исследователи истории региона и которые так хорошо отражают общественное настроение и надежды горожан на более интенсивное решение повседневных проблем быстро растущего индустриального города.

Но начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война обрушила многие планы иваново-вознесенцев, в том числе и по обустройству повседневного пространства города, в рамках которого его жители получали возможность осуществлять необходимые для повседневной жизни практики (трудовые, социальные, духовные, религиозные, досуговые и т.д.), удовлетворять потребности в жилье, питании, отдыхе, общении. Наверное, и поэтому колоссальные усилия самих горожан и руководства города для создания адекватной городскому образу жизни среды остались недооцененными современниками и их потомками в XX веке. 22 февраля 1915 г. в рубрике «Городская

жизнь» в заметке «Шаг назад» были изложены ядовитые суждения от имени городских обывателей по поводу плодотворности усилий городского руководства по развитию города, которые в исторической перспективе воспринимаются в другой, скорее в трагической тональности: «Наши отцы города много слез чернильных пролили и много денег ухлопали по поводу ходатайства о разрешении городу облигационного займа на устройство городского водопровода, торговых рядов, электрической станции и ассенизационного обоза, полагая, что последние, когда будут сооружены, будут приносить материальную пользу городу, но по воле судьбы благим намерениям «отцов» - быть может, к счастью, не может осуществиться. Все эти сооружения оказались теперь мифом на бумаге...»

Примечания

¹ Роль городского освещения в мировой культуре. Фонари городского освещения. [/http://cityforms.ru/drugoi_vzglyad/rol_gorodskogo_osvesheniya_v_mirovoi_kulture.htm](http://cityforms.ru/drugoi_vzglyad/rol_gorodskogo_osvesheniya_v_mirovoi_kulture.htm)

² Новичкова Н. Огни безуездного города // Наша Родина – Иваново-Вознесенск, №3, 2007. С.10-12.

³ Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. М., 1998.Т.1. С. 69.

⁴ ГАИО.Ф.2 Оп.1 Д. 4886, Л.14.

⁵ Ивановский листок. 1908, 26 августа; 1913, 21 июня.

⁶ ГАИО. Ф.2. Оп.1. Д. 368. Л.1./ Цит. по: Луч света. – Ивановский архив. Краеведческий научно-популярный альманах. №3. С.22.

⁷ ГАИО. Ф.2. Оп.1. Д.2644. Л.1-2об. / Цит. по: Сведения о благоустройстве города. – Ивановский архив. Краеведческий научно-популярный альманах. №3. С.53.

⁸ ГАИО.Ф.2. Оп.1.Д.2846. Л.97-97об. Цит. по: Сведения о благоустройстве города. – Ивановский архив. Краеведческий научно-популярный альманах. №3. С.33.

⁹ Новичкова Н. Огни безуездного города // Наша Родина – Иваново-Вознесенск, №3, 2007. С. 10-12.

¹⁰ ГАИО. Ф.2. Оп.1. Д. 4872. л.8

¹¹ ГАИО.Ф.2 Оп.1. Д. 4872. л.4

¹² ГАИО. Ф.2. Оп.1. Д.4872. Л.4.

¹³ Ивановский листок. 1912 г. 20 сентября.

¹⁴ Российский плакат начала 20 в. / Музей «Огни Москвы». <http://moscowlights.ru/address.htm>

¹⁵ ГАИО. Ф.2. Оп.1. Д. 4385. Л.34

¹⁵ На изломе эпох. У края бездны. Вехи времени. / Ивановский архив. Краеведческий научно-популярный альманах. №3, с.89.

¹⁷ «Ивановский диск» от 21 июня 1913 г.

¹⁸ К. Балдин, А. Кохова. От кустарного села к индустриальному "мегаполису". Очерки истории текстильной промышленности в селе Иванове, городе Иваново-Вознесенске. Иваново, 2004. С.237-238.

¹⁹ Свод памятников архитектуры и монументального искусства России. М., 1998.Т.1. С. 69.

²⁰ Ивановский листок, 5 мая 1906 г., 9 ноября 1911 г., 6 августа 1913 г.

²¹ (Ивановский архив, №3, с.40. 1891-1900. В череде буден. Вехи времени.

²² Ивановский архив, №3.

²³ Новичкова Н. Огни безуездного города // Наша Родина – Иваново-Вознесенск, №3, 2007. С.11-12.

²⁴ ГАИО, ф.2, оп.1, д.4872, л.16

²⁵ ГАИО, ф.2, оп. 1, д.2732, л.8

²⁶ ГАИО, ф.2, оп.1, д.2732, л.7

²⁷ Новичкова Н. Огни безуездного города // Наша Родина – Иваново-Вознесенск, №3, 2007. С.11-12.

²⁸ Ивановский листок, 1912.

М.А. Гусева

«ПОГОДНЫЕ ЗАПИСИ КОРПОРАЦИИ РЕДИНГ» КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ САМОУПРАВЛЕНИЯ В ЦЕРКОВНЫХ ГОРОДАХ СРЕДНЕВЕКОВОЙ АНГЛИИ

Ивановская государственная сельскохозяйственная академия
имени академика Д.К. Беляева

Работа посвящена исследованию одного из источников по истории муниципального самоуправления в церковных городах средневековой Англии – «Погодным записям корпорации Рединг». В работе показаны достоинства и недостатки данного источника, дана оценка его информативности в освещении проблемы развития городской власти в Рединге.

Английский город Рединг с XII по XVI век находился в сеньориальном владении расположенного рядом аббатства. Безусловно, данный факт наложил свой отпечаток на развитие города, в том числе и на формирование его самоуправления. Интересные сведения по данному вопросу дает нам издание «Погодных записей корпорации Рединг», вышедшее в Лондоне в 1892 -1896 годах [1].

Редактором его выступил английский исследователь Дж. М. Гуилдинг. Собрание состоит из 4 томов, освещающих различные временные отрезки в городской истории. В частности, первый том затрагивает период с 1431 по 1602 г. Отметим, что источник содержит также ряд документов по XIII-XIV векам. Например, соглашение от 1254 года между городом и аббатом об освобождении горожан Рединга от торгового сбора в Лондоне[2, p.280-284].

Документы издания представляют собой краткие выдержки из постановлений местных властей, аббатских и королевских посланий, решений Парламента. Документы расположены в хронологическом порядке. Все они разделены на четыре раздела - «управление городом», «властные полномочия», «муниципальные чиновники» и «клятвы». Каждая из частей поделена на подразделы (всего их 33) и сообщает нам сведения об определенных событиях. Например, подраздел «констебли» информирует о механизме выборов данных должностных лиц [1, p.14-36].

Отдельно заметим, что в рассматриваемом издании достаточно редко приводятся пояснительные сноски или комментарии к документам, а также отсутствует вступительная статья, освещающая общую историю Рединга. Помимо этого, включенные в издание копии оригинальных средневековых документов, написанные на латинском и староанглийском языке, приведены без перевода на современный вариант языка. Все это несколько затрудняет понимание истории города и работу с самими источниками.

«Погодные записи корпорации Рединг» включают в себя разнотипные документы - постановления местных властей, списки муниципальных чиновников, соглашения города с сеньором, копии королевских и аббатских писем горожанам, постановления Парламента, касающиеся Рединга. Данные источники сообщают информацию о взаимоотношениях города с сеньором, центральной властью. Также в издании мы находим ценные сведения о повседневной внутригородской жизни Рединга, в том числе и данные о структуре муниципальной власти, функциях городских чиновников, механизме их избрания. В частности, договоры города с аббатом дают представление о системе избрания мэра, когда из трех представленных горо-

жанами кандидатур аббат выбирал одну; из документа от 1431 года мы узнаем об изменении структуры муниципальной администрации и появлении в Рединге Совета 24-х горожан [1, р.1, 14, 26] Социально-экономическую деятельность городских цехов освещают решения местных властей и городских гильдий. Так, постановление от 1485 года сообщает нам, что мэр Рединга совмещал свои обязанности с деятельностью главы торговой гильдии [1, р.83, 95]. Списки должностных лиц Рединга (мэра, казначеев, представителей города в Парламенте, смотрителей кварталов, инспекторов городских цехов и др.) и клятвы муниципальных чиновников дают нам ценную информацию по развитию местной власти и обязанностям должностных лиц. Также списки чиновников города позволяют установить сроки их пребывания у власти и выявить круг горожан, входящих в управляющую элиту Рединга.

Итак, очевидно, что «Погодные записи корпорации Рединг» содержат разнообразные и разнотипные документы, характеризующие основные стороны городской жизни, в том числе и вопросы становления муниципального самоуправления, структуры местной власти и функций чиновников. Без сомнения, данное издание является важным источником по истории муниципальной власти в церковных городах Англии.

Список использованной литературы

1. Reading records; diary of corporation, 1431-1654. / Ed. By J.M. Guilding. L., 1892-1896. Vol. I-IV.

М.Б. Клейман

МАССОВАЯ КУЛЬТУРА И ФОРМИРОВАНИЕ ИМИДЖА ГОРОДА

Ивановский государственный химико-технологический университет

Понятие «имидж» сегодня вошло в круг не только научного, но и повседневного словоупотребления. Однако, исследуя данную проблему, мы должны принимать во внимание ту огромную роль, которую играет в системе социального пространства «отдельно взятое» поселение, в частности, город. Сегодня правомерно вести речь о закономерностях создания имиджа, оказывающих самое прямое и непосредственное влияние на формирование социально-психологического климата города. Огромную роль в данном процессе играет массовая культура, образование которой непосредственно связано с процессами урбанизации. Данная статья представляет собой попытку анализа данной проблемы на материале города Иванова.

С позиций социально-психологической науки имидж чаще всего рассматривается как разновидность образа, возникающего в результате социального познания. Как полагает А.А. Калюжный, «под образом понимается результат психического отражения или представления того или иного психического явления. В процессе этого отражения возможны изменения исходной информации, и, соответственно, образ не обязательно будет точной копией отображаемого» [1, с. 9-10]. Однако сказанное, на наш взгляд, имеет отношение не только к человеку (хотя в последнее время наметилась устойчивая тенденция применять слово «имидж», прежде всего, к людям). Необходимо

принимать во внимание тот факт, что «отдельно взятая» личность (бизнесмен, политик, актёр, спортсмен и т.д.), об имидже которой мы чаще всего ведём речь, развивается в определённых пространственно-временных рамках. Эти рамки «заданы» границами того или иного поселения – города, села, посёлка, станицы, деревни. Именно поселение правомерно рассматривать в качестве основной системообразующей единицы в структуре социального пространства личности и социальной группы. Поэтому сегодня вполне уместно вести речь и о формировании имиджа того или иного поселения.

Правомерно выделить «внешний» и «внутренний» имидж поселения. «Внешний» имидж является совокупностью представлений о том или ином населённом пункте, характерных для людей, не живущих в нём. Например, очень многие люди, никогда не бывавшие в Иванове, считают этот город «городом невест». Что же касается «внутреннего» имиджа, то здесь уместно говорить о своеобразной «ментальной карте» социального пространства, сложившейся в сознании жителей данного населённого пункта. На необходимость изучения данного феномена ещё в середине 1980-х годов обращал внимание чешский психолог М. Черноушек [5]. По нашему мнению, «внутренний» имидж оказывает самое прямое и непосредственное воздействие на формирование социально-психологического климата поселения.

В нашей стране в 1960-1980-е гг. проблема формирования социально-психологического климата анализировалась в основном на уровне коллектива, и большинство исследователей считали психологический климат, сложившийся в том или иной коллективе, результатом тех взаимоотношений между участниками производства, которые складываются в процессе производственной деятельности. По мнению Б.Д. Парыгина, социально-психологический климат «представляет собой преобладающий и относительно устойчивый психический настрой коллектива, который находит многообразные формы проявления во всей его жизнедеятельности» [4, с. 11]. Данная точка зрения представляет особый интерес, поскольку именно Б.Д. Парыгин обращал внимание на необходимость изучения социально-психологического климата не только на уровне коллектива, но и на уровне города, села, иного населённого пункта [3, с. 20-22]. Действительно, не следует забывать о том, что любой коллектив (как и иная социальная группа) существует и развивается отнюдь не в вакууме. Динамика внутри- и межгруппового взаимодействия на микроуровне (в семье, трудовом или учебном коллективе и т.д.), безусловно, зависит от социально-психологических особенностей «большого» социума, в рамках которого функционирует и развивается малая группа как преобладающего и относительно устойчивого психического настроя его жителей, который находит многообразные формы проявления во всей их жизнедеятельности.

Различные социально-психологические аспекты роли поселения в качестве института социализации личности рассматривались многими учёными из самых разных стран мира. Особый интерес к данным процессам стал проявляться в 60 – начале 70-х годов XX столетия, в условиях ускорения темпов урбанизации во всём мире. Наиболее последовательную попытку сравнительного анализа некоторых наиболее общих закономерностей социализации личности в условиях больших и малых городов предпринял известный американский социальный психолог Ст. Милграм. Однако его работы (при всех их несомненных достоинствах) отличаются отсутствием чётких концептуальных оснований анализа исследуемых процессов. Несмотря на то, что в них впервые сделана попытка реализации системного подхода к исследованию социально-психологических проблем развития города, остаётся неясным, что же в данной ситуации является системообразующим фактором.

Уместно предположить, что социально-психологический климат поселения определяется исторически сложившимися особенностями межличностного, внутри- и

межгруппового взаимодействия, а также эмоциональным и предметным настроением жителей того или иного населённого пункта в отношении среды своего обитания. В конце 60-начале 70-х годов XX столетия методологические и методические аспекты данной проблемы обсуждались В.В. Новиковым [2], проанализировавшим особенности социально-психологического климата сельских поселений Пошехонского района Ярославской области. Позднее в Самарском государственном педагогическом университете сложилась научная школа, возглавляемая Г.В. Акоповым и сконцентрировавшаяся на изучении феномена провинциальной ментальности. Однако сегодня данные традиции нуждаются в дальнейшем творческом развитии. В частности, введение в научный оборот понятия «социально-психологический климат поселения» могло бы придать более ярко выраженный системный характер анализу той же провинциальной ментальности, непосредственно связанной с формированием имиджа того или иного города.

В XX и начале XXI столетия исследователи сталкиваются с любопытным феноменом. Мы наблюдаем всё возрастающее воздействие массовой культуры на формирование и «внешнего», и «внутреннего» имиджа поселения, прежде всего, города. Данное явление, на наш взгляд, не является случайным, прежде всего, потому, что сама по себе массовая культура – продукт городского образа жизни.

Появление в XX столетии массовой культуры как специфической разновидности духовного производства, ориентированного на «среднего» потребителя и предполагающего возможность широкого тиражирования оригинального продукта, принято связывать с эпохой становления крупного промышленного производства и, следовательно, роста городского населения. Урбанизация способствует возникновению массы людей, оторванных от привычных форм деятельности и связанных с ними духовных традиций. Массовая культура возникает как попытка новых социальных слоёв создать собственную разновидность городской народной культуры. Наиболее яркие феномены массовой культуры отнюдь не случайно рассматриваются как разновидности урбанистического фольклора.

Значительную роль в формировании имиджа города играет и «элитарная» («высокая», «высшая») культура. Её способность создавать уникальные по художественной ценности продукты, требующие для своего восприятия определённых интеллектуальных усилий и исходного культурного багажа, с этой точки зрения традиционно противопоставлялась массовой культуре. Однако подобное противопоставление зачастую видится нам излишне схематизированным и стереотипизированным. В этом отношении показательна, например, судьба такого музыкального жанра, как джаз (помимо прочего, кстати, внёсшего решающий вклад в формирование имиджа одного из крупнейших городов американского Юга Нью-Орлеана как «родины джаза»). Однако анализ проблемы отношения «массовой» и «высокой» культуры не является нашей задачей. Необходимо лишь отметить, что зачастую и «элитарная» культура играет решающую роль в формировании имиджа того или иного города. Например, австрийский город Зальцбург для ценителей музыки неразрывно связан с именем В.А. Моцарта, а небольшой подмосковный городок Клин – с именем П.И. Чайковского. Точно так же для любителей поэзии небольшой английский городок Стрэтфорд-он-Эйвон связан с именем У. Шекспира, немецкий город Веймар – с именем И.В. Гёте, а российская Рязань – с именем С.А. Есенина. Однако массовая культура, вовлекая в свою «орбиту» широкие слои населения, потенциально может оказать несравнимо большее воздействие на формирование имиджа города. Более того: подобное воздействие может оказать самое прямое и непосредственное влияние на изменение экономической ситуации в городе и в целом его «судьбы».

Наиболее ярким примером, на наш взгляд, является развитие британского города Ливерпуль во второй половине XX столетия. Во времена расцвета Британской

колониальной империи этот портовый город процветал за счёт обслуживания огромного грузопотока между колониями и метрополиями. Однако в 50-е и 60-е годы прошлого века, когда заморские владения Англии стали одна за другой обретать независимость, Ливерпуль столкнулся с серьёзными экономическими и социальными проблемами. Стремительно росла безработица. Наибольшим спросом среди молодёжи города стали пользоваться ножи и кастеты: в городе резко увеличилось количество преступлений. И вот в эти не самые лучшие для Ливерпуля времена в городе появилась четвёрка молодых музыкантов, о которой вскоре заговорил весь мир. Это была знаменитая группа «Битлз». Её успех самым прямым и непосредственным образом повлиял на изменение и «внешнего», и «внутреннего» имиджа города. Даже люди, никогда не бывавшие в Ливерпуле, стали воспринимать этот город как родину «Битлз». Надо отдать должное властям Ливерпуля: они стали умело использовать эту ситуацию для развития туризма и привлечения в город дополнительных инвестиций. Изменился и «внутренний» имидж Ливерпуля: его жители стали чувствовать свою сопричастность к успеху знаменитых земляков. В городе постепенно стал меняться социально-психологический климат: горожане стали чувствовать, что они нужны всему миру. Данное обстоятельство способствовало постепенному преодолению экономического кризиса.

Возникает закономерный вопрос: возможно ли применение данного опыта в России? Разумеется, дать на него однозначный ответ невозможно: слишком различны наши страны, их традиции и жизненный уклад. Однако, тем не менее, некоторые аналогии можно увидеть уже в современной российской действительности.

В 1990-е годы, когда город Иваново переживал глубочайший системный кризис моноотраслевой экономики, связанной с текстильной промышленностью, участники группы «Дискоотека Авария» отправились «покорять столицу». Вскоре их композиции заняли ведущие места в российских хит-парадах. Это, в свою очередь, способствовало изменению «внешнего» имиджа Иванова: люди стали видеть, что Иваново – это город, где существуют все условия для приятного и весёлого времяпрепровождения молодёжи. Особенно значительный шаг в формировании подобного имиджа был сделан в конце 2006 г., когда группа совместно с популярной певицей Жанной Фриске выпустила в свет композицию, посвящённую популярному в прошлом десятилетии месту отдыха ивановской молодёжи – туристическому комплексу «Малинки», расположенному в пятнадцати километрах к северо-востоку от Иванова.

Достаточно любопытно, на наш взгляд, проанализировать данную композицию с социально-психологической точки зрения, т.е. воспроизвести ситуацию, моделируемую популярными исполнителями, не ставя своей задачей анализ конкретных художественно-эстетических приёмов.

Уместно предположить, что в начале композиции Жанна Фриске создаёт образ представительницы столичного «бомонда», которой «до этого дня, точнее, до вечера» ни разу в жизни не доводилось бывать в Малинках. Но после того, как её туда пригласили знакомые ребята, она «открыла для себя» это замечательное место, где «осталась бы навечно». Она поняла, что напроочь лишённые всяческого снобизма провинциальные «Серёжки и Маринки» являются куда более верными и надёжными друзьями, чем её столичные знакомые. В этом её убедили участники группы «Дискоотека Авария», энергично и решительно «вклинивающиеся» в композицию. Они создают образ предельно демократичных в общении, прямых и открытых ребят, готовых всегда прийти на помощь.

Ситуация, отражённая в композиции, на наш взгляд, отражает реальные тенденции в развитии Иванова, наметившиеся после 2005 г. Представители столичных бизнес-кругов, в том числе, шоу-бизнеса, «открывают для себя» регион, располо-

женный совсем недалеко от Москвы и обладающий значительным потенциалом развития. В Иванове стремительно утверждается «столичный» образ жизни со всеми его последствиями, включая негативные (например, «пробки» на улицах города).

Таким образом, представляется, что данная композиция вносит существенный вклад в формирование «внешнего» имиджа Иванова как города молодёжи, и, следовательно, места, имеющего огромный потенциал для развития молодёжного туризма.

Успех группы «Дискотека Авария» оказывает самое прямое и непосредственное влияние и на изменение «внутреннего» имиджа города. Так, по данным социологического исследования, проведённого в 2006 г. студентами Ивановского государственного университета, группа уверенно входит в «тройку» наиболее знаменитых уроженцев Иванова (вместе с основателем ивановских музеев, фабрикантом и меценатом начала XX века Д.Г. Бурлыным и знаменитым модельером Вячеславом Зайцевым). К сожалению, в отличие от Ливерпуля, до недавнего времени местные власти совершенно игнорировали значение этого фактора в формировании благоприятного социально-психологического климата города. В частности, были оставлены без внимания многочисленные предложения о присвоении участникам группы звания почётных граждан города Иванова. И только сегодня, с изменениями в структуре городской и областной власти, ситуация начинает постепенно меняться.

Очевидно, что данная проблема может и должна стать предметом серьёзного междисциплинарного исследования. Учитывая его значимость для нашего города, а также огромный творческий потенциал, накопленный в рамках ИГХТУ, представляется, что это исследование может объединить усилия представителей различных кафедр гуманитарного и социально-экономического профиля нашего вуза.

Список использованной литературы

1. **Калюжный А.А.** Психология формирования имиджа учителя. М., 2004.
2. **Новиков В.В.** Очерки психологии крестьян. Ярославль, 1975.
3. **Парыгин Б.Д.** Научно-техническая революция и социальная психология. Л., 1976.
4. **Парыгин Б.Д.** Социально-психологический климат коллектива. Л., 1981.
5. **Черноушек М.** Психология жизненной среды. М., 1989.

А.С. Сироткин, Ю.Л. Малкова

ИЗ ИСТОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕЩАТЕЛЬНЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ

Ивановский государственный энергетический университет
Ивановский государственный химико-технологический университет

В статье рассматривается история деятельности первых представительных организаций предпринимателей Владимирской губернии (Владимирского мануфактурного комитета и Иваново-Вознесенского комитета торговли и мануфактур), их функции, состав и круг решаемых вопросов, а также роль этих учреждений в развитии промышленности региона.

Российской промышленности на всем протяжении ее развития было традиционно свойственно государственное вмешательство. Предпринимателей приучали к мысли, что правительство способно позаботиться о них, знает их нужды и потребности, и особые организации для представительства своих интересов создавать не следует. Однако со временем и в правительстве стали осознавать, что для рассмотрения некоторых вопросов экономического развития необходимо привлекать торгово-промышленные круги. Первые попытки привлечения предпринимателей к участию в решении хозяйственных вопросов были предприняты при Екатерине I [5, с.27] (фактически планировалось проведение ежегодных промышленных съездов), но реального воплощения проект не получил. Только в XIX веке, с учреждением в составе Департамента мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов в 1828 г. Мануфактурного совета, возникают первые предпринимательские совещательные учреждения.

Совет, созданный «для вспомоществования мануфактурной промышленности», состоял из фабрикантов, представителей дворянства и купечества. В центрах промышленно развитых губерний открывались мануфактурные комитеты (фактически отделения совета), а в уездных, имевших фабричное производство, создавался институт мануфактур-корреспондентов. Состав губернских комитетов носил смешанный характер. В них входили представители дворянства и торгово-промышленной буржуазии. Председательствовал на собраниях комитета губернатор. Члены комитетов определялись министром финансов по согласованию с местными властями. Всего с 1828 г. было учреждено менее 20 комитетов. В их задачи входило «информирование властей о фабриках, заводах и состоянии промыслов, сообщение начальству замечаний о мануфактурной промышленности и причинах ее процветания и упадка», вопросы о поиске новых рынков сбыта, рассмотрение просьб и споров о привилегиях и т. п. И все же, при весьма широком спектре полномочий, Совет не имел права по собственной инициативе рассматривать интересовавшие его экономические вопросы. Это стало главной причиной неудовлетворительной работы комитетов [5, с.29].

Во Владимире мануфактурный комитет был учрежден одним из первых. Губерния славилась своей мануфактурной промышленностью, но вот сам губернский город не являлся промышленным центром, поэтому работа комитета протекала довольно вяло. В различное время в составе комитета числились фабриканты Алексей Иванович Болотов и Алексей Иванович Посылин (оба из Шуи), Ефим Григорьевич Елизаров (Вязники), Дмитрий Иванович Спиридонов (Иваново) и ряд других промышленников [1, Д.18. Л.11]. Заседания комитета проводились редко, как правило, когда из департамента приходило распоряжение по рассмотрению какого-либо вопроса. Инициатива предпринимателей была сведена к минимуму. При всем этом нельзя сказать, что комитет не сыграл абсолютно никакой роли в развитии промышленности края.

Во-первых, Владимирский мануфактурный комитет способствовал привлечению фабрикантов Владимирской губернии к экспортной торговле: в 1830 г. для рассмотрения многочисленных поступавших в Министерство финансов «записок» об улучшении торговли с Азией и разработки устава образуемой торговой компании был создан комитет, в работе которого принял участие шуйский купец Алексей Иванович Болотов. Он также предоставил партию своих ситцев для организованной казной торговой экспедиции в Астрабад (в Персию). В 1845 г. при участии членов комитета александровского купца 1-й гильдии И. Ф. Баранова и вязниковского купца 2-й гильдии Е. Г. Елизарова был учрежден «Московский торговый дом по торговле с Азией», который занимался торговлей с Персией и просуществовал до середины

1850-х гг. [3, с.243]. Через комитет фабриканты губернии получали образцы тканей, имевших наибольшее распространение в Европе, Турции, Персии, с указанием названий и цен.

Во-вторых, комитет стал первым учреждением, где фабриканты могли лоббировать (хотя и в завуалированной форме) свои интересы. Так, в 1842 г. на одном из заседаний рассматривалось обращение фабриканта Д. И. Спиридонова «об ограничении использования цилиндропечатных машин и вредных условиях, могущих произойти от их распространения с устранением от работы большого количества мастерового класса людей» [1, Д.14. Л.1-2]. За этой сложной формулировкой скрывалось желание фабриканта, впервые в губернии внедрившего в производство цилиндропечатную машину, ограничить их распространение и, тем самым, сохранить максимальную прибыль.

При этом Д.И. Спиридонов даже сам разработал проект постановления: разрешить использование печатных машин только купцам 1-й гильдии, на каждую машину иметь 50-60 столов для ручной набивки и иметь на мануфактурах вспомогательную технику. Вопрос после обсуждения в комитете был переадресован в Департамент мануфактур и внутренней торговли, где в апреле 1842 г. его рассмотрели и в ограничении не нашли надобности. Объясняли это тем, что машины появлялись постепенно, а набойщики могли найти и иной источник дохода. Примечателен сам факт такого обращения в комитет, который говорит о том, что фабриканты верно увидели в нем «рычаг воздействия» на правительство. Правда, инициативу Спиридонова нельзя рассматривать как прогрессивную – удовлетворение его ходатайства заметно снизило бы темпы развития ситценабивного производства в губернии.

С середины XIX века Владимирский мануфактурный комитет фактически прекращает деятельность. По данным 1847 г., в его составе числилось всего три фабриканта: по одному из Вязников, Иванова и Шуи. Последнее заседание состоялось в 1872 г., после чего комитет был ликвидирован в связи с реформой, проходившей в структуре Министерства финансов. Реформа 1872 г., в ходе которой появился объединенный Совет торговли и мануфактур, предоставила на местном уровне право создавать Комитеты торговли и мануфактур, которые могли учреждаться в городах с развитой промышленностью по решению местной администрации, либо местного купеческого общества. Окончательное решение об открытии оставалось за министром финансов. Возникновение их шло крайне медленно: в 1872-1885 гг. образовано всего 8 (в Москве, Варшаве, Архангельске, Иваново-Вознесенске, Одессе, Ростове-на-Дону, Твери и Тихвине). До 1905 г. появились комитеты в Костроме, Белостоке, Лодзи и Тифлисе. Всего до 1917 г. было открыто 15 комитетов торговли и мануфактур [5, с.38].

Недостатки новых совещательных учреждений повторяли слабости предшествовавших им мануфактурных комитетов: ограниченность прав, узкий состав, забюрократизированность действий, плюс к этому функции комитетов перекрывались функциями биржевых комитетов, действовавших в тех же районах. Из 12 комитетов, открытых до 1905 г., наиболее влиятельными можно считать два – в Иваново-Вознесенске и Костроме. Первый традиционно ориентировался на группу московских биржевиков во главе с Н. А. Найденовым – Г. А. Крестовниковым, второй – на группу московских фабрикантов во главе с П. П. Рябушинским и А. И. Коноваловым. Ни в Костроме, ни в каком-либо из городов Владимирской губернии не имелось биржевых комитетов, что выдвигало на первые роли именно комитеты торговли и мануфактур.

Что нового появилось в деятельности этих совещательных предпринимательских организаций по сравнению с действовавшими ранее мануфактурными советами?

Во-первых, формирование новых органов осуществлялось на выборных началах.

Во-вторых, произошло объединение представителей промышленности и торговли единым комитетом, хотя все это было очень условно – в Иваново-Вознесенском комитете на всем протяжении его существования членами являлись только владельцы мануфактурных заведений.

В-третьих, расширился круг полномочий и рассматриваемых вопросов: в сферу деятельности комитета попадали сбор сведений относительно местной фабрично-заводской промышленности, количестве выработанных продуктов, положении рабочих; рассмотрение вопросов содействия развития отечественной промышленности, внутренней и внешней торговли. Реально комитетами рассматривались вопросы международного вексельного права, изменения таможенных тарифов, продолжительности рабочего дня, образования рабочих, вопросы снабжения предприятий топливом, изменения торгово-промышленных уставов.

Иваново-Вознесенский комитет (далее – ИВКТМ), первое заседание которого состоялось в мае 1879 г., объединил на старте своей деятельности лишь промышленников города Иваново-Вознесенска и села Кохмы [2, Д.2. Л. 4.]. Председателем комитета был избран Мефодий Никонович Гарелин. В числе членов – крупнейшие ивановские фабриканты Николай Бурьлин, Яков Гречин, Иван Полушин, Иван Гарелин, Владимир Ясюнинский и другие. Состав обновлялся каждые два года путем перевыборов, секретарь избирался на четыре года. Он не входил в члены комитета. С 1879 г. и до 1909 г. бессменным секретарем был технолог С. Д. Смирнов (затем его сменил К. Г. Щетинин-Какуев). Заседания комитета проводились в помещении местного отделения Императорского Русского технического общества. Попытки включить в сферу деятельности Шую, Тейково, Кинешемский и Нерехтский уезды Костромской губернии не увенчались успехом. Однако иногда фабриканты из этих промышленных центров принимали участие в заседаниях комитета в качестве экспертов, не являясь при этом его членами.

ИВКТМ за время работы было проведено более 200 заседаний, что отражено в журналах комитета [2, Д.2]. Некоторые исследователи достаточно скептически оценивают результаты его работы, отмечая, что КТМ либо рассматривал вопросы, «спущенные сверху», из Департамента торговли и мануфактур, либо *«под давлением губернской администрации обсуждал исключительно местные вопросы: например, об устройстве и содержании за счет фабрикантов колодцев в селениях»* [4, с.64.]. Однако при детальном анализе журналов заседаний комитета, переписки и сопутствующей документации можно сделать вывод, что ИВКТМ рассматривал также множество весьма важных для промышленности страны (и Ивановского промышленного района) вопросов. Уже в первые годы своей деятельности комитет рассмотрел ряд важных законопроектов по таможенно-тарифной политике и налоговых сборов с промышленных предприятий. При обсуждении вопроса о закрытии Закавказского транзита для товаров иностранного производства (1883 г.) провели семь заседаний в течение пяти месяцев – с привлечением фабрикантов из Кинешмы и Шуи, при этом для обсуждения вопроса в Министерстве финансов из ИВКТМ были делегированы два представителя. При рассмотрении законопроектов, связанных с изменениями в рабочем законодательстве, ивановские фабриканты также проявляли повышенный интерес к заседаниям комитета (например, при обсуждении вопроса о регулировании ночного труда в 1886 г.).

Показательна реакция ивановских мануфактуристов на ходатайство столичных фабрикантов об отмене или временном понижении пошлин на иностранную пряжу (1888 г.). При получении сведений об этом было созвано экстренное заседание, где фабриканты пришли к единодушному выводу *«...обратиться к Министру финансов с просьбой об отклонении ходатайства, удовлетворение которого могло*

бы гибельно отразиться на всей хлопчатобумажной промышленности России, а также и затормозить начавшееся развитие культуры хлопка в Средней Азии и на Кавказе» [2, Д. 2. Л.55]. Мануфактуристы Ивановского промышленного района, использовавшие в производстве преимущественно отечественный хлопок, понимали возможные результаты снижения пошлин на импортную пряжу – конкурировать с изделиями из Санкт-Петербурга будет почти невозможно, поэтому прибегли к испытанному средству: обращению в Министерство финансов с просьбой о защите «отечественных интересов».

Деятельность ИВКТМ немало способствовала развитию местной промышленности путем решения вопросов почтового сообщения, строительства новых железнодорожных путей, открытия специализированных учебных заведений. Так, с 1894 г. в комитете обсуждались вопросы о соединении Ивановской железной дороги через Тейково и Юрьев Польский с Ярославской линией, о строительстве железной дороги Иваново – Нерехта, об удлинении железнодорожной ветки в Кинешме. В 1898 г. комитет поддержал ходатайство владельцев Фряньковской и Вознесенской мануфактур перед Министерством путей сообщения о проведении ветки Бельково – Щелково Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги [2, Д.2. Л. 192.]. В следующем году по инициативе комитета состоялось собрание ивановских предпринимателей по вопросу устройства железнодорожных подъездных путей к фабрикам, где было достигнуто соглашение о принятии промышленниками части расходов по строительству.

Нельзя не отметить, что не обошлось без помощи ИВКТМ и открытие в Иваново-Вознесенске рисовальной и торговой школ. Члены ИВКТМ вошли в хозяйственный комитет рисовального училища, а председатель комитета А.М. Гандурин был избран почетным смотрителем. Предложение об открытии в городе торговой школы поступило от директора Департамента торговли и мануфактур и было поддержано первым председателем ИВКТМ, М.Н. Гарелиным. Фабриканты постановили принять на себя половину расходов на содержание школы, взяли на себя и вопрос о размещении нового учебного заведения. Несомненно, Иваново-Вознесенск только приобрел от того, что городской комитет торговли и мануфактур часто занимался не глобальными вопросами развития отечественного предпринимательства, а решением местных проблем. Многие вопросы здравоохранения, образования, городского благоустройства и развития предприятий в Иваново-Вознесенске нашли свое решение при активном участии комитета торговли и мануфактур, продолжавшего свою деятельность фактически до Первой мировой войны.

Список использованной литературы

1. Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 261. «Владимирский губернский мануфактурный комитет». Оп. 1.
2. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф.27. «Иваново-Вознесенский комитет торговли и мануфактур». Оп. 1.
3. **Куканова Н.Г.** Очерки по истории русско-иранских торговых отношений в XVII – 1-й половине XIX века. М., 1968.
4. **Лаверычев В.Я.** Царизм и буржуазия. М., 1963.
5. **Шапкин И.Н.** Из истории лоббизма в России. М., 1999.

А.А. Морозова, Е.Л. Фёдорова

АППИАН АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ О ГРАЖДАНСКИХ ВОЙНАХ В ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО РИМА

Ивановский государственный химико-технологический университет

В последние десятилетия возрождается интерес к изучению античной историографии. Особенно активно он проявляется в рамках подхода по реконструкции сознания древних авторов. Труд римского историка Аппиана Александрийского, несмотря на явно недостаточное внимание к нему отечественных специалистов, всегда оценивался поверхностно и однозначно. Тем не менее, трактовка Аппианом гражданских войн в истории Древнего Рима заслуживает самого серьёзного исследования в силу своей оригинальности, а также по причине отсутствия достаточного количества письменных источников по этому периоду римской истории.

Труд писателя II века Аппиана Александрийского «Римская история» - один из интереснейших образцов поздней античной историографии, так как был создан в кризисный для Древнего Рима период, когда республиканский строй уступал своё историческое место новой форме государственной власти – монархии. По традиции сочинение описывает военно-политические события. Значительная часть «Римской истории» - «Гражданские войны» - повествует о периоде драматичном, а главное судьбоносном для римской государственности. Именно эта часть труда Аппиана стала одним из главных источников по истории гражданских войн [2, с. 4], которая крайне недостаточно освещена письменной традицией. Свидетельства относительно данного периода характеризуются малочисленностью и предвзятостью, что отчасти объясняется остротой политической ситуации, которая в свою очередь не могла способствовать стабильному и независимому развитию римской историографии. В связи с этим сочинение Аппиана Александрийского приобретает особую ценность. Кроме того, по имеющимся в нашем распоряжении сведениям, историк значительный период времени занимал ряд высоких должностей в государстве, что приближало его к описываемым событиям, обеспечивало возможность получения более достоверной информации, позволяло делать самостоятельные выводы, давать оригинальные оценки.

Труд Аппиана Александрийского был задуман им с целью описания истории от основания Рима до современных автору событий. Сочинение состояло из 24 книг, из которых до нас в полном объеме дошли не все. Благодаря работе специалистов над текстом Аппиана удалось восстановить структуру работы и выяснить содержание утраченных книг. Существует мнение, что «Римская история» не была закончена. Во всяком случае, Аппиан планировал описать историю войн Рима с Парфией, о чем сообщил в книге о Сирийских войнах. Однако некоторые ученые утверждают, что данная часть труда все же была написана автором [6, с. 257], доказательством чему служит тот факт, что среди ранневизантийских рукописей, воспроизводящих труд римского историка, находилась книга парфянской тематики [3, с. 627].

Безусловно, сохранность труда Аппиана оставляет желать лучшего: до нас целиком (без лакун) дошли лишь некоторые части его сочинения. Согласно утверждению А. И. Немировского [4, с. 10], в нашем распоряжении находится в лучшем случае лишь около трети первоначального объема «Римской истории». Наибольшей потерей для науки считается исчезновение Египетских книг, судя по известному

числу которых, можно предположить, что это был труд почти такого же объема, как и описание гражданских войн.

Первые серьезные попытки научного анализа «Римской истории» были приняты еще в конце XIX века [3, с. 626], но исследование этого памятника исторической мысли не исчерпало себя и обладает новизной и актуальностью и сегодня. Новизна обуславливается несколькими причинами. Во-первых, отечественная историческая наука освободилась от идеологического прессинга и сегодня может отказаться от однобокого и заведомо «классового» подхода, который использовался в советский период. Во-вторых, историков ранее в большей степени интересовала реконструкция реальных событий, и в значительно меньшей степени, ментальность той или иной эпохи и тем более отдельного автора. В данном контексте предметом многих исследований был сам текст и достоверность излагаемых событий, а не представления его автора как источник трактовки описываемых фактов. Наконец, в современной исторической науке в свете распространения новых тенденций, обозначенных выше, значительно обогатилась методология исследования исторических памятников прошлого [5, с. 33 – 34], которая может и должна быть применена и в отношении рассматриваемого нами труда.

Актуальным выглядит исследование сочинения Аппиана с точки зрения особого внимания современной науки к проблемам, связанным с реконструкцией так называемого сознания древнего автора как носителя ментальности конкретной исторической эпохи, а также с изучением культурной составляющей исторического процесса в целом.

В современной отечественной историографии интерес к Аппиану и его «Римской истории» проявляется эпизодически и в значительной степени формально. Единственной, специально посвящённой Аппиану и его труду работой относительно недавнего времени является статья И.Л. Маяк «Аппиан и его «Римская история»». Однако и здесь автор в большей степени знакомит читателя не с источником, а с событиями римской истории, отражёнными в труде. Именно поэтому обращение к сочинению Аппиана Александрийского современных специалистов не только оправданно, но и необходимо. Особенно это касается описания гражданских войн, которое требует специального изучения с учётом комплексного подхода и новой методологии.

Часть «Римской истории», посвящённая описанию гражданских войн, - это единственное дошедшее до нас цельное, последовательное изложение событий от Гракхов до гибели Секста Помпея. Гражданским войнам Аппиан уделил большую часть своего труда. С точки зрения историка, это события, имеющие колоссальное значение для истории Рима, в результате которых были потрясены основы государственности.

В своём пространном повествовании Аппиан ни разу не даёт чёткого определения гражданским войнам, да и не ставит перед собой такой задачи. Античной историко-политической мысли в целом и римской, в частности, без сомнения, принадлежит заслуга выработки целого ряда научных категорий с чётким определением их содержания, которыми мы пользуемся по сей день. Однако огромное количество явлений общественного, политического и пр. характера, в том числе и гражданские войны, не стали объектом научной категоризации. Не является исключением в этом смысле, как уже отмечалось выше, и Аппиан. Определённую роль в отсутствии в «Римской истории» попытки дать подробную и последовательную понятийную характеристику интересующему нас явлению, по всей вероятности, сыграл также широко используемый античными писателями подход, базирующийся на методе аллюзии. В рамках данного подхода авторы опускают из своего рассказа описание, а также пояснение некоторых событий, широко известных и узнаваемых современника-

ми. Время, когда жил и творил наш историк, в хронологическом плане недалеко отстоит от событий, описываемых им во второй части своего труда. Это время наполнено воспоминаниями об ужасах гражданских войн. Возможно, и по этой причине Аппиану нет необходимости подробно останавливаться на обобщённой характеристике данного широко известного явления.

Тем не менее, нельзя не отметить тот факт, что в разных частях текста источника мы встречаем отдельные характеристики, суждения оценочного характера, конкретные умозаключения, которые позволяют нам в целом восстановить содержание аппиановского понятия «гражданская война». Проведя детальный анализ текста и суммировав все выводы, мы попытались восстановить это содержание. Итак, гражданская война – это «покушение на государственный порядок», который сопровождается «большими насильственными вооружёнными действиями сограждан друг против друга» [1, с. 384], отсутствием «законного правления и господством кулачного права» [1, с. 395].

Переход Рима к единовластию - для Аппиана уже свершившийся факт, осознанный и всецело принятый историком. Возможно, именно поэтому автор «Римской истории» практически не обращается к проблеме причинности этапа гражданских войн в целом. Однако он неустанно и последовательно подчёркивает, что смена государственного строя предрекалась римлянам богами: «А в Риме происходили многие чудеса, являлись небесные знамения. Говорили, что бог послал кровавый дождь; на статуях богов выступал пот; молния ударила во многие храмы, родил мул. Многие и другие несчастья предвещали окончательное уничтожение старого государственного строя и перемену его» [1, с. 484]. Подобные описания знамений, предвещающих конец Республики, повторяются Аппианом неоднократно [1, с. 437, 621].

Ещё одним возможным объяснением невнимания александрийского историка к причинам гражданских войн является его твёрдая уверенность в том, что подобный ход событий целиком и полностью соответствовал «божественному плану», который, согласно религиозным представлениям древних римлян, не мог быть доступен для понимания человеку. Косвенные доказательства такой уверенности Аппиана разбросаны по всему тексту. Например, после одного военного поражения Цезаря Помпей мог легко довести дело до окончательного уничтожения армии противника и лично его самого, тем самым «завершив всю войну». Такой исход, возможно, привёл бы к реставрации Республики в Риме, так как Помпей был её ревностным сторонником. Однако этого не произошло, и «такова была воля божья» [1, с. 499 - 500]. Таким образом, в объяснении глобальных причин начала длительного периода гражданских войн в Риме у автора «Римской истории», без всякого сомнения, присутствует элемент провиденциализма, который он, однако, лишь обозначает без детального объяснения в силу указанных выше причин.

Александрийский историк очень чётко фиксирует начальный момент гражданских войн: «... меч ещё не был поднят в народном собрании, не была пролита кровь граждан... до тех пор, пока Тиберий Гракх, плебейский трибун, ... первым погиб во время народного волнения...» [1, с. 383]. Сразу заметим, что Аппиан не считает Тиберия Гракха лично ответственным за начало описываемых событий. Историк даже некоторым образом дистанцирует его, словно оправдывая, от начатого кровопролития: «Воодушевлённый той большой и существенной пользой, которую достижение его цели могло принести Италии, Гракх не думал об опасности своего предприятия» [1, с. 390]. Такую скрытую защиту автор «Римской истории» предоставляет своему герою, вероятно, потому, что, как уже отмечалось выше, он твёрдо уверен в неизбежности наступления гражданских войн как реализации «божественного плана». Именно поэтому Аппиан не пытается возложить ответственность за

предопределённое свыше на конкретного человека. Отметим, однако, что такая позиция характерна для историка только по отношению к начальному моменту описываемых событий.

Весь период гражданских войн Аппиан делит на три этапа: от Тиберия Гракха до Суллы, от Суллы до Цезаря и от Цезаря до Августа [1, с. 384 – 386]. Если о макропричинах гражданских войн историк говорить не берётся, то причины каждого отдельного этапа он фиксирует: личное «соперничество отдельных лиц из-за высших военных и гражданских должностей» [1, с. 384]. В рамках каждого отдельного этапа он выделяет ключевые политические фигуры, которые своими личными амбициями провоцировали новые витки общественных беспорядков: Марий и Сулла, Помпей и Цезарь, Антоний и Октавиан Август.

Анализируя содержательную сторону описания гражданских войн, можно заметить определённый план в изображении этих событий. Существуют объединяющие моменты для всех рассказов о гражданских войнах, определённый набор элементов, наличие которых позволяет безошибочно квалифицировать подобные эпизоды как описание именно гражданских войн. Эти элементы представляют собою организованную основу, «необходимый минимум» сведений, или «модель описания».

Условно «модель описания» гражданских войн Аппиана может выглядеть таким образом: завязка – основные события – итог. Формально подобная схема может быть наложена на любое описание случившегося, но внутреннее наполнение каждого из трёх основных элементов, тот самый «необходимый минимум» в случае рассказа об интересующих нас событиях является оригинальным, сформулированным самим историком. Первая составная часть модели описания «завязка». По сути это уже упомянутые выше микропричины, коренящиеся в личном соперничестве отдельных политических лидеров: «... руководители партий боролись уже друг против друга, как на войне при помощи больших армий, причём сама родина служила им как бы призом» [1, с. 419].

Собственно описанию основных событий Аппиан уделяет большое внимание. По своему объёму и количеству информации эти рассказы превалируют над всеми другими элементами «модели описания». Историк словно задаёт алгоритм развивающегося конфликта, а затем дополняет его большим количеством конкретных фактов – от имён и политических мероприятий до географических названий и военных столкновений. Алгоритм гражданской войны по Аппиану выглядит следующим образом: «...междоусобные распри переходили из споров и борьбы на почве честолюбия в убийства, а из убийств в открытые войны, и гражданское ополчение тогда вступало в родную землю как во вражескую страну...» [1, с. 423], завершающим аккордом каждого нового витка гражданских войн становилась диктатура, которая силой единоличной власти приводила Рим на некоторое время к относительному миру и спокойствию. События по Аппиану начинают разворачиваться с междоусобных распрей, которые носят характер разногласий и пререканий, но протекают в рамках закона [1, с. 383]. Следующим этапом становятся убийства, зачастую носящие массовый характер [1, с. 406], которые, в свою очередь приводят к масштабным военным действиям, в коих граждане одного государства противостоят друг другу [1, с. 690 – 691]. Таким образом, начинаясь с вполне легитимных мероприятий, гражданские войны достигают в развитии своего максимума, выражающегося в массовом кровопролитии. В этих условиях само существование государства ставится под угрозу, поэтому единственно возможной мерой предупреждения подобного печального исхода становится временное единоличное правление. Затем события вновь начинают разворачиваться по заданному алгоритму. Рассуждая о подобных закономерностях развития гражданских войн, Аппиан прямо называет диктатуру в качестве сред-

ства борьбы с общественными беспорядками [1, с. 394-395]. Однако, диктатура, как временное мероприятие (по римскому закону), лишь приостанавливает гражданские войны, но не прекращает их.

В формировании такой событийной схемы у Аппиана явно прослеживается циклическое восприятие исторического процесса, характерное для античной ментальности. Подтверждением данному факту служит также утверждение историка о том, что начало римской истории было ознаменовано единоличной властью (царский период), и по окончании гражданских войн в государстве вновь установился изначальный порядок с некоторыми изменениями, обусловленными новыми историческими условиями.

Последний элемент описательной модели Аппиана – итог – содержит фиксирование результатов, а также предварительный прогноз на дальнейшее повествование. Этот прогноз базируется на выявлении автором закономерных последствий уже случившегося. Аппиан избегает чётко обозначать значение происшедших событий. Немногочисленные пояснительные комментарии автора не дают ясного понимания позиции самого Аппиана. Складывается впечатление, что историк, хотя и представляет аудитории события под своим углом зрения, но даёт возможность каждому читателю сделать собственные выводы.

Структурно-семантический анализ сюжетов, посвященных рассказам о гражданских войнах, заставляет нас сделать следующий вывод: наличие в рассказах различного рода деталей не случайно. Выбор историком из всей имеющейся у него информации уместных подробностей подчинен задачам, которые преследует автор в каждом конкретном случае. Например, указание точных цифр, определяющих количество войск перед сражением, свидетельствует о желании автора показать превосходство одного полководца над другим, подчеркнуть, на чьей стороне большая часть приверженцев его политики. Той же цели служат топографические подробности (описание рек, гор, болот), демонстрирующие трудности сражающихся сторон на данной территории, а иногда объясняющие поражение заведомо более сильной стороны.

Таким образом, привлекая в свое повествование подробности различного рода, историк не просто отдает дань риторике, традиционному стилю написания того времени, но и преследует определенные цели, заставляя читателя обратить внимание на факты, косвенным образом демонстрирующие авторский взгляд на события.

По сравнению с описанием внешних войн, где позиция автора однозначна и традиционна, состав основных участников гражданских войн несколько иной. Вместо врагов-варваров, которые нуждаются в римском владычестве, появляются противники внутри государства, внутри общеримского гражданского коллектива, которые формально равны между собой. Крайней неоднозначностью отличается отношение историка к главным действующим силам гражданских войн. С одной стороны, автор «Римской истории» неоднократно подчёркивает неизбежность происходящего. С другой, он не может примириться с тем, что граждане одного государства, римляне, олицетворяющие все достоинства, которые могут быть присущи целому народу, воюют друг против друга. Именно поэтому его повествование нередко наполнено горечью: «В то время они уже вовсе забыли о том, что они граждане единого государства, они угрожали друг другу, как если бы природа и рождение создали их врагами. Гнев... притупил и рассудок, и природные чувства...» [1, с. 539 – 540].

Аппиан на протяжении всего повествования воспекает достоинства римского народа, будучи абсолютно уверенным в особой роли и месте в мировой истории, которые предопределены ему богами. Обвинить богов в происходящих ужасах, писатель, естественно, тоже не может, как в силу религиозного пиетета, так и в силу убеждения в непознаваемости божественной воли. Однако Аппиан всё же пытается

найти тех, кто несёт ответственность за происходящие в Риме беззакония. Вину автор возлагает на военно-политических лидеров, которые всяческими ухищрениями пытаются убедить римлян в собственной правоте, а главное в том, что в борьбе за благо государства все средства хороши. Неоднократно писатель упоминает различные мероприятия, проводимые государственными деятелями исключительно с целью привлечения на свою сторону масс – от бесплатных раздач хлеба и подарков до прямого запугивания и давления. Подобные способы неизменно вызывают осуждение со стороны историка.

Нельзя не отметить, что отношение к политическим лидерам у Аппиана зависит от целого ряда обстоятельств. Писатель устанавливает степень вины каждого конкретного участника событий. При формировании авторской позиции по отношению к своим героям – Сулле, Марию, Цезарю, Помпею, Антонию, Октавиану Августу – Аппиан учитывает следующие обстоятельства: личные качества, предыдущие заслуги перед Отечеством, участие во внешних войнах, стремление к единоличной власти и т.д. Заметим, что писатель и в данном случае не пытается открыто навязать читательской аудитории собственные оценки. Он лишь удачно расставляет акценты в повествовании, а также использует художественные приёмы для трансляции собственной позиции и доказательства её правомерности.

Яркой иллюстрацией этого является рассказ о противостоянии Цезаря и Помпея. Повествование он начинает с упоминания ряда событий, которые оправдывают Цезаря, не подчинившегося сенату, «перешедшего Рубикон» и развязавшего тем самым войну. Первое событие смерть беременной дочери Цезаря, жены Помпея [1, с. 473]. Второе нечистополютная политическая борьба на выборах (взяточничество среди магистратов; подкуп народа), что сознательно допускалось Помпеем для обострения ситуации и назначения его в конечном итоге диктатором [1, с. 474]. Последнее событие решение сената назначить Помпея консулом без товарища по должности, то есть фактически отступление от закона, по которому консульский магистрат был коллегиальным [1, с. 476]. Таким образом, Аппиан, описывая эти события, пытается продемонстрировать нам безвыходность положения Цезаря, который не хочет, но вынужден пойти на военное противостояние.

Далее автор прибегает к косвенному сравнению Помпея поддерживает сенат, помогает ему собрать войско, снабжает деньгами [1, с. 483], на стороне Цезаря лишь его мужество, стойкость и стремление к победе. Не случайно историк включает в описание войны упоминание благородного поступка Цезаря, который отпускает своих противников, попавших в плен: «Из вас, враги, (пользуясь пока этим словом, я сделаю мою мысль яснее для вас), я не приказал никого убивать: ни тех, которые были посланы вперед для занятия лагеря и сдались мне, ни остальное ваше войско, когда я отрезал ему воду...» [1, с. 488]. Через этот небольшой сюжет мы видим желание Аппиана подчеркнуть благородство Цезаря перед своим врагом. Все отмеченные выше детали убеждают, что Аппиан на стороне Цезаря.

В описании решающей битвы при Фарсале Аппиан продолжает декларировать свою позицию, используя для этого всё своё мастерство писателя. Наглядность, выраженная с помощью ярких эпитетов, поражающих воображение подробностей, точных определений присутствует на каждой странице, в каждой строчке. Аппиан еще раз подчеркивает стремление Цезаря не только к достижению собственной цели, но и его заботу о своих воинах. «...Цезарь, неутомимо повсюду обегая войско, увещевал его... и поддерживал» [1, с. 511]. А когда Цезарю передали отрубленную голову Помпея в надежде получить от него за это великую благодарность, то он достойно наказал убийц за их вероломство [1, с. 514].

Таким образом, не прибегая к прямой критике Помпея, Аппиан словно делает его фигуру менее значимой и величественной по сравнению с Цезарем и убеждает читателя в том, что Помпей был обречён, а итог противостояния закономерен.

По мере повествования эволюционирует и отношение Аппиана к армии. В первой части своего труда он не отделяет её от всего римского народа, подчёркивая, что войско является вооружённой силой римлян, которая призвана защищать интересы общества и претворяет в жизнь его стремления. Армия в данном контексте не является самостоятельным действующим лицом. Посредниками между народом и армией, проводниками высшей воли Рима являются полководцы.

В гражданских войнах войско позиционируется совсем иначе. В новых условиях солдаты приобретают особую самозначимость, так как являются реальной силой. Политические лидеры и полководцы перестают быть непререкаемыми авторитетами, способными отдавать приказы, не подлежащие обсуждению. Напротив, именно они теперь ищут расположения войска, дабы придать своей фигуре дополнительный политический и даже исторический вес. «Войско, которое теперь делало, что хотело, поступало ещё хуже. Так как триумвиры находили в своей деятельности поддержку лишь в солдатах, то последние требовали у них дома осуждённых, их земли, их виллы или целые имения...». В такой ситуации Аппиан фиксирует падение моральных норм в армейских кругах, теперь он не может в полной мере олицетворять солдат с римскими гражданами. Войско теперь воспринимается автором как непредсказуемая сила, использующая своё особое положение для повышения собственного благосостояния, а не воплощающая в жизнь высокие идеалы римского гражданского общества: «... войска набирались не по установленным издревле воинским спискам и не для нужд всей родины, служили не для общественного блага, а в интересах только тех, кто их в войска зачислял; да и им они служили, подчиняясь не силе закона, а потому, что их привлекали данные отдельными лицами обещания; и сражались они не против врагов всего государства, а против врагов отдельных лиц, не против чужеземцев, а против равноправных с ними сограждан» [1, с. 699].

Кроме того, войско становится источником волнений, беспорядков и даже мятежей. Практически все они, по свидетельству историка, связаны с неудовлетворённостью материальным положением (отсутствием жалованья, недостаточностью подарков, желанием получения земли и т.д.). Интересным является тот факт, что Аппиан, очень осторожный в оценках, прямо называет виновника таких негативных метаморфоз, происшедших с армией. По мнению писателя, качественно новое, неприемлемое место в обществе войско стало занимать в период диктатуры Суллы [1, с. 420 – 421].

В изменившихся исторических обстоятельствах римский народ, который воспевается Аппианом на протяжении всего повествования, словно теряет свою значимость в событиях. Если в первой части труда римляне под руководством военно-политических лидеров выполняли непосредственную волю богов, были инструментом в руках последних, то в «Гражданских войнах» роль народа мельчает, деградирует до выполнения функции послушного орудия в руках отдельных государственных деятелей. А так как этих деятелей достаточно много, то происходит дробление всей единой гражданской массы римлян на группы и партии, враждебные друг другу. Нужно заметить, что Аппиан избегает прямых оценок в отношении этих групп. Римляне в этой части его повествования выглядят растерянными и даже одураченными своими политическими лидерами. Народ, привыкший верить своим избранным в законном порядке магистратам, теперь вынужден предстать перед выбором, так как должностные лица уже не решают государственные проблемы коллегиально, как это предписано республиканскими законами, а борются между собою. Государственная машина периода гражданских войн в описании Аппиана предстаёт разбалан-

сированным механизмом, различные части которого постепенно перестают выполнять своё прямое назначение. Без всякого сомнения, это картина постепенного разрушения: «Государство было чрезвычайно дезорганизовано и находилось в тяжёлом состоянии. Ведь магистраты назначались среди раздоров и взяточничества, при всякого рода злоупотреблениях, с помощью камней и мечей» [1, с. 473 – 474].

В данной ситуации, когда римляне оказываются в условиях обязательного выбора – чью сторону принять, - решающим фактором для этого выбора, по мнению автора «Римских войн», зачастую становится материальный интерес, о чём уже упоминалось выше. В свою очередь, такая ситуация не только разобщает гражданский коллектив, но и способствует падению нравов римского общества на всех его уровнях. Республиканские коллективные идеалы уступают место индивидуальным материальным потребностям. Этот факт неоднократно и очень чётко фиксируется писателем. «Тогда бесстыдно царили подкуп и взятка, и сам народ приходил на выборы подкупленным...» [1, с. 473 – 474].

Нельзя оставить без внимания ещё один крайне интересный момент. В отличие от первой части «Римской истории» в «Гражданских войнах» очень часто упоминается сенат, что неудивительно, если учесть тот факт, что все политические усобицы, о которых рассказывает Аппиан, зарождаются именно на заседаниях этого государственного органа. Описывая внешние войны, Аппиан гораздо реже упоминает римский сенат, хотя всячески подчёркивает его значимость и ведущую роль в государстве. Совет сенаторов присутствует в повествовании незримо. Именно он назначает военачальников, определяет направления военных действий, следит за чёткостью и законностью выполнения своих функций и армией в целом и отдельными полководцами, в частности. Эта традиционно сильная позиция в качестве управляющего государственного органа даёт возможность Аппиану в первой части своего труда не повторяться, бесконечно обозначая роль сената в происходящих событиях.

Описание сената и его деятельности в «Гражданских войнах» становится наглядной иллюстрацией развала государственной машины. Изображая сенат и его отдельных членов, историк обозначает ту же позицию, что и по отношению к римскому народу – традиционное уважение в сочетании с констатацией факта растерянности, страха и продажности. Не случайно в повествовании довольно часто Аппиан использует подобные выражения: сенат «был в беспрецедентном ужасе» [1, с. 476], «впал в беспокорство» [1, с. 613 – 614], «одобрил и утвердил под давлением... проект, который... ни им, ни отечеству не принесёт пользу...» [1, с. 616] и др.

Отмечая по ходу повествования пристальный интерес александрийского историка к событийной стороне гражданских войн, нельзя не удивиться тому факту, что промежуточные, поэтапные итоги данных событий Аппиана интересуют несколько менее. Косвенным доказательством тому служит то, что даже рамки отдельных книг не совпадают с обозначенными самим автором хронологическими границами периодов эпохи гражданских войн. Писатель не ставит перед собой задачи совместить окончание конкретной книги, а значит, логической последовательности своих рассуждений с фиксацией итогов каждого периода описываемых событий, то есть акцентировать внимание читателей на этих итогах. Такая на первый взгляд странная позиция автора при тщательном анализе текста выглядит вполне объяснимой и обоснованной его убеждённой в предопределённости всего происходящего. В силу такого восприятия Аппиана гораздо больше интересует «запрограммированный» свыше, а значит закономерный общий итог длительного и крайне конфликтного периода римской истории. Этим итогом становится новое государственное устройство: на смену республике приходит монархическая форма правления. Результат гражданских войн для Аппиана является уже состоявшимся, а главное цели-

ком и полностью принятым историком фактом. Аппиан видит в единоличном правлении наиболее приемлемый и адекватный сложившимся историческим условиям способ существования римского государства. Писатель не просто принимает его как неизбежность, но и обосновывает его целесообразность. В данном контексте не случайным выглядит замечание Аппиана по поводу диктатуры как способа борьбы с гражданской войной. Своего прямого отношения к республиканской форме правления историк не высказывает. Однако косвенным свидетельством как минимум неоднозначности оценок Аппиана в данном вопросе служит его замечание по поводу демократии: «... демократия – слово красивое, но всегда бесполезное...» [1, с. 695].

Понимая и принимая результаты описываемого периода, историк не скрывает своего негативного отношения к преступлениям и несчастьям, которые наполняли этот период. Писатель эмоционально изображает страшные картины той действительности, которая обрушилась на Рим вместе с гражданскими беспорядками: «... не видно было ни почтения к богам, ни боязни мести со стороны людей, ни страха перед мерзостью таких поступков. Мало было того, что поступки эти были дикие; с ними соединились и безнравственные картины. Сначала безжалостно людей убивали, затем перерезали у убитых уже людей шеи и в конце концов выставляли жертвы напоказ, чтобы устроить, запугать других или просто, чтобы показать безнравственное зрелище... Безнаказанно убивали друг друга политические противники; другие были подвергнуты изгнанию, у третьих было конфисковано имущество, а четвертые были смещены с занимаемых должностей» [1, с. 431 – 431].

Ещё один момент, который беспокоит историка – это ослабление римского государства, вызванное внутренними беспорядками. Оно нашло отражение в нескольких аспектах. Во-первых, Рим перестаёт вести наступательные, завоевательные войны; он лишь вынужден оборонять свои уже существующие границы, а не расширять их. А ведь именно во внешних войнах, в увеличении государственной территории писатель видит, с одной стороны, прямое предназначение Рима, с другой – залог его величия. Во-вторых, Аппиан отмечает громадные людские потери. Он неоднократно не просто указывает количество жертв, но подробно перечисляет высших должностных лиц, как военных, так и гражданских, убитых во время городских беспорядков и военных столкновений. Тем самым писатель подчёркивает всю тяжесть и невозможность утраты лучших людей государства. В-третьих, автор обеспокоен материальным ослаблением Рима: «... римская казна из-за междоусобных распрей страдала недостатком денежных средств...» [1, с. 450]. Наконец, историк с горечью фиксирует негативные перемены, происходящие с римским народом: «Они полагали, что теперешний народ – подлинно римский, такой еще, каким, они знали, он был при древнем Бруте... Но они не сознавали, что им приходилось рассчитывать на два друг другу противоположных настроения, т.е., чтобы окружающие их любили свободу и, одновременно, за плату служили их интересам.» [1, с. 535].

Причину таких бедствий государства Аппиан усматривает в недостойных действиях конкретных людей. По его убеждению, многих ужасов гражданских войн можно было избежать, если бы главные герои этих событий – конкретные военно-политические лидеры – в своей деятельности в большей степени руководствовались благом отечества, а не личной выгодой. Безусловно, оценки этих героев у Аппиана различны, однако, ни один из них не избежал критики автора «Римской истории» в свой адрес по поводу методов борьбы за власть и деньги.

Таким образом, Аппиан Александрийский, описывая период гражданских войн в Риме, обнаруживает довольно чёткую позицию, продуманное отношение к этим событиям. Описываемый этап римской истории, по мнению автора, неизбежен,

так как воплощает в жизнь «божественный план», непостижимый для понимания человеком. Однако боги определили только начальный момент и конечный итог этого периода. Наполнение же его реальными кровавыми событиями – результат деятельности конкретных исторических персонажей, которые в борьбе за личные интересы не только прибегли к убийствам, крупным военным действиям и т.д. – насилию против сограждан, но и пренебрегли благом отечества.

Список использованной литературы

1. **Аппиан Александрийский.** Римская история. М., 2002.
2. **Жебелев С.А.** Аппиан и его «Гражданские войны» // Аппиан Александрийский. Римская история. СПб., 1994.
3. **Маяк И.Л.** Аппиан и его «Римская история» // Аппиан Александрийский. Римская история. М., 1998.
4. **Немировский А.И.** Аппиан Александрийский и его исторический труд // Аппиан. Римская история: Первые книги. СПб., 2004.
5. Проблемы методологии изучения античного мира // Вестник древней истории. 1994. № 1.
6. **Савостьянов О.И.** Аппиан и его «Римская история» // Вестник древней истории. 1950. № 2.

Е.А. Нечаева

РОЛЬ И МЕСТО ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ПО СВЯЗЯМ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ В ВЫСШЕМ УЧЕБНОМ ЗАВЕДЕНИИ

Ивановский государственный химико-технологический университет

В статье автор объясняет, что такое Public Relations, дает наиболее значимые и признанные научным сообществом определения данного термина. Также сообщает сведения об истории возникновения и развития PR в России и о той роли, которую PR играет в современном обществе.

Высшая школа России принимает вызов XXI века, который, по определению ЮНЕСКО, должен стать «Веком Образования». Различные прогнозы о снижении престижа и роли образования не оправдались, более того, в мире происходит «образовательный бум», значительно увеличивший потребности общества в образованных и профессионально компетентных людях, имеющих фундаментальную подготовку по специальности и готовых к освоению новых знаний, принятию решений в изменившейся ситуации. Налицо колоссальное расширение сферы образования, изменение структуры профессий, возникновение различных социальных институтов образования: федеральные и муниципальные учебные заведения, платные и бесплатные формы обучения, традиционные и новые специальности, высокий и низкий рейтинг профессий, востребованность специалистов на рынке труда, соотношение фундаментальных и прикладных наук, гуманитарный компонент в подготовке специалиста любого профиля. [1, с.5-8]

Дипломированный специалист становится важной персоной во всех сферах деятельности. От уровня образования зависит продвижение по службе, объем и интенсивность занятости, материальная обеспеченность и доход, возможности самореализации и творчества. Такова тенденция развития образования в мире. Сейчас уже каждый понимает, что наука, искусство культура могут дать «ключ к успеху», стать фактором социальной мобильности.

Образование предоставляет огромное поле возможностей для приобретения этого капитала, но его нельзя ни просто купить, ни передать по наследству. Нужно приложить личные усилия, чтобы добиться признания, стать профессионалом высокого класса. Конечно, это не означает, что образование автоматически открывает путь в «высшее общество», что исчезли дипломы, полученные за деньги или формально. Образование лишь «символический» капитал, который может «дать шанс» для реализации личности и повышения социального статуса. Образование как открытая система позволяет повышать квалификацию, избирать новую профессию, добиваться авторитета и признания, пробовать свои силы в научной, педагогической, художественной, организаторской формах деятельности.

Модернизация общества и развитие рыночных отношений в России значительно изменили образовательное пространство. В структуре высшего образования увеличилось число университетов и академий, возникли негосударственные вузы, появилось платное обучение в государственных учебных заведениях. [4, с.3-5]

В современной ситуации рыночная конкуренция проникла во все сферы жизни общества, в том числе и в сферу образования, поэтому вопрос о повышении имиджа вуза приобрёл актуальность. От благоприятного имиджа зависит спрос на образовательные услуги со стороны абитуриентов и на выпускаемых специалистов со стороны работодателей. Немаловажно наладить доброжелательные отношения и взаимовыгодное сотрудничество с другими вузами города, страны и зарубежья – и всеми этими вопросами в идеальном варианте должен заниматься отдел по связям с общественностью.

Согласно данным социологического опроса, проведенного российской ассоциацией студентов по связям с общественностью (РАССО) в 2004 году, входе которого респондентам задавался один и тот же вопрос: « Нужен ли PR высшему образовательному учреждению?»,

77% опрошенных ответили – да;

0% ответили – нет;

11% сказали, что PR нужен только в определенной ситуации;

8% - затруднились ответить.

Но как отмечали сами интервьюированные, что, к сожалению, в очень немногих российских вузах в настоящее время существует такие подразделения, хотя они реально помогли бы системе российского высшего образования. И самое странное, по мнению опрошиваемых, что даже те заведения, в которых есть кафедра «Связи с общественностью», страдают от отсутствия выстроенного имиджа, достаточно отрывочной коммуникации с аудиторией и абсолютной бессистемностью в развитии бренда как бренда кафедры, как бренда вуза в целом. [6].

Но ведь по сути дела, высшие учебные заведения всегда занимались тем, что сейчас принято называть «связи с общественностью» даже в советский период. Мы можем говорить о том, что связи с общественностью отсутствовали в организациях, в медицинской сфере, в политике, но в сфере высшего образования они существовали всегда. Правда, и тогда и сейчас специфической особенностью «паблик рилейшнз» в вузе является то, что связями с общественностью занимается не отдельно взятое конкретное подразделение, а ряд дифференцированных отделений и каждый

преподаватель и студент в отдельности: это и работа приемной комиссии, и заседания ученого совета, и освещение достижений студентов, сотрудников, аспирантов, новости студенческого клуба, профкома, и мероприятия различного уровня (имиджевые), и сотрудничество с газетами, а также многое другое.

Ведь, действительно, каждый абитуриент при выборе дальнейшего места обучения задает себе множество вопросов: где учиться, какую специальность выбрать, как туда поступить, какой статус у данного вуза, какие льготы при поступлении; какие экзамены, и в какой форме сдавать; какой конкурс, есть ли коммерческое отделение; интересно ли там учиться, есть ли там военная кафедра, предоставляется ли общежитие, и какое; есть ли распределение, где я смогу потом работать по выбранной мной профессии, кто будут мои преподаватели, с кем я буду учиться и т.д.

На все эти и многие другие вопросы должно ответить именно подразделение по связям с общественностью, включенное в структуру вуза.

Но такого подразделения в советское время не существовало, и в литературе нет информации по этой проблематике, поэтому при создании такого подразделения в структуре вуза можно взять за основу модель PR-отдела в коммерческой фирме, которая сейчас применяется в сфере бизнеса. Работа высшей школы - тот же бизнес. Студент выступает в роли клиента. Полученные знания – это товар, который он получает в процедуре обучения по специальности.

PR - отдел в структуре высшей школы должен функционировать практически так же, как и PR - отдел в структуре любой организации. Предположим, что в структуре высшей школы существует PR-подразделение. И если мы представим себе его работу, то получим приблизительно следующее. Существует некое руководящее звено, подчиненные управляющие и сотрудники. Наше пиар-подразделение будет находиться в структуре компании на уровне подчиненных управляющих, то есть подчиняться непосредственно ректору вуза, иметь своего начальника, который управляет действиями сотрудников пиар-подразделения. Таким образом, наши пиар-специалисты будут находиться во взаимодействии с ректором и остальными служащими.

PR-отдел любой организации и вуза тоже существует для того, чтобы поддерживать основную миссию организации и соответствовать ее стратегическим целям. [3, с.4-20]

Начиная свою работу, любой PR-отдел в независимости от специфики организации, должен в первую очередь определить приоритетность своих общественных групп.

В число общественных групп PR-отдела могут: входить высшее руководство, другие важные представители внутренних источников информации, персонал, СМИ и отдельные профессиональные и правительственные общественные группы. PR-отдел должен четко понимать, кто они и каковы их взаимоотношения с ним.

Взаимоотношения между PR-отделом и организацией также должны быть четко сформулированы в заявлении о позиционировании, в котором отдел должен представить себя или как «советника руководства», или в качестве «коммуникационного центра», или в ином качестве, в котором ему определено выступать в организации. От представления отдела в данной организации зависит и место этого отдела в ней.

Задачи руководителя данного отдела будут следующими:

- поддержание правильного имиджа вуза, услуг и сотрудников;
- отслеживание общественного мнения и доведение его до руководства;
- предложение помощи руководителям в вопросах коммуникации;
- информирование общественности о политике, деятельности, услугах и сотрудниках организации. [8, с.72].

PR-отделы в вузе призваны решать следующие задачи:

- устанавливать и поддерживать доброжелательные взаимоотношения между вузом и широкой общественностью с целью закрепления в массовом сознании целевых групп положительного имиджа;
- осуществлять мониторинг общественного мнения о политике, проводимой вузом, его студентах, услугах, а также изучение предпочтений, вкусов, настроений сегодняшних и потенциальных клиентов, т.е. абитуриентов и их родителей;
- постоянно поддерживать высокую репутацию вуза, благодаря доброжелательно настроенным по отношению к нему авторитетным и пользующимся уважением в обществе бизнесменам, представителям властных структур, общественным организациям, благотворительным фондам, политическим деятелям, знаменитостям и т.д.;
- систематически проводить различные PR-кампании, в рамках высшей школы. Это, прежде всего, пресс-конференции, «дни открытых дверей», семинары, конференции; [9, с.177 -178];
- устанавливать и поддерживать регулярные и тесные взаимоотношения со СМИ с целью распространения информации о деятельности вуза и происходящих внутри него событиях, своевременно реагировать на запросы средств массовой информации; [5, с.141 – 142];
- постоянно поддерживать доброжелательные отношения с основными целевыми группами: государственными и местными органами власти, населением, инвесторами, партнерами, клиентами, конкурентами и т.п.;
- способствовать продвижению услуг организации.

В России PR в сфере образования лишь начинает складываться как самостоятельное направление. Приходит понимание того, что PR необходим, им нужно заниматься, чтобы эффективно и грамотно позиционировать вуз на рынке образовательных услуг. Несмотря на то, что в настоящее время существует достаточно много литературы по общественным отношениям, к сожалению, литература, касающаяся Public Relations в сфере высшего образования, практически отсутствует. Степень разработанности данной проблематики в монографической литературе практически равна нулю, немногие мало известные авторы (В.Г. Артеменко, С.Д. Кургалин, И.А. Латыпов) лишь вскользь касаются данной темы в своих трудах. В периодической литературе вопросы, связанные с деятельностью PR в вузе, затрагиваются только в специализированном издании «PR-диалог», в Internet представлены лишь сайты различных вузов, проанализировав которые можно сделать выводы, каким образом осуществляется PR в вузе. Хотя в России еще нет алгоритма работы в этой сфере, только начинает появляться профессиональный опыт, зато есть огромное пространство для эксперимента, для творчества, обусловленного целесообразностью.

Основными критериями выбора вуза сегодня являются: статус государственного (как гарант качества образования и диплома), наличие традиций (исторически сложившийся имидж и репутация, проверенная временем), современность (способность давать актуальное образование, базирующееся на солидной научной школе) [7].

Перемены в сфере высшего образования, возрастающая необходимость актуального реагирования на динамику рынка труда ставят любой вуз перед необходимостью гибкого управления современной концепцией университета, стратегически обусловленного позиционирования, открытого диалога с общественностью и понимания того, что сфера образования, несмотря на ее коммерциализацию, является в первую очередь сферой созидания «человеческого ресурса». Именно эти факторы определяют специфику PR-деятельности в вузах [2, с. 23-25].

Отсюда и вырисовывается необходимость в создании подразделения по связям с общественностью, призванного поддерживать имидж вуза, а, если необходимо, то повышать его, а также вести постоянную коммуникацию с общественностью, со своей целевой аудиторией (абитуриенты и их родители).

Но создать такую важную структуру в рамках высшего учебного заведения можно по-разному. Условно можно выделить три вида пиар-объединений, согласно тому, кто является инициатором создания и последующей работы специализированного подразделения.

Вид первый - наличие инициативы, которая исходит от работников вуза, которыми могут являться преподаватели, ректор, проректоры, составы кафедр и другие. К основным причинам создания данного вида подразделения относят:

- жесткую конкуренцию среди вузов;
- осознание самого руководства вуза в необходимости повышения имиджа данного университета.

Работниками такого объединения становятся пиар-профессионалы. Подразделение включается в структуру вуза, работа сотрудников оплачивается и довольно не плохо. Как правило, для работы в таком подразделении руководство вуза приглашает солидных PR – специалистов, а не набирает своих студентов, пусть даже они в данный момент и учатся по специальности «связи с общественностью».

Вид второй предполагает наличие инициативы, исходящей от студентов данного вуза и создание пиар-объединения силами самих студентов, учащихся вуза. Причинами создания такого пиар-отдела могут быть следующие:

- необходимость практических навыков;
- самовыражение; продвижение собственных интересов;
- самореклама студента;
- интерес к активной деятельности.

Данный вид пиар-структуры носит добровольно-общественный характер и может не поддерживаться материально руководством вуза.

Вид третий пиар-объединения - смешанный. Наиболее эффективный, так как инициаторами выступают как руководство, так и студенты вуза. Особенность данной модели состоит в том, что работа студентов в таком пиар-отделе зачастую оплачивается, хотя зарплата чисто символическая, и входит в систему обучения, позволяя студенту одновременно осваивать и теорию, и практику. Вообще, в данной модели присутствует целый ряд положительных моментов, которые отсутствуют в первых двух: получение студентами теоретических навыков с последующим закреплением их на практике (таким образом, предлагается решить проблему теории и практики связей с общественностью), возможность развивать свои навыки, будучи еще студентом (во-первых, дополнительная запись в резюме будущего специалиста по связям с общественностью о работе в структуре пиар-отдела в вузе дает повод компании, рассматривающей его кандидатуру при приеме на работу, судить о нем положительно; во-вторых, спросом сегодня пользуются пиар-специалисты, уже имеющие опыт работы по специальности, немногие рискуют брать «на воспитание» выпускников без опыта).

- работа в пиар-отделе способствует улучшению условий коммуникации между преподавателями, ректоратом и студентами;
- получение возможности заработка для студентов;
- прохождение производственной практики (актуально для множества российских вузов);
- выпускник вуза может остаться работать в данном подразделении по специальности, привлекая новых клиентов к сотрудничеству, давая возмож-

ность студентам работать не только с имиджем родного вуза, но и другого PR-заказчика, приобретая новый опыт.

Поэтому если руководство вуза действительно заинтересовано в положительных связях с общественностью, то оно выберет, безусловно, третью модель. Предложенные виды пиар-отделов могут создаваться как в рамках вуза, осуществляющего подготовку по специальности «Связи с общественностью», так и в рамках любого другого высшего учебного заведения, где нет такой специальности.

Список использованной литературы

1. **Абельская Н.** Кризис школы в эпоху глобализации // PR -диалог.- 2002. - №5.
2. **Артеменко В.Г., Бойко Т.С.** Значение мониторинга рынка образовательных услуг/В.Г. Артеменко, Т. С. Бойко. - СПб., 2003. - 27 с.
3. **Вылегжанин Д.А.** Теория и практика паблик рилейшнз: учеб. пособие. - Иваново: ГФУП «Издательство Иваново», 2003. - 332 с.
4. **Иконникова С. Н.** Высшее образование на рубеже веков/ М.: ИНФРА-М, 1996. - 352 с.
5. **Моисеев В.А.** Паблик рилейшнз: теория и практика / В.А. Моисеев. Киев: ВИРА-Р, 1999. - 376 с.
6. Официальный сайт РАССО [Электронный ресурс] : Режим доступа: <http://www.gasso.ru>.
7. Официальный сайт Рекламно-производственной компании 100РА [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.100ra.ru>.
8. **Почепцов Г.Г.** Паблик рилейшнз для профессионалов. - М.: Рефлбук; Киев: Ваклер, 2000.
9. **Чумиков, А.Н.** Паблик рилейшнз / М.: Дело, 2000.

Е.М. Раскатова

О СТРАТЕГИИ ВЛАСТИ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ В ЭПОХУ ПОЗДНЕГО СОЦИАЛИЗМА: КГБ И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Ивановский государственный химико-технологический университет

Автор статьи на широком документальном материале центральных архивов доказывает появление нового стиля в отношении власти к художественной интеллигенции 1970-х годов, убедительно показывая перераспределение функций в советской политической системе между основными ее звеньями (ЦК КПСС, Главлит, КГБ при СМ СССР) и высказывая предположение о переходе стратегической инициативы к руководству органов госбезопасности.

Меняющаяся на наших глазах политическая, а с ней и культурная ситуация во многом объясняют актуальные тенденции массового переосмысления недавнего прошлого. В приемах современных политиков и деловых людей – от недавно появившегося слогана КПрФ «все лучшее возвращается», активного использования

рекламой советской символики¹ до обращения телевидения при создании развлекательных проектов к «советскому ретро», в частности «ледовые шоу», – очевидная эксплуатация ностальгических воспоминаний советских людей о «золотом веке 1970-х» как времени стратегического паритета СССР, политической стабильности, социальной справедливости и т.д., а также первенства «в области балета» и колбасы по 2 р.90 коп. Сознательно создаваемый лубочный образ позднего социализма в СССР мог бы быть вполне безобиден и даже помочь формированию *нового* патриотизма, если бы не трагическая реальность времени 1970-х, сохранившаяся не только в культурной памяти соотечественников².

Изменившаяся на рубеже 1960-1970-х годов культурная ситуация в СССР потребовала от власти изменения *стиля* отношений с художественной интеллигенцией. *Новый курс* власти, означавший свертывание «оттепели», проявился не просто в восстановлении полномочий основных звеньев политической системы – ЦК КПСС, Комитет государственной безопасности при СМ СССР, Главное управление по охране государственных тайн в печати при СМ СССР, – но в существенном изменении, точнее, перераспределении их функций.

Об «особой» роли Комитета государственной безопасности в системе власти писала Т.М. Горяева, на богатом документальном материале доказавшая, что Главлит и КГБ вели «...перекрестное информирование ЦК КПСС, который, казалось бы, определял стратегию, приоритеты советской художественной культуры. На практике, используя свое влияние, связанное с владением обширной информацией высокой степени достоверности, именно эти ключевые звенья государственной системы формировали стратегию в сфере художественной политики»³. Принципиально важен вывод известного специалиста «по власти в СССР» Р.Г. Пихои о «...радикальном повышении роли Комитета государственной безопасности в обществе, сопоставимой только с ролью ЦК КПСС, а в ряде случаев даже превосходившем своим влиянием ЦК КПСС»⁴.

Еще более значительной видится роль КГБ в политической системе позднего социализма зарубежными исследователями. Так, М. Малиа в своей работе «Советская трагедия: история социализма в России» настаивает на принципиальных изменениях в деятельности этой организации с приходом к руководству Ю.В. Андропова, который, по мнению исследователя, «...действуя более интеллигентными методами, чем Берия, модернизировал работу этой организации и возглавил пропагандистскую кампанию с целью восстановления ее престижа»⁵. Одновременно, убежден М. Малиа, изменились взаимоотношения между КГБ и партией: «Сталин использовал НКВД, чтобы править партией; Брежнев и Андропов использовали КГБ – в тандеме с партией, – чтобы править обществом (что, разумеется, предполагало некоторую степень контроля КГБ над самой партией). Главным обоснованием новообретенного статуса КГБ была непреходящая проблема с инакомыслящими – диссидентами»⁶.

Своеобразную попытку определить место КГБ в советской политической системе позднего социализма, переосмыслить его роль во внутренней политике предприняли и непосредственные участники процесса. Появились работы, авторы которых (среди них – бывшие работники органов) пытаются предложить свою версию известных событий 1970-х гг., по-новому обозначить суть репрессивных мероприятий в отношении художественной интеллигенции, представить их (другими словами – оправдать) как некое спасение страны от кризиса. Так, Ф.Д. Бобков, один из руководителей ведомства, прослуживший в органах Государственной безопасности 45 лет, в своей книге⁷ (особенно в главе «Интеллигенция и гласность») уделил специальное место проблемам взаимоотношений сотрудников органов госбезопасности и художественной интеллигенции. По представлениям этого высокопоставленного чиновника, КГБ при СМ СССР был в 1970-е годы едва ли не единственным трезвомыс-

лящим звеном советской политической системы, благодаря его усилиям было остановлено нарастание многих проблем в жизнедеятельности художественной интеллигенции. Сам Ф.Д. Бобков объясняет высокую результативность работы КГБ созданием в его структуре специального подразделения (Пятого Управления) по изучению настроений в среде художественной интеллигенции и профессионализмом сотрудников, способных получать реальную информацию. В указанной работе сотрудники КГБ предстают как *прогрессивно мыслящие* государственные чиновники, предлагающие, как правило, наиболее разумный выход из многих конфликтных ситуаций, возникающих в общении власти и художников. По-своему интерпретируя события, Ф.Д. Бобков весьма положительно оценивает и собственные действия, часто сравнивая и противопоставляя реакции на нестандартные культурные ситуации сотрудников органов госбезопасности и партийных чиновников, в первую очередь, в Москве⁸. Все просчеты власти Ф.Д. Бобков склонен относить на счет недалековидных («консервативно мыслящих») партийных чиновников и руководителей творческих союзов⁹, а проблемы художественной интеллигенции связывать с ее неверной реакцией («ошибочным поведением») на вмешательство сотрудников КГБ (советы, рекомендации, предложения о сотрудничестве и т.п.) в жизнь и творчество¹⁰. Книга демонстрирует сознательную, понятную для высокого руководителя такого ведомства, интерпретацию мотивов поведения отдельных деятелей литературы и искусства, знаковых событий художественной жизни 1970-х годов; событий, роль КГБ в которых сами художники, в целом, оценивают негативно.

Представители художественной интеллигенции, столкнувшиеся с особыми методами «профилактики нежелательных явлений в среде деятелей искусства», не скрывают негодования, возмущения действиями КГБ при СМ СССР. В. Аксенов вспоминал о травле его органами, особенно во время клеветнической кампании против альманаха «Метрополь»: «Когда первый секретарь Московской писательской организации Ф. Кузнецов и секретарь И. Стаднюк объявили меня агентом ЦРУ, а нынешний секретарь Союза писателей В. Карпов предложил применить ко мне законы военного времени. То есть поставить к стенке. Спустя некоторое время начались происшествия с моей машиной...и т.д. <...> Незамысловатые, но противные их делишки прекратились, когда я сказал ответственному лицу, что уеду, а он, просияв, ответил: “Это устроит всех”...»¹¹. Примерно об этом же вспоминал И. Бродский и все надеялся, что власть поймет, какого гениального человека отпускает на Запад¹². Конечно, некоторые представители художественной интеллигенции, исходя из личного опыта общения с сотрудниками органов госбезопасности, сохранили к некоторым из них уважительное отношение; однако данные им положительные характеристики не распространяются на само учреждение и, тем более, не означают одобрения его роли, функций в системе советской власти¹³.

Общее настроение художественной интеллигенции 1970-х годов удалось передать В. Некрасову, который с горечью констатировал: «Думаю, что основное, чего удалось добиться советской власти за годы своего существования, – это страх, который она вселила в людей, и точная уверенность, что КГБ все знает и может»¹⁴. Еще более точен И.А. Дедков, заметивший, что «современный общественный быт непредставим без присутствия и участия этой могущественной и тайной организации; без ее представителей жизнь не полна, ее изображение – тоже»¹⁵.

Можно считать утверждения В. Аксенова, В. Войновича, В. Некрасова и других субъективными и тенденциозными, но сегодня среди рассекреченных архивных материалов мы находим не только прямые (материалы судебных процессов Синявского-Даниэля, И. Бродского и др., материалы о применении статьи 70, 190 прим.)¹⁶,

но и косвенные свидетельства применения недопустимых методов в борьбе с *инакомыслящими* и *инакотворящими* художниками¹⁷.

Предлагая свою оценку места и роли КГБ при Совете Министров СССР в системе отношений власти и художественной интеллигенции, считаем необходимым оговорить, что наши рассуждения основаны на анализе косвенных материалов¹⁸ – документов КГБ, направляемых в ЦК КПСС, среди которых «записки», «справки-информации», «предложения...» и др. Они дали возможность исследовать не только содержание, но, главное, методы работы органов государственной безопасности с художественной интеллигенцией.

В 1967 г. КГБ возглавил Ю.В. Андропов (по мнению многих аппаратных современников – «протеже» М.А. Суслова), не имевший опыта работы в КГБ – был переведен туда из Иностранного Отдела ЦК, в 1969 г. стал полноправным членом Политбюро и одним из наиболее влиятельных деятелей в политической системе «позднего социализма». При Андропове КГБ значительно разросся, сотрудников стали вербовать более образованных¹⁹. Специальная подготовка сотрудников госбезопасности для работы с интеллигенцией, в первую очередь, с художественной и научной, активизировалась в связи с организацией новым начальником КГБ так называемого Пятого управления – управления для «работы с интеллигенцией». Сам Ю.В. Андропов, по воспоминаниям современников, очень дорожил этим делом. Создание подобной структуры в КГБ тогда же вызвало неоднозначную реакцию. Сомнения в целесообразности «профессионализации» сотрудников КГБ в работе с интеллигенцией возникали даже у людей Системы. Г.А. Арбатов рассказывает, как пытался в личном разговоре убедить Ю.В. Андропова в том, что создание специального управления приведет не к сокращению, а к росту числа различных дел и проблем с интеллигенцией, т.к., оправдывая свое существование, в отсутствие реальной работы оно сможет ее «придумывать», как доказывал, что КГБ совсем не должно «заниматься интеллигенцией» как социальным слоем, как опасался возвращения «чистой «бенкендорфщины»²⁰.

Однако управление по изучению *настроений интеллигенции* было создано. Именно на его счету – «распространение весьма отталкивающей практики разнообразных форм борьбы с диссидентами». Г.А. Арбатов, весьма лояльно относившийся к Ю.В. Андропову, отмечавший его незаурядный ум, политическую одаренность и необычную для руководителей той поры интеллигентность, стремясь сохранить объективность, констатировал, что именно при Ю.В. Андропове, в 1970-е – начале 1980-х годов в дополнение к обычной слежке, постоянному политическому давлению в практике КГБ использовались попытки политически и морально дискредитировать диссидентов, иногда даже при помощи провокаций, запугивания, незаконного помещения их в психиатрические больницы, практиковалась и высылка за границу, лишение советского гражданства²¹.

Для нас принципиально важно отметить применение подобных методов в работе с художественной интеллигенцией, которая, как правило, ни тогда, ни сейчас не идентифицировала себя с диссидентским движением, т.е. не организовывала и не участвовала в запланированных акциях. И. Бродский, отвечая в 1981 году на вопрос М. Гросс: «Назвали бы Вы себя диссидентом?», объяснил свою позицию: «Нет. Думаю, нет ничего глупее ярлыков вроде этого; государству они нужны, чтобы обесценить само понятие литературы. В каком то смысле литература – вещь куда более серьезная, чем политика: она воздействует на сознание на ином уровне, это не «просто искусство»... Так что, когда государство видит покушения на свои устои скорее в литературе, чем в политическом протесте, – это лишь атавистическая реакция: хотя бы в силу того, что политический протест – вещь более или менее спорная, а стихо-

творение очень ясно и просто предлагает лингвистическое превосходство над официальными идиомами. Считающие, что литература призвана служить подбоем государственной мантии, непростительно заблуждаются: государство с первого дня своего возникновения занято лишь духовной и интеллектуальной кастрацией населения»²². Однако некоторые действия художественной интеллигенции власть, по своему справедливо, оценивала как проявление инакомыслия или провокацию к инакомыслию. Действовавшее уголовное законодательство предусматривало ответственность советских граждан «за антисоветскую агитацию и пропаганду». Статьи 70 и 190 прим. УК РСФСР и соответствующие статьи других союзных республик устанавливали наказание за агитацию или пропаганду, проводимую в целях подрыва или ослабления Советской власти, либо совершение отдельных особо опасных государственных преступлений, *за распространение в тех же целях клеветнических измышлений, порочащих советский государственный или общественный строй, а также за распространение, либо изготовление или хранение в тех же целях в письменной, печатной или иной форме произведений такого же содержания и т.д.*

Власть позволяла себе чрезвычайно расширительно трактовать «действия с целью подрыва или ослабления Советской власти»: от письменной поддержки А.И. Солженицына, А.Д. Сахарова и др. или протеста против введения войск в Чехословакию до участия в создании литературно-художественного альманаха «Метрополь», а также – проведение неофициальных выставок, издание или передачу собственных художественных произведений в «самиздат, а тем более – за границу» и т.д., и т.п. Власть хорошо знала, что не случайно «поэт в России больше, чем поэт» и какова степень влияния на современников *слова* известного художника, уважаемого поэта, писателя и др., а потому строго контролировала не только публичные выступления художественной интеллигенции, но и разговоры «в кулуарах», на вечеринках, на «кухнях», а также «непроизнесенные речи», тексты частных писем и др., информацию о которых руководители КГБ при СМ СССР предоставляли в ЦК КПСС.

Анализ текстов служебных записок с их специальными оговорками: «направляется в порядке информации», позволил выявить приоритеты в изучении настроений художественной интеллигенции.

Наиболее частая и типичная информация – сообщения о «неправильном поведении», о «недопустимых высказываниях» и т.п. конкретного, как правило, известного деятеля литературы и искусства в различных обстоятельствах (во время публично выступления, зарубежных гастролей, квартирной вечеринки приятелей и др.). Как правило, задачей сотрудников был сбор не просто объективной информации, необходима была информация компрометирующая. В. Войнович в одном из интервью обратил внимание, что для получения такого рода данных мало наблюдать за событиями, необходимо в них участвовать, знать «изнутри». Поэтому и каналы, методы получения такой информации были не только официальными.

Сотрудники КГБ вели регулярное наблюдение за мастерами эстрады, актерами, поэтами даже во время официальных публичных выступлений. Персоной для наблюдения чаще всего становился художник, чье творчество и поведение выбивалось из общепринятого в советской официальной культуре: например, Г. Хазанов в спектакле «Очевидное и невероятное»²³, М. Жванецкий²⁴, поэт А. Марков в Иванове²⁵ и др. Художнику вменялось в обязанность быть «помощником партии в воспитании трудящихся масс», и потому на подобных мероприятиях, собиравших, как правило, большие залы слушателей, он не должен был допускать «идеологически вредные высказывания» или реплики, которые могли быть так истолкованы.

Один из видов постоянной информации руководителями КГБ ЦК КПСС – неофициальные материалы о результатах зарубежных гастролей творческих коллекти-

вов, о поведении художественной интеллигенции за границей, о ее отношениях с деятелями мировой культуры и другими гражданами иностранных государств. В данном случае особенно высоко ценилась демонстрация лояльности художественной интеллигенции по отношению к власти, современной политике. Любые публичные претензии в адрес властных структур комментировались сотрудниками госбезопасности как «ошибочные», «опасные» и т.п.; по результатам *специального наблюдения* составлялась «информация о *неправильном* поведении во время зарубежных командировок», например, балерины М. Плисецкой²⁶, поэта Е. Евтушенко²⁷, писателя В. Аксенова²⁸, главного режиссера театра на Таганке Ю.П. Любимого²⁹ или «постановщиков спектакля «Большевики» в Софийском театре М. Шатрова, О. Ефремова, допустивших *идеологически вредные высказывания*»³⁰. Тексты, кажущиеся сегодня вполне лояльными, нередко служили в дальнейшем документальным основанием для «запрета на выезд».

И все-таки такого рода информация поступала, как правило, по официальным каналам: присутствие сотрудников КГБ в государственных организациях предполагалось и особенно не скрывалось. Другое дело – данные, полученные «путем оперативного наблюдения» за художественной интеллигенцией в пространстве ее частной жизни. Даже предположив государственную важность информации о частных выставках, квартирных семинарах, концертах и т.п., неприятно читать сообщения о разговорах «на кухне» – этом последнем оазисе свободы интеллигенции 1970-х. «Кухня 1970-х» – знаковая зона свободы в несвободной стране. Более того, изучение документов личного происхождения показало, что строительство в эти годы кооперативных мастерских, квартир собрало интеллигенцию по профессиональному признаку, причудливо соединив научную и художественную интеллигенцию. Творчество было не единственным критерием членов сообщества. Отличало и особенно ценилось чувство юмора. «Шутейный стиль общения считался хорошим тоном. И в научной среде и в театральной всякое важничанье, обида на шутку, отсутствие самоиронии были губительны. Ты *обязан* иметь юмор или должен *терпеть* юмор окружающих, если не хочешь быть отторгнутым сообществом коллег. Этим интеллектуалы и артисты отгораживали себя от власти, которая в XX веке была слишком серьезной и шуток с собой совершенно не терпела»³¹.

Юмор был в этой среде нередко опасным. Так, в 1970 г. смеялись над пародией на роман Кочетова «Чего же ты хочешь?», текст которой «Чего же он хочет?» (комикс) был предоставлен руководством КГБ В ЦК КПСС 1 апреля 1970 года³²; информаторы называли предполагаемого автора – З. Паперного. Именно в этом тексте позволена злая ирония по поводу сменившегося государственного курса. Так что смех интеллигенции был грустным и тревожным. А о смехе населения испокон века оперативные службы должны были информировать власть быстрее даже, чем о слезах народа.

Предупреждали сотрудники госбезопасности не только о текстах, «имевших хождение среди интеллигенции», но сообщали и о разговорах, которые велись в пространстве собственных квартир. Одна из справок, направленная в ЦК КПСС заместителем председателя КГБ С. Цвигуном, так и называлась: «О поведении Е.Евтушенко в гостях у Р.Рождественского» (26 июля 1968 года). Руководитель сообщал «в порядке информации» не только дословно заявления Е. Евтушенко о «необходимости свергнуть существующую власть», но и о реакции присутствовавших гостей В. Аксенова, В. Ежова и других. Интересно, что предоставление сведений, полученных таким сомнительным путем, С. Цвигун объяснял возможной, но нежелательной их международной оглаской, т.к. во время встречи в квартире находилась М. Влади, т.е. иностранка³³. Другая справка содержала информацию «о настроениях поэта А. Твардовского», о которых стало известно «из частной беседы поэта».

Тоталитарное государство доказывало свое право на тотальный контроль жизни художника. «Свои» и «чужие» бывали на одной «кухне»³⁴. Даже если предположить, что во время «квартирных» выставок, концертов, акций и др. в помещении частного жилища могли оказаться незнакомые художественным единомышленникам люди, то трудно, особенно сейчас, признать обязательное присутствие среди них информаторов, сотрудников КГБ.

Обычным методом получения информации *о настроениях художника* была перлюстрация писем – копии интересующих документов предоставлялись руководителями КГБ в ЦК КПСС. Но, одно дело – прочитывание писем, «распространявшихся в среде московских писателей», например, письмо В. Каверина – К. Федину, другое – чтение личных писем, адресованных членам семьи, например, письмо А. Тарковского отцу. Видимо, властью художник, оказавшийся за границей (добровольность в условиях нарушения свободы творчества относительна) и в скором времени лишившийся советского гражданства, оценивался как преступник или потенциальный преступник, что подразумевало допустимость любых методов контроля за его частной жизнью и творчеством (для тоталитарного государства не существует неподконтрольная частная жизнь).

Так, в ЦК КПСС был предоставлен текст письма А. Тарковского со следующим комментарием В. Чебрикова: «Направляем *полученный оперативным путем* текст письма от 16 сентября 1983 г., отправленного из Италии кинорежиссером студии «Мосфильм» А. Тарковским в адрес отца, проживающего в Москве, А. Тарковского»³⁵. В нем режиссер объяснял причины отъезда для работы в Италию: «... мне очень грустно, что у тебя возникло чувство, будто бы я избрал роль «изгнанника» и чуть ли не собираюсь бросить свою Россию... Я не знаю, кому выгодно толковать таким образом тяжелую ситуацию, в которой оказался я «благодаря» многолетней травле начальства ГОСКИНО и, в частности, Ермаша, его председателя <...> Мне кажется, он еще вынужден будет ответить за свои действия Советскому Правительству. Может быть, ты не подсчитывал, но ведь я из 20 с лишним лет работы в Советском кино – около 17 был безнадежно безработным. Госкино не хотело, чтобы я работал! Меня травил все это время и последней каплей был скандал в Канне, в связи с неблагоприятными действиями Бондарчука, который будучи членом жюри фестиваля, по наущению начальства старался (правда в результате тщетно) сделать все, чтобы я не получил премии (я получил их целых три за фильм «Ностальгия»). Этот фильм я считаю в высшей степени патриотическим и многие из тех мыслей, которые ты с горечью кидаешь мне с упреком, получили свое выражение в нем. Попроси у Ермаша разрешения посмотреть в его глаза и все поймешь и согласишься со мной. Желание же начальства втоптать мои чувства в грязь означает безусловное и страстное мечтание отделаться от меня, избавиться от меня и моего творчества, которое им ненужно совершенно»³⁶.

Конечно, можно предположить, что режиссер, с одной стороны, догадывался о контроле спецслужб за его перепиской, с другой, – как всякий художник, всегда предполагал публичность своей частной жизни. При этом власть цинично занималась перлюстрацией, убежденная в своем особом праве на эту деятельность, более того, считая эту работу необходимой, т.к. для нее (власти, ее функционеров) А. Тарковский – не великий режиссер XX века, а непонятный, а значит – ненужный художник, к тому же, уже не совсем *советский*, следовательно, на него не могло распространяться понятие порядочности, нравственности, даже в советской редакции.

Активно предоставляя данные о недовольстве художественной интеллигенцией официальной политикой руководителей творческих союзов и организаций, учреждений искусств, руководители КГБ осторожно информировали ЦК КПСС о по-

литических настроениях отдельных ее представителей. Предполагаем сознательную «дозированность» информации о реакции деятелей литературы и искусства на важные политические мероприятия, официальные события, выступления государственных деятелей, в первую очередь Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева и т.д.³⁷. Подобное информирование было обязательным и регулярным. При составлении текстов было необходимо следовать определенным правилам – в ряде случаев предоставлялась не вся, а преимущественно – положительная информация. Некоторые справки вообще исключали негативные отзывы, что не означало, однако, их отсутствие. Характерный пример «Записка о реакции советских людей на выступление Л. Брежнева на собрании, посвященном 50-летию образования СССР» от 10 января 1973 года. Автор отметил «неослабевающий интерес» советских людей к обсуждению доклада и привел соответствующие доказательства. Так, сообщалось, что Народный артист РСФСР В. Тихонов утверждал: «материалы торжественного заседания служат для актеров из разных республик стимулом к созданию высокохудожественного образа советского человека»³⁸, а кинорежиссер Д. Храбровицкий отметил: «Доклад вдохновляет кинематографистов на создание новых произведений, прославляющих дружбу и братство народов нашей родины»³⁹. В то же время Народный артист СССР композитор А. Хачатурян комментировал событие, на наш взгляд, более сдержанно, подчеркнув, что «теоретические положения доклада весьма важны для развития музыкального искусства. Композиторам надо глубоко осмыслить их...»⁴⁰. Можно предположить, что, предоставляя подобную (ограниченную) информацию, сотрудники Комитета госбезопасности сознательно корректировали представления (вводили в заблуждение) высшего партийного руководства (ЦК КПСС) не только об отношении к власти конкретного художника, но в целом – художественной интеллигенции, о настроениях в обществе, тем самым, доказывая результативность и своей работы.

Более смелой, откровенной и также систематической была информация об отношении к официальным событиям художественной жизни. Предоставлявшиеся в ЦК КПСС *справки, записки*, почти протокольного характера, сообщали мнения, высказанные «в кулуарах» например, съездов и Пленумов творческих союзов самими участниками. Поскольку официальная итоговая информация предоставлялась непосредственно руководителями союзов и, как правило, имела формальный характер, то сотрудники КГБ считали долгом предоставить «неофициальную информацию». В частности, в одной из справок 1970 года представлены в записи неофициальные разговоры литераторов в кулуарах только что прошедшего III съезда писателей РСФСР, содержащие достаточно резкие оценки деятельности руководителей творческого союза⁴¹, отражавшие неудовлетворенность участников обстановкой на съезде, в целом – положением в писательской организации⁴² и т.п. Специально было выделено мнение писателя Ю. Трифонова о скрытом конфликте поколений⁴³, критика Г. Бровмана о возникновении опасных тенденций (в частности – славянофильства) в писательской среде⁴⁴ и т.п.

Очевидна зависимость оценок, впечатлений художников от их общественного положения, встроенности в систему официальной культуры. В то же время содержание и характер высказываний свидетельствовали о некоторой «вольности», еще допускавшейся на III съезде писателей РСФСР, проходившем в апреле 1970 года. Одна из поверхностных целей подобного информирования – предоставление «компромата» на определенного литератора, подтверждение реально происходившей дифференциации в писательской среде с последующей возможностью использовать это в политической практике.

Специфическим видом информации на ту же тему были сообщения КГБ при СМ СССР о реакции коллег на проблемные произведения художественной интеллигенции. (В. Быков «Мертвым не больно»⁴⁵); на скандальные события художественной жизни (например, ситуация 1978 года вокруг постановки во Франции Ю. Любимовым «Пиковой дамы»⁴⁶) и другое. Такого рода информация подтверждала возможность использования властью разногласий в художественной среде в собственных интересах, по известному принципу «разделяй и властвуй». К сожалению, документы свидетельствуют о готовности художников (не только вынужденной) участвовать в осуждении коллег (творческая конкуренция, административные должности, участие в выставках, издание произведений, премирование и т.д.). Отчасти это было умелое использование политики в личных целях, как правило, творчески ограниченными деятелями литературы и искусства. (См. убедительный комментарий И. Бродского относительно событий перед отъездом за границу⁴⁷).

Другим, более ценным, на наш взгляд, видом «неофициальной информации» были предоставленные в ЦК КПСС копии официальных, направленных в адрес съездов творческих союзов, но не прочитанных, *писем* или текстов, не произнесенных на съездах *речей* (например, в адрес IV съезда писателей СССР поступило письмо А.И. Солженицына с требованием отмены цензуры, также известен текст «непроизнесенной речи» В. Каверина об опасных тенденциях в современном литературном процессе, о неспособности руководства СП СССР профессионально реагировать на «новую», «другую» литературу и др.). Не случайно подобные материалы направлялись в ЦК КПСС⁴⁸: с одной стороны – именно эти тексты «имели хождение» в среде художественной интеллигенции, а значит, отражали настроения определенной ее части; с другой – написанные самими художниками, они содержали наиболее адекватную оценку состояния современной отечественной культуры с анализом, хотя бы некоторых, тенденций и с предложением решения ряда проблем.

На основании этой и другой информации о поведении конкретного деятеля искусства, об отношении художественной интеллигенции к власти, об оценках событий официальной и неофициальной культуры и др. наиболее грамотные и компетентные профессионалы органов госбезопасности составляли *реальное* представление не только о настроениях художников в советском обществе, но и о процессах в художественной жизни страны. Более того, позволим предположить, что, собирая даже опасный «компромат» на деятелей литературы и искусства, власть (в лице КГБ) преследовала не только запретительные цели; что хотя бы некоторые из сотрудников органов понимали: крупный художник в силу своего таланта обладал уникальной способностью замечать еще в зародыше тенденции будущих серьезных явлений, проблем в жизни общества. В этом случае, направляя в ЦК КПСС аналитическую информацию, руководители органов госбезопасности предупреждали власть, подталкивали к превентивным действиям, к принятию решений, адекватных времени.

Так, показательное поведение руководителей КГБ и других представителей власти (Отдела культуры ЦК КПСС, Министерства культуры СССР и др.) в ситуации, сложившейся в начале 1970-х годов вокруг экспорта картин художников-авангардистов.

Документы неоднократно подтверждали, что часто в зону «особого внимания» органов государственной безопасности попадали деятели литературы и искусства, чье творчество вызывало интерес иностранных ценителей (от искусствоведов до менеджеров и коллекционеров). В изучаемый период ими стали художники-авангардисты, чье творчество симптоматично свидетельствовало о существовании «другой культуры» в СССР.

Сотрудники КГБ вели наблюдение за художниками и их работами в стране и за рубежом. Обобщенная и проанализированная ими (грамотно, компетентно, профессионально - и с точки зрения искусствоведения) информация, регулярно поступала в ЦК КПСС в виде отчетов о выставках за границей, переводов напумевших публикаций (рецензии, интервью, портреты и др.), каталогов выставок, программ встреч и стенограмм выступлений⁴⁹. Авторы подобных справок демонстрировали знание обстановки в среде столичной интеллигенции, профессиональных проблем художников, содержали оценки их творчества и т.д. Эта информация, как правило, служила своеобразным обоснованием для рекомендаций спецслужб в адрес партийных и государственных органов власти, которые все чаще в 1970-е годы касались не только идеологических вопросов, но, в целом, – стратегии власти в сфере художественной культуры.

Так, 2 марта 1971 г. Ю.В. Андропов направил письмо в адрес секретаря ЦК КПСС П.Н. Демичева, в котором обращал внимание на сложившуюся вокруг художников-авангардистов ситуацию: «Комитет госбезопасности располагает данными, которые свидетельствуют о возрастающей заинтересованности буржуазных органов пропаганды и спецслужб противника в приобретении и популяризации за рубежом произведений советских художников-формалистов. Органами КГБ осуществляются мероприятия по предотвращению и пресечению фактов нелегального вывоза из СССР подобных произведений искусства и выявлению лиц, этим занимающихся». К письму приложена весьма интересная справка⁵⁰, в которой не только были подробно перечислены многочисленные зарубежные выставки произведений с участием художников данного направления (например, Д. Зверева в Париже, Э. Неизвестного в Лондоне, 60-ти художников-формалистов в Музее изящных искусств в Швейцарии и др.), даны оценки работ зарубежных специалистов-искусствоведов об их творчестве, но и предпринята попытка внутренней типологизации художественных групп, а также даны часто нелюбимые характеристики их участников, таких как Д. Зверев, Э. Неизвестный, О. Целков, В. Кабаков, И. Янкилевский, Б. Свешников и других⁵¹.

При том в характеристиках художников господствует оскорбительный тон, и даже если какие-то из посылок имели реальные основания, употребление их в данном контексте несовместимо с представлениями о человеческом и гражданском достоинстве. Так, рефреном звучит мысль о психической неполноценности художников-модернистов: «...Ситников, страдающий психическим заболеванием...»; «...Группа художников-модернистов, именующая себя «аутсайдерами». К наиболее активным из них относятся: В. СИТНИКОВ, Д. ПЛАВИНСКИЙ, В. ВОРОБЬЕВ, А. ЗВЕРЕВ, Э. ШТЕЙНБЕРГ, Н. НЕТБАЙЛО, Б. СВЕШНИКОВ. Большинство из них не имеет художественного образования, отдельные – психически неполноценны...». Необоснованно ставятся под сомнение профессиональные качества: «С 1965 года в группу пришел известный своей антиобщественной позицией А. ГЛЕЗЕР, совершенно не разбирающийся в искусстве, но обладающий большой пробивной силой...». Акция выявления центров «подпольного» искусства в СССР предполагает оскорбительный для свободного человека интерес к его личной и семейной жизни: «...В середине 50-х годов на дочери Крапивницкого женился Рабин и центр группы переместился в Лианозово (по месту жительства Рабина)...» и т.д. К работе по составлению такого рода аналитических материалов привлекались *профессиональные* искусствоведы, но и уровень образования, гуманитарной культуры чиновников КГБ такого ранга (т.е. готовящих документы для ЦК КПСС) был достаточно высок.

Текст демонстрирует реалистичное мышление сотрудников компетентных органов, которые, внешне не разделяя восторгов ценителей авангардной живописи, предложили создать легальный канал продажи его за рубежом: «Вместе с тем счита-

ли бы целесообразным поручить Министерству культуры СССР совместно с Союзом художников и Академией художеств СССР изучить вопрос о возможности и условиях реализации создаваемых в нашей стране некоторыми творческими работниками модернистских произведений для зарубежного потребителя. Такая мера способствовала бы закрытию канала нелегальных сделок наших граждан с зарубежным покупателем и установлению более широкого контроля за вывозом произведений искусства за кордон. Запад при этом лишился бы в известной мере материала для спекуляций на тему "о гонимых в СССР художниках"».

Рекомендация, совет или др. были даны вовремя. Комитет Государственной безопасности, одно из немногих государственных ведомств, реагировал на растущее многообразие художественной культуры более или менее адекватно: его руководители искали иные, необходимые, по их мнению, в меняющихся условиях, формы контроля за творчеством. Без сомнения, предложение было достаточно циничным: с одной стороны, государство меняло имидж на меценатствующее, покровительствующее новому авангардному искусству: «Запад при этом лишился бы в известной мере материала для спекуляций на тему "о гонимых в СССР художниках"»; с другой – прагматично собиралось получить доход за предоставление легального канала сбыта картин. Но в контексте начала 1970-х годов и подобная политика может быть оценена как более прогрессивная, более разумная и продуктивная, нежели простое выключение «художников-авангардистов» из легального пространства отечественной культуры и навязчивое противопоставление (даже за рубежом) их творчества творчеству официальных мастеров социалистического реализма.

Показательна реакция на это предложение компетентных органов Министерства культуры СССР и Союза художников СССР. Меры, принимаемые ими по отношению к художникам, «...допускающим в своем творчестве отклонения от реалистического метода...», демонстрируют высшую степень нетерпимости. Так руководители СХ СССР поспешили уведомить ЦК КПСС о том, что «участие в подобных выставках является серьезным нарушением основных принципов Устава» и о своем решении *обсудить* в организациях, на учете которых состоят члены и кандидаты в члены СХ СССР – участники подобных выставок, вопрос об их деятельности⁵².

Позиция Министерства культуры СССР оказалась не менее ортодоксальной. Е.А. Фурцева, несмотря на то, что «меры воспитательного воздействия не привели к желаемым результатам», вновь предлагала профилактические меры, просила у ЦК КПСС поддержки, по-прежнему полагая, что «...проведение за рубежом "подпольных" выставок произведений художников-формалистов, являющихся гражданами СССР, наносит ущерб правильному представлению о подлинно советском изобразительном искусстве в кругах прогрессивной общественности западных стран, а также в странах социалистического лагеря». Особой оценки заслуживают предложения Министра культуры СССР применить «санкции», в том числе «судебного порядка», по отношению к художникам-участникам зарубежных выставок⁵³. В заключении Е.А. Фурцева с удовлетворением сообщала в ЦК КПСС о поддержке указанных предложений Союзом художников СССР и Академией художеств СССР.

Таким образом, мы видим, что государственные органы, ответственные за развитие культуры в стране, по-прежнему предпочитали не замечать «другого» искусства; в своей последовательности они иногда доходили до абсурдных заявлений, а редкие предложения, исходившие именно от КГБ при СМ СССР, придать «борьбе» с этим искусством более или менее цивилизованный характер встречали решительный отпор (о возможности наладить официальную торговлю произведениями авангардного искусства за рубежом)⁵⁴.

Данный сюжет, по-нашему мнению, является показательным для характеристики отношения определенных властных структур к советским художникам-авангардистам, примером охранительной линии в политике Советской власти. ЦК КПСС в данном случае согласился с мнением Министерства культуры и СХ СССР. Представители власти (каждый по-своему) усмотрели в этом не только подпольную, но и подрывную деятельность по отношению к методологическим устоям советского искусства. Предложение КГБ при СМ СССР услышано и поддержано не было.

Необходимо подчеркнуть, что руководители Комитета государственной безопасности в данной ситуации выступили как наиболее реальные политики, понимавшие, что не замечать, или запрещать «другую культуру», «иное искусство» больше нельзя – невозможно и неэффективно; государству, все еще претендовавшему на тотальный контроль художественной жизни в стране, необходимо было искать цивилизованные формы этого контроля.

Последующие события в художественной жизни: квартирные выставки на протяжении всех 1970-х; «бульдозерная выставка» 1974; выставки художников этого направления в Ленинграде в ДК им. Газа и ДК «Невский» и др.; появление авангардистов «новой волны»: концептуалистов, художников «соц-арта» и т.д., и т.п., все-таки заставили власть считаться с этими принципиально новыми явлениями в художественной культуре. Именно события сентября 1974 года показали, что власть вынуждена реагировать на культурные акции, подобные «бульдозерной» выставке, но эти же события показали, *какая разная власть* в стране, как *по-разному* ведут себя в нестандартной ситуации различные властные структуры⁵⁵.

Появление в этих условиях секретного Постановления Секретариата ЦК КПСС «О выставке художников» - результат осознания властью новых художественных реальностей, от которых нельзя отмахнуться, которые нельзя уничтожить и т.д. Предполагаем, что именно с подачи руководителей КГБ при СМ СССР начался процесс легализации творчества художников *не социалистического реализма* в формах, предложенных государством: выделение секции графиков из секции живописи МОСХа, создание Горкома графиков, организация официально функционирующих галерей (самая известная - в Москве, по адресу М.Грузинская, 28), строительство хозрасчетных мастерских и др. Власть медленно приходила к выводу, что сохранить контроль над «другим искусством» можно только раздвигая границы его легального существования.

КГБ при СМ СССР участвовал в выработке стратегии официальной художественной политики; сотрудники госбезопасности владели реальной информацией о настроениях художественной интеллигенции, что позволяло им, по-прежнему, в соответствии с ролью и функциями, заданными социалистической моделью общества, достаточно эффективно использовать всевозможные (от профилактической беседы до принудительной эмиграции) методы борьбы с *крамоллой* в художественной среде.

Так, в официальной политике складывался, на наш взгляд, *новый стиль* руководства художественной культурой. Полагаем, что власть, в первую очередь КГБ при СМ СССР, апробировала на художниках-авангардистах *новые* формы работы, каналы влияния на творческую интеллигенцию. За внешне цивилизованными формами взаимоотношений государства и художника стояли лишь более «умные», «изошренные» методы реализации властью своего, понимаемого как тоталитарное, права вмешательства в творческие процессы, что мы и называем «*новым*» стилем отношения власти к художественной интеллигенции⁵⁶. Хотя, возможно – это был стиль не всей власти, а только ее отдельных представителей, отдельных звеньев политической системы.

Примечания

- ¹ Горалик Л. «...Росагроэкспорта сырка». Символика и символы советской эпохи в современном российском брендинге // Теория моды. Одежда. Тело. Культура. 2007. № 3. М.: НЛЮ. С.12-32.
- ² См.: Длинные 1970-е: советское общество в 1968-1982 гг. // Неприкосновенный запас, 2007. № 2(52).
- ³ Горяева Т.М. Политическая цензура в СССР. 1917-1991 гг. М.: РОССПЭН, 2002. С.330; Об этом же см.: С.340-341.
- ⁴ Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945-1991. Издание второе, исправленное и дополненное. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. С. 368.
- ⁵ Малиа М. Советская трагедия: история социализма в России. 1917-1991. М.,РОССПЭН, 2002. С.402.
- ⁶ Малиа М. Указ.соч. С.402.
- ⁷ См.: Бобков Д.Ф. КГБ и власть. М.: Ветеран, 1995. С.253-283.
- ⁸ Например, с распоряжением секретаря РК КПСС Ягодкина связывает он неадекватное поведение силовых структур во время проведения «бульдозерной выставки» в сентябре 1974 года; ему же принадлежит версия о намерении КГБ поддержать публикацию поэтов «серебряного века» (И. Северянина, Н. Гумилева и др.) в 1960-е годы, издание литературно-художественного альманаха «Метрополь» в 1979 году и др.
- ⁹ См. Ф.Д. Бобков Указ. соч., С.261, С. 271; С.278 и др.
- ¹⁰ Случай Г. Свицкого объясняет тем, что писатель вовремя «...не послушался совета, а послушался подстрекателя...» (Там же, с.274), а М. Рошин: «...послушался совета члена партии» (Там же, с.275), Р. Медведев согласился не издаваться в антисоветском издательстве: «...я (сам Ф.Д. Бобков – Е.Р.) поговорил и он понял» (Там же, с. 266-267) и т.д., и т.п.
- ¹¹ Аксенов В. Десятилетие клеветы (радиодневник писателя). М., ЭКСМО, 2004. С.343.
- ¹² Иосиф Бродский. Большая книга интервью / Второе, исправленное и дополненное издание. Сост. В. Полухина. М.: Захаров, 2000. С.160.
- ¹³ См.: Плисецкая М. Я, Майя Плисецкая... М.: Изд-во «Новости», 1994. С.238; Брусиловский А.Р. Студия. – СПб.; М.: Летний сад, 2001. С.252; Дедков И.А. Обессоленное время. Из дневниковых записей 1976-80х годов Цит. по: Новый мир, 1998. № 5. С.170-171 и др.
- ¹⁴ Некрасов В.П. Записки зеваки М., Вагриус, 2003. С.54-55.
- ¹⁵ Дедков И.А. Указ.соч., с.171.
- ¹⁶ См.: Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ, ф.89, оп.18, д.116, л.2 и др.).
- ¹⁷ См.: РГАНИ, ф.89, оп.37, д.50.
- ¹⁸ Сохраняющаяся закрытость для исследователей значительного числа архивных материалов послевоенного периода затрудняет исследование проблемы взаимоотношений Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР и отечественной художественной интеллигенции. При этом рассекречены многие материалы КГБ, поступавшие в ЦК КПСС в порядке информации, их анализ и позволил выявить некоторые приоритеты в деятельности компетентных органов в сфере художественной культуры в конце 1960-х – начале 1980-х годов.
- ¹⁹ Документы свидетельствуют о том, что в начале 1970-х подбор кадров вел непосредственно ЦК КПСС: партийный набор должен был обеспечить идейную убежденность, а должностной ценз, по крайней мере, уровень образования // РГАНИ, ф.89, оп.44, д.3, л.1-13.
- ²⁰ Арбатов Г.А. Человек Системы. М.: Вагриус, 2002. С.386-388.
- ²¹ Арбатов Г.А. Там же.
- ²² Бродский И. Указ.соч., С.160, 161.
- ²³ РГАНИ, ф.5, оп.60, д.9, л.32.
- ²⁴ РГАНИ, ф.5, оп.60, д.10.
- ²⁵ РГАНИ, ф.5, оп.60, д.61, л.188.
- ²⁶ РГАНИ, ф.5, оп.73, д.433, лл.6-17.
- ²⁷ Там же, лл. 18-20.
- ²⁸ Там же, лл.21-35.
- ²⁹ РГАНИ, ф.5, оп.73, д.433, лл.38-61.

³⁰ РГАНИ, ф.5, оп.60, д.61, лл.190-191.

³¹ Юрский С. Игра в жизнь. М.: «ВАГРИУС», 2002. С.334-335.

³² « – Прости, отец, - опять к тебе, - сказал Феликс входя. Так как же все-таки, был тридцать седьмой год или нет? Не знаю, кому и верить.

– Не был, – ответил отец отечески ласково, – не был, сынок, но будет» // РГАНИ, ф.89, оп.37, д.22, лл.2-6.

³³ РГАНИ, ф.5, оп.60, д.61, л.115.

³⁴ Н.Н. Садомская. Интервью – автору.

³⁵ РГАНИ, ф.5, оп.89, д.879, л.5, само письмо - л.6-8.

³⁶ РГАНИ, ф.5, оп.89, д.879, л.6, 7.

³⁷ Например, записки о праздновании 20-летия Победы (РГАНИ, ф.5, оп.65, д.11); О праздновании 50-летия образования СССР (РГАНИ, ф.5, оп.65, д.11).

³⁸ РГАНИ, ф.89, оп.65, д.11, л.1, 2.

³⁹ РГАНИ, ф.89, оп.37, д.24, л.1.

⁴⁰ Там же, л.2.

⁴¹ «Михалков, сделавший блестящий доклад на общем собрании московских писателей, на съезде как нарочно выступил с пустой казенной, сладкой речью. Это сделано с целью не выносить сор из избы, показать и заверить партийные органы в том, что все хорошо в писательском мире» (драматург И. Шток) // РГАНИ, ф.89, оп.37, д.24, л.3.

⁴² «Я не удовлетворен съездом. Это не съезд, а умиротворенное общество на благотворительном собрании. Общество, которое боится что-то ворошить, хотя все знают, о чем нужно говорить» (Ф. Кузнецов) Там же, л.2; «На съезде было мало искренности. Даже идеи укусить Кочетова за его последний роман были выражены как-то приглушенно» (литературный переводчик В. Левин) – Там же, л.3.

⁴³ «Молодые литераторы не вошли в состав нового правления и секретариата СП. Это говорит о том, что не учтен важный факт появления за последнее десятилетие новых имен и новой прозы. Старшее поколение снова заняло ведущие позиции (прозаик Ю. Трифонов, «Новое назначение Михалкова приведет к тому, что он и на новом месте попытается задавить все новое и молодое (прозаик А. Исбах) – там же, л.3.

⁴⁴ «Съезд меня обеспокоил тем, что на нем была сильна идея «славянофильства». Очевидно, эта линия выработана нашим руководством и является программой на будущее» (критик Г. Бровман) – Там же, л.2.

⁴⁵ РГАНИ, ф.5, оп.36, д.155 (ролик 5855), л.202-204.

⁴⁶ См.: РГАНИ, ф.5 оп.75, д.411, л.31-33.

⁴⁷ Бродский И. Указ.соч. С.160.

⁴⁸ Среди них так же «распространяемый в Москве машинописный текст пародии на роман В. Кочетова «Чего же ты хочешь?», или «копия документа «Положение в советском изобразительном искусстве», который распространяется некоторыми художниками Москвы» и т.д.

⁴⁹ См.: РГАНИ, ф.5, оп.69, д.289, л.6-16; Там же, оп.63, д.151, л.2-28; Там же, оп.67, д.193, л.30.

⁵⁰ См.: Справка, подписанная заместителем начальника 5 управления Комитета Госбезопасности Серегиным, – РГАНИ, ф.5, оп.63, д.151, лл.31-37.

⁵¹ Безусловно, текст «Справки...» свидетельствует о компетентности ее автора, знании им реальностей художественной жизни «другого искусства» в стране и за рубежом // РГАНИ, ф.5, оп.63, д.151, лл.35-36.

⁵² РГАНИ, ф.5, оп.63, д.151, лл.39-40.

⁵³ РГАНИ, ф.5, оп.63, д.151, лл.40-41.

⁵⁴ РГАНИ, ф.5, оп.63, д.151, л.42.

⁵⁵ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), ф. Московской организации СХ РСФСР, 1974 г.

⁵⁶ Важно, что в среде художественной интеллигенции «новый стиль» отношений власти к художникам оценивался весьма неоднозначно: характеристика этого стиля как «иезуитского» дана в работах Л. Зорина, Л. Копелева, Г. Свицкого и др. И. Кабаков склонен оценивать изменение в официальной художественной политике с середины 1970-х годов как некую либерализацию. Н. Молева, напротив, осуждает новый стиль отношений и убеждена в существовании особого «приручения» свободных художников. // Молева Н.М. Когда отшумела «оттепель». М.: МПИ, 1991. С.154.

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВОСПРИЯТИЯ ЖЕНЩИНЫ
В НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ ИТАЛИИ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ
(на примере проповедей Бернардино Сиенского (1380-1444))**

Ивановский государственный химико-технологический университет

Статья посвящена актуальным вопросам культуры Ренессанса, относящимся к ее народным пластам. Предмет исследования – восприятие женщины в народной проповеди известного в XV в. оратора, монаха-францисканца Бернардино да Сиена. Данная тема особенно интересна в силу специфики источника, находящегося на стыке средневековой и ренессансной культур, ведь проповеди сиенца по жанру можно отнести к явлениям типично средневековым. Однако созданы они были в эпоху расцвета культуры Возрождения, и характерные черты Бернардино (простонародность, жизнерадостность, практичный характер его этики) очень соответствовали духу эпохи Кваттроченто.

Бернардино был одним из ярчайших деятелей Италии эпохи Кваттроченто. Некоторые исследователи считают даже, что в 15 в. он был знаменит не меньше, чем многие представители культуры Ренессанса [13, с.65]. О нем писали авторы церковной истории. Его любил простой народ. Выступления Бернардино всегда собирали толпы слушателей на площадях итальянских городов. Даже многие гуманисты относились к проповеднику с уважением и любовью. Его красноречием и убедительностью восхищались Франческо Барбаро, Бернардо Джустиниани, Амброджио Траверсари. Бартоломео Фацио писал: «Сиена снискала /себе/ немало славы /деятельностью/ Бернардино, теолога и философа. ...Он был человеком красноречивым и искусным в рассуждениях, обладал невероятной памятью и столь изящной манерой говорить, что никогда не вызывал у слушателей чувства пресыщения. Он оказал помощь и поддержку душам многих людей»¹. Леонардо Бруни в одном из писем благодарил Бернардино за его проповеди – «Божественные трапезы, которыми нельзя насытиться»². Даже Поджо Браччолини, который обычно весьма нелестно, едко и насмешливо отзывался о деятельности народных проповедников, вынужден был признать ораторское мастерство знаменитого сиенца [6, с.73-107].

Бернардино был отпрыском древнего итальянского рода. Он родился в 1380 г. в провинции Сиены Масса Мариттима. В шесть лет Бернардино остался сиротой, и с этого времени воспитывался в семье дяди и тети. Рано почувствовав призвание к монашеской жизни, он на семнадцатом году жизни вступил в одно из религиозных братств, раздав свое имение бедным.

Будущий проповедник получил хорошее образование. Он изучал философию, право, теологию и Священное Писание, латинский язык. Есть сведения, что его наставником в искусстве риторики был гуманист Гуарино да Верона [34, р.364; 8, с.208]. Некоторые исследователи также отмечают, что в юности будущий оратор увлекался античной поэзией, в частности, лирикой Овидия [13, с.65].

С 1417 г. Бернардино начал жизнь странствующего проповедника. Переезжая из города в город на ослике, он объездил с проповедью большую часть Италии, гармонично включаясь в общественную жизнь каждого города. Будучи прекрасным оратором, он говорил живо и образно, дополняя свою речь мимикой и жестами. Бер-

нардино включал в проповедь «примеры» (exempla), назидательные рассказы, басни и даже анекдоты. Все это превращало его выступление в настоящее зрелище – причем без ущерба для ее содержательной части.

Проповедник затрагивал в своих выступлениях самые разные вопросы – религиозные, бытовые, моральные, экономические. Темы он черпал из самой жизни средневекового города, поэтому они были близки и понятны его слушателям. Много внимания он уделял женской тематике.

Следует отметить, что у современников Бернардино отношение к женщине было неоднозначным. С одной стороны, как и в средние века, в ней видели воплощение Евы, с которой отождествлялись дурные качества женской природы (невоздержанность, порочность, страстность, легкомыслие, гордыня, неразумие). Каждая женщина несла ответственность за первородный грех. В сочинениях теологов, как и в светской литературе, женский пол нередко обозначался таким собирательным выражением, как «Евино племя», «Евино семя» [14, с.8-9]. Настороженное отношение к женщине (которая, как считалось, в любой момент могла проявить один из присущих ей от природы недостатков), сохранялось в 15 в. и в среде купцов. Представители деловых кругов обращали внимание на слабость и греховность женской природы. Поэтому, например, при выборе невесты, подчеркивали они, следует обстоятельно проверить ее родословную: «Смотри хорошенько, чтобы будущая супруга была от добрых отца и матери, чтобы ее бабка оставила о себе добрую молву, ибо насколько порочны были бабка и мать девушки, настолько же и она сама будет порочна» [17, с. 327-328].

Восприятие женщины у итальянских купцов нередко походило на отношение к малым неразумным детям. Так, Джованни Морелли советовал вести себя с женщинами в своем доме (в том числе с женой и дочерьми) строго и сдержанно, «чтобы они не смели падать с воплями на кровать». Он подчеркивал, что домашние скандалы плохо характеризуют мужчину, они подтверждают его неспособность как главы семейства поддерживать порядок [11, с. 216].

Но не следует думать, что женщина в изучаемый период считалась недостойным и дурным существом. Не упуская из виду пороки, свойственные женской природе, «бичуя» их, многие авторы не забывали о присущих женскому полу добродетелях³. Недаром все лучшее в женщине отождествляли с чертами Девы Марии, Пречистой Матери Христа. Подчеркивалось, что женщины более склонны к милосердию, снисхождению, любви, чем мужчины. Они чаще проявляют сострадание к бедным и нуждающимся.

Бернардино также приводил доводы в защиту женщин: «Женщина по природе своей более чистая, чем мужчина. Мужчина сотворен из праха земного, а женщина – из чистого тела - ребра» [21, v.2, p. 108]. «Также смотри», - возвращался он к теме сотворения Богом мужчины и женщины, - «Он не создал ее из ног, чтобы указать, что мужчина не должен унижать свою жену: он ее должен держать как жену, а не как рабыню» [21, v.2, p.52]. Как здесь не вспомнить утверждения некоторых исследователей о том, что Бернардино ненавидел женщин и даже избегал их исповедовать [26, p. 174; 18, с. 120]!

Главной сферой деятельности женщины проповедник считал семью. Он сурово осуждал тех, кто не желал вступать в брак. Бернардино говорил: «Предаются многим грехам те, которые не хотят жениться или выходить замуж. Безбрачие приводит к распутной жизни»⁴. Проповедник высоко оценивал роль женщины в семье, ее организующее начало. Без нее у мужчины в доме не ладилось буквально все. Проповедник с иронией описывал хозяйство холостяка: «Если он богат, и у него есть зерно, его пожирают мыши... Если у него есть масло, из-за того,

что он за ним не следит, оно разливается; когда раскалываются кувшины, и если /масло/ в них налито, оно вытекает понемногу на землю; и все это правда... Знаешь, как он ложится спать? Он спит in una fossa (яма, канава, могила); а когда он стелет простыню на кровать, то никогда ее не снимает, до тех пор, пока она не порвется» [21, v.2, p.119].

Эту позицию Бернардино разделяли многие его современники – купцы, гуманисты. Брак представлялся несомненной ценностью авторам мемуаров и домашних хроник, отвергавшим безбрачие. Подлинным апологетом супружества выступал Джованни Морелли, который сформулировал три принципа управления семьей: сохранение и приращение семейного достояния, приобретение политического престижа и доступа к власти и, главное, - физическое продолжение рода через рождение сыновей [11, с.216].

Те же мысли о ценности семьи для продолжения рода мы находим у Леона Баттисты Альберти: «Несколько дней тому назад», - говорит гуманист устами одного из героев своего трактата «О семье», - «я насчитал не менее двадцати двух молодых Альберти, живущих одиноко, не женатых, каждый из которых не младше шестнадцати, не старше тридцати шести лет. Конечно, я огорчен этим, ибо великий урон терпит наша семья, не досчитываясь такого количества детей, какое вам, молодым, положено было бы иметь: и я думаю, что скорее следует пожелать снести любой ущерб и любую неприятность, чем оставить семью без продолжения, не увидеть того, кто должен быть восприемником места и имени отца» [2, с. 371-372].

Бернардино выделял качества, которыми следует обладать женщине, и большинство из них успешно могли реализоваться лишь в семье. В их числе он называл миролюбивый нрав, честность, благоразумие, приятность в общении. Женщина должна быть доброй, красивой, послушной, верной, трудолюбивой, не прожорливой, хорошо воспитанной [21, v. 2, p. 93, 104-106]. Если она будет развивать в себе эти качества, говорил проповедник, то она всегда сможет удержать любовь своего мужа [21, v. 2, p. 93]. Подчеркнем появившийся здесь воспитательный момент: женщина должна постоянно совершенствоваться в добродетели, чтобы оставаться любимой в браке.

Проповедник призывал женщин слушаться своих мужей и подчиняться им. Он подчеркивал, что женщина создана Богом «не из головы мужчины и не из его ног, но из середины, в знак того, что /она/ - не глава мужчине. О, - продолжал проповедник, - она делает зло, когда она ставит себя над мужчиной» [21, v. 2, p. 52]. Отметим, что такую позицию поддерживали многие гуманисты. Например, Альберти не сомневался, что «жена должна подчиняться приказам мужа»; Барбаро утверждал, что «жена находится в полной зависимости от мужа, а муж ей глава и наставник» [1, с.68-69]. Итальянский гуманист Поджо Браччолини писал, обращаясь к мужчине: «В браке ты не служишь, а повелеваешь женщиной, которая приучена по своей воле служить тебе и рожать тебе детей» [14, с. 77].

Вполне в духе сиенского проповедника высказывались итальянские купцы того времени. Они считали главными женскими добродетелями те же набожность, покорность мужу. В то же время они считали важными женскими качествами трудолюбие, умение самостоятельно и хорошо вести хозяйство. Идеалом для них была жена - хозяйка дома, разделяющая с мужем все заботы, умело руководящая слугами [11, с.216]. Качества хозяйки - управительницы дома занимали важнейшее место в структуре женского идеала и у гуманистов [2, с. 406-408].

Каковы же были в изучаемый период реальные функции жены как хозяйки в доме? Прежде всего, она была своеобразным «информационным центром» домаш-

ней экономики. К ней стекалась вся информация о функционировании хозяйства, о поведении слуг. Жена также была главным технологом в доме. Она должна была иметь четкое представление обо всех видах работ, которые велись в домашнем хозяйстве. Даже если она не работала сама, эти знания ей были необходимы, чтобы организовать контроль за прислугой.

Женщина ведала многими финансовыми операциями в доме, в том числе расходами на питание и одежду. Самостоятельность и компетентность жен в финансовых вопросах домашнего хозяйства подтверждают сохранившиеся с тех времен амбарные книги: в них хозяйки подробно расписывали, сколько средств и на какие нужды было израсходовано [14, с. 119-120].

Доказательством самостоятельности женщин в управлении хозяйством служит и тот факт, что в случае отъезда мужа (в том числе длительной отлучки) жена полностью заменяла его, становясь на время главой в доме [14, с. 119-120]. Такие случаи встречаются в источниках довольно часто. Но подобное управление не было бы эффективным, если бы женщина не могла набираться опыта управления домом в те периоды, пока муж находился дома.

Таким образом, мы можем говорить скорее о строгой иерархии и о разделении полномочий и функций мужа и жены, но отнюдь не о «приниженном» положении жены по отношению к мужу в изучаемый период⁵.

Женщина в семье выполняла и еще одну важную функцию – она была эмоциональным центром семьи, ее душой. Заботясь о муже и детях, о домочадцах и слугах, она поддерживала мир и согласие в доме. Эта мысль присутствует у Бернардино [21, v.2, p.85-86, 88]. Подобные суждения мы находим у итальянских купцов, а также у гуманистов (Барбаро и др.) [14, с. 121].

На взгляд Бернардино, семейные обязанности женщины подчас более важны, чем внешнее религиозное благочестие. Он, например, призывал своих слушательниц сначала сделать все домашние дела, а уже затем идти на проповедь: «Я не похваляю тебя за твой приход, если ты не сделала все, что нужно твоей семье» [21, v.2, p.43]. Эта мысль перекликается со словами его современника – известного флорентийского архиепископа Антонина. В письмах к своей духовной дочери, поглощенной семейными заботами, Антонин Флорентийский подчеркивал, что от нее не требуется никакого чрезмерного рвения в духовной жизни. Нужно лишь среди необходимых земных занятий не забывать о небесном, помня, что именно оно составляет истинную цель человеческой жизни [4, с. 113].

Большое внимание в проповедях Бернардино уделял женской одежде. Видимо, эта тема была очень актуальна, поскольку проповедник очень тщательно ее обсуждал. Он сурово порицал женщин за их стремление к нарядам и роскоши. Причем он тесно связывал между собой любовь к роскоши и страстное желание следовать моде. Проповедник так описывал это явление: «Например, если найдется какая-нибудь *meretrice* (публичная женщина), одетая на французский манер, сразу же /ее манера одеваться/ будет подхвачена /другими/. Есть ли хоть одна девушка на выданье, или замужняя женщина, которая не была бы одета на современный лад?» – спрашивал проповедник, и сам тут же отвечал: «Как только они увидят такое платье, сразу же испортят свое, чтобы придать ему новый вид» [21, v. 3, p. 204].

Отметим, что во времена Бернардино в Италии культ роскоши в одежде действительно получил широкое распространение. Костюм отличался пестротой и обилием украшений. Одежда менялась так, что не всегда можно провести параллель с модой в других странах. Частая смена фасонов платья, быстрое усвоение французской и испанской моды стали характерными явлениями городской жизни. Большое значение придавалось моде. Даже самые серьезные люди стали

считать красивые одежды немаловажным условием полноты личности. Во Флоренции 14-15 вв. был период, когда костюм представлял собой нечто совершенно индивидуальное, так как каждый человек стремился изобрести свою собственную моду [8, с. 316-317].

Со времен падения Римской империи ни в одной стране Европы так много не занимались улучшением фигуры, волос, цвета кожи, как тогда в Италии. Горожанки, особенно знатные, стремились любым путем приблизить свою внешность к идеалу. Употребляли различные красители для волос и микстуры для их роста. Для каждой отдельной части лица, в том числе для век и зубов, имелись специальные бальзамы, пластыри, белила и румяна. На женских туалетных столиках выставлялись флаконы из золота и серебра для косметических средств и кремов, средств по уходу за ногтями, для лечения ушей, зубов⁵. Далеко за рамки умеренности выходило также употребление парфюмерии и косметики. На праздниках душили духами и натирали благовониями даже мулов, а Пьетро Аретино, например, благодарил Козимо I за присланные им деньги, благоухавшие духами [8, с. 319-320].

Стремление женщин следовать быстро менявшейся моде, обильное использование косметики, украшений, роскошь в одежде создавали серьезные материальные трудности. На моду тратилось большая часть семейного бюджета. Это подчеркивает, в частности, Мезини [32, р. 357-358]. Неудивительно, что в Италии 15 века власти даже принимали специальные законы, призванные остановить распространение роскоши в одежде, косметике и парфюмерии. Подобные указы и предписания определяли допустимую длину волос и размер головных уборов, в частности, эннена, ограничивали ношение драгоценностей⁶.

Бернардино обращал внимание, что пристрастие к богатым одеждам имело негативные экономические последствия (причем как для конкретной семьи, так и для города в целом): «Если я не ошибаюсь, многие тысячи и тысячи флоринов стоят дорогие наряды. Эх, эх!»- с горечью восклицал он [21, v.1, р.341]. Обращаясь к своим слушателям, проповедник пояснял: «Вы не замечаете, что это – разорение бедных» [21, v. 3, р. 203]. Он призывал не держать деньги мертвыми в виде украшений, а вкладывать их в торговлю [21, v. 3, р. 204].

Бернардино свидетельствовал, что страсть к роскоши нередко толкала на сделку с совестью: «Как много женщин заставляют его /мужа/ заключать дурные контракты, чтобы иметь достаточно /денег/ на одежды и на пустое, суетное («vanità»), - говорил проповедник [21, v.2, р.71]. На его взгляд, женское пристрастие к роскоши в одежде и к косметике также было одной из причин распространенного в Италии 15 в. порока содомии. Он утверждал, что женщина, желая с помощью краски и излишеств в украшениях и одежде сделать себя красивее, на самом деле только портит свой внешний вид. И мужчина в поисках естественности и природной красоты обращается к мужчине [21, v.2, р.205-206].

Поразительно, но в проповеди против женской роскоши Бернардино употребил очень сильный психологический прием (на наш взгляд, это была в большей степени методика воздействия на аудиторию, стремление «пронять» слушателей, нежели сознательная позиция проповедника). Он говорил: «Знаешь, что хотелось бы сделать? Хотелось бы сначала сжечь женщину, которая наряжается, потом мать, которая это позволяет, а после них портного, который /этот наряд/ изготовил. Наверняка, если бы я должен был бы это сделать, он /портной/ не изготовил бы никакой новой моды» [21, v. 3, р. 204].

Проповедник сурово предупреждал тех, кто не слушал его увещаний и не исправлялся, что Господь пошлет свои бичи – frate Bastone и frate Mazica (брата Палку и брата Дубинку): «Они будут намного сильнее, чем брат Бернардино. Зна-

ешь, - спрашивал он, - что они будут делать? Не проповедовать, нет. И далее он продолжал: «О, город, одетый в одежды иноземные, ожидай, ожидай бича ангелов Божиих,.. ты не сможешь от него спастись» [21, v. 3, p. 202-203].

Бернардино строго напоминал женщинам о наказании за пустую трату денег на украшения и (что особенно интересно) за то, что деньги «лежат мертвыми» в виде *vanità* вместо того, чтобы быть вложенными и приносить прибыль и благо своей семье и городу: «О, женщины, вы делаете то, из-за чего вы и /священник/, который вас исповедует, пойдете в дом дьявола, потому что ни духовник, ни ты не считали большим безобразием и недостатком /держать/ деньги мертвыми в виде такой *vanità*. Потому что подобная сумма – это величайший ущерб, причина которого – женщина»; но, - добавлял Бернардино, - «хотя женщина ослеплена этой *vanità*, монах или священник чем оправдается?» [21, v. 2, p. 341]. Подчеркнем, что в этом отрывке проповедник тесно увязывал экономическую нецелесообразность хранения средств в виде предметов роскоши и греховность этого деяния. Причем мы никак не сможем сказать, что Бернардино подчинял моральный долг и ответственность перед Богом за свои дела экономическим интересам, потому что, как явствует из приведенных слов, само неправомерное изъятие из оборота денег, которые могли бы принести общую пользу, он считал грехом. Таким образом, проповедник не только включал экономическую целесообразность в сферу морали, но и подчинял ее соображениям нравственности и религиозной ответственности.

Женщину, на его взгляд, ценят и любят за добродетель [21, v. 2, p. 106]. Идеалом для него служили римлянки, носившие одежды из льна, без излишеств и украшений: в мгновения счастья они - в белом, когда кто-то умирает, облачаются в траур; они идут, «не привлекая к себе внимание сукнами и не портят себя зубчатыми вырезами» [21, v. 2, p. 90].

Внешний вид женщины, полагал Бернардино, оказывает непосредственное влияние на ее нрав; роскошь в одежде губительна: «Женщина, у которой вошло в привычку носить в голове или на голове (*nel capo* o *in sul capo*) много суетного (*vanità*) и все греховное, из-за своей дурной привычки будет более не пригодна для воздержания» [21, v. 3, p. 205]. Видимо, проповедник, действительно, считал, что *vanità* в одежде может из порядочной женщины незаметно сделать блудницу (или, во всяком случае, что такой внешний вид подталкивает ее к прелюбодеянию). Этот вывод сам собой напрашивается.

По мнению Бернардино, одежда свидетельствует о человеке так же, как вывеска на таверне – о том, что там разливают вино. Так, пояснял он, публичная женщина носит на себе много *vanità*, чтобы показать, кто она [21, v. 3, p. 206-207]. Поэтому он говорил женщине: «Кто поверит, что ты представляешь собой /порядочную женщину, если ты одета, как публичная/» [21, v. 3, p. 206-207], а это может иметь самые печальные последствия. «Скажи мне, - обращался он к одной из слушательниц, - о, если кто-нибудь тебе скажет, /когда/ ты идешь так /одета/ по улице: - О, ты, кажется, настоящая проститутка. – Как тебе кажется? Не думаю, что это тебе понравится. Поэтому», - заключил проповедник, - «сделай так, чтобы устранить причину /для таких слов, то есть не давать повода/» [21, v. 3, p. 190].

Бернардино выделял в этом вопросе еще один любопытный момент. Он отмечал, что владелец таверны продает одним хорошее вино, другим – самое лучшее. Так же, по мнению проповедника, поступает и женщина. В соборе она одевается как порядочная и скромная (то есть, говоря языком Бернардино, «продает вино получше»), а дома – как нескромная и суетная женщина (таким образом, «мужу-барану» (выражение сиенца) она «продает вино похуже») [21, v. 3, p. 207-208].

В проповедях Бернардино есть необычайно яркие, красочные и полные юмора описания женских нарядов. Например, о шлейфе проповедник рассказывал так: «О, женщины, скажите мне, что делает la coda (хвост), когда она /женщина/ летом идет по улице? Он поднимает пыль, а зимой пачкается в грязи, и тот, кто идет позади нее летом, окружен фимиамом, который она издает. Теперь посмотрим, - продолжал проповедник, - зимой она пачкает и портит одежду до пят, так, что та покрывается грязью со всех сторон, как делает свинья, а потом она /эта женщина/ теряет целый день, чтобы высушиться»⁸.

Видимо, реакция на речи Бернардино против роскоши была разной. Известно, что после его проповедей на эти темы во Флоренции и в Сиене пылали *roggi di vanità* (костры для суетного), в которых женщины, будучи под впечатлением от услышанного, сжигали свои роскошные наряды⁹. Но была, видимо, и совсем иная реакция. Недаром в проповеди после суровых слов Бернардино о женских нарядах следуют его же реплики в адрес слушательниц, которые, видимо, с иронией отнеслись к его словам: «Не смейтесь, чтобы вам не пришлось плакать» [21, v. 3, p. 206].

В проповеди Бернардино четко разъяснял, что же такое *vanità*. Он говорил, что суетность – это «когда ты носишь то, что тебе не подобает» [21, v.3, p.186]. Проповедник колоритно описывал такие излишества в одежде: «Я вижу ту, что носит голову в виде брюха (*il capo a trippa*), кто носит ее как блин (*a frittella*), кто в виде разделочной доски, кто в виде бахромы; кто обернет ее сверху, кто – снизу. О, это дурной знак, такие *forgie* (виды, модели)», - сделал вывод проповедник [21, v. 3, p. 209].

Как видим, для Бернардино женщина – это, прежде всего, реальное земное существо со своими достоинствами и недостатками, которому нужно помочь быть добродетельным. Он осуждал ее пороки, особенно выделяя любовь к роскоши, стремление модно одеваться. Одновременно проповедник обрисовывал своеобразный идеал женщины, вобравший в себя такие качества, как добродетель, смирение, скромность (в том числе в одежде), хозяйственность.

Бернардино, как правило, рассматривал традиционные христианские добродетели, что говорит о достаточной консервативности его отношения к женщине. Но многие его взгляды разделяли его современники - гуманисты, представители деловых кругов. Этот факт единства мнений в некоторых вопросах особенно интересен, поскольку он позволяет нам получить более полное представление о развитии мысли в Италии 15 в. Важно также подчеркнуть, что Бернардино в проповедях затрагивал самые острые и злободневные для своего времени проблемы. Поэтому традиционность многих его взглядов отнюдь не означала их неактуальность.

Примечания

¹ Цит. по: Tiraboschi G. Storia della letteratura italiana. T.VI, pars.2. Modena, 1776. P. 365. Ту же цитату на латыни приводит Р. Гвиди: Guidi R.L. Il dibattito sull'uomo nel Quattrocento. Roma, 1998. P. 1025.

² S. Bernardino da Siena.(Introduzione)// Prosatori volgari del Quattrocento . Milano - Napoli, 1955. P. 41.

³ Альберти Л. Б. О семье// Опыт тысячелетия. Средние века и эпоха Возрождения: Быт, нравы, идеалы. 3 М., 1996. С. 406-408; Чертальядо Паоло да. Книга о добрых нравах // Послушник и школяр, наставник и магистр. Средневековая педагогика в лицах и текстах. М., 1996. С. 321-370.

⁴ Bernardino da Siena. Le prediche volgari di S. Bernardino da Siena, dette nella Piazza del Campo l'anno 1427. Siena, 1880-1888. V. 2. P. 110. Те же мысли мы находим в латинских текстах: Bernardinus Senensis. Quadragesimale de cristiana religione. Basel, 1490. S. 48.

⁵ Ср.: «Пониженность женщины, неравноправие по сравнению с мужчиной – характерные черты христианской картины мира». (Бессмертный Ю.Л. Брак, семья и любовь в средневековой Франции// «Пятнадцать радостей брака» и другие сочинения французских авторов 14-15 вв. М., 1991. С. 292).

⁶ Bernardino da Siena. Le prediche... V. 3. P. 206 (комментарий к тексту).

⁷ Gli uomini della penitenza. Milano, 1977. P. 172, 174. (комментарии к текстам проповедей).

⁸ Bernardino da Siena. Le prediche... V. 3. P. 211. Подобные высказывания присутствуют в латинских сочинениях: Bernardinus Senensis. Quadragesimale de cristiana religione... S. 47. Art. 2.

⁹ Mesini C. La sociologia di San Bernardino da Siena// San Bernardino da Siena. Saggie e ricerche pubblicati nel quinto centenario della morte (1444-1944). Milano, 1945. P. 358; S. Bernardino da Siena.(Introduzione)// Prosatori volgari... P. 41.

Список использованной литературы

1. **Абрамсон М.Л.** Человек итальянского Возрождения: частная жизнь и культура. М., 2005.
2. **Альберти Л.Б.** О семье// Опыт тысячелетия. Средние века и эпоха Возрождения: Быт, нравы, идеалы. М., 1996.
3. **Баткин Л.М.** Итальянское Возрождение: проблемы и люди. М., 1995.
4. Он же. Итальянское Возрождение и религия// Одиссей. Человек в истории. 1992. М., 1994. С. 109-159.
5. **Бессмертный Ю.Л.** Брак, семья и любовь в средневековой Франции// «Пятнадцать радостей брака» и другие сочинения французских авторов 14-15 вв. М., 1991.
6. **Браччолини Поджо.** Застольный пир о жадности, расточительстве, о брате Бернардино и других проповедниках// Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (15 в.). М., 1985.
7. **Брагина Л.М.** Семья, общество и государство в гуманистической концепции Л.Б. Альберти// Средние века. Вып. 57. М., 1994. С. 194-208.
8. **Буркхардт Я.** Культура Италии в эпоху Возрождения: опыт исследования. М., 1996.
9. **Гис Ф., Гис Дж.** Брак и семья в средние века/ пер. с англ. М., 2002.
10. **Гуревич А.Я.** Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981.
11. **Краснова И.А.** Брак и семья в городе: Флоренция 14-15 вв.// Город в средневековой цивилизации Западной Европы. В 4х тт. Т.1. М., 1999. С. 213-220.
12. Она же. Деловые люди Флоренции 14-15 вв. Ч. 1-2. М. - Ставрополь, 1995.
13. Она же. Образ жизни и строй чувств женщин в итальянских проповедях эпохи раннего Возрождения// Человек в культуре Возрождения. М., 2001. С. 65-78.
14. **Рябова Т.Б.** Женщина в истории западноевропейского средневековья. Ивово, 1999.
15. **Фоссье Р.** Женщина и общество на средневековом Западе// Идеология феодального общества в Западной Европе: проблемы культуры и социально-культурных представлений средневековья в современной зарубежной историографии. М., 1980.
16. **Фукс Э.** Иллюстрированная история нравов: Эпоха Ренессанса. М., 1993.

17. **Чертальдо Паоло да.** Книга о добрых нравах // Послушник и школяр, наставник и магистр. Средневековая педагогика в лицах и текстах. М., 1996. С. 321-370.
18. **Эриксон К.** Средневековые видения: Очерки истории и восприятия// Идеология феодального общества в Западной Европе: проблемы культуры и социально-культурных представлений средневековья в современной зарубежной историографии. М., 1980.
19. **Agosti M.** La pedagogia di S.Bernardino da Siena// San Bernardino da Siena. Saggie e ricerche pubblicati nel guinto centenario della morte (1444-1944). Milano, 1945.
20. A Documented History of the Franciscan Order (1182-1517). Washington, 1944.
21. **Bernardino da Siena.** Le prediche volgari di S. Bernardino da Siena, dette nella Piazza del Campo l'anno 1427. Siena, 1880-1888. V. 1-3.
22. **Bernardinus Senensis.** Quaddragessimale de cristiana religione. Basel, 1490.
23. Id. Sermones de Evangelio aeterno. Basel, 1490-1495.
24. **Bisticci V.** da. Vite di uomini illustri del secolo XV. Firenze, 1859.
25. Dizionario biografico degli italiani. V.9. Roma, 1967.
26. Gli uomini della penitenza. Milano, 1977.
27. **Guidi R.L.** Il dibattito sull'uomo nel Quattrocento. Roma, 1998.
28. **Herlihy D.** Medieval Housholds. Cambridge, London, 1985.
29. **King M.L.** La donna del Rinascimento// L'uomo del Rinascimento. Bari, 1989.
30. **Klapish-Zuber C.** La donna e la familia// L'uomo medievale. Bari, 1989.
31. Она же. Women, family and ritual in Renaissance Italy. Chicago, L., 1985.
32. **Mesini C.** La sociologia di San Bernardino da Siena// San Bernardino da Siena. Saggie e ricerche...
33. Prosatori volgari del Quattrocento. Milano, Napoli, 1955. P.41.
34. **Tiraboschi G.** Storia della letteratura italiana. T.VI, pars.2. Modena, 1776.

Раздел 2 Философия и психология

М.Г. Зеленцова

АНТИНОМИЯ ЦЕННОСТИ И ПОЛЬЗЫ В СОВРЕМЕННОЙ АКСИОЛОГИИ

Ивановский государственный химико-технологический университет

Статья посвящена анализу природы ценностей, их биологической обусловленности и связи с полезностью. Такое понимание позволяет обосновать тезис о решающей роли ценностных и мировоззренческих установок человека в функционировании и развитии социальных систем, в преодолении цивилизационных кризисов.

Ценностное отношение к миру, наряду с его познанием и практическим освоением, является важнейшей характеристикой человеческой жизнедеятельности. Ценностные и мировоззренческие установки существенным образом влияют на развитие социальных систем и человеческой цивилизации в целом. Кажется, что этот тезис не нуждается в дальнейшей аргументации. Однако утвердившееся сегодня в философии дуалистическое (идеалистическое) понимание ценностей фактически его опровергает. Необходимо вновь обратиться к анализу проблемы природы ценностей, чтобы понять, на чем они основываются и какова их реальная сила.

Наибольшее распространение получила точка зрения, согласно которой ценности и смыслы образуют некую высшую «духовную» сферу, не связанную с повседневной жизнью человека и данную ему извне. Известное оправдание такого подхода, вероятно, состоит в том, что под духовным миром имеется в виду объективное содержание человеческого сознания, которое на первый взгляд представляется независимым от потребностей и интересов человека, его желаний и стремлений. Так, известный австрийский психолог В. Франкл говорит об особой «ноэтической сфере» социума, где сконцентрированы универсальные ценности, которые человек должен обнаружить, открыть; но откуда эти ценности берутся, остается неясным [8]. Франкл прав в том, что ценности и смыслы не субъективны, не являются простым выражением самости индивидуума. Но ведь и природа человека не субъективна, не придумана и не создана им самим. В действительности, мир ценностей и смыслов обусловлен, как и психика в целом, с одной стороны, природой человека, а с другой – условиями его существования.

Та же, дуалистическая по своей сути, идея автономии духовных ценностей выражена в ряде работ отечественных авторов. Например, Д.А. Леонтьев, давая классификацию ценностей, отмечает, что ценности как объекты можно подразделить на «значимые предметы» (материальные ценности) и «абстрактные сущности» (духовные ценности). При этом значимость, или стоимость, материальных предметов вытекает из потребностей и интересов людей, а ценность абстрактных сущностей «не выводима из потребностей, не вторична, имеет самостоятельную значимость» [2, с.18]. Действительно, такие «абстрактные сущности», как истина, добро, красота,

самоценны, но самоценность они приобрели в процессе исторического развития человека, став неотъемлемой частью его жизни, которая сама есть самоцель и самоценность. Изначально же они были для него (и до сих пор в определенном смысле остаются) средствами выживания и самосохранения.

В.В. Налимов идет еще дальше, пытаясь обосновать гипотезу о существовании в мироздании семантического вакуума (по аналогии с физическим вакуумом), в котором спрессованы изначальные смыслы (ценности) человеческого существования [4]. Человеческая культура в целом задается упорядоченностью смыслов в семантическом вакууме. Человек воспринимает эти смыслы и в соответствии с ними строит свою личную и общественную жизнь. Семантический вакуум допускает спонтанные топологические возмущения. В результате происходит переупорядочивание смыслов и, следовательно, изменение культуры [4, с.60-65]. Но в таком случае от человека ничего не зависит, и странным в этом контексте выглядит тезис автора об определяющей роли философской мысли в решении глобальных проблем цивилизации.

Представленная точка зрения во многом связана с принятым у нас «суженым» толкованием понятия ценности как идеала, идеального, существующего в сфере должного, а не в сфере сущего и противопоставлением этого понятия понятию полезности как чему-то сугубо «материальному». В полном соответствии с этим пониманием делается вывод о том, что сами идеальные ценности не могут оказывать никакого реального воздействия на ход событий в мире, если они не воплощены в предметах [9]. Но разве мы не ценим полезную вещь за ее полезность? Скорее полезность – один из видов ценности, а не принципиально противостоящий ей феномен. Неправоммерно также рассматривать все ценности как только духовные. Тем более странно отрицать факт влияния общественного сознания и ценностных установок людей на процессы социального развития.

Понятие ценности имеет значение всеобщности, поэтому справедливо считается философским, а наука о ценностях – аксиология – является одной из частей философии. В силу своей всеобщности понятие ценности может быть приложимо к любой области вещей и явлений. Первое, что представляется очевидным, это то, что ценность есть значимость одной вещи для другой, конкретнее, объекта для субъекта, т.е. отношение. Ценным нечто может быть только для живого существа. В живой природе имеет место такое отношение, как та или иная значимость, главным образом, полезность (или, наоборот, вредность) условий существования для организма. По сути, это и есть ценность, положительная или отрицательная.

В последнее десятилетие понятие ценности как отношения утвердилось в нашей литературе [7], однако нужно учитывать, что отношение, как и свойство, не существует само по себе, а принадлежит вещи. Например, строительный материал становится объектом ценностного отношения, поскольку он обладает прочностью, необходимой для его использования. Полезна, т.е. ценна прочность этого материала, но она не существует сама по себе, отдельно от него, следовательно, ценность представляет как сама прочность, так и ее носитель – камень, дерево, металл и т.д. То же самое можно сказать о так называемых «духовных» ценностях. Например, эстетическое отношение – это положительная оценка вещей и их свойств, которые приятны для человека. В его психике в процессе эволюции сформировалась созерцательная способность, которая по мере культурного развития человека превратилась в эстетическую апперцепцию, т.е. предрасположенность оценивать определенные чувственно данные свойства вещей (например, цвет, симметрию, пропорциональность и т.п.) как красивые. Обладая эстетическим свойством, вещь оказывается эстетической ценностью, но лишь в отношении к эстетической апперцепции человека. Из этих примеров становится ясно, что ценность – это не только отношение, но и свойство вещи, и сама вещь.

Наиболее острую дискуссию сегодня вызывает вопрос о характере ценности (субъективном, объективном или субъективно-объективном). В 1950-х годах XX века, когда проблема онтологической природы ценности активно обсуждалась (в ос-

новном в применении к эстетической сфере), преобладала «объективистская» точка зрения, согласно которой «эстетические качества» не зависят от сознания людей, а принадлежат либо природе («природники»), либо общественным отношениям («общественники»). После утверждения понимания ценности как значимости объекта для субъекта, как отношения, вне которого ее как таковой не существует, возникает представление, что ценность только субъективна. С точки зрения субъективистской теории ценностей, красота, например, – это переживание, чувство, вызываемое у нас геометрическими и физическими свойствами вещей; в самих же вещах красоты нет.

На наш взгляд, ценностные отношения могут быть различными по своему характеру. Например, физическое отношение между объектом и организмом человека (а также другими живыми организмами) существует независимо от того, осознается оно или нет. Витамины и микроэлементы полезны (необходимы) для здоровья, хотя их присутствие в пище не ощущается. Это отношение является объектно-субъектным, но не объективно-субъективным. Таким же является и отношение между условиями жизни человека как социального субъекта и его положением в системе этих условий. Но это отношение, в отличие от первого, не может стать актуально-действующим, т.е. вполне реальным, пока не получит субъективного выражения в сознании человека, в его чувствах и переживаниях. В своей основе оно объективно, но по форме существования субъективно. Это также субъектно-объектное отношение, лишь реализующееся при посредстве своей субъективной формы.

Ценностное отношение является объективно-субъективным, если это отношение объекта непосредственно к самой психике, т.е. отношение между тем или иным объективным фактором и вызываемой им субъективной реакцией, например, ощущением (чувством) приятного или неприятного, удовольствия или неудовольствия, наслаждения или страдания. Так, пища имеет не только физиологическую ценность как полезная или вредная, но и психологическую – как вкусная или невкусная, запах цветка – как приятный или неприятный, солнечные лучи – как источник наслаждения или боли.

Наконец, ценностное отношение может быть внутрисубъективным, когда его объектом служит явление самой психики – переживание, настроение, идея и т.п., а субъективной стороной – чувство одобрения или неодобрения, радость или печаль, положительная или отрицательная оценка. В свою очередь, ценностная реакция или оценка могут стать предметом ценностного отношения следующего уровня и т.д. Однако по своему происхождению субъективное ценностное отношение является следствием, выражением объективного.

По отношению к субъективной (или субъектной) составляющей ценностного отношения ценность объективна. Ценностями для человека являются природные и социальные объекты, общественные действия и отношения, его собственные чувства, идеи, цели и принципы. Все ценности находятся внутри материального мира, включая духовный мир как его органический элемент. Поэтому традиционное деление ценностей на «материальные» и «духовные» не имеет буквального онтологического смысла, а носит, скорее, праксеологический характер. Если все ценности материальны в онтологическом аспекте, то становится очевидной их тесная взаимосвязь с человеческими потребностями. Все они связаны с полезностью и изначально сами полезны. Однако когда речь идет о так называемых «духовных» ценностях и смыслах, эта связь менее наглядна, чем в случае «материальных», точнее, вещных ценностей, поэтому тезис о ее существовании требует дополнительной аргументации.

Весьма продуктивным в этом отношении может быть обращение к богатому эмпирическому материалу, собранному этологией. Этологами доказано, что, например, потребность в информации (в познании, в новизне), фиксируется у животных как вполне самостоятельная потребность. Длительное время считалось само собой разумеющимся, что исследовательская активность животных сводится к поиску все тех же пищи, воды, самки (самца), материала для строительства гнезда и т.п. Пона-

добились годы труда и множество строгих экспериментов, чтобы потребность в новизне как таковой отдифференцировалась от других потребностей. Комментируя один из таких экспериментов, П.В. Симонов отмечает, что подобно тому, как ненаправленная изменчивость мутаций является необходимым условием эволюционного прогресса, стремление к прагматически неопределенным стимулам совершенно необходимо для освоения новых сфер действительности и новых форм поведения. «Если бы живые существа стремились только к заведомо «полезным результатам», они остановились бы в своем развитии и деградировали», - пишет автор [6, с. 24].

Генетики утверждают наличие в наследственной природе человека не только любознательности, но и альтруистических начал, т.е. определенной группы эмоций, побуждающих человека совершать поступки, лично ему непосредственно не выгодные и даже опасные, но приносящие пользу другим людям. Эти эмоции, или определенная восприимчивость к этическим началам, возникли в результате жестокого естественного отбора и в силу антропологических особенностей человеческого вида: неспособности детенышей человека к самостоятельному существованию и к обороне; необходимости кормления беспомощных детей и беременных женщин, их охраны и т.д. Это требовало от членов рода развития чувства взаимопомощи, храбрости, жертвенности, привязанности ко всем детенышам стада и т.д. Сам естественный отбор, конечно, не мог создать этику, но он вызывал такие перестройки наследственности, на основе которых у человека складывалась восприимчивость к этическим нормам и оценкам и даже потребность в подобных оценках [10]. Другим доказательством наследственных основ этики является тот факт, что некоторые болезни, в частности, генные дефекты, вызывают эмоционально-этическую деградацию личности. Альтруистические начала есть и у стадных животных, причем чем более «вооружено» животное, тем сильнее у него инстинктивные моральные запреты. Это явление подробно описано в работах К. Лоренца и сейчас широко известно [3].

Менее известным является наличие у животных «эстетического чувства», хотя об этом писал еще Ч. Дарвин. «Чувство изящного также приписывается обыкновенно только одному человеку. Однако, наблюдая как самцы птиц стараются подействовать на самок, выказывая перед ними яркие цветы своих перьев, ... что, видимо, приятно для самок, мы не можем отказать последним в способности наслаждаться красотой своих искателей. То же самое мы можем сказать и относительно пения самцов, музыкальность которого, очевидно, действует на самок» [1, с. 30]. Немало приводится Дарвином фактов «украшательства» у насекомых, рыб, животных – от низших до высших. Современные исследователи, анализируя этот вопрос, приходят к выводу, что форма, цвет, звук и т.д. действительно имеют для животных самостоятельную ценность, закрепляемую естественным отбором, и что, следовательно, можно говорить о наличии у них «чувства красоты» в его зародышевой форме [5]. Выяснен и механизм зарождения эстетического чувства в природном мире, который состоит в том, что любая отражательная, чувственная процедура, любой объективно-познавательный акт с момента зарождения психики сопровождался чувством удовольствия или неудовольствия – в зависимости от биологической значимости информации, прежде всего, полезности или вредности фиксируемых психикой объектов, качеств, ситуаций. «У природы... нет и не могло быть иных способов регулирования поведения животных, иных принципов аккумуляции и передачи потомству жизненного опыта», - отмечается в указанной выше статье [10, с.84].

При этом исключительно важно не забывать, пишет автор далее, что «гедонистическая» расчлененность чувственных реакций с усложнением психического аппарата все в большей мере распространяется с биологически значимых объектов и качеств на те объекты и качества среды, которые, будучи сами по себе биологически индифферентными, выступают в качестве сигналов о полезности или вредности. Не оценив по достоинству этого, может быть, самого важного для прогресса психики и сознания процесса, мы ничего не сможем понять ни в сущности эмоций, ни в пре-

словутой «тайне» эстетического, которая выражается в «парадоксальном» получении удовольствия от «чистой формы», от качеств, самих по себе вроде бы не имеющих никакой утилитарной ценности [10, с. 84-85].

Таким образом, становится очевидным, что не только темперамент, характер, витальные потребности, но и высшие духовные свойства человека, такие как нравственность, любовь к прекрасному, стремление к знанию, биологически обусловлены и укоренены в природе человека. Отрывать выражающие их ценности – истину, добро и красоту – от субъекта, от человеческой природы и представлять как некий самостоятельный объективный мир, – значит, мистифицировать их. Ценности не трансцендентны, а имманентны человеку и культуре в целом. Именно поэтому они обладают реальной силой и способны детерминировать человеческую деятельность и развитие социальных систем, играть существенную роль в разрешении цивилизационных кризисов.

Раскрытие роли биологического, природного в существовании человека не должно вести к биологизаторству и принижению роли социального. Нельзя не согласиться с тем, что характер общественных отношений влияет на формы и направленность деятельности человека, на социальное положение личности и различные возможности ее развития, на способы воспитания и обучения, характер общения, структуру и способы удовлетворения потребностей, а также и на возможности самопознания, изменения собственной природы и улучшения среды обитания. Однако совершенствование общественных отношений и отношений общества с природой не может осуществляться без учета специфических свойств человека как биологического существа.

Список использованной литературы

1. **Дарвин Ч.** Происхождение человека и половой отбор. Т. 2. СПб, 1872.
2. **Леонтьев Д.А.** Ценность как междисциплинарное понятие: Опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. 1996. № 4. С. 15-26.
3. **Лоренц К.** Кольцо царя Соломона. М., 1980; Его же: Год серого гуся. М., 1984.
4. **Налимов В.В.** В поисках иных смыслов. М., 1993.
5. **Нуйкин А.А.** Биологическое и социальное в эстетических реакциях// Вопросы философии. 1989. № 7. С. 83-99.
6. **Симонов П.В.** Происхождение духовности. М., 1989.
7. **Столович Л.Н.** Красота, добро, истина. М., 1994.
8. **Франкл В.** Человек в поисках смысла. М., 1990.
9. **Чавчавадзе Н.З.** Культура и ценности. Тбилиси, 1984.
10. **Эфроимсон В.П.** Родословная альтруизма// Новый мир. 1971. № 10. С. 193-209.

И.В. Козлов

ОСОБЕННОСТИ МАНИПУЛЯЦИИ МАССОВЫМ СОЗНАНИЕМ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Ивановский государственный химико-технологический университет

В данной научной работе автор обращается к проблематике манипуляции массовым сознанием на современном этапе общественного развития и рассматривает ее в плоскости социально-философского знания, связывая манипулятивное воз-

действие с современными тенденциями в нравственно-ценностной сфере общественной жизни.

Проблема манипуляции сознанием является одной из самых интересных в социальной философии и социальной психологии. Вопросы воздействия на массовое сознание являются центральными для ряда областей современной цивилизации. К информационному воздействию следует отнести и рекламу, и избирательные технологии, и кризисные коммуникации, и многое другое. Все эти разновидности влияния на массовое сознание несут в себе отдельные элементы. На это указывает ряд авторов – С.Г. Кара-Мурза, Г.Г. Почепцов, Е.Н. Волков и многие другие. Мы попытались рассмотреть феномен манипуляции сознанием в социально-философском аспекте.

Необходимо отметить то, что в данной работе мы не рассматриваем отдельно друг от друга понятие воздействия на массовое и индивидуальное сознание. Это обусловлено тем, что человек, являясь существом общественным, в любом случае принимает на себя ту культурную матрицу, в которой он существует. Иного быть не может. И мы в данном случае подчеркиваем, что линия манипулятивного воздействия на сознание человека идет, в первую очередь, по границам внутригрупповых ценностей, определяющих формирование и реализацию тех или иных моделей поведения личности.

Манипуляция на настоящий момент превратилась в средство мощного информационного воздействия на массы, формирующее динамические процессы в обществе. Она широко применяется в СМИ, в различных организациях как коммерческой, так и некоммерческой направленности. Если к тому же принять во внимание широкую криминализацию современного общества, развертывание религиозного и политического экстремизма, то феномен манипуляции, выведенный за рамки обыденной жизни и наполненный научными подходами, становится мощным оружием.

Манипулирование массовым человеческим сознанием определяется на настоящий момент как психическое насилие, то есть такое деструктивное воздействие на сознание и органы чувств человека со стороны другого человека или группы людей, которые побуждают его действовать в соответствии со скрытыми целями и интересами манипуляторов, тщательно скрывааемыми от жертвы, особенно на первых этапах вовлечения его в ловушку. Следует выделить главные, родовые признаки такого рода воздействия:

1. Манипуляция - это вид духовного, психологического воздействия (а не физическое насилие или угроза насилию).

2. Манипуляция - это скрытое воздействие, факт которого не должен быть замечен объектом манипуляции: «Под манипулированием в большинстве случаев следует понимать психическое воздействие, которое производится тайно, а следовательно, и в ущерб тем лицам, на которых оно направлено. Простейшим примером тому может служить реклама» [15, с.25].

3. Манипуляция - это воздействие, которое требует значительного мастерства и знаний, поскольку на данный момент, манипуляция общественным сознанием стала технологией; к людям, сознанием которых манипулируют, относятся не как к личностям, а как к объектам, особого рода вещам. Манипуляция - это часть технологии власти, а не воздействие на поведение друга или партнера.

Социальными философами, в частности В.В. Ильиным [7], выделены следующие факторы, предпосылки возникновения манипулятивного поведения: КУЛЬТУРА (общественный контекст), ОБЩЕСТВО (совокупность социальных контекстов), ОБЩЕНИЕ (межличностный контекст), ТЕХНОЛОГИЯ (контекст деятельности, ее операционального состава).

На социально-культурном уровне, как указывает В.В. Ильин [7, с.23-31], мы имеем дело с возникновением социально-философских категорий «МЫ» и «ОНИ» («ДРУГИЕ») - классы и расы, территориальные и национальные объединения, про-

фессиональные, производственные и религиозные общности, обозримые группы и группировки (команды, бригады, родственники и др.). Разделение на «МЫ» и «ОНИ» («ДРУГИЕ») означает, что наряду с общечеловеческими ценностям люди ориентируются еще и на коллективные (государственные, классовые, клановые) интересы, ценности, которые зачастую искажают общечеловеческие принципы совместного бытия. «ОНИ» («ДРУГИЕ»), в ходе развертывания указанных социальных процессов, начинают оцениваться, соотноситься с внутригрупповыми ценностями. По мере формирования и развития чувства «МЫ» и, соответственно, группы, «ОНИ» начинают оцениваться сквозь призму внутригруппового культурного пространства. Этот процесс зачастую развивается до полной девальвации, уничтожения «противника», когда общественная мораль преподносится как вымысел идеологов враждебного социума, а свои «ценности» провозглашаются как истинные.

Подобное разделение происходит в силу дифференцирующих процессов, происходящих в обществе, в основе которых лежит принцип объединения по общности интересов и целей. На этом фундаменте и происходит формирование различных микрогрупп. Добавление к этим процессам ценности борьбы приводит к возникновению соперничества, предполагающего в некоторых случаях и враждебность – возникают межгрупповые конфликты по внешним границам микрогрупп и внутригрупповые конфликты по внутренней границе социума.

Таким образом, общечеловеческие принципы и ценности искажаются во внутригрупповом культурном пространстве в угоду групповым ценностям и интересам, берутся на вооружение социальными группами, превращаясь из ценностей в средства политической или идеологической борьбы между сообществами. Идентифицируясь с той или иной группой, человек становится проводником ее воздействия, извлекая одновременно с этим ряд преимуществ для себя: личная ответственность почти целиком перекладывается на сообщество, чьим представителем он является, но наряду с этим происходит деперсонализация личности, утрачивается свобода и индивидуальность; участник сообщества получает подкрепление для своей самооценки: в своих глазах он есть то, что он представляет – государство, партию и т.п.; пользуясь авторитетом сообщества, участник этой группы увеличивает свои возможности воздействия на других для достижения собственных целей, удовлетворения невротических потребностей и т. д. Манипуляторы быстро усваивают специфику подобного взаимодействия: переложи ответственность, заручись поддержкой и добивайся своего. Этот процесс происходит тем легче, чем с большим количеством различных «МЫ» способен идентифицироваться такой человек. Однако наряду с положительными последствиями такого манипулятивного поведения, происходит утрата первоначальной целостности личности. Постепенно происходит замена личности, ее расщепление, что приносит постоянный дискомфорт в нормальных условиях, но стоит только вернуться обратно в группу, и неприятные ощущения исчезают. Это один из факторов, обеспечивающих успех воздействия на психику: индивидуум с измененной эмоционально-потребностной и когнитивной сферой, измененным мировосприятием и пониманием окружающей действительности не может за границей культовой группы реализовать свои потребности и мотивы – он стремится вернуться назад, туда, где он может искусно манипулировать другими.

Справившись с проблемой издержек социального расслоения, общество одновременно создает необходимость и достаточные предпосылки для полноценной манипуляции: с одной стороны, лидер сообщества является жертвой манипуляции со стороны толпы, которая, возбуждая желание властвовать, взваливает на лидера ответственность, а с другой – лидер платит той же монетой, властвует над толпой, распорядившись ею по собственному усмотрению, не посвящая ее в свои замыслы. Так складывается взаимная заинтересованность в сохранении тайны воздействия – каждая сторона считает, что она в выигрыше, тогда как обе они страдают от дисбаланса

в распределении ответственности, от неоправданного ограничения свободы, от унижения и нивелировки.

На социальном уровне, в живом общении, рассматриваемом как деятельность, находят свое воплощение следующие две тенденции:

1. **Общечеловеческая** тенденция, которая состоит в противоречивом, но неразделимом устремлении к дифференциации («Я – ТЫ») и к индивидуализации, самоактуализации. Оба эти момента образуют две стороны полноценного общения на основе взаимного признания равноценности и уникальности друг друга.

2. **Социальная**, прагматически ориентированная тенденция, в рамках которой человек понимается как член группы и используется социумом в качестве средств удовлетворения интересов сообщества, в качестве объекта воздействия.

Эти две тенденции создают определенную шкалу, одним полюсом которой является отношение к другому человеку как к самоценности, а другим – отношение к человеку как к средству реализации собственных интересов, когда наша мысль и наша практика, не техническая, а моральная (то есть наши ответственные поступки), совершаются между двумя пределами: отношениями к вещи (овеществление) и отношениями к личности (персонификация). Одни наши акты (познавательные и моральные) стремятся к пределу овеществления, никогда его не достигая, другие акты – к пределу персонификации, до конца его не достигая. В силу этого человек ставится в ситуацию выбора своей собственной позиции на этой своеобразной шкале. Два ключевых момента определяют в конечном итоге выбор тактики поведения – выгода и цена: «это те новообразования, которые позволяют освоить всю шкалу» [4, с.259]. Специфика такого рода взаимоотношений определяется особенностями социального обмена. И достаточным условием, обеспечивающим особенность взаимодействия, выступает готовность к нарушению симметричности соотношения между выгодой и ценой (приобретением и платой). Это обуславливает потребность к наращиванию собственной выгоды, девальвируя одновременно гуманность [4, с.79-97]. В условиях дефицита средств и того, ради чего эти средства тратятся, ужесточается соперничество, которое постепенно перерастает во враждебность. Деструктивное информационное воздействие (манипуляция) возникает именно на этом этапе, когда открыто переиграть соперника уже не удастся, а полностью подавить еще нет возможности.

Е.Л. Доценко, обобщив все данные по этой проблеме, выделил важнейшие следствия процессов социальной дифференциации [4, с.258]: сокращение степеней свободы лиц, находящихся под подобным «манипулятивным прессом», насилие над индивидуальностью: нивелировка, сравнение, оценивание, эксплуатация, посягательство на ответственность, что порождает почву для манипулирования (снять, возложить, перенести, распределить); эксплуатация людей: их использование в инструментальной функции как средство достижения не ими поставленных целей, возведение в ранг обычной нормы иллюзий и взаимного обмана.

Таким образом, человек в современных условиях не способен в полной мере, четко и ясно воспринимать весь массив информационного потока, анализировать его, отсеивать все ненужные фрагменты. Это и приводит в конечном итоге к тому, что люди тяготеют к включению в специфические субкультурные сообщества, которые защищают своих членов рамками своих простых, но законченных и целостных мировидений от все нарастающего давления внешней информации. То есть речь идет об особой форме групповой психологической защиты, которая может рассматриваться как попытка конституционально и культурно схожих индивидуумов совместно защититься от размывающих и дезориентирующих их культурных влияний. Следовательно, высококооперированные группы (каста, секта, клика, банда, хунта и др.) включают в себя менее кооперированные образования, такие как масса, стая, участники которых всегда и во все времена являются предметом манипулирования, подведения под конъюнктурные авторитарно-патерналистские ценности.

Специфику современной социальной ситуации существования человека определяют следующие факторы:

1. Существование современного человека в информационно плотной среде: агрессия масс-медиа и множество слабо контролируемых контактов.
2. Дезориентированность современников в условиях футурошока (нарастающий обвал мироподдерживающих проблем – экологическая, демографическая, сексуальная, социотропная революция в условиях информационного взрыва).
3. Атавизмы холодной войны, материализующиеся в различных формах геополитического противостояния и идеологической агрессии.
4. Неграмотность населения как предпосылка безусловной податливости профессиональному суггестивному давлению заинтересованных лиц.
5. Невозможность сокрытия профессиональных секретов от посторонних лиц: за деньги всякий желающий получает сведения о современных эффективных психотехнологиях.
6. Экономическая заинтересованность как основной мотив любых организаторов сектообразующей деятельности.
7. Массированное финансирование сектообразующих мероприятий заинтересованными компаниями.
8. Отсутствие реально действующих общесоциальных институтов.

Ницше в своих работах проводил идею о том, что в современном мире с его массовой культурой, массовым сознанием, изощренными технологиями «промывки мозгов», общественного рекрутирования, творения кумиров, производства адептов различных культов бесконечно возросла способности человека к «дрессуре»: культивация стадных форм поведения, пропагандируемых как разумные и интеллигентные, приводит к уничтожению человека разумного, обладающего набором качеств личности, формирующего его индивидуальность и неповторимость. По мнению ряда исследователей, основным механизмом обращения в такого рода «культ», систему ценностей является так называемая «индоктринация» - это психологическое средство влияния на индивидуума или группу с целью внедрения мнения, идеи, системы взглядов, отношения к происходящим событиям и др. Наибольшее значение имеет, как считают некоторые исследователи, внедрение стереотипа мышления в рамках определенной парадигмы, появляющееся под воздействием массивного психологического воздействия.

В результате индоктринации индивидуумы попадают в многостороннюю зависимость от группы. Опасность динамики, имеющей место в любой группе, особенно в тоталитарных культурах, заключается в том, что манипуляция происходит незаметно и рядовыми участниками не распознается. Поэтому члены группы лишены возможности развить стратегии психологической защиты. У вновь прибывших складывается впечатление о спонтанности своих эмоций, добровольности поведения. Они убеждены в том, что предлагаемые им убеждения соответствуют их собственным идеалам, не оформленным и не реализованным вне рамок культа, участниками которого они являются. Остальные же участники системы ценностей воспринимаются вновь прибывшими как приятные, всегда готовые прийти на помощь люди. Мы подчеркиваем, что эти моменты особенно характерны для тоталитарных культов и групп, система отношений в которых построена на подчинении, которое достигается умелой манипуляцией сознанием участников такого сообщества путем внедрения специфической системы ценностей в сознание человека и выработки на основе этого определенных моделей поведения, среди которых преобладающей является модель подчинения.

Таким образом, становится очевидным, что воздействие на сознание человека, подавление его воли и лишение способности критически оценивать все то, что диктуется культом (системой ценностей), достигается путем использования изолированных манипулятивных техник. Большая часть людей поддается такого рода воздействию в кризисных ситуациях. А интеграция в группу, осознание и впитывание в себя идей спасения и излечения приводит к ощущению того, что сбывается какая-то мечта с возникновением убеждения в исполнении духовных надежд.

В случае манипуляции подобного рода, то есть в случае индоктринации, имеется два одновременно используемых манипуляторами структурных элемента личности: одновременно эксплуатируется как потребность человека в любви и понимании, так и подвергаются манипулятивному воздействию все страхи, особенно страх лишиться любви и понимания – именно на этом актуализируется манипулятор. Поэтому логично указать на то, что в группах с высокой степенью кооперированности насилие осуществляется и в форме любви, и в форме прямых или косвенных угроз, запугиваний, то есть характерным приемом деструктивных культов является активное использование различных видов «искусственной любви» на первых этапах вовлечения жертвы в ловушку и применение угроз лишения «любви» на последующих этапах закрепления и эксплуатации личности в тоталитарном культе.

Некоторые группы пытаются совершить полное обращение в течение очень короткого времени, другие – в ходе продолжительной обработки сознания человека. Некоторые индивидуумы так полностью и не обращаются и остаются на краях группы, считаются временными и никогда не достигают высокого статуса среди культового социума.

Успешное обращение часто сопровождается радикальным изменением новообращенных, когда они принимают на себя идеальную культовую личность (согласуются с требованием культа) и заменяют свой прежний жизненный стиль, словарный запас, интересы, друзей и ценности тем, что предписано культом. Подобный «скачок», резкий разрыв эмоциональных связей вызывает зачастую различного рода стрессовые и депрессивные состояния. Новообращенные, таким образом, выпадают из реальности. Непрерывное служение культу, методичное исполнение культовой практики ослабляет негативные эмоциональные состояния, но не снимает их.

Ц.П. Короленко и Н.В Дмитриева выделили общие приемы обращения, принятые на вооружение большинством тоталитарных групп и имеющие в основе своей манипулятивную природу [11, с.392-397]:

Контроль времени и деятельности (поведения) – подчинение потенциальных новообращенных рассчитанному строгому временному графику, в пределах которого каждый момент связан с физически и эмоционально напряженной деятельностью. Это создает дефицит свободного времени, необходимого нормальной личности для отдыха, развлечений, взаимодействию с окружающим миром. В пределах установленного временного графика новообращенный подвергается следующим воздействиям – лекции, встречи с группой, длительные заседания, интенсивные консультации один на один, произвольные танцы, различные гипнотические упражнения, монотонное пение, жаркие молитвенные собрания, недостаточные сон и еда, изнуряющие физические упражнения. По сути, это манипуляция поведением человека, цель которой заключается не в том, чтобы обогатить внутренний мир человека или оздоровить его, а в разрушении имеющихся у новообращенного эмоциональных, общественных связей; закрепление его в группе, уменьшение внимания, физическое и эмоциональное истощение, ослабление способности критически оценивать и мыслить. В случае успеха это будет основой для осуществления внушения. Таким образом, манипуляция создает условия для дальнейшего внушения основополагающих догм и идей.

Информационный контроль: манипуляция информацией, поступающей через средства массовой коммуникации, на фоне которой происходит массированная информационная атака средств коммуникации внутри тоталитарной группы, где вырисовывается противник, к которому применяются специфические техники, которые заключаются в:

- увеличении негатива противника,
- уменьшении позитива противника.

Отсюда следует, что манипуляция возможна и широко используется в ситуации конфликта, в кризисной ситуации. В этом случае окружающий мир представляется в крайних выражениях, он становится черно-белым. Начинает вестись своего рода информационная война за обладание личностью человека. Это самое настоящее манипулятивное информационное воздействие на сознание новообращенного, истинная цель которого выражается в лишении новообращенного способности к принятию самостоятельных решений в силу информационной перегруженности, эмоциональной нестабильности и невозможности в таких условиях критически и объективно оценивать ситуацию. Таким образом, манипулятор организует знаково-символическое пространство своего адресата, формируя его восприятие, мнение и оценки окружающей действительности либо той или иной ситуации.

Манипуляция языком, осуществляемая путем приписывания новых и дополнительных значений обычным словам. Формируется и является обязательным к применению всеми участниками культа, тоталитарной группы культовый язык. Дополнительная тактика включает использование словарного запаса, введение иностранного языка в разговор и пение (например, латынь, окутанную ореолом таинственности), стремление отбить желание к «банальному» разговору о некультовой деятельности, интересах и идеях, ограничение выражения собственных мыслей и чувств о своем прошлом и будущем. Этим формируется чувство посвященности в тайну сакрального языка, новое знание. Новообращенные начинают ощущать себя более комфортно в группе, общаясь с уже обращенными на этом языке. Но со временем это приводит к оторванности завербованных людей от реального мира, от реального языка и общения. Данный фактор является закрепляющим моментом новообращенного в тоталитарной группе способствует формированию дифференциации «МЫ – ОНИ». А это уже момент смены и закрепления новой идентификации личности. Налицо разрыв старых социальных связей и формирование новой идентичности личности, формирование новой и основной референтной группы.

Многие культы подвергают критике возникающие у новообращенных сомнения по поводу того или иного догматического положения или идеи, выдвигаемых в группе. В результате вербуемые испытывают чувство вины, угрызения совести из-за сомнений, критики культа. Доходит даже до отрицания своего разума, отказ от мыслей вообще.

Обучение методикам, вызывающим транс (медитация, монотонное пение, говорение на языках, самогипноз, создание ярких мысленных образов и контролируемые дыхательные упражнения, приводящие в итоге к обеднению или перенасыщению крови кислородом и изменяющие процесс мозговой деятельности). Данные методики направлены на создание у новообращенных трансоподобных состояний, часто заставляющих обращаемых людей чувствовать свою причастность к необычному, магическому, сакральному знанию. Помимо этого, подавляются сомнения и возрастает внушаемость, что очень важно при дальнейшей обработке сознания человека. У некоторых эмоционально не сбалансированных индивидуумов это может вызывать нервные срывы.

Исповедальные сессии, во время которых обращаемых и уже обращенных людей заставляют выдавать личную информацию о прошлых и настоящих поступках, реальных или воображаемых. Люди, прошедшие это, могут испытывать первона-

чальное нервное напряжение с последующим чувством облегчения после подобного «признания». Но по сути группа, таким образом, закрепляет индивида, играет на его страхе быть опозоренным, то есть шантажирует его в последующей жизни, не отпуская из культа или иной организации тоталитарного толка (например, экстремисты).

Групповое давление – это по сути предложение позитивного подкрепления (одобрения, привязанности, повышенного внутригруппового статуса) в случае соблюдения всех внутригрупповых норм. Следовательно, осуществляется манипуляция поведением новообращенных через выражение групповой воли, закрепленной в правилах поведения, составленных теми же организаторами-лидерами группы, являющихся манипуляторами. Это своего рода изоциренная манипуляция, но уже массовым, квази-групповым сознанием путем подавления воли и формирования особого мировосприятия.

В конечном итоге у человека, попавшего под манипулятивное влияние такого рода сообществ, выстраивается примитивная, но стройная картина мира, выражающаяся, в частности, в специфической интерпретации истории, толковании действий исторических персонажей и т.п. Таким образом, группы реализуют стремление человека заполнить имеющийся у него информационный и эмоциональный дефицит и преодолеть тревогу. Экзистенциальный страх, появляющийся у человека, делает его идеальной жертвой различных тоталитарных, ценностных систем, культов, в которых он освобождается от беспокоящих его мыслей.

В целом манипуляция массовым сознанием трансформировалась из малозаметного явления в технологию власти, в своего рода информационное оружие, широко используемое масс-медиа, религиозными культами, корпорациями и другими высокооперированными группами в своих целях. В России это происходит в особенно циничных формах – возникновение множества ток- и реалитишоу, различных фабрик звезд, производящих в конвейерном режиме массовую культуру и т.п. Все это вместе взятое наносит сокрушительный удар по науке и культуре общества в целом (в частности, российского общества). Упрощенные модели поведения и суждения приводят к нивелированию общечеловеческих ценностей, таких как человеческая жизнь, любовь, семья, духовность и др. Разрушение и замена макрокультурной матрицы чем-то аморфным и разобщенным в конечном итоге приведет к уничтожению самобытности, национальности и государственности. Ярким примером этого служит разрушение Римской империи, которому предшествовало моральное разложение и упадок.

В процессе исследования нами выделен блок, описывающий лишь одну из плоскостей деструктивного информационного воздействия, лишь одну из групп факторов, определяющих эффективность манипулятивного поведения и воздействия на массовый объект. Этого отнюдь недостаточно для полной характеристики явления манипуляции массовым сознанием. Философская и психологическая науки приходят к пониманию того, что надо создавать единую теорию, которая даст мощную теоретическую базу с дальнейшим практическим ее воплощением в форме эффективных методов противодействия и профилактики деструктивного информационного воздействия на массовое сознание и культуру общества на современном этапе развития.

Список использованной литературы

1. **Бердяев Н.А.** Самопознание. М., 1991.
2. **Батищев Г.С.** Социальные связи человека в культуре // Культура, человек и картина мира. М., 1987.
3. **Волков Е.Н.** Преступный вызов практической психологии: феномен деструктивных культов и контроля сознания (введение в проблему) // Журнал практического психолога. – 1996, № 2.

4. **Доценко Е.Л.** Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: ЧеРо, Изд-во МГУ, 1997.
5. **Желтонова Ю.А.** Ценностно-смысловые детерминанты межличностного взаимопонимания: Автореф. канд. дис. Ростов-н/Д., 2000.
6. **Журавлев А.Л.** Социальная психология личности в малых группах // Психол. журнал. 1993. Т. 14. № 4. – С. 4 – 15.
7. **Ильин В.В.** Философия. Том 2. Ростов-на-Дону, 2006. С. 8 – 283.
8. **Коган Л.Н.** Всестороннее развитие личности и культура. М., 1981.
9. **Козырев А.К.** Природа веры, «Ученые записки ЛГПИ им. А.И. Герцена». Т. 365, 1968.
10. **Кара-Мурза С.Г.** Манипуляция сознанием. М., 2000.
11. **Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В.** Социодинамическая психиатрия. Новосибирск, 1999.
12. **Лебон Г.** Психология народов и масс. СПб., 1995.
13. **Орел Н.** Психологические механизмы влияния тоталитарных групп на личность: профилактика и преодоление зависимости // Журнал практического психолога. М., 1999. № 4.
14. **Орел Н.** Психологические механизмы влияния тоталитарных групп на личность: профилактика и преодоление зависимости // Журнал практического психолога. М., 1997. № 5.
15. **Почепцов Г.Г.** Символы в политической рекламе. Киев, 1997.
16. **Почепцов Г.Г.** Психологические войны. Основания психологической войны. Киев, 1999.
17. **Сильвестров В.В.** Философское обоснование теории и истории культуры. М., 1990.

Е.В. Палей

ЦЕННОСТНОЕ ОТНОШЕНИЕ КАК СИСТЕМА

Ивановский государственный химико-технологический университет

В статье дается системная характеристика ценностного отношения, рассматриваются свойства данной системы и ее роль в развитии личности и социума.

Всестороннее понимание развития социума и человека как особого феномена бытия невозможно без исследования ценностной составляющей их существования. Несмотря на сравнительно недавнюю историю, проблема определения сущности ценности и ценностного отношения уже смогла войти в число философских проблем, вызывающих постоянный интерес.

Понимание ценностного отношения возможно только при условии системного подхода к человеческой деятельности и сущности человека. Это позволяет не противопоставлять духовные качества личности ее природной основе, а синтезировать их в следовании общим целям. Ценности – это попытка внести упорядоченность в человеческое существование. Оценивая мир вокруг, человек систематизирует свои устремления, оптимизирует отношения с окружающими природными и социальными обстоятельствами. Ценностная культура формируется всеми условиями жизни людей и воздействием на них со стороны природы и общества. Благодаря универсальной человеческой деятельности возможным оказывается объединение в ценно-

стном отношении субъективно-человеческого и объективно-естественного. Мозговые механизмы есть продукты развития предметной деятельности. Сознание - открывшаяся субъекту картина мира, в которую включен и он сам, его действия и состояния. Образ, вызванный внешним воздействием, с самого начала «отнесен» к внешней по отношению к мозгу субъекта реальности, он не проецируется на внешний мир, а вычерпывается из него [7, с. 115, 130]. Неправильно объявлять понятие ценности исключительно нормативным и целевым. Отношение по своей природе процессуально, оно есть психическая и практическая деятельность. Ориентация на какие-либо цели, предметы, свойства требует осуществления. Ценности совмещены с действительностью за счет встроенности в деятельность. Они организуют поведение, сообщая ему генеральные интенции, регулируют созидание сущего [6, с. 202, 205]. Связь деятельности с ценностью взаимная, понятия деятельности не может быть определено без ценности. А в человеческой деятельности нет подразделения мира на исключительно внешние или внутренние реальности. Субъективные мотивы деятельности всегда осознаются и реализуются объективно – в целеполагающих действиях и предметных операциях, в свою очередь, деятельность или операция получают свою предметную определенность лишь тогда, когда они связаны единым внутренним мотивом, сознательной целью или конкретной задачей [3, с. 77]. Ценности обнаруживаются в конкретных действиях, отношениях. Многообразие ценностей целиком отражает многообразие структуры человеческой деятельности.

Человек так или иначе оценивает все, с чем имеет дело; все, что его окружает. Объектом ценностного отношения может быть любой предмет или явление. В ценностную реальность человека включен весь мир. Действительность, которую он познает, преобразует, созерцает, представляет собой единство объекта и субъекта в ценностном отношении. Мир имеет широкую положительную значимость для человека. В соответствии с этим практически каждый предмет или явление обладает ценностными свойствами. Как часть этого мира, как вещь, человек сам существует только в отношениях с миром. Человека окружают вещи, которые являются носителями ценностных свойств и которые он считает ценными. Человеческую жизнь составляет цепочка действий, содержанием которых является достижение бесконечного количества разнообразных целей с помощью соответствующих средств. Все эти вещи, свойства и отношения, в которых они проявляются, цели и средства представляют собой мир ценностей человека. Можно утверждать, что вся сумма наличных ценностей человечества – это целый мир. Но употребление данного термина не означает противопоставления ценностного мира миру материальному, реальному. Понятие «мир» применимо к ценностям в его общефилософском значении, а именно как целостной совокупности предметов и явлений, которой присуще определенное внутреннее единство, а также расчлененность, множественность и достаточная степень сложности.

Ценности существуют как вещи и свойства, общественные идеалы или индивидуальные ценностные представления, проявляющиеся в разных формах поведения и деятельности человека, превращаясь тем самым в предметную и социальную среду. Человеческие интересы и потребности являются тем стержнем, вокруг которого объединяется ценностная реальность. Сфера потребностей и интересов человека постоянно углубляется и расширяется. Вместе с ней расширяются и границы ценностной реальности. Человек вовлекает все новые явления и предметы в ареал своей практической и духовной активности. Весь этот многообразный мир объектов сводит воедино телеологический характер ценностного отношения. Человек – существо целостное, всестороннее, универсальное. Все существующие отношения человека представляют собой единый, непрерывный процесс целесообразности и целеполагания. Вся окружающая действительность оказывается вовлеченной в процесс дости-

жения цели, где ценностью оказывается и сама цель, и все пригодные для ее достижения вещи, явления и их свойства. При этом материальное и духовное, субъективное и объективное, природное и социальное сливаются в единой реальности – реальности ценностного отношения, неотделимого от объективного жизненного процесса.

Существует аксиологическая система, в центре которой находится человек. Человек никогда не противостоит окружающему миру, он существует вместе с ним. Человек целиком погружен в предметную и культурную реальность, ее переживание составляет внутреннее содержание жизни каждого человека и человечества в целом. Любой объект может обладать ценностными свойствами, обладал ими ранее или представляет собой лишь потенциальную ценность. Практически все вокруг оказывается в разной степени вовлеченным в область жизненной активности человека, а, значит, и в ценностные отношения. Ценностное сознание составляет система понятий и категорий, представлений о ценностях. Оно охватывает цели и идеалы, убеждения, нормы и принципы, взгляды на всю систему отношений человека с миром с точки зрения его заинтересованности. Ценности преломляют мир в сознании человека. В ценностных представлениях заключена идеальная форма существования предметного мира, его свойств, связей и отношений, раскрытых сквозь призму их значимости в сфере практической активности человека. Нормы, идеалы, ценностные категории определенным образом взаимосвязаны, иерархически расположены, представляют собой программы поведения отдельных личностей, групп, коллективов и человечества в целом.

Ценности существуют как значимость, возникающая на основе потребностей и интересов человека и выступающая в предметном мире в форме свойств или вещей. Но толкование значимости как функциональной характеристики не исчерпывает ее содержания. То, что находится с одним явлением в отношении (например, функциональной зависимости), обязательно находится в причинно-следственной связи с каким-либо другим явлением. Функциональная зависимость не имеет непосредственного причинно-следственного содержания. Но значимость возникает как момент взаимодействия объекта и субъекта. Свойства объекта могут проявляться только во взаимодействии. Взаимодействие выступает как интегрирующий фактор, посредством которого происходит объединение частей в определенный тип целостности. В связи с этим ценностное отношение возможно рассматривать как систему.

Существует определение системы как отношения, обладающего некоторым заранее определенным свойством [8, с. 121-122]. Система представляет собой совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, образующую определенную целостность, единство. Качество системы определяется элементами и структурой, то есть их взаимодействием. В ценностном отношении содержание взаимодействия обусловлено природой составляющих его элементов, в данном случае – человека и объекта окружающего мира. Вся предметная и духовная реальность в качестве потенциального объекта ценностного отношения образует субстратный уровень организации ценностного отношения как системы. Данная система детерминирована как особенностями воспринимающего субъекта, так и качественными характеристиками объекта-ценности.

Структурный уровень организации системы составляет системообразующее отношение, в данном случае – отношение человека с окружающим миром. Конкретные проявления этого всеобщего отношения обуславливают содержание определенного ценностного отношения и ту ценность, которая в данном конкретном ценностном отношении проявляется. Концептуальный уровень организации системы ценностного отношения образуют потребности и интересы человека, вся совокупность его природы. Именно данные факторы определяют фундаментальные связи между взаимодействующими сторонами в отношениях человека с миром, детерминируют осо-

бенности ценностного восприятия им (человеком) окружающего и самого себя. Цель взаимодействия человека с миром – в осуществлении человеческой природы, а системообразующее свойство в ценностном отношении – значимость предмета для человека или общества. Ценностное отношение как система определяется указанным концептуально-структурным содержанием, развивается в зависимости от степени удовлетворения человеком актуальных потребностей и интересов в определенных отношениях с миром.

Ценностное отношение обладает свойствами системы: целостностью (значимость возникает как результат взаимодействия, она несводима к свойствам элементов ценностного отношения), иерархичностью (каждый компонент ценностного отношения может рассматриваться как система, при этом каждое ценностное отношение представляет собой один из компонентов более широкой системы – системы ценностных ориентаций человека и общества). Ценностное отношение – это система с гибкой связью между элементами, носящей вероятностный характер (обусловленный как непредугаданностью проявлений человеческой природы, так и многообразием видов отношений человека с миром). Все многообразие мира можно представить как совокупность вещей, свойств и отношений. Это и есть реальность – реальность как «все существующее». Ценности органично вплетены, неразрывно связаны с каждым элементом этой реальности. Реальность предметной среды или социально-исторических обстоятельств, в рамках которых разворачивается какое-либо ценностное отношение, не подлежит сомнению. Ценностное отношение не может быть оторвано от комплекса всех остальных отношений, в которых находятся его объект и субъект. Ценности существуют там, где существуют вещи, свойства и отношения.

Мир ценностей является многогранным образованием. При этом он является закономерной составляющей мира природного. В неживой природе объекты взаимодействуют между собой, не давая ценностного отношения. Но живая природа – это результат развития неживой материи. Неживая природа содержит в себе как бы потенциальную возможность быть ценной. Когда возникает живая материя, появляется целесообразность, эта возможность переходит в действительность, все объекты окружающего мира становятся потенциальными ценностными объектами. Традиционно считается, что мир ценностей – специфически человеческое творение, а сама аксиологическая способность в развитом виде связана лишь с социальностью. И вместе с тем, многочисленные факты свидетельствуют, что всем живым организмам присущ прекрасно отработанный механизм биологической оценки. Можно предположить, что всей материи присуща избирательность, органически связанная с отражением. При таком подходе ценностный аспект жизни человека выступает как развитие фундаментального свойства всех взаимодействующих объектов – отражения воздействий внешней среды.

Соотношение жизни и ценности важно для понимания их сущностей. Этот вопрос включает два момента: 1) можно ли распространить понятие ценности на феномен органической жизни; 2) можно ли обосновать естественное происхождение культурных ценностей. Ответ на первую часть вопроса связан с установлением телеологического характера ценностного отношения, что делает его частью общей проблемы телеологии в естественных науках. При этом одни авторы (Э. Агацци) предлагают проводить четкое различие между «простой целенаправленностью» явлений живой природы и «реальным ценностно-ориентированным поведением» человека [1, с. 28]. С другой точки зрения (В.А. Василенко, В.Г. Борзенкова), мы имеем ценностно нагруженную телеологию везде, где есть функциональное отношение значимости, что свидетельствует о положительном ответе на вопрос о распространяемости понятия ценности на живую природу [2, с. 101]. На наш взгляд, первое ут-

верждение более предпочтительно: неправомерно приравнивать функциональную телеологию живого к миру сознательно выбираемых человеческих ценностей. Но важнее другое обстоятельство: сам факт возможности сопоставления ценностей и значимости в природе позволяет нам сказать, что ценности создает весь мир в процессе своего развития. Отношение значимости формируется в универсуме задолго до появления человека и человеческой культуры. Оно совершенно неотделимо от самого феномена жизни, о чем свидетельствует весь функционально-телеологический язык биологической науки. В современной натуралистической трактовке процесс формирования специфически человеческих ценностей предстает в виде нарастания, интенсификации и преобразования отношения значимости, возникшего одновременно с первыми живыми организмами, в ходе последующей антропологической и социально-культурной эволюции. И хотя высшие этажи и уровни ценностей имеют социальные корни, само отношение значимости возникает вместе с живой природой и вместе с ней достигает высот культуры, нравственности и религии [2, с.107-108]. Данные авторы правы в том смысле, что ценностное отношение не привнесено субъектом, оно порождается объективно.

Ценности не трансцендентны миру, они имманентны реальности, в рамках которой существует человек. Применительно к единству мира, человека и его ценностного измерения возможно употребить понятие универсума как отражения особой формы всеобщности, объединяющую множество сосуществующих элементов. Категория универсальности наиболее полно выражает идею единства мира [5, с. 111]. Мы наблюдаем огромное разнообразие систем ценностей и отдельных ценностных представлений. Вся мировая реальность вещей, свойств и отношений имеет неравнозначные ценностные характеристики, часть объектов составляет лишь потенциальные ценности. Но все эти аспекты взаимосвязаны универсальностью и вероятностным характером человеческой природы.

Человек и его ценностные представления не могут мыслиться в отрыве от вселенского целого. Человек находится в сущностной связи с бытием, и ценности характеризуют эту взаимосвязь как способность достичь целостного, всестороннего самоосуществления. Мир ценностей можно рассматривать в диалектическом единстве, которое составляет сам человек, природная и искусственная среда, совокупность общественных отношений, область духовной культуры. Ценности выполняют в этой среде роль направляющей и ориентирующей силы. Рисуя образ мира сквозь призму человеческих потребностей и интересов, ценностная реальность учит тому, как относиться к окружающему миру. Поэтому ценности – не особая действительность, это возможность для человека создания новой действительности в себе и вокруг себя.

Развитие ценностного отношения как системы связано с изменением значений системных параметров. Данная система динамична, она развивается во времени, определяясь жизненным опытом человека и социума. В процессе социально-исторического и антропологического развития концептуальной основой ценностного отношения становятся не столько материальные и биологические потребности и интересы, сколько духовные, социально-культурные нужды человека, что характеризует постепенный переход системы на новый уровень. Как и в любой сложной системе, ее усложнение не является однозначно конструктивным (в данном смысле можно сравнить с системным анализом процесса перехода биосферы в ноосферу [4, с. 19-20]). Ценностное отношение становится более многослойным, вариативным.

Ценностное отношение существует как целенаправленная система, способная к самоорганизации (самостоятельному изменению собственной структуры), что приобретает особую значимость в социальном аспекте. Ценности и ценностные ориентации личности регулируют реализацию потребностей человека в различных социальных

ситуациях. Иерархия системы ценностей включает в себя элементарные ценностные реакции, осознанные отношения, включенные в конкретную социальную среду и базовые социальные ценностные установки [9, с. 19]. Каждый уровень данной системы оказывается задействованным в различных сферах и соответствующих им ситуациях общения, создавая целостную совокупность жизненных отношений. Система ценностей позволяет соотносить индивидуальные ценностные представления с ценностями социума, совокупность индивидуального и социального опыта обуславливает развитие общества, совокупность реализуемых ценностей составляет своеобразие его культуры.

Список использованной литературы

1. **Агацци Э.** Человек как предмет философии// Вопросы философии. 1989. - № 2.
2. **Борзенков В.Г.** Жизнь и ценности. К обоснованию современного натурализма// Жизнь как ценность. М., 2000.
3. Быстрицкий Е.К. Феномен личности: мировоззрение, культура, бытие.– Киев, 1991.
4. **Дмитревская И.В., Портнов А.Н., Смирнов Г.С.** Системный анализ ноосферной динамики России // Вестник ИвГУ. Серия: История. Философия. Педагогика. Психология. Вып. 2. Иваново, 2000.
5. **Зеленцова М.Г.** Монистическая парадигма понимания мира и человека. Иваново, 2001.
6. **Ильин В.В.** Аксиология. М., 2005.
7. **Леонтьев А.Н.** Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
8. **Уемов А.И.** Системный подход и общая теория систем. М., 1978.
9. **Яницкий М.С.** Ценностные ориентации личности как динамическая система. Кемерово, 2000.

А.Н. Портнов

ХОСЕ ОРТЕГА-И-ГАССЕТ: ОТ ФИЛОСОФИИ ЖИЗНИ К ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

Ивановский государственный химико-технологический университет

«Человек не вещь, а драма, каковой является его жизнь, универсальное событие, происходящее с каждым из нас, и в этой драме человек в свою очередь – всего лишь событие».¹
«Масса – это конец, радикальное ничто».²

18 октября 2005 г. исполнилось пятьдесят лет со дня смерти одного из классиков философии XX века Хосе Ортеги-и-Гассета. Юбилей испанского философа – хороший повод осмыслить судьбу некоторых его идей. Литературное наследие Х. Ортеги-и-Гассета обширно. Конечно, это не сто томов полного собрания работ Хайдеггера, но и 12 томов ортегианских “Obras completas” включают богатую палитру материалов – путевые очерки и заметки (в которые ненавязчиво включаются культурологические и философско-исторические размышления автора), небольшие эссе о

культуре Древнего Египта и причинах падения Древнего Рима, давно ставшие классикой «Три картины о вине» [4], работы о Гойе и Веласкесе, в которые в качестве своего рода вставных новелл, включены глубокие размышления и о природе личного бытия [8], объемные труды по философии истории [53;54], философской антропологии и судьбе человека в обществах самого разного типа, отдельный том, составленный из предисловий-коментариев к переводам немецких, французских и английских авторов, работы, посвященные отдельным значительным фигурам в философии XIX века (например, Дильтею, Гербарту, Спенсеру), и многое другое.

Литература об Ортеге, особенно зарубежная, достаточно обширна, она насчитывает многие десятки монографий, посвященных и истокам ортегианской мысли в немецкой философии, и естественно-научным корням мышления Ортеги, филологическому коду его произведений, началу философской карьеры Ортеги и зрелому творчеству испанского мыслителя. Ортега и Унамуно, Ортега и Хайдеггер, Ортега и Ницше, Ортега и Кроче, Ортега и Зиммель, Ортега и Шюц, Ортега и постмодернизм, Ортега и Мексика, Ортега и Аргентина, Ортега и Франция, Ортега и Коста-Рика, Ортега и США [14;15; 16; 17;19; 20; 21; 22; 23; 27; 28; 31; 32; 33; 34; 54; 55; 56; 57; 58]. Здесь мы не можем дать хотя бы краткий её обзор, но сам размах тем и ассоциаций свидетельствует не только о влиянии творчества Ортеги на философскую мысль Запада, но и о многочисленных связях его творчества с иными вариантами философии жизни, экзистенциализма и феноменологии.

Задачей нашего исследования является следующее: показать эволюцию Ортеги от идей философии жизни к философии культуры, человека, истории. При этом мы отдаем себе отчет, что а) и «философия жизни» и «философская антропология», а тем более «философия культуры» и «философия истории» – достаточно вариативные явления и внутри каждого из них можно насчитать многие разновидности и что б) некоторые идеи, сформулированные Ортегой ещё в 10-20-ые годы XX века и которые скорее можно отнести к «философии жизни», красной нитью прошли через все его творчество. При этом следует иметь в виду, что было бы большим упрощением представлять эволюцию творчества Ортеги таким образом: сначала философия жизни, затем антропология и философия культуры, а лишь затем философия истории. В действительности же идея «жизненности», «активизма», «витализма», *vitalidad*, жизненного разума – *razón vital* пронизывает все творчество Ортеги, начиная с работ 10-х годов³, но при этом определенным образом трансформируясь, обретая новые оттенки и обогащаясь, а проблемы философии истории очень рано начали занимать испанского мыслителя. Но, забегая вперед, отметим, что, говоря о «философии истории» в трактовке Ортеги, нужно иметь в виду следующее. Для Ортеги проблемы философии истории, представляя самостоятельный интерес, неразрывно связаны с антропологической проблематикой, а она, в свою очередь, почти всегда в той или иной степени включает у Ортеги и проблемы философии истории. Делая такое утверждение, мы отдаем себе отчет в том, что ряд ранних работ антропологического характера *на первый взгляд* мало или совсем не связаны с проблематикой философии истории. Однако если взглянуть более внимательно, то очевидно, что антропологическая проблематика практически всегда имплицитно у Ортеги определяет определенные идеи относительно закономерностей исторического процесса, судеб народов и государств. Кроме того, нельзя забывать, что для Ортеги размышления над проблемами философии истории (равно как и раздумья над судьбами культуры) всегда связаны с одной стороны с общеметодологическими вопросами, с другой – с проблемами социальной философии и социологии.

В начале XX века, когда Ортега только начинает свою деятельность, «философия жизни» оказывает очень большое влияние на всех, кто обращается к толкованию человека, культуры, общения. Только в одних случаях это дано в совершенно

явной форме, как, например, у Людвига Клагеса, одного из наиболее влиятельных и последовательных представителей этого течения. В других случаях некоторые идеи «философии жизни» подразумеваются или используются без эксплицитных ссылок, как это, например, мы видим у Х. Плеснера в работах 20-х гг. или у О.Ф. Больнова в книгах 40-50-х гг, у А. Гелена в 40-60-х гг.

В тот период, когда складывались взгляды Ортеги (10-20-ые годы), он испытал влияние Ницше, Бергсона, Зиммеля, Г. Лебона, Дюркгейма и особенно Дильтея и Клагеса. Прежде всего, дильтеевского понимания историчности человеческого существования и трактовки жизни как *übergreifender Zusammenhang*, то есть как некоторой целостности, выходящей за пределы того, что может быть осмыслено в категориях обыденного мышления [42]. Как и Дильтей, Ортега меньше всего склонен понимать «ЖИЗНЬ» как биологическое явление или выводить социальное из биологического. Мы не можем в рамках данной статьи вдаваться в разбор тех попыток вывести социальные явления из различных ступеней или уровней биологического, которые предпринимались или предпринимаются ныне в рамках различных направлений марксизма, философской антропологии, когнитивной философии, социобиологии. В любом случае обнаруживается некоторое теоретическое «зияние», которое делает все возможные реконструкции сомнительными. Ортега последовательно оставляет всякого рода генетические спекуляции «за скобками». В первую очередь его интересует: как возможен человек, общество, история, искусство, а главное – в каком направлении идет развитие европейского общества? Каковы вообще тенденции его развития, начиная с античности, какие изменения оно претерпевает? При этом он никогда не пытается вывести «социальное» из «биологического». Забегая вперед, отметим, что практически для любого варианта философской или социальной антропологии характерна методологическая редукция – сведение сущности человека к определенной схеме, «основной структуре человеческого бытия», из которой затем стремятся вывести все «специфические монополии, свершения и дела человека: язык, совесть, инструменты, оружие, идеи права и бесправия, государство, руководство, изобразительные функции искусства, миф, религию, науку, историчность и общественность» [12, с. 187].

В этой связи Ортега высказывает ряд мыслей, которые ныне не только не потеряли своей актуальности, но, может быть, интересны именно сейчас. Жить, считает Ортега, означает в первую очередь *прилагать максимальные усилия, производить, творить, изыскивать средства для осуществления себя как программы*, и лишь постольку, поскольку все эти действия невыполнимы без теории, жизнь есть также мысль, теория, наука. А вот жизнь в медитации и экстазе, то есть в его понимании, жизнь вне жизни, не может считаться естественным образом существования человека.

Одной из сквозных тем философствования Ортеги остается на протяжении всей его жизни недоверие к тому пониманию разума, которое сложилось в европейской культуре и философии XVII – XIX веков. Мы можем найти у Ортеги немало заостренных характеристик разума, науки, культуры в их соотношении с «жизнью». Он пишет, что физико-математический разум не коснулся – ни в грубой, натуралистической, ни в возвышенной, спиритуалистической форме – человеческих проблем, хотя по самой своей сущности именно он мог бы заниматься поисками человеческой природы. Ведь «природа» – лишь «преходящая интерпретация, которую человек дает всему, с чем он сталкивается в жизни» [7, с. 456]. Иными словами, с точки зрения Ортеги, всякие попытки включить человека в некую натуралистическую онтологию и рассматривать человека как совокупность, сумму «души», психики, сознания, духа, пусть даже систему, образуемую этими компонентами, не ведут к цели.

При этом следует помнить, что для философского метода Ортеги характерно постепенное приближение к истине. «Самый прямой путь не самый короткий», –

пишет он в своих лекциях о том «Что есть философия?», которые он читал в 1929-1930 гг. [45, p.357]. Для него характерен такой путь приближения к истине, который может включать в себя и моменты отхода, возвращения, новой постановки вопроса. Поэтому в работах Ортеги разных лет можно найти высказывания, если и не прямо противоречащие друг другу относительно одного и того же предмета, то уж во всяком случае нуждающиеся в герменевтической обработке⁴.

В 1914 г. Ортега публикует «Размышления о “Дон Кихоте”», в которых жизнь характеризуется как тревога, забота, небезопасность, а культура – напротив, как средство достижения безопасности («cultura – seguridad» – такова его формула, граничащая с афористичностью) [22]. Позднее, в статье написанной к столетию со дня смерти И. В. Гете [6], Ортега счел необходимым отметить, что очень многое в сравнительно небольшой работе 1914 г. предвосхитило идеи «Бытия и времени» Хайдеггера. «Едва ли найдется два или три важных понятия Хайдеггера, которые не существовали бы ранее, иногда на тринадцать лет ранее, в моих книгах», – отмечает Ортега. Подчеркивая, что он многим обязан немецкой философии, Ортега замечает, что, вероятно слишком преувеличил свою работу по обогащению «испанского мышления интеллектуальными сокровищами Германии» и слишком замаскировал свои собственные достижения [6, с.444]. Но речь идет не только о «безопасности». Главное, что интересует Ортегу – это «жизнь как столкновение «я» и его обстоятельств», как «динамический диалог между индивидуумом и миром», «структура мира как предвосхищение будущего».

«Разум, – пишет Ортега в 1923 г., – есть не что иное, как форма жизни и ее функция. Культура – это биологический инструмент и ничего более». Задача же нашего времени заключается в том, чтобы подчинить разум жизненности, биологии, спонтанности. Задача Сократа и его времени состояла в том, чтобы подчинить спонтанную жизненность чистому разуму. Особое развитие, отмечает Ортега, чистый разум получил в период между концом Возрождения и 1700 г. Каждое новое открытие в сфере чистых идей продвигало вперед веру в безграничные возможности разума. Ныне мы видим, что эта идея хотя и плодоносна, но представляет собой ошибку Сократа и следовавших за ним мыслителей. Чистый разум не может заменить собой жизнь, культура абстрактного интеллекта в сопоставлении со сферой спонтанного не являет собой нечто такое, что может заменить собой жизненность. Она представляет собой маленький островок, плавающий на поверхности темного моря первичной жизненности. [41, p.177]. Науки, право, мораль, искусство первоначально представляли собой эманации целостной жизни, тогда как «культурализм» не ценит их иначе как в расчлененном и отделенном друг от друга виде. Все они представляют собой идеальные сущности, которые не имеют завершения в настоящем, как полагал Кант и все мыслители той эпохи. Законченная наука, равно как подлинная справедливость осуществляются как бесконечный процесс в бесконечном становлении. Но этим дело не ограничивается. Если мы видим только становление, то все выносится в «лучшее будущее», реальное существование редуцируется до перехода к утопическому будущему. «Тема нашего времени», – пишет Ортега, – заключается в том, чтобы подчинить разум витальности, биологическому, спонтанному. «Через несколько лет покажется абсурдным, что от жизни требовали служить культуре. Миссия нашего времени заключается в том, чтобы обратить это отношение и показать, что культура, искусство, этика должны служить жизни». И несколько дальше: «Чистый разум должен уступить место жизненному разуму» [41, p.178]. «Культурный прогрессизм», который был религией последних двух столетий, был не в состоянии оценить деятельность человека, иначе как со стороны ее результатов. Соответственно, девятнадцатый век обожествлял труд, который, по мнению философа, состоит главным об-

разом в малоквалифицированных действиях, ценных только с точки зрения тех потребностей, которые удовлетворяются с его помощью. Труд он противопоставляет спорт: если в труде витальность действия придает смысл и ценность усилиям, то спорт – это спонтанное усилие, которое придает смысл и достоинство физической деятельности. Вообще, считает Ортега, подлинной ценностью обладает то, что осуществляется как бы в шутку, вне «священного труда культуры». Поэт, полагает он, так же непринужденно создает свои произведения, как футболист забивает гол [41, р.195]. Эти высказывания следует понимать в контексте его полемики против односторонности увлечения «культурой». Противопоставлять культуру жизни и требовать для последней всю полноту прав, не означает, по Ортеге, исповедовать веру в антикультуру. Ценности культуры остаются в неприкосновенности, отрицается лишь их эксклюзивность. «Обе силы» – жизнь как начало биологическое и культура как трансцендентное остаются одинаково важными [41, р.197].

Каковы же должны быть, по мнению Ортеги, ценности человеческого бытия? Прежде всего – бытия «современного человека», живущего в эпоху кризиса? Наука мало подходит. Она разделяет проблему реальной жизни на две большие, не сообщающиеся между собой области – дух и природу. Тем самым, оказывается, что в науке, особенно в «науках о духе», начинают преобладать безжизненные абстракции. «Но печаль вообще не печальна.<... > Печаль в жизни, а не в обобщенном виде – это тоже нечто конкретное, неповторимое, индивидуальное». Ведь «каждая конкретная вещь есть сумма множества отношений. Действуя дискурсивно, науки устанавливают эти отношения одно за другим; поэтому чтобы установить их все, наукам требуется вечность». Отсюда «извечная трагедия науки: работать на результат, который никогда не будет полностью достигнут» [3, с.71]. «Мир рассортирован нами по ящичкам лабораторного шкафа, – пишет Ортега в одной из ранних статей, – а мы сами не что иное, как классифицирующие животные. Каждый ящичек – какая-то наука; в эти ящички мы запираем кучки осколков, вырубленных нами из огромной материнской каменоломни, по имени Природа» [4, с.85]. Наука, пишет Ортега, такой же идеал, как и Бог, движение к истине – процесс и она не может, как и райское блаженство, быть достигнута в «этой жизни». Время, когда «цивилизованное человечество» безоглядно верило в науку, полагая, что с ее помощью обязательно будут решены все основные проблемы, осталось в прошлом, полагал Ортега. Но и в эпоху безусловной веры в мощь науки «так называемые науки о духе, моральные науки, или науки о культуре <...> Geisteswissenschaften так и не смогли вызвать в европейском человеке той веры, какую вызвали в нем в свое время естественные науки».

И вообще ценности культуры: Добро, Истина Красота, – абстракции, отделенные в процессе развития культуры от «Божественной личности», а будучи отделенными, сами превратились в некое подобие божественных сущностей [41, р.185]. Вся «высокая немецкая классика – от Канта до 1900», – пишет Ортега, может быть подведена под одно понятие «философия культуры». И в этом смысле она похожа на средневековую теологию: там, где средневековый мыслитель писал «Бог», немец пишет «Идея» (Гегель), «Примат практического разума» (Кант), «Культура» (Виндельбанд, Коген, Риккерт). Это, по мнению Ортеги, дезинтеграция того, что должно быть в действительности целостным. Иллюзорное обожествление определенных жизненных энергий за счет других: науки и дыхания, морали и сексуальности, справедливости и правильного обмена веществ – влечет за собой огромные органические нарушения. Жизнь во всех ее проявлениях, указывает Ортега, предполагает целостность, и тот, кто говорит «да» одним из них, не должен отрицать и другие. Вместо того чтобы искать смысл жизни вне ее, следует обратиться к ней самой. Поэтому, ставит вопрос Ортега, для поколения, переживающего самый радикальный кризис в современной истории, ве-

роятно, имело бы смысл предпринять попытку, противоположную указанной традиции, и полагать, что не «жизнь существует для культуры», а «культура для жизни» [41, р.186]. Жизнь же, подчеркивает Ортега, – это космический акт альтруизма, и она существует только как непрерывное движение витального Я в сторону другого [41, р.187].

В первой главе книги «Человек и люди», напечатанной в виде отдельной статьи в 1939 г. (а целиком эта книга вышла только после его смерти, в 1957 г.), он в очень жесткой формулировке развивает эту мысль: «человек мыслит не потому, что ему дан разум. Все проще: у человека нет иного выхода. Он обречен жить в мире, самоотверженно прокладывая себе путь, упорядочивая свою психическую деятельность (не слишком отличную от той, которая присуща антропоидам) *в форме* мышления (а на это как раз и не способны животные)» [7, с.493]. Мы живем, подчеркивает Ортега, не для того чтобы мыслить, а мыслим, чтобы *суметь выжить* в этом мире [[53, р31], выделено мной – А. П.]⁵.

Для Ортеги, особенно в его ранних произведениях, от которых он, впрочем, никогда не отказывался, человек, его психика, телесность, разум соотнесены с триадой «жизненность – душа – дух» (*vitalidad – alma – espíritu*) [28]. Тут необходимо заметить, что строя свою философскую антропологию, или как он сам предпочитал выражаться «*conocimiento del hombre*» (познание человека)⁶, Ортега ставит вопрос об «архитектонике личности», о структуре ее внутреннего мира (*intimidad humana*). Законы ассоциативной психологии, совершенно верно отмечает Ортега, представляют собой в области исследования внутреннего мира контрапункт к ньютоновским законам механики, и с их помощью мы получаем элементарную психологию, теорию абстрактных элементов, но не реальных и конкретных единиц⁷. Сознывая грандиозность задачи, которая встает перед каждым, кто отважится предложить свое решение, Ортега предлагает выделить три «зоны» или «области» личности. Они тесно связаны и анализ каждой из них помогает понять функции и значение других.

Первая из них – это «телесная душа» (*alma carnal*), тот фундамент нашей личности, который и следует называть «жизненностью», «так как в ней самым тесным образом переплетаются соматическое и психическое, телесное и духовное, и не только переплетаются, но они ею порождаются и питаются ее силами. Каждый из нас, прежде всего, несет в себе определенный заряд жизненной силы: меньший или больший, чрезмерный или недостаточный, здоровый или больной. Остальное в нашем характере зависит от того, какова наша жизненность» [44, р.456]. Этот жизненный фундамент питает все иное в нашей личности. «Сильная личность, неважно в каком отношении сильная – в моральном, научном, политическом, художественном, эротическом - абсолютно невозможна без той жизненной энергии, которая аккумулярована в глубинном слое нашей внутренней жизни, и которую я называю «телесной душой» [44, р. 460-461]. А дух представляет собой «последний и высший центр» личности, «самое личностное», но «не самое индивидуальное в человеке». Дух – это центр воления и мышления, «строгий монарх беспокойного государства» психической жизни. Духовные акты, полагает Ортега, не имеют протяженности во времени – они осуществляются как «умственное озарение» (*relámpago mental*). К сфере души Ортега относит тот слой, который находится между жизненностью, бессознательной, темной и сокрытой, и духом. Это – душа, сфера чувств, эмоций, желаний, импульсов, стремлений, «более ясная, чем жизненность, менее освещенная, чем дух».

В примечание к этой статье, а также в работе о «Выражении как космическом феномене» [43], тесно связанной с ней, Ортега прямо указывает на работы Л. Клагеса, как на один из источников своих идей о структуре психики и связи каждой из ее составляющих с определенными средствами. У Клагеса дух – это начало, подавляющее деятельность души, которая являет собой депо чувственных образов, благо-

даря которому оживляется деятельность разума, становится возможной работа сознания [35;36;37]. Ортега, как и Клагес, склонен видеть в деятельности души начало скорее положительное. Задача же духа, по Ортеге, – мыслить, а это значит «выйти за пределы себя и раствориться в сфере чистого духа». Высшее выражение это находит в научной деятельности. Телесная душа, витальность также связана со стремлением к выходу за пределы обыденности – в опьянении, сексуальности, оргиастическом танце, ненависти между народами и расами. Все эти состояния, пронизательно отмечает философ, влекут за собой диссолюцию индивидуального сознания и его сладостную аннигиляцию в океане космического единства. «Доминирование духа и жизненно-телесного начала ведет к потере индивидуальности и одновременно к прекращению нашей душевной жизни. Наука и оргия освобождают нас от эмоций и желаний и удаляют нас из той сферы, которая дает нам силы жить – в противопоставленности всему остальному, *в погруженности в самих себя*⁸, и забрасывают в области экстраиндивидуального, будь то высшая область Идеала или же низшая и космическая – Витальности [41, p.468].

Важно подчеркнуть следующий момент в системе психологической антропологии Ортеги – в сфере «душевного» человек живет «из себя самого» (*desde su mismo*), но не «из логики» и не «из долга», не «из вечной Истины» и «вечной Нормы». Это тройное деление все-таки учитывается Ортегой и порождает выделение трех видов «Я» – витального, духовного и душевного. Одновременно эта «геометрия ментального» позволяет, по мнению Ортеги, определить место человека в универсуме, или космосе. Эта тема «космичности», сопричастности человека единому мировому целому занимает в ранних работах Ортеги важное место. Существует, настаивает он, именно единый поток жизненности, и каждый организм есть только момент или единичная пульсация в этом едином космическом потоке. В этом смысле ребенок, еще не имеющий душевной жизни, и ученый, жизнь которого связана с неким надындивидуальным центром – «всемирным разумом» (*el razón del universo*), близки друг другу: «игрушка ребенка и таблица логарифмов одинаково невинны», – заключает философ. Только с формированием душевной жизни появляется возможность внутреннего центра личности, который может и не совпадать с космическим потоком жизненности. Более того, «человек чувствующий наслаждение от чувства бытия самим собой (*de ser él mismo*) одновременно чувствует, что тем самым он совершает грех и должен понести наказание» [41, p.470]. Формирование душевной жизни, совершенно верно отмечает Ортега, означает *появление чувства ответственности, к которому человек приговорен на всю жизнь*.

Опираясь на это троичное деление, Ортега пытается дать историческую типологию антропологических типов. Рассматривая с этой позиции античную культуру, он отмечает, что в доклассическую эпоху «олимпийский» или «агональный» человек представляет собой красивое «человеческое животное» (*animal humano*). В нем преобладает витальность. В классическую эпоху добавляется развитие духа, происходит открытие *Νους* (Нуса-Разума). Тело и дух, по Ортеге, противостоят развитию душевной жизни и в силу этого культура классической Греции менее *эксцентрична*. Последнее означает в терминологии Ортеги, что она совпадает в главном с «центром», т.е. основным потоком космической энергии. А поскольку греческий взгляд на мир в основном совпадал с космическим, универсальным, поскольку это видение мира осуществлялось не с какой-то «особой позиции в космосе» (*desde un punto cósmico exclusivo*), то и греческая культура, философия, мораль, искусство смогли – в определенных пределах – стать значимыми во всем мире. [41, p.475].

Средневековая культура, готика – это вхождение в царство витальности и душевного мира. Жизненная энергия не превращается в ясный свет, равномерно

распределенный в Универсуме, но концентрируется в виде горения внутри личности. Если античное искусство – это чистая пластичность, то готическое – экспрессивность, движение от внутреннего к внешнему выражению, отсылка к чему-то отсутствующему в данный момент. Возрождение – эпоха, когда европейская душа начинает, как выражается Ортега, покрываться льдом. Она вновь начинает подчиняться дисциплине духа. Душа растворяется в витальности и триумфирующем рассудке. Эпоха барокко, Декарта, Спинозы, Ньютона, Лейбница дарит нам свои собственные, вечные космические смыслы. Но она живет не с опорой на душевные явления – душа продолжает жить своей тайной жизнью и выходит на свет божий – чудесным образом очищенная – в XIX столетии. Это, по его мнению, хорошо видно на примере музыки: «Между Бахом и Бетховеном существует та же дистанция, что между музыкой «идей» и музыкой «чувств» [41, p.479].

По аналогии Ортега встраивает в свою антропологию и различия между народами: северные имеют меньше витальности, чем южные, испанцы обладают большей долей витальности («корпоральности», «сенсуальности»), нежели итальянцы, но зато имеют гораздо меньше души. Французы представляют счастливое сочетание всех трех начал (с легким недостатком душевного начала), поэтому терпели в истории меньше неудач, чем остальные европейские народы.

В современной ему ситуации Ортега наблюдает упадок витальности. В небольшом эссе по педагогической антропологии «„Дон Кихот“ в школе», датированном 1921 г.[39], Ортега пишет, что педагогика XX века, продолжая традиции XVIII века, когда была изобретена вера в прогресс, требует, чтобы школа «готовила детей к жизни». Эта подготовка должна, по мысли ее создателей, включать в себя, начиная с младших классов ознакомление с техникой, основами наук, периодикой, тогда как изучение классической европейской литературы считается не таким важным делом. Ортега же полагает, что главная педагогическая задача, особенно в младших классах, обучать тому, что было нужно десять тысяч лет назад и понадобится впредь в самом развитом обществе. Это именно жизненность, *vitalidad*, которая находит свое выражение в первичных побуждениях и качествах психики: мужестве, любознательности, любви и ненависти, умственной гибкости, стремлении господствовать и праздновать победу, доверии к себе и миру, воображении, памяти. Все эти «спонтанные функции психики», полагает Ортега, суть корни любой цивилизации, техники и культуры. Без науки нет техники, но нет и науки без любознательности, гибкости интеллекта и постоянства умственных усилий. Поэтому, проводит сравнение Ортега, обучать в начальных классах чтению прессы, к чему призывали некоторые теоретики школьного образования в Испании 20-х годов, все равно, что учить езде на велосипеде человека, который еще не умеет ходить [39, p.278-279].

Все это верно, но остается неясно, каким образом следует формировать «спонтанность» и «жизненность». Если исходить из того, что ведущей силой должно быть подсознание, спонтанность, а «функция воли (и вообще духа) не созидательная, а всего лишь корректирующая» [44, с.403], и она сводится к тому, «чтобы поднимать затворы шлюзов, сдерживающих естественный порыв» [там же], то действительно «утверждение, что человек – разумное и свободное существо, по меньшей мере, спорно» [там же]. Такой подход весьма характерен для антропологии, сформировавшейся под влиянием дискурса философии жизни. В таких случаях приходится прибегать к таким вещам, как *élan vital* (у Бергсона), *vitalidad*, Универсум / Космос (у Ортеги), «космогонический эрос» и «космический ритм» (у Л. Клагеса) и прочим интуитивным объяснениям, связанных «с разрушением общезначимых порядков и сущностей вплоть до полного их растворения в иррациональном потоке становления».[1, с.300-301]. Здесь, однако, мы бы сделали оговорку следующего характера:

философия жизни и экзистенциализм, тесно с ней связанный, стремились выразить в парадоксально-рациональной форме то, что лежало в своё время за порогом тематизированного, следовательно, осознанного. Да и сейчас, хотя проделана большая работа по осмыслению соответствующих содержаний, нет единого языка, на котором можно было бы дать общезначимые дескрипции соответствующих феноменов; вероятно, понадобится еще немало усилий, чтобы перевести идеи подобного рода в форму доступную верификации и / или фальсификации. В традиции аналитической философии понятия такого рода просто не используются, соответственно, элиминируется и сама проблема. В других философских и психологических традициях мы видим, что терминология такого рода, восходящая, в конечном счете, к Платону и Аристотелю, используется весьма активно для построения современных версий философской антропологии [30, р.67-146]. Что весьма и весьма примечательно, в наши дни определенные версии философской антропологии «встраиваются» авторами в экологическую проблематику. Собственно говоря, это вполне естественно, любая серьезная психологическая, социальная, культурологическая, экологическая теория должна базироваться на достаточно хорошо обоснованной антропологии.

Весьма примечательно с точки зрения истории идей, что и сам Ортега временами был не вполне уверен в абсолютной ценности интуитивного и непосредственного в познании. Так, еще в 1914 г. в «Рассуждениях о “Дон Кихоте”» он замечает, что идеалу Алонсо Кихано Доброго он предпочел бы Алонсо Кихано Ученого. Заметим, что Дон Кихот выступает здесь как *pars pro toto* всей испанской нации. В «Этюдах о любви» (1926-27 гг.) Ортега, рассуждая о мистическом экстазе (как явлении однопорядковым с экстазом любовным), заявляет, что он сильно сомневается, «что обогащение наших представлений о божественной сути идет к нам по подземным каналам мистики, а не по залитым светом дорогам анализирующей мысли. Теология, а не экстаз» [5, с.387].

Тем не менее, философия «жизненности», «витализма» нашла у Ортеги свое прямое выражение в теме отношения выдающихся личностей и масс. В работе, датированной 1921 г., но имеющей во многом программный характер, Ортега, рассматривая современную ему историческую ситуации применительно к «Бесхребетной Испании», ставит вопрос так: ¿ No hay hombres o no hay masas?, то есть чего не хватает стране, находящейся в кризисе, – выдающихся людей или «масс»? Ответ его таков: совершенно ошибочно думать, что энтузиазм масс зависит от качеств руководителей. В действительности все обстоит как раз наоборот – общественная ценность руководителей прямо зависит от того энтузиазма, которым обладает масса. В определенные эпохи, пишет Ортега, душа народа замерзает, она становится глуха, завистлива, высокомерна, в ней атрофируется способность порождать социальные мифы [40]. Самая большая беда, которая может поразить нацию, справедливо полагает Ортега, это «отсутствие лучших». Гибель же нации, то есть распад, наступает тогда, когда в этой нации масса отказывается быть массой, то есть следовать за руководящим меньшинством. В таких случаях общество становится дезорганизованным, нация распадается и наступает социальный хаос [40, р.93]. Несколько позже, в 1925 г., Ортега пишет о том, что близится то время, когда общество, от политики и до искусства, вновь начнет складываться, как это и должно быть, в два порядка или два ранга – людей выдающихся и людей заурядных. «Все недуги Европы будут исцелены и устранены *благодаря новому спасительному разделению*» [2, с.222, выделено мной – А.П.]. Правда, Ортега отдает себе отчет в том, что в политической жизни «вряд ли уже наступил благоприятный момент» для такой постановки вопроса. «Масса брыкается и не понимает» [там же]. Знаки наступления новой эпохи Ортега видит в «новом искусстве». Пусть оно «до сих пор не создало ничего такого, что стоило бы труда понимания», – главное, полагает Ортега, это интенция: искусство должно отра-

жать поступь истории. Она же «движется в согласии с великими жизненными ритмами <...> история, подобно маятнику, ритмично раскачивается от одного полюса к другому, в одни периоды допуская преобладание мужских свойств, в другие – женских, по временам возбуждая юношеский дух, а по временам – дух зрелости и старости» [2, с.258]. И вот еще одно высказывание, весьма характерное для антропологии власти Ортеги: «Власть и подчинение – решающие условия любого общества. Когда становится непонятно, кто правит и кто подчиняется, все идет бестолково, вкривь и вкось. Даже самое личное, святая святых каждого человека, кроме гениальных исключений, искажается и уродуется» [7, с.127].

Не противоречит ли Ортега сам себе? Фашизм и большевизм, когда, казалось бы, все ясно с «властью и подчинением», им отвергаются. «Обе попытки – это ложные зори, у которых не будет завтрашнего утра <...> Это анахронизмы» [7, с.97]. Они не слышат «подземный гул истории», ориентированы на «человека массы». Но «масса», по Ортеге, не подразумевает рабочих и «вообще обозначает не социальную принадлежность, а тот человеческий склад или образ жизни, который сегодня преобладает и господствует во всех слоях общества, сверху донизу, и поэтому олицетворяет собой наше время» [7, с.106]. Но кто же он, человек массы? Искусственная конструкция или реальность? Ответы, которые мы находим у Ортеги, касаются двух уровней – индивидуально-личностного и более общего. Назовем последний уровнем философии истории.

Рассматривая проблему на первом уровне, Ортега выделяет, прежде всего, проблему личной ответственности. «Всякий, кто относится к жизни нешуточно и считает себя полностью ответственным за нее, не может не испытывать известного рода тревогу», – пишет он в «Восстании масс». Эта тема повторяется на страницах его работ многократно. Для Ортеги «масса» – продукт определенного развития общества, когда доступность материальных благ, с одной стороны, и все возрастающее количество проблем, с другой, приходят в противоречие с тем, что в обществе совершенно недостаточно людей, осознающих серьезность проблем и готовых взять на себя ответственность. «Чем больше достижений, тем в большей они опасности. Чем лучше жизнь, тем она сложнее». В этом отношении весьма примечательно противопоставление «Интеллектуала» и «Другого», которое Ортега проводит в небольшом эссе, впервые опубликованном в 1940 г. в Аргентине [50]. Эти обозначения не следует понимать буквально, скорее, это метафизические символы. «Интеллектуал», подчеркивает Ортега – это не обозначение принадлежности к конкретной профессии («писатель», «профессор», «юрист» и т.п.). Это не просто человек творчества, что тоже важно, ведь все, чем пользуется «Другой» («автомобиль и аспирин, цветы, песни и женщины»), создано кем-то, все это порождения воображения «Интеллектуала». Но «Другой» «просто живет» в этом мире, он человек без «внутреннего трепета перед божественным, которое есть все, что нас окружает», тогда как «Интеллектуал» – это человек, способный испытывать удивление перед лицом безграничного мира (вспомним платоновское $\theta\alpha\lambda\mu\alpha\zeta\epsilon\iota\nu$ как начало всякого познания – А.П.), задавать вопросы об Универсуме, а главное, – нести ответственность за свои слова и дела. Культура нескольких последних веков становилась все более интеллектуалистской, поэтому и «Другой», человек массы делает вид, что обладает своими собственными «идеями», идеями которые он получил извне, не будучи в состоянии их переработать и адекватно использовать. Естественно, заключает Ортега, что «Интеллектуал» вызывает у человека массы раздражение и беспокойство, и главным образом потому, что он стремится заглянуть за поверхность вещей, сам не являясь «вещью, но чем-то огненным и магнетическим» [50, p.208].

Другими словами, «Интеллектуал» – это тот человек, который в состоянии преодолеть разрыв между самоуглублением и самоотчуждением (*Ensimismamiento* и *alteración*). Работа под таким названием была опубликована Ортегой в 1939 г., а за-

тем вошла в качестве первой главы в книгу «Человек и люди», опубликованной уже после смерти Ортеги. В основу этой книги положены лекции по социальной философии, которые Ортега читал в Instituto de humanidades, основанным им в 1948 г. после возвращения из эмиграции. Сама категориальная пара «самоуглубление», погружение в подлинное бытие и *alteración* – обращение к «иному», разбрасывание внимания на сотни вещей, отнюдь не необходимых для подлинной духовной жизни, обращение ко всему, что мешает быть человеку самим собой, должна помочь разрешить проблему человеческого бытия. Именно самоуглубление – основное отличие человека от животного. Внешние события и явления правят жизнью животного, «швыряют его, будто марионетку, туда и сюда. Животное не властно над своим существованием, не развивается *из самого себя*, а подчинено внешнему, погружено в иное, в «*другое*», «пребывает в самоотчуждении» [7, с.484]. Внимание животного постоянно приковано к внешнему, т.к. животное всегда будет зависеть от грозящих ему опасностей и влекущих его соблазнов [7, с.486]. Человек же, подчеркивает Ортега, не просто пользуется «привилегией временно отвлекаться от окружения и самоуглубляться»; это возможно лишь потому, что человек создает некоторый барьер между собой и миром, воздействует на вещи, преобразует мир, создает вокруг себя некоторую зону надежности, которая, несмотря на присущую ей ограниченность, постоянно или почти постоянно росла и ширилась.

Тут нельзя не отметить следующие моменты. Во-первых, следует указать на близость ряда моментов ортегианской трактовки субъективного мира идеям Якоба фон Иксюлля (на которого Ортега один раз ссылается в своей ранней статье о «Выражении как космическом феномене») и мыслям Х.Плеснера о «естественной искусственности». Животное, согласно Я.фон Иксюллю, погружено в мир видоспецифических значений, (*Umwelt*), обусловленных строением не только его органов чувств, но и всего организма [59]. Плеснер, хорошо знакомый с идеями Иксюлля и состоявший с ним в переписке, определенным образом учитывал его идеи. В трактовке Плеснера животное «растворяется в здесь-и-теперь», «оно переживает то, что содержится в окружающем мире, чужое и свое, оно способно даже научиться господствовать над собственным телом, <...> но оно не переживает себя» [9, с.122-123], т.е. не способно к самосознанию. Самосознание же, как и вообще способность к произвольным действиям, рефлексии, одним словом, к свободе от давления окружающей среды достигается с помощью двойной дистанции – от внешних раздражителей и от своей собственной телесности. В системе Плеснера это, в конечном счете, обусловлено имманентными свойствами человеческой природы. Ортега колеблется. С одной стороны, он указывает на роль предметно-орудийной деятельности, *техники*, которые позволяют «изменять окружение в свою пользу», использовать каждую передышку, которую дает человеку *мир*, чтобы *se ensimismar*, т.е. «самоуглубляться», уйти в себя, творить идеи о мире, а затем возвращаться во внешний мир, «уже став *«самим собой»*, каковым он раньше не был», «с готовым планом боевых действий». В этой связи, оставив космическо-виталистские мечтания, Ортега всячески подчеркивает деятельную сторону человеческой жизни, отмечая одновременно, что только она позволяет достигнуть *vita contemplativa*. Самоуглубление, проективность человеческой жизни достигается только через активную деятельность. С другой же стороны, Ортега, и это очень понятно на фоне событий тридцатых годов – только что закончилась гражданская война в Испании и начинается новая война в Европе – сомневается в эффективности этой деятельности и тем самым в устойчивости человеческой цивилизации: «абсолютно надежных человеческих достижений нет и никогда не было», то, что кажется надежным и устоявшимся, может исчезнуть спустя несколько поколений, так называемые «безусловные достижения» выскальзывают у

нас из рук, «обращаясь в бестелесные летучие призраки», способность мыслить, как приобретенное, а не врожденное качество постоянно находится под угрозой исчезновения, нельзя отрицать и возможность тотального вырождения человечества как такового, возврат к животному состоянию, к окончательному и полному отчуждению, «такова, - заключает он, – печальная истина – не абстрактная и общая, а вполне конкретная и неминуемая для каждого из нас» [7, с.490-491]. Абсолютно верно видит Ортега причину – она заключается в той безграничной вере в прогресс, которая появилась у западного человека в XIX веке. Выход из этого тупика Ортега видит для человечества в осознании всей «глубины своей чудовищной драмы». Эти слова не устарели и сейчас. Более того, именно сейчас они даже более актуальны, нежели 70 лет назад: современный человек верит, с одной стороны, в могущество науки и техники, с другой же, все большее число людей начинают понимать, что «устойчивое развитие», «ноосфера» (слово мало кому известное на Западе, но породившее в России большое количество публикаций, как правило, абсолютно бессодержательных) и т.п. – это очередные мифы. Допустим, что человечество сумеет справиться с экологическими вызовами, но в любом случае остается проблема «самого человека». Способен ли он, в силу присущих ему свойств, построить на планете сравнительно разумное общество или же обречен двигаться от конфликта к конфликту? Кто мог бы в конце 30-х годов предвидеть всплеск исламизма? Когда «все прогрессивное человечество» в лице своих представителей в ООН в конце 50-х годов принимало решение о деколонизации, могло ли оно предвидеть, что обретение свободы народами, к ней абсолютно не готовыми, обернется для многих стран деградацией, голодом, вооруженными конфликтами, да просто людоедством. Но мы забежали вперед.

Здесь мы должны обратить внимание на следующее обстоятельство. Говоря об опасности *alteración*, «самоотчуждения», Ортега первоначально имеет в виду индивидуально-личностный аспект этого явления, обращение к *alter*, «иному», к чему-то, что призвано заполнить пустоту существования – в метафизическом плане, либо просто в бытовом. В этой связи он правильно подмечает, что человек способен на время забыть о своих заботах, отвлечься от окружающего мира, повернуться спиной к миру, проявлять заботу «о самом себе, а не о чем-то *другом*, всецело принадлежащем внешнему миру». Но ведь возможен и обратный ход вещей – человек отвлекается от своего внутреннего мира, «отвлекается, потому что иначе ему остается нестерпимое, попросту невозможное, чистое ожидание конца. <...> Это цепкая инерция огромного, принудительно действующего механизма потребностей, интересов, ценностей, к которому мы приделаны намертво. Только безумие, животный распад сознания может нас увести от всего надстроенного над темной биологической сущностью, – от культуры, от социума с его ценностями» [7, с.287]. Над этой проблемой задумывались еще Марк Аврелий и Паскаль. Таким образом, *alteración* может приобретать жизненно важное значение. В ходе же дальнейшего рассуждения Ортега обращает основное внимание на то, что человек самоотчужденный, существующей вне себя, лишается своей подлинности, живет мнимой жизнью; такая жизнь – подделка, самоподмена [7, с.299].

Есть ли какой-либо путь от того, что Ортега называет «условной жизнью» к «подлинной реальности»? Нигде мы не находим у нашего автора однозначного ответа. Один из главных метафизических символов, используемых Ортегой, «Другой» – это обозначение для реальности особого рода. «Конечно, тело и жесты другого явления, но его человеческий характер, его «я», его «другая» человеческая жизнь *открыта нам только как реальность уже истолкованная, как догадка, гипотеза*» [7, с.551, выделено мной – А.П.], то есть как герменевтическая реальность, как знак или даже символ. Правда, Ортега настаивает в некоторых местах, что «Другой» – составляет главную реальность социально-антропологического исследования, быть «дру-

гим» – не случайность, не казус, которые могут произойти с человеком или нет; это его изначальные качества. В моем одиночестве я вообще не могу соотносить себя с общим именем «человек». Реальность, представленная данным словом, явлена мне лишь тогда, когда другое существо мне отвечает, со мной взаимодействует» [7, с. 551, 552-553]. Развивая эту тему, Ортега стремится дать определенную трактовку коммуникации, род лингвистической антропологии. Не имея здесь возможности вдаваться в её оценку, отметим лишь, что идеи, подобные тем, которые развивал Ортега в соответствующих главах «El hombre y la gente» буквально носились в воздухе в первой половине XX века. «Диалектика личностного общения, которая приумножает и укрепляет бытие каждого, вступающего в него» [7, с.480], развивалась, начиная с ранних 20-х гг. М. Бубером, М. Бахтиным, С. Франком, Ф. Розенцвайгом, Г. Марселем, Ф. Эбнером, О. Розеншток-Хюсси, Э. Мунье, Ж.-П. Сартром, позже Э. Левинасом, С. Рубинштейном, Г. Батищевым. Не имеет существенного значения с точки зрения истории идей, что соответствующие воззрения Батищева и Рубинштейна остались известны сравнительно узкому кругу, тогда как Бахтину и Левинасу посвящены целые библиотеки книг и статей⁹.

Нам кажется, что, обращаясь к теме «Другого», Ортега постоянно находится в довольно странной психологической и эпистемологической ситуации. Его глубинная интуиция состоит в том, что Мир, как он существует сам по себе, – это чужеродная, враждебная человеку стихия, нечто «огромное, безмерное, бесформенное». Отсюда, из глубин изначального одиночества, мы то и дело стремимся выбраться наружу, достичь подлинного общения. Мы жаждем другого человека, чья жизнь целиком и полностью слилась и соединилась бы с нашей. Отсюда бесконечные отчаянные попытки найти других. «А самая смелая, решительная из них – любовь» [7, с.511]. Подлинная любовь, полагает Ортега, и, наверное, он не так уж неправ, это стремление двух людей обменяться своими одиночествами. Вот здесь, на наш взгляд, Ортега попадает в капкан противоречия. Во-первых, жажда «Другого» не спасает от той опасности, которая исходит из «Ты». Прекрасно понимая необходимость теории интерсубъективности и критикуя взгляды Гуссерля на этот предмет как слишком механистические, Ортега, тем не менее, не в состоянии преодолеть то недоверие, даже отвращение, которое вызывает у него «Другой». Ведь он может оказаться вовсе не так духовно благороден, как этого хотелось бы мадридскому мыслителю, может оказаться «человеком массы», не говоря уже об эпистемологических трудностях, неизбежно возникающих при обсуждении проблемы «Другого Я». В данном пункте Ортега достаточно решительно расходится во взглядах на природу интерсубъективности с Бубером, Ясперсом, Мунье, Левинасом. Это могло бы быть предметом особого обсуждения.

В этом смысле для понимания антропологии Ортеги весьма информативна поздняя работа о Гойе, в которую в качестве своего рода вставной новеллы помещено исследование о «Я», очень мало связанное с исследованием биографии и творчества художника. Это эссе озаглавлено весьма примечательно «Я – это проект» [7, с.46].

В чем же проективность «Я»? Это может быть понято только при учете диалектичности человеческого бытия. С одной стороны, наше «Я» – это то, что имеет место сейчас. С другой – оно включает в себя моменты прошлого. Наше прошлое всегда с нами и из него ежесекундно рождается наше «Я». Но как ни близко нам наше прошлое, его не следует путать с нашим «Я», – добавляет Ортега. Сделаем еще один шаг вперед и тогда мы поймем, что в каждый данный момент настоящего мы имеем дело не с чем иным, как с будущим, проявляющимся через экзистенциальную потребность быть, существовать в каждое следующее мгновение [7, с.295]. «Я» неустанно проецирует себя в будущее, стремится к тому, чего еще нет, опережая сосуществующую с ним реальность. Отсюда возникает парадоксальность человеческого

бытия: «Я» всегда предшествует любому событию нашей жизни. А будущее в свою очередь – это океан возможностей. Выбирая одну из них, мы не имеем никаких гарантий ее успешного осуществления. В этом контексте Ортега дает очень любопытную характеристику природы «Я»: выбранная, но нереализованная возможность и есть наше «Я». Когда же нашему «Я» удастся совпасть с обстоятельствами, вписаться в них, тогда мы испытываем, считает философ, наслаждение столь полное и всеобъемлющее, что ему трудно найти определение [7, с.296]. Это определение смыкается с той трактовкой «Я», которая дается Ортегой в самом начале обсуждаемого текста и близко тому, что он писал в 10-20-ые годы. А именно: «“Я” обитает вне сферы наших желаний и осмысленных проявлений воли. Оно действует на уровне, более глубинном, нежели воля или мышление» [7, с.293]. Проявления «Я» схожи с проявлением воли тем, что носят императивный характер. Однако волевое усилие исходит от нас самих, тогда как «Я», напротив, управляет нами, хотя наша воля ценной невероятных мучений пытается послушаться приказа. Иными словами, человек, по Ортеге, если, конечно, его жизнь – это не «приспособление», а свобода, это, прежде всего его «Я», или в основном его «Я». Все прочее заимствуется извне, «случается с нами». Тело и душа – всего лишь инструменты для воплощения «Я», которое не подпадает под определения «материального» и «духовного», «которыми, состроив серьезную мину, так безответственно жонглировала традиционная философия» [7, с.292]. Но тогда получается, что значение имеет только «Я», а все остальное – случайно.

В целом антропология и философия культуры Ортеги – это позиция стоика. Устойчивых достижений нет, наука и искусство – прекрасны, но если присмотреться внимательно, они не могут обеспечить достаточной духовной опоры в жизни. Мировая история не подчиняется законам разума и будущее Европы неопределенно [47;48]. Отсюда не только пессимистический настрой, часто скрываемый за иронией, но именно стремление быть, прежде всего, самим собой; вопреки всем обстоятельствам «не быть человеком партии» [52], т.е. придавать большое значение личностному моменту в человеческом бытии, и решительно отрицать «partidismo» как следование каким-либо идеологиям и вытекающим из них формам поведения.

Следует отметить и ряд противоречий в антропологии Ортеги. В ранних работах, отмеченных печатью философии жизни, на первый план выходят мистические, неverified термины: жизненность – душа – дух. Эти фантазии в стиле Клагеса и Шпенглера сочетаются с превозношением «hombres», т.е. лидеров, призванных вести за собой «брыкающиеся массы». В более поздних работах, особенно в «El hombre y la gente» и работах о Гойе и Веласкесе появляются более рациональные моменты. Хотя общая парадигма «философии жизни» остается, в общем-то, прежней. Чего стоит один только пассаж о различии между мужчиной и женщиной, за который современные феминистки побили бы Ортегу камнями: «...судьба женщины – *существовать* в силу существования мужчины». Вместе с тем именно методология «философии жизни» («рациовитализма», как предпочитает говорить сам Ортега), по нашему мнению, позволяет ему философствовать в «нелинейном» стиле, т.е. отрицать жесткий и прямолинейный детерминизм в объяснении человека, общества, искусства. Когда Ортега пишет, что наша судьба – не только то, чем мы были и чем уже стали, это не только прошлое, но и то, что, исходя из прошлого, разворачивается, открывается навстречу грядущему, ретроспективный фатализм не предопределяет однозначно того, чем мы еще не стали, что наше будущее рождается из свободы – неиссякаемого источника, вечно бьющего из самого себя, то он не просто сближается здесь с лучшими представителями экзистенциальной философии (ср. Ж.-П. Сартр «Экзистенциализм это гуманизм»), но и намечает серьезный методологический ход:

включение и индивидуально-психологических моментов в систему социальной философии и философии истории.

Вернемся теперь вновь к теме «массового человека». Эта тема в ее историко-философском аспекте тем более интересна, что многие мысли Ортеги очень актуальны в контексте развития России, на различных стадиях построения тоталитарного и авторитарного государства от Петра I до Путина. Кстати, впервые тема «массового человека» появляется в его работах в 1921 г. – в «Бесхребетной Испании» один из параграфов второй части (носящей название «Отсутствие лучших») этой небольшой книги озаглавлен «Imperio de las masas» – «Владычество масс».

Следует отметить, что Ортега, ставя диагноз современному ему обществу, в ряде случаев принимает некоторые тенденции, обусловленные переходным периодом, который переживал западный мир в 20-30-х гг. за «вечные истины», за направления и модусы развития, которые будут длиться достаточно долго. О чем идет речь? Подвергая критике современную ему культуру, Ортега совершенно верно отмечает, что мерой культуры служит четкость установлений, а также стремление избежать «прямого действия» (*acción directa*). Мыслитель совершенно верно отмечает, что «цивилизация – это прежде всего воля к сосуществованию. Дичают по мере того, как перестают считаться друг с другом. <...> Периоды варварства, все до единого, – это время распада, кишение крохотных группировок, разъединенных и враждующих» [7, с.84-85]. Идеал политической организации в понимании Ортеги – это либеральная демократия, первообраз «непрямого действия». «Либерализм – правовая основа, согласно которой Власть, какой бы всемогущей она не была, ограничивает себя и стремится, даже в ущерб себе, сохранить в государственном монолите пустоты для выживания тех, кто думает и чувствует наперекор ей, то есть наперекор силе, наперекор большинству» [6, с.85]. Ортега не без основания полагает, что а) такое общественное устройство противоречит стремлениям «массы», которая уничтожит все, что не масса, и б) восстание масс в итоге *может* открыть путь новой и небывалой организации человечества, но *может* привести и к катастрофе. [7, с.86].

Такой пессимистический взгляд базируется на философии истории Ортеги, а она, в свою очередь, на его антропологии. Когда Ортега в тезисной форме набрасывает основные идеи своей антропологии зрелого периода, то он особо выделяет следующий тезис: общественные явления, которые определяют нашу жизнь, наше поведение – это «обычаи» (*usos*). Соответственно, существуют «обычаи», т.е. привычные, или, как говорят в феноменологии¹⁰, «переживаемые без вопросов» способы и модусы действия, которые мы выполняем потому, что в противном случае нам грозят физические или моральные санкции; часть этих действий иррациональна, мы выполняем их, но не понимаем их смысла; иногда это такие формы поведения, которые не определяются моей собственной личностью, они носят интерсубъективный характер, «другой» должен поступать так же как и «я», а «я» – как «другой». Общество – это прекрасная машина, полагает Ортега, чтобы «производить людей» (*de hacer hombres*). Нам представляется, что антропология и социальная философия Ортеги в этом пункте диалектична в лучшем смысле этого слова. С одной стороны, образцы поведения позволяют нам предвидеть, как будут вести себя люди, которых мы еще не знаем. Подлинное интериндивидуальное отношение, полагает Ортега, возможно только по отношению к тем людям, которых мы знаем лично (*proximo, proximo*); «обычаи» же позволяют достичь определенного рода квази-сосуществования с теми, кого мы не знаем, с чужими нам людьми. Благодаря обществу человек – это прогресс в истории, общество выступает как аккумулятор прошлого, и человек, независимо от того, хочет он этого или нет, обязан жить «на высоте своего времени», используя нормы, идеи, техники, весь репертуар, накопленный в истории. Для того чтобы автоматизировать значитель-

ную часть своего поведения и осуществлять почти все те действия, которые человек хотел бы осуществить, он вынужден прибегать к уже имеющимся «программам» поведения – тогда его жизнь будет подлинно личностной и творческой. Общество поворачивает человека лицом к будущему и позволяет ему творить новое, рациональное и более совершенное [55, с.16]. Таким образом, мы получаем диалектику личностного начала и общественных «установлений». Свой синтез они находят в отношении «Я» и «Другого». Здесь в неявной форме содержится *определенная методологическая трудность*: хотя Ортега не говорит нигде явно о диалоге как отношении «Я» к «Другому», но фактически подразумеваются следующие моменты: поиск смысловой полноты и целостности мира и поиск себя в Другом. Это блестяще выражено в его «Этюдах о любви». В обычной жизни добро и зло далеко нам не безразличны, они западают нам в душу, тревожат и терзают. «Поэтому нас тяготит собственное бытие, которое мы выдерживаем с трудом, ценой невероятных усилий. Однако стоит нам куда-либо перенести сосредоточие нашей душевной жизни, переместить его в другого человека, как происходящее в этом мире обесценивается для нас и обесмысливается, как бы выносится за скобки» [5, с.390]. Таким образом, полнота мира и его смысл достигаются за счет вынесения мира «за скобки», все смысловые отношения оказываются сосредоточены в «Другом» – будь это любимый человек или Бог.

При этом человек может и «заблудиться» в «чащобе экзистенции» (*en la selva de existir*), и, как очень верно замечает Ортега, «способность потеряться» – это конститутивное отличие человека от всех остальных существ. Но не только потеряться, но и энергично преодолеть это состояние. «Способность потерять себя и тревога, порождаемая чувством потерянности – это трагическая судьба и выдающаяся привилегия человека» [53, р.38]. Как не вспомнить в этой связи еще одну параллель с немецкой философией – *die Geworfenheit* Хайдеггера и его же «проективность» бытия человека – *der Entwurf*.

Вот еще одна тема, очень актуальная для современной России – сепаратизм. Для Испании эта тема была крайне актуальна в начале двадцатых годов, важна она и сейчас. Ослабление центральной власти в Испании на рубеже 10-х-20-х гг. вызвало тенденции дезинтеграции страны на исторически сложившиеся области, прежде всего независимости требовали Баскония, Каталония, в меньшей степени Галисия, Арагон, Валенсия. Диктатура генерала Примо де Риверы, а затем Франко только подавили временно эти тенденции. В настоящее время испанские провинции обладают большой степенью автономности, но в некоторых из них, прежде всего в Стране Басков и Каталонии, сепаратистские тенденции выражены достаточно явно. Анализируя этот процесс в начале 20-х г. Ортега, отмечает, что Испания стала «бесхребетной», т.е. неспособной к серьезной интеграционной политике – даже не столько на поверхности, сколько в самом важном и субстанциональном: в способности к социальному сосуществованию. Отмечая, что нормальное функционирование государства предполагает «динамическое распределение властных полномочий» и мечтать, что проблемы сами по себе разрешатся, если «Центральная Власть пришлет нам такого губернатора, который наведет у нас порядок» [40, р. 60], значит игнорировать реальные проблемы, Ортега тем не менее уповает на интеллектуальные и волевые способности элиты, с одной стороны, и способности массы подчиняться мудрым решениям, иными словами «взаимодействие между массой и избранным меньшинством, являющемся, по моему мнению, основой любого общества и его движущей силой – в сторону как хорошего, так и плохого» [40, р.103]. Та же самая идея проводится им и двадцать лет спустя в лекциях о философии истории А.Тойнби [48]. Отвергая идею цивилизации в трактовке Шпенглера и Тойнби, равно как идеи «народного духа», «расы» в трактовке немецких историков XIX-XX вв., Ортега фактически

не может выйти за пределы той парадигмы, которая вытекает из его рациовитализма. Реальное развитие Европы, США, многих других стран, добившихся успеха в экономическом и культурном развитии, показывает, что современное общество должно опираться на систему развитых институтов государства и гражданского общества. В теоретическом плане это было, например, разработано в первой половине 50-х гг. А. Геленом [24;25;26]. Там где этого не происходит, имеют место стагнация, деградация, кризисные явления. Это особенно наглядно демонстрирует современная Европа, где развитие идет от «Европы лидеров и государств» к «Европе институтов и регионов», что позволяет, в частности, избежать национальных кризисов и выступать единым фронтом в решении экономических проблем. Разумеется, встающие перед обществом проблемы, требуют сейчас и потребуют в ближайшие двадцать лет достаточно радикальных изменений в институциональной системе [29]. Ликвидация же системы институтов в современной России и замена ее на «избранное меньшинство», включенное в «вертикаль власти», означает лишь то, что Россия отправилась еще раз по маршруту, ведущему в никуда.

Примечания

¹ Ортега-и-Гассет Х. История как система. С.457.

² Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т.2. Всемирно-исторические перспективы. С.377.

³ Весьма примечательно, что хорошо известная работа Ортеги «Три картины о вине» была опубликована первоначально в его журнале «El Espectador» («Наблюдатель») в разделе «La vida en torno» («О жизни»). Да и само содержание работы соответствует дискурсу «философии жизни»: так, «Божественное вино» выступает как метафора цельного, не разбитого на части космоса, изображенные на картине Тициана люди стремятся «впитывать возбуждающую энергию стихий, чтобы ощутить свою слитность с природой. Осушив бокал вина, они вдруг открывают в себе способность редкостного ясновидения, благодаря чему перед ними разворачиваются предельные тайны космоса, созидательные парадигмы всех вещей. <...> вино привносит духовную энергию в чистую органическую материю» и т.д. [4, с. 88-89].

⁴ Совершенно очевидно противоречие между тем методом отыскания истины, который Ортега излагает в указанной книге, и тем, что он пишет в работе «История как система». Жизнь, указывает он в этой работе, «быстротечна, и мы нуждаемся в том, чтобы как можно скорее узнать, на что нам следует опереться в ней. <...> Прогрессизм, откладывающий её поиск до туманного завтра, – настоящий дурман для человечества. Истина есть истина сейчас, а не то, что постепенно открывается, пока не обнаружится все целиком когда-то в будущем, которое наступит неизвестно когда» [7, с.446]. Сходные мысли мы находим и в предисловии ко второму изданию (1934г., первое вышло в 1922г.) «Бесхребетной Испании» [41, р.45]. В этом отношении Ортега сближается с некоторыми деятелями «консервативной революции» 20-30-х гг., например с Карлом Шмиттом (Carl Schmitt).

⁵ В имеющемся русском переводе это место «pensamos para lograr subsistir o pervenir» дано гораздо менее выразительно: «думаем, чтобы жить».

⁶ Работа, о которой здесь идет речь, датирована 1924 годом.

⁷ Как тут не вспомнить критику Выготским ассоциативной психологии в те же годы, и именно за то, что она не в состоянии дать анализ по реальным единицам психики.

⁸ Здесь Ортега, вероятно, впервые формулирует идею самоуглубления, погружения в себя, *ensimismamiento* более поздних работ.

⁹ Поисковая система Google дает на имя Э.Левинаса 70000 ссылок, а еще двадцать лет назад это имя было знакомо только узким специалистам.

¹⁰ Именно тема «обычного», «переживаемого без вопросов» сближает Ортегу с феноменологией, прежде всего с идеями А. Шюца. Но надо заметить, что и в этом случае Ортега сформулировал соответствующие мысли вполне самостоятельно и вряд ли был знаком с книгой Шюца «Смысловое построение жизненного мира», появившейся в 1932 г.

Список использованной литературы

1. **Брюнинг В.** Философская антропология: Исторические предпосылки и современное состояние // *Западная философия: Итоги тысячелетия* / Под ред. А.В. Перцева. Екатеринбург; Бишкек, 1997.
2. **Ортега-и-Гассет Х.** Дегуманизация искусства // Ортега-и-Гассет Х. *Эстетика. Философия культуры*. М, 1991.
3. **Ортега-и-Гассет Х.** Адам в раю // Ортега-и-Гассет Х. *Эстетика. Философия культуры*. М., 1991.
4. **Ортега-и-Гассет Х.** Три картины о вине // Ортега-и-Гассет Х. *Эстетика. Философия культуры*. М., 1991.
5. **Ортега-и-Гассет Х.** Этюды о любви // Ортега-и-Гассет Х. *Эстетика. Философия культуры*. М., 1991.
6. **Ортега-и-Гассет Х.** В поисках Гете // Ортега-и-Гассет Х. *Эстетика. Философия культуры*. М., 1991.
7. **Ортега-и-Гассет Х.** Избранные труды. М., 1997.
8. **Ортега-и-Гассет Х.** Веласкес; Гойа. М., 1997.
9. **Плеснер Х.** Ступени органического и человек: Введение в философскую антропологию. М., 2004.
10. **Риккерт Г.** Философия истории // Риккерт Г. *Науки о природе и науки о культуре*. М., 1998.
11. **Тойнби А.** Постижение истории. М., 1991.
12. **Шелер М.** Положение человека в Космосе // Шелер М. *Избранные произведения*. М., 1994
13. **Шпенглер О.** Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т.2. Всемирно-исторические перспективы. М., 1998.
14. **Abad Pascual J. J.** El método de la razón vital y su teoría en Ortega y Gasset. Madrid. 1992.
15. **Alluntis F.** The vital and historical reason of J. Ortega. New York, 1955.
16. **Basave J.** Unamuno y Ortega. Un bosquejo valorativo. México, 1988.
17. **Benavides Lucas M.** De la ameba al monstruo propicio. Raíces naturalistas del pensamiento de Ortega y Gasset. México, 1988.
18. **Bollnow O.F.** Die Lebensphilosophie. Berlin; Göttingen; Heidelberg, 1958.
19. **Costenla S.** Ortega y Gasset y su influencia en la América de habla española. Montevideo. 1984.
20. **Cramer K.** Ortega y Gasset y la filosofía alemana // Cruz M. Ed. *Historia, lenguaje, sociedad*. Barcelona. 1989.
21. **Cruz Vélez D.** Ortega y Gasset y el destino de América Latina. Buenos Aires, 1983.
22. **Garagorri P.** Unamuno y Ortega. Pamplona, 1972.
23. **Garrigues E.** Ortega y Alemania // *Revista de Occidente*, 1992, vol.132.
24. **Gehlen A.** Anthropologische Forschung. Hamburg, 1961
25. **Gehlen A.** Über die Geburt der Freiheit aus der Entfremdung // Gehlen A. *Studien zur Anthropologie und Soziologie*. Neuwied am Rhein; Berlin, 1963.
26. **Gehlen A.** Urmensch und Spätkultur. Bonn, 1956.
27. **Gironella J.** Filosofía y vida. Cuatro ensayos sobre actitudes: Nietzsche, Ortega, Croce, Unamuno. Barcelona, 1946.
28. **Gómez-Martínez J. L.** Pensamiento de la liberación. Proyección de Ortega en Iberoamérica. Madrid, 1995.
29. **Heinrichs J.** Revolution der Demokratie. Berlin, 2003.
30. **Heinrichs J. Ökologik:** Geistige Wege aus der Klima- und Umweltkatastrophe. Varna; New York etc., 2007.

31. **Hermida P.** El mundo incuestionado (Ortega y Schütz) // Revista de Filosofía, 1996, vol. 9, Nº 15.
32. **Llera L.** de Ortega y la edad de plata en literatura española. Roma, 1975.
33. **Orringer N.** La presencia de Ortega y Gasset en los Estados Unidos. // Actas del 3. Seminario de Historia de la Filosofía Española. Salamanca. 1983.
34. **Orringer N.** Nuevas fuentes germánicas de “¿Qué es filosofía?”. Madrid, 1984.
35. **Klages L.** Vom Wesen des Bewusstseins. Leipzig, 1921.
36. **Klages L.** Geist und Leben. Berlin, 1935.
37. **Klages L.** Vom Wesen des Rhythmus. Leipzig, 1944.
38. **Ortega y Gasset J.** Meditaciones del Quijote // Ortega y Gasset J. Obras completas. T. 1., Madrid, 1962.
39. **Ortega y Gasset J.** “El Quijote” en la escuela // Ortega y Gasset J. Obras completas T 2, Madrid, 1962.
40. **Ortega y Gasset J.** España invertebrada: bosquejo de algunas pensamientos históricos //Ortega y Gasset J.Obras completas.T. 3,Madrid, 1962.
41. **Ortega y Gasset J.** La tema de nuestro tiempo // Ortega y Gasset J.Obras completas. T.3, Madrid, 1962.
42. **Ortega y Gasset J.** Dilthey y la idea de la vida // Ortega y Gasset J. Obras completas. Madrid, 1962, T.3
43. **Ortega y Gasset J.** Sobre la expression, fenómeno cosmico //Ortega y Gasset J.Obras completas,. T.2, Madrid, 1962..
44. **Ortega y Gasset J.** Vitalidad, alma, espíritu //Ortega Gasset J. Obras completas. T.2, Madrid, 1963.
45. **Ortega y Gasset J.** ¿Qué es la filosofía? //Ortega y Gasset J.Obras completas. T.8., Madrid, 1970
46. **Ortega y Gasset J.** La leyenda de Goya // Ortega y Gasset J. Obras completas. T. 8, Madrid, 1970.
47. **Ortega y Gasset J.** Meditaciones de Europa // Ortega y Gasset J. Obras completas. Madrid,, 1970, T. 9.
48. **Ortega y Gasset J.** Una interpretación de la historia universal: En torno a Toynbee // Ortega y Gasset J. Obras completas. Madrid,, 1970, T. 9.
49. **Ortega y Gasset J.** Ideas y creencias. Con un arreglo a la ordenación definitiva de los textos del autor. Madrid, 1976.
50. **Ortega y Gasset J.** El intelectual y el otro // Ortega y Gasset J. Ideas y creencias. Con un arreglo a la ordenación definitiva de los textos del autor. Madrid, 1976.
51. **Ortega y Gasset J.** La percepción del prójimo // Ortega y Gasset J. Ideas y creencias. Con un arreglo a la ordenación definitiva de los textos del autor. Madrid, 1976.
52. **Ortega y Gasset J.** No ser hombre de partido // Ortega y Gasset J. Ideas y creencias. Con un arreglo a la ordenación definitiva de los textos del autor. Madrid, 1976.
53. **Ortega y Gasset J.** El hombre y la gente. Madrid, 1972.
54. **Romanell P.** Ortega en México // Dianoia, 1960, Nº 6.
55. **San Martín J.** Ortega, filosofía alemana y postmodernidad // Agora, 1991, Nº 10
56. **Sánchez Cámara I.** La teoría de la minoría selecta en el pensamiento de Ortega y Gasset. Madrid. 1985.
57. **Sánchez Miñambres J.** Ortega y el nacimiento de la postmodernidad // El Basilisco, 1996, Nº 21.
58. **Zan J.** de La presencia de Ortega y Gasset en Argentina y América // Actas del 3. Seminario de Historia de la Filosofía Española. Salamanca. 1983.
59. **Uexküll J. von.** Theoretische Biologie. Berlin, 1920.

Раздел 3 Лингвистика

Р. Ю. Блинов

ОРФОГРАФИЯ В СИСТЕМЕ ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

Ивановский государственный химико-технологический университет

В статье рассматриваются некоторые системные характеристики английской орфографии, подчеркивается актуальность ее изучения при овладении иностранным языком, важность знания графемно-фонемных соответствий для корректного произношения, чтения и письма. Кратко рассматриваются причины графической вариантности в современном английском языке. Приводится описание некоторых креативных приемов обучения английской графике и правилам орфографии.

Анализ лингвистических журналов, материалов сборников различных конференций, содержания издаваемых в нашей стране методических журналов с очевидной наглядностью показывает, что орфографии не уделяется должного внимания при изучении иностранного языка ни в школе, ни в вузе. С первых лет изучения английского языка многие школьники, а затем студенты, нередко под влиянием своих преподавателей, приходят к убеждению, что орфографическая система английского языка сложна, консервативна, непредсказуема, состоит, скорее, не из правил, а из исключений и т.д. В процессе изучения языка для многих так и остается «за кадром» имеющаяся в орфографической системе английского языка логичность, последовательность, рациональность, изобретенные для английского языка еще первыми писцами-монахами. Не случайно, что все многочисленные попытки реформирования системы английской орфографии завершились неудачей [1], как и попытки обучения языку на основе различных экспериментальных алфавитов: трудно придумать что-то более простое и рациональное, не потеряв внутренней логики системы орфографии, проверенной веками.

В течение длительного периода существования письменности на английском языке сложилась такая система, которая позволяет обозначать алфавитное и неалфавитное чтение буквы (*not - note, mad - made, type - typical*), различать на письме омофоны (*won - one, wait - weight*), опознавать при чтении однокоренные слова, несмотря на наличие произносимых согласных (*sign - signature, muscle - muscular*). Для многих, изучающих английский язык, в том числе самостоятельно, остается не ясным наличие соотношения между написанием и произношением слова. Эта связь не является прямолинейной, но даже если произношение отражается в написании слова не совсем точно, графикой хорошо поддерживается последовательность написания морфем.

Примечательно, что в грамматических справочниках почти всегда выделяются случаи особого написания форм причастий и герундия, образованных от глаголов типа *to stop, to dig, to swim* и др., однако, при этом не дается пояснений относительно

фонетико-графических закономерностей таких написаний. Вне внимания школьников и студентов при изучении английского языка обычно остаются такие важные фонетико-орфографические соответствия, как /k/ → <k>:<ck> (*bank, lock*); /tʃ/ → <ch>:<tch> (*church, stitch*); /dʒ/ → <dge>:<ge> (*large, badge*), /s/ → <c> перед <e,i,y> (*cell, cite, cycle*) и др.

Знание соотношения между звуками и буквами позволяет правильно и писать, и читать слова. Именно позиция *читающего* стала в последнее время учитываться при анализе письма как когнитивной деятельности. Установлено, что важными информационными участками для глаз читающего являются конец и начало слова. Индивидуальный подход к каждому обучаемому позволяет определить его как «финикийца» или как «китайца» - на основе индивидуальных способностей к чтению и письму [3], организовав с учетом этого и процесс обучения.

Компьютеризация многих сфер коммуникации снизила актуальность реформирования английской орфографии и важность владения правилами написания сложных слов: у всех пишущих появилась надежда, что стандартные корректоры написания, электронные словарные ресурсы укажут на орфографическую ошибку и предложат варианты корректного написания слова. Однако многолетний опыт активного применения компьютера в различных сферах деятельности позволяет сделать вывод о том, что орфографические знания все-таки необходимы. Компьютер может исправить определенные орфографические ошибки, преобразовать индивидуальный орфографический стандарт в нормативный, но знание графемно-фонемных соответствий остается необходимым для корректного произношения и чтения, опознавания морфологии слова и т.д.

С появлением в последнее время большого количества графических вариантов, с помощью которых в современном английском языке дифференцируется значение слова [2], все актуальнее становится необходимость комментария относительно причины различного написания одного и того же слова. Как правило, общедоступные словари, в том числе некоторые электронные версии известных лексикографических справочников, такой информации не содержат, создавая у пользователей ложное представление о равнозначности вариантов, или фиксируя лишь один из нескольких имеющихся. Наличие пометы особенно важно при приведении графических вариантов в терминологической лексике. Например, суффикс латинского происхождения **-ine** был заимствован в английский язык из французского для обозначения некоторых классов существительных, но постепенно сфера употребления этого суффикса сузилась, и он стал применяться лишь для образования новых английских слов, обозначающих готовые вещества и препараты (*brilliantine, gabardine, glassine, saltine, etc.*). В химической номенклатуре он утвердился как суффикс органических соединений (*amine, caffeine, etc.*), в названии некоторых химических элементов (*chlorine, bromine*). Однако постепенно конечная **-e**, не всегда отражаемая в произношении слов, писаться не стала, что и привело к появлению новых графических вариантов у большого ряда слов. В химической номенклатуре была сделана попытка разграничить варианты написания с данным суффиксом семантически: основные соединения рекомендуется писать традиционно, с **-ine** (*ammine, aniline*), а нейтральные соединения – с **-in** (*albumin*).

Приведем еще один пример, иллюстрирующий, что при появлении в английском языке неологизмов часто используются именно графические средства. Ср.: **Farm** – land or water devoted to the raising of animals, fish, plants, etc.

Pharm – a place for growing generically modified food products.

Методические проблемы обучения орфографии изучены в настоящее время намного меньше, чем вопросы преподавания других языковых аспектов. Недооценка серьезности орфографических ошибок и их отрицательной роли при изучении ино-

странного языка приводит к значительным затруднениям в овладении иноязычной системой в целом, ограничивает коммуникативные возможности говорящих и пишущих.

Обычно из-за дефицита аудиторных часов в школе и вузе овладение орфографией английского языка в целом и «спеллингом» (написанием конкретных слов) в частности осуществляется учащимися в основном самостоятельно, а затем контролируется преподавателем в словарных и текстовых диктантах. Проведенное нами исследование показало, что обычно и школьники, и студенты, в том числе языковых вузов, пытаются лишь запомнить написание слов, не анализируя их морфемный состав, не принимая во внимание существующие аналогичные написания, не соотнося произношение слова и его графику и т.д.

Всем известно, что при изучении орфографии русского языка применяются определенные мнемонические правила для запоминания исключений (ср. «уж, замуж, невтерпеж», «цыган на цыпочках кормил цыпленка» и др.). С подобными правилами, давно разработанными английскими методистами, рифмовками для запоминания трудных случаев произношения и написания слов («i before e, except after c; Jane is kneading the **dough**, but there isn't **enough**, Jim is eating, **although** the meat is so **tough**, that his teeth won't go **through**...») должны быть знакомы и школьники, и студенты, изучающие иностранный язык. Кроме того, существует ряд креативных методик, которые позволяют эффективно и качественно овладеть системой английской графики. Приведем в качестве примера некоторые упражнения и задания, которые может использовать преподаватель для формирования и закрепления орфографических навыков (естественно, упражнения могут варьироваться в зависимости от этапа изучения языка и цели). Например:

- 1) упражнение на нахождение ошибок в написании омофонов (*sun/son, air/heir, hair/hare, pair/pare, etc*), что помогает формировать у учащихся навыки самокоррекции, развивать наблюдательность, привычку дифференцировать на письме омофоны, исходя из их лексического значения;
- 2) работа с так называемыми абсурдными словами: подчеркнуть слово, которое произносилось бы как слово-эталон слева: *roof – ruf, rufe; good – gud, gudd, ghud, gude, etc*; чтение по правилам, а затем переписывание составленных преподавателем слов с тем, чтобы получилось значимое слово: *rhite, phish, rhyte, knokk, koal, sykology, whi, etc*; диктант из несуществующих слов, которые надо записать, руководствуясь определенными правилами графемно-фонемных соответствий (*bab, barb, babe, borb, bode, bub, bube, etc.*);
Анализ подобных слов позволит продемонстрировать как основные фонотактические модели в современном английском языке, так и показать традиционные диграфы в заимствованных словах, поможет запомнить основные правила чтения гласных и согласных.
- 3) Независимо от возраста обучаемых, большой эмоциональный отклик у них вызывают задания на рифмовку слов, которые имеют различное написание, но сходное произношение: *so – saw – sow – row – bow – sew – toe – flow – foe, etc.*

Развитие орфографических навыков – не самоцель, а один из важнейших компонентов подготовки к письменной речи, способ выражения мыслей в графической форме. Творческий подход к организации формирования навыков письма обеспечивает многофункциональный характер упражнений и способствует решению нескольких взаимосвязанных задач обучения иностранному языку и речи.

Список использованной литературы

1. **Иванова Н.К.** Фонетические алфавиты и транскрипция. Исторический очерк на материале XVI-XX веков. Иваново, 2000.

2. **Иванова Н.К., Блинов Р.Ю.** Графическая вариантность в современном английском языке: опыт лексикографического анализа // Теория и практика иностранного языка в высшей школе. Вып.4. Иваново, 2007, с. 101-108.
3. **Frith U.(ed.)** Cognitive Process in Spelling. Academia Press, 1980.

Е. Борунова, С.С. Садина

ЯЗЫК ЭПОХИ В ТЕКСТАХ ГАЗЕТ ВЕРХНЕВОЛЖЬЯ (20 – 30-е годы XX века)

Ивановский государственный химико-технологический университет

На основании лингвокультурологического анализа текстов периодических изданий Верхневолжского региона авторы делают вывод о неразрывной взаимосвязи особенностей развития региона и характера языка газет 20 – 30-х годов XX века.

В последнее время российское общество и государство проявляют большую озабоченность состоянием и условиями существования русского языка. Выступления писателей, филологов, политиков, рядовых граждан привлекают внимание общественности к тому, что «великий и могучий» русский язык засорен, перегружен американизмами, а речь россиян – от депутатов Государственной думы и журналистов СМИ до школьников – бедна, невыразительна и косноязычна. Озабоченность эта вызвала к жизни многочисленные и разнообразные мероприятия (серии радиопередач, конференции и «круглые столы» специалистов, наконец, объявление 2007 года Годом русского языка), цель которых - привлечь внимание к необходимости строгого и ответственного отношения к государственному языку России. Ибо чистота языка есть показатель здоровья нации, и наоборот – больное общество говорит нездоровым, неживым языком.

Вопрос о взаимосвязи и взаимодействии языка и общества, языка и культуры один из важных дискуссионных вопросов нашего времени. Актуальность этой проблемы прямо связана с особенностями двух общественных явлений - языка и культуры. Понятие *язык* многогранно. Только в словаре С. Ожегова содержится восемь его определений [10, с.841]. Известный культуролог Ю.С. Степанов, отражая сложнейшую сущность языка, представил его в виде нескольких образов: 1) язык как язык индивида; 2) язык как член семьи языков; 3) язык как структура; 4) язык как система; 5) язык как тип и характер; 6) язык как компьютер; 7) язык как пространство мысли и как «дом духа», то есть как результат сложной когнитивной деятельности человека [14, с.26]. Если исходить из того, что язык есть пространство мысли, то неизбежен вывод: язык, во-первых, результат деятельности народа; во-вторых, результат деятельности творческой личности. В самом конце XX века языковеды пришли к выводу, что человеческий интеллект, как и сам человек, невозможен вне языка. Текст, создаваемый человеком, фиксирует движение человеческой мысли и способы ее представления с помощью средств языка. Это значит, что язык не только отражает реальность, но и интерпретирует ее, создавая особую реальность, в которой живет человек. Именно поэтому мир предстает перед человеком сквозь призму культуры и языка народа, который видит этот мир.

Будучи семиотическими системами, язык и культура имеют много общего: они являются формами сознания, отражают мировоззрение человека; они существу-

ют в диалоге между собой; субъект языка и культуры – это всегда личность или общество; наконец, нормативность и историзм – общие сущностные свойства языка и культуры. Историзм языка и культуры означает, что каждому длительному периоду времени – эпохе – соответствует свой особенный язык, свои знаки и символы. Так, с эпохой античности обычно ассоциируются *форум* и *римское право*; с периодом Древней Руси – *иконопись* и *летопись*; с эпохой сталинизма – стройки *первых пятилеток* и *ГУЛАГ*; символы наших дней – *интернет* и *глобализация*.

Таким образом, *язык эпохи* – это язык, воплощенный в знаках и символах, которые ассоциируются с определенной эпохой. Определение язык эпохи отличается от обычного определения язык тем нематериальным багажом, признаками которого являются миф, легенда, узнаваемость, широкая известность, идентификация с определенным стилем и др.

Это определение убедительно подтверждает анализ языка провинциальных газет Верхневолжья 20 – 30-х годов XX века, когда в СССР был взят курс на индустриализацию. Полуфеодальная, императорская, аграрно–индустриальная Россия становилась советской, социалистической, индустриальной страной, одной из ведущих держав мира. Преимущества социалистической системы хозяйства позволили быстрыми темпами построить тысячи заводов, фабрик, железных дорог. Приступая к социалистической индустриализации, партия опиралась на старые, сложившиеся промышленные центры: Ленинград, Москву, Горький, Иваново, Урал, Донбасс и другие. Именно эти центры стали базами для развития новых отраслей промышленности, подготовки квалифицированных кадров для развивающихся районов. В тот же период в СССР были решены важнейшие задачи культурной революции, в частности, - ликвидация малограмотности и неграмотности, а затем на этой основе – подъем всей системы просвещения.

30-е годы – это время, когда героическая и трагичная жизнь соединила в себе массовый энтузиазм и отсутствие профессионализма, революционную романтику масс и низкий уровень знаний и общественной культуры; веру в светлое будущее и преклонение перед вождем; трудовой подвиг стахановцев и политические процессы над «вредителями»; прославление героев и массовые репрессии.

Верхневолжский регион играл в те годы важную роль в жизни страны. По количеству предприятий и выпускаемой ими продукции Ивановская промышленная область (образована в 1929 году) занимала третье место после таких крупных индустриальных центров, как Москва и Ленинград. Все процессы, происходящие в этот период в стране, нашли яркое отражение в жизни Верхневолжья. Здесь была создана разветвленная сеть районных и многотиражных газет. Флагманом партийно – советской прессы (ведущей Иваново – Вознесенской губернии) – была газета «Рабочий край». Осенью 1930 года в Ивановской промышленной области была проведена перестройка печати: все двадцать районов области стали выпускать свои газеты.

Газетный материал – это синхронный документ эпохи. В 20 – 30-е годы партийно-советская печать становилась достоянием широких масс, активно участвовала в формировании общественного мнения, играла роль борца за пролетарскую идеологию и «воспитателя» трудящихся масс. Именно поэтому газетные тексты являются основным материалом для лингвистического анализа с точки зрения формирования языка эпохи.

В 20-30-е годы, когда страна вступила в полосу грандиозных социальных перемен, в развитии языка наступила пора сложной, противоречивой жизни. Бурный ее поток включал в себя массовое появление новых слов, интенсивное творчество в сфере разнообразных моделей сложносокращенных слов, а также переосмысление, изменение и уточнение старых понятий и замена их новыми.

Изменения и новшества, особенно ярко проявлявшиеся в области лексики, породили опасения за судьбу языка. Высказывалась тревога, исходившая главным

образом от ученых и писателей старшего поколения: как бы преобразования и сдвиги не привели к разрыву в культурно-языковой традиции; как бы «коренные преобразования» не завершились крушением всего великого русского языка. Но эти опасения оказались напрасными. Разрыва в культурно-языковой традиции не могло быть: в 20-30-е годы интенсивно протекал процесс преемственного развития не только науки, культуры, но и самого языка, его обогащение, прежде всего, лексическое, на устойчивой, веками сложившейся основе.

Уже в первые десятилетия Советской власти ученые прилагали усилия к тому, чтобы раскрыть характер развития русского языка после революции [3, 6, 13]. По мнению Протченко И.Ф., известного русского филолога, не все исследования этого периода равноценны. Оценка языковых новшеств, особенно в первых публикациях, посвященных указанной проблематике, иногда носила односторонний характер, поскольку, с одной стороны, не всегда и не в полной мере учитывалась системность языка, взаимосвязанность его звеньев, а с другой, делались попытки по поводу того или иного мало-мальски заметного новшества предположить отнесение его непосредственно к воздействию новых социальных условий [13]. Тем не менее, исследования трансформаций в языке советской эпохи продолжались в течение всего существования советского государства. Работы, в которых предпринимались попытки осветить развитие русского языка в годы Советской власти, при новых социальных условиях во многом оказались неубедительными, неполными. С позиций языкознания конца XX века их теоретический, методологический уровень признается недостаточным. Сложная и богатая история русского языка нуждалась в комплексном социально-лингвистическом изучении. Такая попытка была предпринята созданием монографии «Русский язык и советское общество» [12]. Основное достоинство этого труда состоит в том, что здесь впервые собран большой и в целом довольно надежный материал, на основе которого сделано обобщение многообразных процессов развития русского языка советской эпохи.

На рубеже тысячелетий в исследованиях русского языка наступил новый период: язык стал рассматриваться не просто как орудие коммуникации и познания, но как культурный код нации, не только отражающий реальность, но интерпретирующий ее и создающий тем самым особую реальность, в которой живет человек. Так началось становление новой отрасли знания – лингвокультурологии. Она поставила новые задачи в исследовании языка, в создании новых методик его описания, новых подходов при анализе его единиц и категорий [4]. Задача лингвокультурологов – извлечь заложенный в языковых знаках культурный код.

Таким образом, собственно лингвистические и лингвокультурологические исследования русского языка, в том числе и языка советской эпохи, показывают, что многие проблемы этого феномена русской культуры изучены недостаточно и предстоит еще многое сделать для того, чтобы в полной мере на основе научных исследований оценить язык нации, в данном случае – русской, как условие, основу и продукт культуры, а в глубоком смысле – как основу жизни нации.

Что же касается изучения русского языка 20-30-х годов Верхневолжского региона, то он практически не исследован.

Бурное развитие всех сторон жизни СССР в 20-30-е годы вызвало стремительное обогащение языка, появление огромного числа новых слов – неологизмов. Прежде всего, это были слова, отражавшие новые реалии советской действительности. В словах *индустриализация, коллективизация, комсомол, ударничество, пятилетка* и других отражались шаги социализма, его победы, достижения, история комсомола, пионерской организации. Обратим внимание и на то, что с изменением социального статуса трудящихся появились новые слова, связанные с совершенно иным отношением к труду.

Возможность свободного труда на благо народа привела к разворачиванию творческой инициативы масс, к возникновению *социалистического соревнования*. Массовый энтузиазм рабочих проявлялся в *коммунистических субботниках, производственных смотрах, работе смотровых комиссий*. В годы второй пятилетки в стране возникло *стахановское движение*, а в годы третьей пятилетки - *движение многостаночников*.

Одновременно активное языковое творчество журналистов, агитаторов, пропагандистов социалистической идеологии привело к тому, что многие привычные слова, термины изменили свое значение. Например: *ударник*. Словарь Ожегова дает два первоначальных значения этого термина: «ударник – часть затвора стрелкового оружия или орудия для разбивания капсулы патрона при выстреле; ударяющая деталь в механизме, инструменте» [10, с.458]. В 20 - 30-е годы этот термин приобрел метафорический смысл: теперь *ударник* – это передовой рабочий социалистического производства, прорывающийся вперед и увлекающий за собой других. Возникают и новые понятия – работать *по- ударному*, лучшие бригады получают название *ударных бригад*. Широко распространились понятия *ударность, ударничество*; стали привычны новые словосочетания - *ударное задание, ударный цех, ударная стройка*. Приведем несколько примеров: «Губсовет намечает выделить *ударную группу* для быстрого выполнения задач» («Рабочий край» № 14. 1926); «Наиболее *ударными* были вопросы восстановления промышленности» («Рабочий край» № 11. 1926); «...нам надо сейчас взяться за организацию ленинских *ударных бригад*» («Красный текстильщик» № 1. 1930); «После ленинских дней наблюдается подъем соревнования и переход на *ударные цеха*» («Рабочий край» № 2. 1930); «От *ударной машины* – к *ударному цеху!*» («Красный текстильщик» № 1. 1930). В настоящее время первое значение понятия *ударник* употребляется лишь как профессиональный термин, а второе значение стало историзмом, ушло из активного употребления.

Представители партийного и советского руководства понимали значение целостной деятельности, прочно связанной во всех своих частях. Поэтому в их выступлениях на страницах газет зачастую шла речь об *увязке, неувязке*; всегда указывалась необходимость соединить, связать что-либо. Например: «*Увязка* учебных планов с требованием производства» («Красный текстильщик» № 76. 1937); «*Неувязка* между органами» («Рабочий край» № 81. 1925); «Плохо *увязываются* планы отдельных ведомств» («Рабочий край» № 134. 1937); «В политико-просветительную работу комсомола нужно ввести большую плановость и систематичность, тесно *увязав* ее со всей практической общественно-политической работой» («Ленинец» № 83. 1932).

Подобное переосмысление произошло и с такими понятиями, как *прослойка, ячейка, смычка, уклон, чистка* и др. Так, в исследуемый период новый культурный код обрело слово *чистка*. *Чистка*.- «Удаление грязи, какого-нибудь наслоения» [8, с. 549]. В 30-е годы *чисткой* стали называть процесс освобождения правящей партии от тех ее членов, которые с точки зрения руководства данной организации ВКП (б) не отвечали требованиям, необходимым борцам за социализм. «Провести партийную *чистку*», «*вычистить* ряды» означало публичное обсуждение социального происхождения, гражданских и личных качеств человека, вызывающего подозрения (зачастую по анонимному доносу) в недостаточной преданности идеям социализма. Такое обсуждение часто заканчивалось исключением из комсомола, партии и, как следствие этого, - из техникума, вуза, академии. С другой стороны, человек, «прошедший *чистку*», мог быть спокойным за свое будущее и карьеру.

В эпоху 20-30-х годов люди стремились к краткости речи, избегали описательной передачи сути явления или действия. Отсюда – обилие аббревиатур в речи и на газетных страницах, например: *СССР* – Союз советских социалистических республик, *ВСНХ* – Высший совет народного хозяйства, *ВЛКСМ* – Всесоюзный Ленин-

ский Коммунистический союз молодежи, *МОПР* – Международная организация помощи революционерами др. Отсюда же и стремление сократить длинные многословные составные наименования, что особенно ярко проявилось в образовании и употреблении сокращенных слов. Например: *агитпроп* – агитационная пропаганда, *губоно* – губернский отдел народного образования, *ликбез* – ликвидация безграмотности, *рабкор* – рабочий корреспондент, *рабфак* – рабочий факультет, *шкраб* – школьный работник и другие. Часто употреблялся и такой способ словообразования: за начальным слогом или за двумя начальными слогами первого слова следует полная форма второго слова. Несколько примеров: *главполитпросвет* (главное управление политического просвещения); *совнарсуд* (совет народных судей), *совпартшкола* (советская партийная школа); *парторганизация* (партийная организация), *партобязанности* (партийные обязанности); *компартия* (коммунистическая партия); *продотряд* (продовольственный отряд); *политуправление* (политическое управление) и др. В наши дни большинство этих слов вышли из живого, активного употребления. Они сохранились в языке как историзмы, как неологизмы советской эпохи, отразившие важнейшие этапы преобразования хозяйственной, политической жизни страны.

Активное словотворчество, развиваясь по законам языка, влияло на культурную ситуацию в обществе и в определенной степени изменяло общественное сознание.

В 20-30-е годы эмоционально – экспрессивная функция языка имела огромное значение. Высокие идеалы братства, равенства, свободы, а также угрозы в адрес врагов, категорические приказы – все это выливалось в соответствующие формы языка. Волевые побуждения, идущие от одних к другим, использовались в речи партийных деятелей, изобиловавшей строгими приказами, повелительными терминами долга, обязанности. Постепенно элементы, служащие для выражения эмоциональности языка, становились модными и все чаще употреблялись журналистами. Одним из видов экспрессивно – императивного воздействия на читателей стали лозунги. Например: «Пролетарии мира! Стойте крепко на защите первой рабочей страны – Союза советских социалистических республик», «Каленым железом выжжем воровство, взятку, беззаконие, произвол». Много лозунгов содержали словосочетание *да здравствует.* – «*Да здравствует Коммунистический Интернационал – вождь мирового пролетариата*», «*Да здравствует чистый воздух!*». Двух- или трехкратное *да здравствует* зачастую являлось концовкой речей политических деятелей. Например: «*Да здравствуют трудящиеся СССР! Да здравствует Коминтерн! Да здравствует мировая революция!*» («Рабочий край» № 56. 1927); «*Да здравствует Октябрьская революция! Да здравствует Красная армия! Да здравствует социализм!*» («Рабочий край» № 183 1927). Враждебность, а затем только недовольство и неприемлемость выражались в выкрике *давай!* – «*Давай солону! Давай воров – спекулянтов!*» («Рабочий край» № 67 1925).

В периодических изданиях Верхневолжского региона часто употреблялись резкие высказывания по отношению к противникам коммунистической партии и к тем представителям своей среды, которые нарушали партийное единство. Руководство ВКП (б) считало своими явными врагами активных представителей других социалистических и демократических партий – «соглашателей», «бюрократов», а также «церковников» и «сектантов». В их адрес были направлены самые «крепкие словечки» коммунистических деятелей и их сторонников: «гносные происки троцкистско – зиновьевских контрреволюционных последышей и их правых пособников», «издыхающие гады, остатки разгромленных, разбитых классов», «вернейшие псы буржуазии», «троцкистско – зиновьевские мерзавцы», «подлейшие из подлых», «омерзительные деятели», «волчья стая троцкистов-зиновьевцев» и тому подобное. Эти слова с особой силой выражали всю непосредственность настроения коммуниста. Приведем несколько примеров из текстов газет Верхневолжья: «Мерзавцы бол-

гарской социал – демократии» («Рабочий край» № 139. 1925); «Вся черносотенно – кадетская сволочь» («Рабочий край» № 3. 1922); «Дадим решительный отпор враждебной, подрывной работе мракобесов» («Ленинец» № 123. 1937); «Подлый двурушник, троцкистско – бухаринский лакей» («Ленинец» № 113. 1937); «Никакой пощады контрреволюционным гадам» («Ленинец» № 113. 1937); «...по прямому указанию подлого предателя Епанечникова» («Ленинец» № 126. 1937).

Наряду с резкими высказываниями коммунистических деятелей в адрес противников на страницах газет все большее место начинает занимать восхваление партийных деятелей, в частности, – вождей советской страны. В 30-е годы происходит становление культа личности В.И. Сталина, что нашло яркое отражение на страницах периодических изданий Верхневолжья. Сталина называли «великим вождем народов», «организатором и творцом побед социализма», «дорогим учителем», «ловким и мудрым», «героем героев», «любимым другом», «гениальным художником». Из этих эпитетов создавался устойчивый образ, культивируемый в индивидуальном сознании советского человека и широко распространяющийся в культуре.

Особенностью эпохи 20-30-х годов является широкое употребление военной лексики с целью придания изложению необходимой жесткости и экспрессии. Термины военной жизни, военного строя и режима употреблялись чаще всего не только для обозначения явлений военного времени, но реалий партийной, общественной и культурной жизни. Годы ожесточенной вооруженной борьбы во время Гражданской войны 1917 года по существу превратили страну в военный лагерь со всеми признаками функций, отношений и зависимостей милитаристского режима. Об этом говорит само наименование политики, проводимой тогда советским правительством и РКП (б), – «военный коммунизм». Время показало, что диктатура пролетариата в форме военного коммунизма – это необоснованный рывок вперед, заблуждение, которое было исправлено в 1921 году переходом к новой экономической политике. В то же время экстремальные условия восстановления народного хозяйства, разрушенного Гражданской войной, потребовало от народа и руководства страны тех же качеств – дисциплины, сплоченности. Вот это состояние общественной напряженности не только сохранило в условиях гигантских строек первых пятилеток лексику периода военного коммунизма, но и вызвало к жизни новые слова, фразеологические обороты для обозначения мирной жизни. Эпоха военного коммунизма наложила на общество не только печать революционной решительности, боевого духа, энергии и ненависти к контрреволюции, она связала его с некоторыми традициями и привычками военного периода.

Военная лексика соответствующим образом отразилась в текстах периодических изданий Верхневолжского региона. Была не только *Красная Армия*, но и *рабочая армия*; говорилось не только о *военной гвардии*, но и о *гвардии большевиков*, то есть лучших, самых ценных членах партии. Привычным для военного обихода являлось наименование *штаб*. Но в мирных условиях этот термин употреблялся в ином значении: *комсомольский штаб*, *штаб организации субботников*, *штаб социалистического соревнования*, *штаб мировой революции* и др. Например: «Да здравствует *штаб* мировой революции – Коммунистический Интернационал!» («Рабочий край» №100. 1926). Популярным стало использование слова *фронт* в области общественной и культурной жизни: *боевой фронт* труда, *хозяйственный фронт*, *продовольственный фронт*, *фронт просвещения*, *фронт учебы*, *фронт строительных работ*, *ударный фронт* и др. Например: «С *фронта* огня и крови на *фронт* плуга и нивы» («Рабочий край» №125. 1921). То же касается слова *отряд*: *продотряд* (продовольственные отряды), *пионеротряд* (пионерский отряд). Например: «Продотряды должны нести свет деревне» («Рабочий край» №6. 1921).

В условиях формирования командно-административной системы в 20-30-е годы привычным явлением стала кампанейщина. Военный термин *кампания* как организация военных действий в этот период переосмысливался и стал обозначать *сосредоточение усилий руководства* на управлении трудящимися массами для реализации какой – либо конкретной задачи мирного строительства. Например: «Сельскохозяйственная *кампания*» («Рабочий край» №127. 1927); «Проведение *кампании* выборов в сельсоветы» («Рабочий край» №218. 1927); «Сейчас в разгаре отчетная *кампания*» («Рабочий край» № 100. 1925); «Разъяснительная *кампания* о решении съезда» («Рабочий край» № 89. 1926).

Не только в военно - морских делах, но и в политической, общественной жизни распространилось и вошло в язык периодической печати такое словосочетание, как *держали курс на* что – либо или кого – либо. Например: «*Держать курс на* индустриализацию страны» («Рабочий край» № 195. 1926). Чрезвычайно востребованным оказался флотский командный термин *даешь!* Он стал наиболее употребляемым призывом во всех газетах советской страны. Но изменилось значение этого восклицания. *Даешь!* выражало не только настойчивое желание, но и результат в достижении. Термин *даешь!* часто входил в состав лозунгов. Например: «Рабочий, *даешь* паровоз! Крестьянин, *даешь* фронту хлеб! (из лозунгов 1920-1921 годов); «*Даешь* науку массам!» («Рабочий край» № 1.1935); «*Даешь* новый быт!» («Красный текстильщик» № 16. 1936); «Наш летний лозунг: «*Даешь* здоровью!» («Красный текстильщик» № 85. 1937).

Приведенные примеры показывают, что специальная терминология (в нашем случае – военная) являлась богатым источником экспрессивно – выразительных средств публицистического стиля. Эта терминология позволяла партийно – советскому руководству использовать печать в целях воспитания дисциплинированных, ответственных строителей социализма, для которых интересы государства стояли на первом месте по сравнению с личными.

Быстрое создание в Верхневолжском регионе сети областных, районных и многотиражных газет в конце 20-х начале 30-х годов привело к тому, что газета вошла практически в каждый дом, в каждую семью. Это значит, что каждый читатель получал обильную информацию о политике партии правительства и мог на этом основании, а также при помощи пропагандистов и агитаторов из числа коммунистов и комсомольцев определить свою роль в социалистическом строительстве. Мирная жизнь 20 – 30-х годов – это не только переходный период в экономике и социальной жизни страны, но и в сознании людей. «Отцы и дети» расходились во взглядах на новую жизнь. Интересы, стремления и вкусы молодого поколения во многом отличались от интересов и идеалов старших. Эти процессы нашли явственное отражение в языке: молодежь создавала собственную языковую субкультуру как протест против канонов языка и норм поведения старшего поколения. Протест против условностей бытовых приличий и соответствующие языковые переживания вели к упрощению языка, к его прагматике, с одной стороны, и к откровенности в передаче настроения, с другой. Это привело к тому, что в газетных текстах Верхневолжья получили широкое распространение просторечные слова, вульгаризмы, а в некоторых случаях – жаргон. Например: *парень* (молодой человек, юноша), *ребята* (молодые люди), *девчата* (девушки), *богатый*, *буржуй*, *сволочь*, *трепач*, *потребилровка*, *пьянка*, *пивнушка*, *танцульки*, *лимон* (миллион), *червяк* (червонец), *похабный*, *брякнуть*, *ляпнуть* (оба эти глагола в значении – сказать что-либо неуместное, необдуманное), *просадить* (быстро растратить деньги), *съездить в ухо*, *околеть*, *хорохориться*, *катиться* (уходить), *растранжиживать*, *разбазаривать* (распродавать, растрчивать на пустяки), *наплевать* (не обращать внимания), *пешедралом* (идти пешком) и др. Вращаясь в среде широких масс населения и являясь его частью, журналисты привычно использовали в своих статьях

язык деревни и фабрики. Например: «Можно привести немало примеров, когда в клубе имени Ленина царствует танцулька» («Ленинец» № 123. 1937); «Опровержение, которое превращает его из честного борца в жалкого склочника и клеветника» («Красный текстильщик» № 31. 1936); «Кто-нибудь из молодых или чересчур горячих товарищей что-нибудь ляпнет» («Рабочий край» № 285.1925); «Редко-редко можно начать вовремя собрание, потому что «привыкли» приходить не во время. «Наплевать - успех». Многие вообще не приходят: «Наплевать, без нас обойдется» («Рабочий край» № 162. 1927). В разговорной речи фабричной молодежи и деревенских жителей привычным средством общения был мат. Периодические издания постоянно фиксировали наличие в реальной жизни этого языкового явления. Например: «У нас с тобой, можно сказать, по - шутейному и вышло-то все. Можно сказать, по-товарищески. Ты - меня матом, я - тебя» («Рабочий край» № 68. 1937); « Охалкин, не имея на работницу никакого основания негодовать, все же доказал свой героизм рвача - коммуниста, и сумел ее обложить матом» («Красный текстильщик» №5. 1930).

Эпоха 20-30-х годов – это не только время определенной милитаризации жизни общества, но и период нарастающей бюрократизации государственной и общественной жизни. На многочисленных митингах, съездах, конференциях, пленумах произносились, а затем публиковались в газетах выступления советских и общественных деятелей, пафос и стиль которых служил образцом для рядовых трудящихся. Сильные централизованные связи, преимущественное значение центра, его авторитет, строгость дисциплины, требующей безоговорочного выполнения директив, идущих из центра, - все это отражалось в языке 20 – 30-х годов, его стилевом единобразии. Быстро создавались речевые шаблоны, клише, которые, распространяясь, проникали в язык широких слоев населения – городского, фабрично – заводского и, отчасти - деревенского. Приведем несколько примеров клишированной речи партийно – советского руководства, свидетельствующей о растущей бюрократизации советского общества: *в общем и целом* - «*В общем и целом, по работе с газетой должно быть усилено внимание*» («Рабочий край» № 100. 1924); «*В общем и целом она (пролетарская литература) твердо шла по ленинскому пути*» («Рабочий край» № 1. 1926); «*В общем и целом работа становится на правильный путь*» («Рабочий край» № 272. 1927); «Мне кажется, что, *в общем и целом, мы провели эту борьбу не так плохо*» («Рабочий край» № 67. 1936); *целиком и полностью* - «Мы читали резолюцию съезда, и мы заявляем, что мы за нее *целиком и полностью*» («Ленинец» № 97. 1935); «Собрания бедноты... *целиком и полностью* оправдали себя» («Рабочий край» № 57. 1926); «Октябрьская революция *целиком и полностью* воспитала следующее поколение» («Рабочий край» № 123. 1932); *сегодняшний день* - «Это очередная *задача сегодняшнего дня*» («Рабочий край» №140. 1924); «Изображение рабочего быта является одной из важнейших задач *сегодняшнего дня*» («Рабочий край» № 1. 1927); «С точки зрения *сегодняшнего дня*» («Рабочий край» № 2, 1937).

Таким образом, анализ текстов провинциальных газет Верхневолжского региона эпохи 20 – 30-х годов XX века показывает, что в указанный период реалии жизни формирующегося советского строя нашли яркое отражение в языке. Отдельные единицы языка приобрели символическое, образно – метафорическое значение и оказывали мощное влияние как на общественное сознание, так и на мировосприятие отдельного советского человека. Одновременно историческая реальность, особенности культуры советского общества 20 – 30-х годов способствовали внутреннему развитию самого языка как элемента культуры. Продуктом словотворчества на страницах газет Верхневолжья стали многочисленные неологизмы, «советизмы», переосмысления значений привычных понятий, аббревиатуры. Газетные тексты советского периода ярко показывают широкие возможности экспрессивно – императивного воздействия на

читателей. Особенно явно это демонстрирует военная лексика, использовавшаяся журналистами как средство управления советскими людьми. Однако если военная лексика призывала к железной дисциплине, организованности, к приоритету общественных интересов над личными, то эмоционально сниженная лексика в отношении так называемых «врагов народа» вызывала агрессивность, ненависть и презрение к инакомыслящим. Агитационное воздействие на читателей - тружеников текстильных фабрик и колхозных полей – газеты 20 – 30-х годов XX века осуществляли при помощи широкого использования лозунгов и призывов. Распространение этикетной формулы «здравниц» в этот период можно рассматривать как постепенное утверждение монопольной роли коммунистической партии. Характерным признаком эпохи стало и появление восхваляющих эпитетов, обращенных к Сталину, что говорило о становлении культа его личности. Распространение в газетных текстах речевых шаблонов, клише убедительно свидетельствовало о растущей бюрократизации советского общества.

Таким образом, взаимодействие языка газет и советского человека создавало специфическую культуру эпохи 20 – 30-х годов XX века, в которой фиксировались результаты человеческого сознания – обобщенные в языке мифы, символы и образы эпохи становления тоталитаризма.

Список использованной литературы

1. **Аругюнов С.А.** Язык – культура – этнос. М., 1994.
2. **Баранников А.** Из наблюдений над развитием русского языка в последние годы. Учен. зап. Самар. ун – та, 1991, вып. 2.
3. **Винокур Г.О.** Заметки по русскому словообразованию. – Изв. АН СССР ОЛЯ, 1946.
4. **Воробьев В.В.** Культурологическая парадигма русского языка. М., 1994.
5. Газеты «Рабочий край», «Красный текстильщик», «Ленинец», «Шуйский пролетарий», «Смычка», многотиражные газеты Верхневолжского региона за 1920 – 1930 годы.
6. **Ларин Б.А.** О лингвистическом изучении города. //Рус. речь Н.С., 1928, т. 3; 7. О словоупотреблении // – Лит. учеба, 1935, №10.
7. **Лихачев Д.С.** Культура как целостная динамичная система // Вестник РАН, 1994, №8.
8. **Маслова В.А.** Введение в лингвокультурологию. М., 1997.
9. **Михеева Л.Н.** Время в языковой картине мира. Иваново, 2003.
10. **Ожегов С.** Толковый словарь русского языка. М., 2001.
11. **Протченко И.Ф.** Лексика и словообразование русского языка советской эпохи: Социолингвистический аспект. М., 1985.
12. Русский язык и советское общество. М., 1974.
13. **Селищев А.М.** Язык революционной эпохи (1917-1926). М., 2003.
14. **Степанов Ю.С.** В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М., 1985, с. 26.
15. **Степанов Ю.С.** Константы. Словарь русской культуры. М., 1996.
16. **Телия В.Н.** О методологических основаниях лингвокультурологии // 11 Международная конференция «Логика, методология, философия науки». М., Обнинск, 1995; Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М., 1985; 7. 8. Там же, с. 549.

В.В. Ганина

ОСОБЕННОСТИ ОПИСАНИЯ МИРЕМИЧЕСКОГО НЕВЕРБАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

Ивановский государственный химико-технологический университет

Систематизированному рассмотрению подвергаются миремические невербальные компоненты коммуникации, отражающие особенности взглядов и визуального контакта, а также специфика их языкового выражения в англоязычных художественных текстах.

В настоящее время наблюдается повышенный интерес к различным аспектам невербального поведения, особенно к тем, которые несут информацию об индивидуально-личностных характеристиках человека и об общении в целом. Одной из причин внимания исследователей к несловесному способу общения является установленный психологией факт, что в процессе взаимодействия людей передача большей части информации происходит за счет невербальных средств.

Значительными коммуникативными способностями обладают человеческие глаза. В данном исследовании глазное, или визуальное, поведение человека называется миремическим. Термин "миремический" выбран на основе работы К. Шерера, который предлагает назвать взгляд миремой [11].

Глаза представляют собой важный в физиологическом, психологическом, социальном и во многих других отношениях орган как восприятия, так и проявления внутреннего мира человека.

Для исследования и правильного понимания взглядов как невербальных сообщений имеют значение не столько статистические параметры, сколько их изменение [3]. В исследованиях по психологии рассматриваются различные степени открытости глаз. Так, выделяются слишком широко открытые (вытарашенные) глаза; полностью открытые; прикрытые, "занавешенные"; прищуренные, закрытые [6].

Психологи свидетельствуют, что глаза своими движениями и реакцией зрачка сигнализируют об эмоциональном, психическом и физическом состоянии индивида [5,7,9].

Не менее важным оказывается исследование взгляда. Способы обмена взглядами в момент беседы, организация визуального контакта (время фиксации взгляда на партнере, частота фиксации) используются при исследовании атмосферы интимности в межличностном общении [2]. Было доказано, что направление взгляда в процессе общения зависит от его функции в общении, от содержания общения, от индивидуальных различий и от характера взаимоотношений. По направлению взгляда различают: прямой взгляд, взгляд сбоку, взгляд снизу или снизу вверх и уклоняющийся. При исследовании движения глаз важным оказывается его характер: твердый или неопределенный, спокойный или беспокойный, вялый или живой [6].

Специалисты выделяют пять функций взгляда: 1) регулировка процесса коммуникации, 2) проверка обратной связи, 3) отражение когнитивной активности, 4) выражение эмоций, 5) выражение характера межличностных отношений [4, с. 194]. Опираясь на выделенные функции глаз и взглядов, Г.Е. Крейдлин выделяет следующие смыслы, которые передаются ими в процессе коммуникации: 1) готовность к коммуникации; 2) подавление воли или влияние другого и контроль над процессом коммуникации и над поведением партнера; 3) желание установления контакта [1, с. 387-388].

Миремический вид невербального поведения человека является одним из самых распространенных для выражения переживаемых эмоций и имеет широкий диапазон языковых коррелятов (далее ЯК). В проанализированных англоязычных художественных текстах отражается выражение глаз, движение глаз, различные виды взглядов и их интенсивность, зрительный контакт, физиологическая реакция, связанная с глазами (слезы).

В качестве ЯК, описывающих глазное поведение коммуникантов при выражении отрицательных эмоций наиболее часто выступают словосочетания различного типа, в которых опорным компонентом является существительное *eyes*. Анализируемые словосочетания описывают изменяющуюся величину и открытость, движение, выражение глаз, зрительный контакт, а также слезоотделение.

При выражении степени открытости глаз ключевыми становятся прилагательные *wide, narrow* и глаголы *to widen, to open, to narrow, to close, to shut*. Наиболее распространенными являются предикативные словосочетания ("he narrowed his eyes"; "his eyes were wide"; "her eyes were wide and frightened"; "her eyes were wide with fear and anger"; "her eyes opened wide"; "her eyes widened"; "her eyes widened in horror/ shock") и глагольные словосочетания со структурой V + Neyes (+ Adv) ("to open her eyes cautiously"; "to close her eyes tightly"; "to half-close her eyes", "to shut her eyes" и др.).

Движение глаз описывается глагольными словосочетаниями со структурой V + Noun eyes (+ Adv) ("to roll his/her eyes"; "to lower her eyes nervously"; "to raise his eyes briefly"; "to drop her eyes").

Для описания выражения глаз используются:

– предикативные фразы ("his eyes were angry and dangerous"; "his eyes glared"; "his eyes glinted dangerously"; "her eyes grew slowly sad"; "her eyes were soft"; "her dark eyes blazed"; "her eyes gleamed"; "her eyes darkened"; "her eyes clouded" и др.);

– абсолютные причастные конструкции ("his eyes shining wildly"; "his little brown eyes glittering fiercely"; "her beautiful eyes expressing such scorn, such anger" и др.);

– именные фразы ("her dark eyes sad"; "her eyes wistful and somber"; "her eyes fearful"; "fear at the back of her eyes"; "anger in her eyes"; "hatred in his eyes" и др.).

Зрительный контакт или его избегание описывается глагольными фразами со структурой V + Pron possessive + Neyes ("to meet her eyes"; "to avoid his eyes" и др.).

Основой глагольных и некоторых предикативных сочетаний являются глаголы, описывающие взгляд: *to look, to watch, to glance, to stare, to glare, to glower, to peer, to scrutinize*.

Направление или линию взгляда представляют словосочетания со структурой: V + up/ down + at + Pron (+ Adv) ("to look up at him"; "to look up at her anxiously"; "to look down at her hands"; "to glare down at him"; "to gaze down at her" и др.). Направление взгляда могут также указывать фразовые глаголы *to look away, to glance away*.

Различные виды взглядов, имеющие эмоциональную окраску, могут описываться в тексте с помощью глагольных словосочетаний со структурой V + (at + Pron) + Adv, где наречие маркирует вектор эмоциональной реакции ("to look gloomily"; "to look sadly"; "to look at her anxiously"; "to look at him ruefully"; "to look at him worriedly"; "to look at him scornfully"; "to glance hostilely"; "to glance severely").

Глаголы *to stare, to glare, to glower* используются в глагольных словосочетаниях со структурой V + (at + Pron) + Adv при описании эмоционально окрашенных видов взгляда, усиливая отрицательную оценку ("to glare unhappily"; "to stare grimly"; "to glare at her angrily"; "to glare accusingly"; "to stare at him wildly"; "to stare at her furiously"; "to stare at me impatiently"; "to stare at him coldly").

Эмоциональная окрашенность взгляда передается также глагольными словосочетаниями со структурой V + (at + Pron) + in + N, где существительное называет переживаемую эмоцию ("to look at him in bewilderment"; "to stare at him in horror"; "to

stare at him in alarm"; "to stare at him in confusion"; "to stare at him in stupefaction"; "to glare at her in fury").

Особенности различных взглядов передают и именные словосочетания с существительными *look, stare, glare, gaze, glance*: Adj (+Adj) + N ("a stern look"; "an anxious look"; "an angry glare"; "a suspicious glare"; "a hostile stare"; "a level, unfriendly stare"; "an irritated glance"; "a brief resentful glance"; "a doubtful glance"; "a cool gaze" и др.); N + of (+Adj) + N ("a look of terror"; "a look of anger"; "a look of utter scorn"; "a look of alarm"; "a look of pure anguish" и др.).

Значительна группа словосочетаний различной структуры с существительным *tears*, которые описывают физиологическую реакцию человеческого организма – слезы. Это прежде всего предикативные сочетания, в состав которых входят существительные *tears* и *eyes* ("tears came into her eyes"; "tears flooded his eyes"; "tears welled in her eyes"; "tears ran down her face"; "the tears flowed down her cheeks" и др.). Глаголы, используемые в данных предикативных словосочетаниях, описывают скапливание слез в глазах (*to fill; to floor; to blur; to brim; to well; to collect; to spring; to glisten; to sparkle*) и их движение по лицу (*to pour down; to stream down; to roll down; to slide down; to spill down* и др.).

Рассмотрев языковые особенности выражения миремических невербальных компонентов, можно выделить некоторые различия между маскулинной и фемининной группами.

В фемининной группе отмечается преобладание описания величины глаз и степени их открытости/закрытости. Чаще описываются большие широко открытые глаза, чему способствует употребление прилагательных *wide, big, enormous, huge, round, wide-eyed* и глагола *to widen*. Подобное увеличение открытости глаз происходит в силу переживаемых коммуникантами эмоций, которые называются в тексте существительными *horror, shock, disbelief, fear, anger, astonishment* и др. Наряду с этим часто встречаются примеры, в которых описывается закрытие глаз коммуникантами-женщинами, что передается глагольными словосочетаниями с опорными глаголами *to close, to shut, to squeeze shut*. Особенностью фемининной группы является значительное преобладание отражения с помощью ЯК с различной структурой физиологического явления – слез. Ключевыми компонентами большинства словосочетаний являются существительные *tears* и *eyes*.

Группа ЯК, представляющих миремические невербальные компоненты при отражении положительных эмоций, менее многочисленна по сравнению с отражением отрицательных эмоций.

Рассматривая структурные особенности данных ЯК в маскулинной и фемининной группах, отметим, что в корпусе анализируемого материала преобладают глагольные, именные и предикативные словосочетания.

Среди языковых единиц, входящих в различные ЯК, можно выделить существительные *eyes, glance, gaze* и *look*, которые модифицированы лексическими единицами позитивной коннотации; глаголы *to look, to watch, to gaze, to glance* в сочетании с языковыми единицами положительной окраски.

К преобладающим видам словосочетаний относятся:

– глагольные, где маркером положительной окраски служат наречия положительной коннотации ("looked at her tenderly"; "looked down at her gently"; "looked happily into his eyes"; "looked up at me adoringly");

– глагольные, в состав которых входят существительные, указывающие положительные эмоции ("watched her with appreciation"; "gazed at her with obvious pleasure"; "looked at him with affection"; "gazed at him with admiration");

– глагольные, включающие в свой состав прилагательные положительной коннотации ("met his gaze with a warm, tender look"; "flickered a grateful glance"; "watched him with warm, friendly eyes"; "shot him a happy look" и др.);

– именные ("a gleam of approval in her eyes"; "the warmth of his gaze"; "his eyes gentle"; "kindness in his eyes"; "a faint glint of amusement in his eyes" и др.);

– предикативные конструкции, построенные по различным моделям ("his gaze was tender"; "his eyes lit up with pleasure"; "her eyes shone with happiness"; "her eyes shone with pleasure"; "her eyes shone with frank admiration" и др.).

Интересно отметить, что отдельные из рассмотренных выше ЯК используются авторами в художественных текстах для описания ситуаций, когда коммуникант манипулирует отдельными компонентами невербального поведения с целью скрыть истинные и выразить лишь сознательно отобранные чувства в соответствии с обстоятельствами. При этом описание миремического вида невербальных компонентов иногда способствует определению истинной эмоции, переживаемой коммуникантом.

"We won, Fulvio," I said, grinning. "We just made twenty thousand dollars."

"They say it's a photo finish," Anna contradicted, pointing at the board, where the photo-finish lights were blinking.

"No, no," Monkton said, "you won, clearly. Congratulations." The teeth were on, but his eyes were cool and guarded, focused on me [10, с. 171].

В рассматриваемой ситуации коммуникант-мужчина испытывает неудовольствие, досаду, что вызвано завистью к удаче других участников коммуникации. Выражение истинной эмоции идет через невербальный канал. В тексте невербальный компонент, описывающий взгляд коммуниканта, представлен ЯК "his eyes were cool and guarded, focused on me", где негативная оценка переживаемой эмоции передается автором через семантику прилагательных, сопровождающих опорное существительное eyes. Подтверждением могут служить словарные дефиниции рассматриваемых языковых единиц: cool – "lacking friendliness or enthusiasm" [12, с. 305]; guarded – "prudent, restrained, or noncommittal" [8, с. 684]. Однако испытываемая негативная эмоция маскируется коммуникантом вследствие того, что он пытается соблюсти нормы этикета и принцип вежливости, которые создают среду положительного взаимодействия. Для этого он после положительного вербального высказывания использует мимический невербальный компонент: широкую улыбку, характерную для выражения эмоции радости. В качестве ЯК выступает предикативная фраза "the teeth were on", описывающая вид улыбки с открытым ртом, когда приоткрываются зубы. Таким образом, в рассматриваемом примере мимический невербальный компонент, используемый в целях манипулирования, способствует маскировке отрицательной эмоции. Прагматический контекст и семантика языковых единиц, входящих в состав ЯК, позволяют верно определить истинную эмоцию.

Подводя итог, следует отметить, что важная роль взглядов и визуального контакта в реальной коммуникации прослеживается и на материале художественных произведений, где авторы уделяют большое внимание описанию миремического вида невербальных компонентов, используя широкий диапазон разнообразных по структуре языковых коррелятов.

Список использованной литературы

1. **Крейдлин Г.Е.** Невербальная семиотика. М., 2002.
2. **Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погольша В.М.** Межличностное общение. СПб., 2002.
3. **Леонтьев А.А.** Психология общения. М., 1997.
4. **Нэпп М., Холл Дж.** Невербальное общение. СПб., 2004.

5. **Фаст Дж.** Язык тела. М., 1997.
6. **Штангль А.** Язык тела. <http://www.enet.ru/~ocean/ Language.htm>.
7. **Argyle M., Dean J.** Eye Contact, Distance and Affiliation // Social Encounters: Reading in Social Interaction. Harmondsworth, 1976.
8. Collins English Dictionary. Glasgow, 2000.
9. **Kendon A.** Some Functions of Gaze-Direction in Social Interaction // Social Encounters: Reading in Social Interaction. Harmondsworth, 1976.
10. **Murray W.** When the Fat Man Sings. N.Y., 1988
11. **Scherer H.S.** Sprechen im situativen Kontext. Tübingen, 1984.
12. The New Penguin English Dictionary. L., 2001.

М.В. Емельянова

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ТЕМАТИКА В НАЗВАНИЯХ КОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА ИВАНОВО

Ивановский государственный химико-технологический университет

Статья представляет собой попытку лингвокультурологического анализа современной тематической наружной рекламы в российском провинциальном городе. На материалах города Иваново рассматриваются принципы номинации коммерческих организаций и особенности восприятия бытующей в рекламе специализированной лексики потенциальными потребителями, определяются функции и перспективы современной рекламы культурно-исторической тематики. Представлен взгляд на рекламу как на индикатор социальных тенденций в жизни города и ментальных особенностей современных горожан.

Культурное пространство всегда отражает представления человека о мире. Это значит, что город как среда обитания человека содержит в себе множество кодов, способных стать ключом к реконструкции ментальных особенностей той или иной эпохи. Интерес к подобной реконструкции духовной культуры через исследование материальной обозначился ещё в начале XIX века в работах этнографов и социально-культурных антропологов. Не ослабевает он и сегодня в рамках истории повседневности, семиотики, социолингвистики, культурологии.

Облик города многогранен. Архитектура, экология, инфраструктура, деятельность производственных, коммерческих предприятий и культурно-досуговых учреждений, социально-демографические характеристики населения, особенности психологии и поведения горожан – каждый компонент городского имиджа наполняет данную среду своими собственными культурными смыслами, ориентирует в повседневной жизни. Городская информационная среда как зеркало ценностей горожанина, таким образом, очень неоднородна.

Попытаемся рассмотреть некоторые особенности взаимодействия различных компонентов города и выяснить, какие культурные коды духовной жизни горожанина содержит в себе сама городская среда. Мы исследуем ивановскую вывеску культурно-исторической тематики – пример взаимодействия бизнеса и культуры.

С 90-х годов XX века российский предприниматель обращается к достижениям культуры как к нестандартному способу ведения фирмой своей рекламной политики и в целом выстраивания имиджа. В итоге в городах появились вывески культурно-исторической тематики, то есть использующие в своём словесном и графическом оформлении реалии мифологии, истории литературы, искусства, религии и т.д.

Действительно, обращение к культурно-исторической тематике предоставляет руководителю безграничный выбор названия фирмы, позволяет прибегать к образным сравнениям, использовать экзотические элементы оформления, отсылающие к национальным традициям и разным историческим эпохам, а также лексику иностранного происхождения. Помимо своей основной задачи, такая реклама, подкреплённая соответствующими визуальными образами, может выполнять просветительскую функцию, а также способствовать усилению городской идентичности, используя местные культурно-исторические реалии.

С другой стороны, следует понимать, что использование лексики культурно-исторической тематики, то есть лексики не общеупотребительной, может обернуться тем, что в глазах аудитории эти названия просто-напросто не будут наделяться значением. А если культурно-историческое название фирмы не будет ассоциироваться с родом её деятельности, это создаст угрозу потери вывеской своей основной функции – сообщения о специфике деятельности организации. То есть для фирмы важно при разработке своего имиджа учитывать фоновые знания целевой аудитории.

Исследуя культурно-историческую наружную рекламу современного города Иваново, мы попытались выяснить:

- каковы языковые принципы конструирования ивановской наружной рекламы культурно-исторической тематики;
- какие функции выполняет ивановская наружная реклама культурно-исторической тематики;
- индикатором каких социальных тенденций может выступать такая реклама.

Мы проанализировали 92 вывески ивановских фирм, использующих названия культурно-исторической направленности. На основании данных интервью с руководителями фирм мы попытались выявить мотивы выбора ивановским предпринимателем «культурно-исторического» названия.

Выясняется, что в большинстве случаев мотивация предпринимателей при выборе названия не согласуется с коммерческими требованиями к конструированию вывески. Так, современный предприниматель либо не стремится к тому, чтобы название отражало товарный профиль организации, либо уровень его знаний не позволяет учесть всех коннотаций названия, что приводит к возникновению абсурдных названий.

Например, в ООО «Воланд», фирме по изготовлению жалюзи, причиной выбора названия стала личная любовь руководителя фирмы к «Мастеру и Маргарите» и его стремление к оригинальности. К роду же деятельности организации этот герой, олицетворяющий тёмные силы, никакого отношения не имеет. Действительно, Воланд – вершитель дел, несоизмеримых по масштабу с изготовлением жалюзи...

Также неоправданным для фирмы, предоставляющей косметические и оздоровительные услуги, нам кажется название «Ювента». Ювента – имя римской богини, покровительницы юношей, а с учётом популярности фирмы в основном у женской аудитории использование такого гендерно-окрашенного названия кажется не совсем разумным, несмотря на привлекательное латинское значение слова «юность».

Рекламодатели активно экспериментируют с частями слов и сокращениями. В результате можно выделить две основные тенденции: зашифровка в тексте вывески либо товарного профиля организации, либо информации о личности владельца фирмы.

Тенденцию зашифровки товарного профиля иллюстрируют следующие примеры: рекламное агентство «Ра» обратилось к образу египетского бога в результате игры со словосочетанием «рекламное агентство» (берутся первые буквы каждого слова), первыми буквами слова «Авангард» фирма по продаже аудио- и видеопродукции обозначила свой товарный профиль (А – аудио, В – видео), а кофейня не ограничилась бесхитростной вывеской «Кофе», зашифровав наименование своей продукции в названии «КОриФЕй».

Другая тенденция подтверждается примером с названием салона-парикмахерской «Фигаро», фамилии учредителей которой начинаются на слоги Фи и Га-. Точно так же название магазина женской одежды «Нимфа» представляет собой не что иное, как слово, начинающееся с инициалов Н. и И. (Наталья и Ирина – имена владельцев магазина).

Совершенно очевидно, что потенциальный потребитель, пытаясь объяснить себе большинство из представленных названий, вряд ли подумает вывести смысл названия из каких бы то ни было сокращений. То есть для человека, не посвящённого в принципы конструирования названия, оно не будет выполнять информирующей функции. Это значит, что сведения о характере деятельности фирмы не могут быть донесены до потенциального потребителя.

Другое дело, если название всё-таки не лишено образности. Так, в случае с «Нимфой» использование образа, олицетворяющего женственность, может быть привлекательным для целевой аудитории, но следует также понимать, что нимфы традиционно изображались в виде обнажённых или полуобнажённых девушек, практически не нуждающихся в одежде. Следовательно, связь этого названия с магазином одежды в некоторой степени абсурдна.

Но не всегда обращение к такому эксперименту становится прокрустовым ложем. Название «iCar» представляется весьма удачным для автомагазина: с одной стороны, использована игра слов, подчёркивающая автомобильную направленность фирмы («car» в переводе с английского – автомобиль, машина), с другой – апеллирование к образу мифологического героя, поднявшегося в воздух на крыльях, кажется неслучайным. Свобода полёта вполне соотносится со скоростью и свободой перемещения на автомобиле.

Однако названий, которые выбираются в процессе долгих размышлений или даже обсуждений, не столь много.

Обратившись к статистике, мы выяснили, что из 92 исследованных нами названий только 30 (≈33% от общего числа) соответствуют специфике деятельности фирмы, то есть обладают явной, легко прочитываемой мотивировкой. При этом 42 названия (≈46% от общего числа) могут быть признаны полностью абсурдными, никак не связанными с родом деятельности, а иногда даже и противоречащими ей. В остальных случаях (20 названий, ≈22% от общего числа) соответствие названия роду деятельности фирмы мы признали лишь частичным: либо не учитываются все коннотации слова (а некоторые из них явно не могут влиять на имидж организации положительно), либо при ассоциировании названия с профилем занятий фирмы встаёт вопрос, насколько использование такого названия правомерно с этической стороны.

Но являются ли названия, расцененные нами как удачные, реальным ориентиром для потенциального потребителя? Прочитывается ли информация, представленная на вывеске, людьми, для которых она предназначена?

В результате социологического исследования мы выяснили, что более чем в половине случаев респондентам известно значение культурно-исторических слов. Более того, потенциальные потребители, оценивая эти слова в качестве возможных названий для фирмы, считали важным соотносить их с родом деятельности организации.

Фактически, опрашиваемые оценивали названия реально существующих организаций, причём около половины названий (это в целом соответствовало нашим ожиданиям) признано неудачными.

Не только не воспринимаются в качестве названия, но даже не «прочитываются» аудиторией слова, относящиеся к узкоспециализированным сферам науки и искусства (в нашем случае – название дизайн-бюро «Эклектика»).

Не всегда потребитель выделяет тот смысл названия, который имел в виду предприниматель. Например, ивановцам ближе революционные, нежели мифологические коннотации слова «Аврора», вследствие чего такое название для магазина косметики и парфюмерии они расценили как неудачное.

Некоторым названиям (в частности, названию «Колчак» для фирмы по изготовлению окон, дверей, мебели) отрицательные оценки давались по этическим соображениям.

Таким образом, уровень овладения элементарными знаниями по истории культуры вполне может позволить жителям города судить о наличии проблемы несоответствия названия фирмы профилю её деятельности.

Современная ивановская вывеска в большинстве случаев не выполняет свои традиционные функции: информирующую и ориентирующую. Её основная роль сегодня – маркирование коммерческого локуса в городе.

В настоящее время существуют предпосылки для конфликта потенциальных потребителей с рекламодателями, которые ведут свои творческие поиски в неперспективном направлении, создавая не всегда функциональные вывески.

Всё это заставляет сомневаться в хорошем владении ивановскими бизнесменами не только знаниями из истории культуры, но и культурой ведения бизнеса.

Таким образом, безынициативность, незаинтересованность во всесторонней разработке имиджа фирмы, низкий уровень знаний по истории культуры (что, заметим, является знаком эпохи массового общества), а также создание предпосылок возникновения противоречий с потенциальным потребителем – вот те черты, которые отрицательно сказываются на культурном имидже современного ивановского предпринимателя и способствуют формированию неблагоприятного культурного имиджа города в целом.

Н.К. Иванова

**ИНТЕРНЕТ И ЯЗЫК: ОСНОВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ВЗАИМО-
ВЛИЯНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ
(на примере особенностей орфографии
в английском и русском языках)**

Ивановский государственный химико-технологический университет

Статья посвящена анализу особенностей написаний в русском и английском языках, обусловленных воздействием на язык информационных технологий и различных видов виртуальной коммуникации. Описываются некоторые механизмы создания новых лексических единиц и процессы ассимиляции заимствований, своеобразия использования аббревиатур.

Интернет как явление технологическое к настоящему времени достаточно хорошо освоено, однако, как феномен лингвистический, он исследован недостаточно, несмотря на то, что и на материале английского языка, и на материале русского, очевидно его влияние на лексический состав языка, его морфологию и синтаксис. Наименее изученными являются орфографические особенности языка виртуальной коммуникации, своеобразие графического оформления Интернет-сообщений различного рода.

Цель настоящей статьи – рассмотреть, на примере орфографии, основные механизмы взаимовлияния глобальной сети и языка, сопоставив тенденции, четко проявляющиеся в этой области, на материале двух языков – английского и русского. В общелингвистическом плане подобное рассмотрение представляется не только интересным, но и актуальным: в нашем родном языке мы являемся свидетелями изменения языковых маркеров национально-культурного сознания, когда под воздействием глобализации национального когнитивного пространства, во-первых, формируется транснациональный фонд обозначений (ср.: нанотехнологии, онлайн, файл, сайт, блог, брэнд, сервер, смартфон, хакер, экзит-пол, кросс-промоушн, продакт-плейсмент, хай-тек и т.д.), а во-вторых, постоянно образуются межкультурные неологизмы, основанные на англоязычном коде, с использованием его словообразовательных моделей (леди Ти (Ю. Тимошенко), веб-кафе, линуксоид и т.д.).

Иноязычные заимствования, как будет показано ниже, включаются в русском языке в обычные словообразовательные процессы, широко используются – на основе паронимии – в языковой игре, которую Л. Витгенштейн определял как креативную деятельность языковой личности, особый вид речевого поведения.

Все активнее в языковой игре используются средства фонетики, графики, орфографии. Примечательно, что, используя их в русскоязычном лингвокультурном сообществе, их создатели опираются на наличие у адресата определенного набора лингвистических знаний, в том числе из области английской фонетики, графики, орфографии.

Реакция Интернета на новые языковые явления почти мгновенна; он отзывчив и неразборчив, представляя собой простор для словотворчества, языковой игры, лингвистического экспериментирования.

Лингвистическая модель, которая реализуется в глобальном информационном пространстве, оперативна, проста, замкнута относительно операции поиска и по-настоящему глобальна: например, в поисковом индексе *Google* сейчас существует около 19 миллиардов документов на всех языках мира [3, с.208].

Кто же сегодня является основным пользователем Интернета? Согласно имеющимся данным, 49% пользователей имеют высшее образование, 15% - незаконченное высшее. Больше половины опрошенных не посещали в течение месяца ни одного англоязычного сайта, однако, среди постоянных посетителей англоязычных сайтов, 7% оценивают свои знания по английскому языку как отличные или очень хорошие, 23% - как хорошие, 38% считают их удовлетворительными, и 6% считают, что они не знают английского языка. Возраст активных пользователей глобальной сетью, завсегдаев чатов, колеблется от 14 до 26 лет [7, с.46].

В глобальном информационном пространстве действуют люди. Одни создают ресурсы, формируют поисковые запросы, пишут поисковые системы, ищут наиболее эффективные инструменты навигации по океану информации. Другие – непосредственные участники коммуникации, пользователи Сети и одновременно – творцы ее языка, агенты так называемой **name game** - игры с целью создания имени объекта.

Именно они, если работают с англоязычными ресурсами в русском языковом сообществе, понимая техническую суть явления и семантику английского термина, часто не утруждают себя поиском русского эквивалента англоязычного термина и запускают его «в народ» (информационную среду) – или в оригинальной английской графике, или

транслитерируя на русский. Англоязычными названиями пестрят не только сетевые ресурсы, но и страницы специализированных изданий, адресованных пользователям.

Иногда короткий и экспрессивный англоязычный термин, переданный в русской графике (транслитерированный), предпочтительнее длинного русского описательного оборота. Таких примеров в русскоязычной компьютерной терминологии очень много. Приведем в качестве примера одно из самых популярных слов конца 2006 – начала 2007 гг. (по данным Webster's Electronic Dictionary) – **blog**. (Его необычность и новизна подтверждаются и тем, что при наборе оно сразу отмечается электронным корректором орфографии – Query-based Speller – красным, сигнализируя о некорректном написании).

Сначала в английском языке появилось сложное, двухкомпонентное слово **web-log**, означающее, исходя из значений его компонентов, Интернет-журнал, своеобразный электронный дневник (Cf.: **log** – “any of various detailed, usually sequential records, as of the progress of activity”). Однако очень быстро английское слово трансформировалось, согласно известному словообразовательному механизму, в более краткое – **web+log=blog**, расширив свое значение и войдя в языки с алфавитом на основе латиницы в неизменном виде.

В языках с алфавитом на основе кириллицы оно было транслитерировано и сейчас свободно применяется в русском языке без перевода. В английском языке быстро появилось несколько слов с этим неологизмом, уточняющих значение «blog»: *blogosphere*, *blogger*, *blog-hosting*, *standalone-blog*, etc. Вскоре по той же модели было образовано в английском языке и слово **splog** (**spam+blog**). Для объяснения этого нового термина и с целью иллюстрации типичного русского дискурса из области ИТ, приведем отрывок из журнальной публикации на русском языке:

«Мировые тренды. По данным *Technocrati*, к апрелю 2007 года в Интернете насчитывалось около 70 млн. блогов. Каждый день создается 120 тысяч новых дневников (164 блога в секунду). Ежедневно блоггеры всего мира делают около 165 млн. записей (17 постов в секунду). В течение февраля 2007 года в 2,5 млн. блогов было опубликовано хотя бы одно сообщение с тегами. Всего уже 35% всех записей содержат теги.

Каждый день в сети появляется от трех до семи тысяч новых слогов (в декабре этот показатель был существенно выше – около одиннадцати тысяч). Тем, кто впервые слышит это слово, поясню, что под слогами (spam+blog) понимают онлайн-дневники, создаваемые для продвижения сайтов в поисковых системах, привлечения к участию в партнерских программах и т. п. Как правило, слоги не содержат уникального контента. По данным Википедии, уже каждый пятый онлайн-дневник является слогом» [8, с.48].

В данном примере следует обратить внимание не только на большое количество заимствований, транслитерированных на русский язык, но и на недавно утвердившееся в русской орфографии слитное написание частотного слова онлайн. Примечательно написание и самого слова, обозначающего автора дневника: оно пишется пока в русском языке с точным повторением в транслитерации английского написания (*blogger*), где удвоенный согласный «закрывает» предшествующий краткий гласный, то есть несет определенную графическую нагрузку. Все большее распространение получает и русский неологизм «блогоносец».

Английское слово *tag* (ярлык, этикетка, бирка) применяется в своем переносном значении – ссылка, сноска, указатель адреса в сети. Нельзя не обратить внимания на то, что в настоящее время в русской орфографии утвердилось различное написание гласного в заимствованиях из английского языка *teg* (*tag*) и *брэнд* (*brand*). Написание второго слова еще неустойчиво, однако можно заметить, что массовые издания («Российская га-

зета», «Комсомольская правда» и др.) предпочитают написание с буквой е, а специализированные («Компания», «Директор», «Деньги» и др.) – с буквой э.

Слово **bluetooth** (вид радиосвязи на коротких расстояниях, ставший популярным с появлением налагодных компьютеров, «смартфонов» и других мобильных устройств) – еще один интересный пример заимствования-неологизма. Английская графика этого слова не позволяет «элегантно» транслитерировать это слово на русский («блюетут»?). Поэтому в русском языке, кроме слова в оригинальной английской графике **bluetooth**, утвердился вариант, близкий к оригинальному звучанию (фонетическая транскрипция): **блютус**, который предпочитается в специальных компьютерных изданиях. Газета «Комсомольская правда» придерживается в своих публикациях варианта **блю-туз**. Как мы заметили, знающие английский язык предпочитают произносить это слово по-английски - /'blu:tu:θ/. Фонетическая «неудобность» этого термина провоцирует тех, кто работает с этой технологией, на языковую игру: можно встретить название «Синезуб» (буквальный перевод составных частей слова) и его обыгрывание в журнальном заголовке « У Bluetooth режутся зубки», «Блютола, или синие зубки Соньки» [4, с.4].

Поток неологизмов, пришедших в английский язык из виртуальной коммуникации, продолжает расти. Задача лексикологов их объяснить и классифицировать. Нас же интересуют их графические особенности. Основная тенденция заключается в том, что новые слова получают простую графику, которая отражает их произношение, то есть в английских неологизмах обычно присутствует однозначное фонемно-графемное соответствие. Однако есть и противоположная тенденция, когда написание слова, отражающего новое понятие, явление и т. д., но ассоциативно связанное с традиционным, усложняется. В качестве интересного примера можно привести слово **phish** – электронное сообщение-«наживка» с просьбой сообщить или подтвердить информацию, которая впоследствии будет использована мошенниками в преступных целях [10].

Чуть более десятка лет существования виртуальной коммуникации привело к появлению новой языковой реальности – особого языка, используемого в разговорной речи в письменной форме ее передачи. Этот гибридный язык в англоязычном сообществе получил название **Weblish**. Его основные особенности и правила языкового этикета в сети уже включены в различного рода пособия и словари, а неологизмы, когда-то появившиеся в нем, уже стали частью словарного состава современного английского языка.

Например, **WYSYWG** (“what you see you will get”), **asap**, etc.

В эпоху бурного развития «сетевого языка» в английском словообразовании имеет место так называемый “аббревиатурный взрыв”: сокращаются как части (начальная или конечная) отдельных слов, часто употребляемых в этом виде коммуникации (*semi* от *semicolons*, *jock* от *jockey*, *quest* от *question*, *emoticon* от *emotional icon*, *net* от *Internet*, etc.), так и отдельные слова (*W8N* от *waiting*, *4get* от *forget*, *u* от *you*, *y* от *why* и т. д.) С целью информационной компрессии и экономии усилий, а также для осуществления лимитирующей функции компьютерного дискурса, сокращаются даже целые фразы: *OIC* – *Oh, I see*, *CUL* – *see you later*, *KISS* – *Keep It Simple, Stupid*, *AFAIC* – *as far as I can*, *AFJ* - *April Fool’s Joke* и т.д.

Выражение **asap** (*as soon as possible*) вошло в широкий словарный обиход сначала как инициальная аббревиатура и писалось заглавными буквами (**ASAP**). Однако сейчас, вследствие его высокой частотности, уже и за пределами виртуальной коммуникации оно пишется как обычное слово (**asap**) и произносится по правилу чтения гласного: /'eɪsæp/.

Аббревиация в современном английском языке достигла таких масштабов, что британская филологическая общественность всерьез обеспокоена наплывом этих сокращений в письменной речи - SMS-сообщениях, ICQ (нет-пейджерах, «аськах»).

Встречаются также такие интересные написания, которые В.И.Шаховский [9, с.54] предлагает называть «антитранскрипция», под которой понимается замена сегмента слова (слога) соответствующей омофоничной буквой. Например, x-press, x-treme, x-plod, e-asu made. Причем, последний пример вызывает ассоциацию с утвердившем в последнее время в английском языке сокращенно-дефисным написанием по модели e(-zine, music, business, etc), в котором буква e заменяет слово **electronic**.

Мы, однако, считаем, что здесь имеет место обычная транскрипционная передача звучания, которая приводит к графическому переосмыслению слова, и непривычный знак (графема) передает традиционное звучание фонемы, то есть на все больший ряд написаний распространяется фонемографический принцип письма.

Еще более своеобразные черты имеет аббревиация в русскоязычном виртуальном дискурсе. С одной стороны, это хорошо известные английские сокращения-фразы: BTW (by the way), TIA (thank you in advance). С другой стороны, это гибридные написания слов – с использованием и латиницы, и кириллицы, и цифр: пeбсом, 4то, по4ему, удо4ка, 4ever, ve4er, etc.

В русскоязычных чатах можно также найти интересные примеры транслитерированных написаний. Так, английское сокращение IMHO (in my humble opinion) видоизменяется до ИМХО, клавиша Caps lock называется капс («пиши капсом»), «Всемирная паутина» - просто веб.

Использование в русском языке паронимической аттракции в процессе ассимиляции трудно переводимых и сложно транслитерируемых английских названий из области информационных технологий («аська», «аржаной», «шаровары», «пень», «винт» и т.д.) было проанализировано в ряде работ отечественных лингвистов [2,5,6]. Заметим, однако, в таких случаях за русскими вариантами обычно не стоит никаких концептуальных значений, и ведущей при их восприятии является фонетическая схожесть с русским словом.

В заключение нельзя не упомянуть о наличии в Сети такого оригинального явления, как Интернет-сайта www.udaff.com, в материалах которого пародия на неграмотное письмо выражается «афтарам» и «падонками», которые творят «креатиф», как протест против правил русской орфографии. Примечательно, что неправильные написания «афтар» и «афтор» были адаптированы языком, и запрос в Яндексе дает по первому варианту написания около полумиллиона упоминаний, а по второму – около двухсот тысяч ссылок [3, с.209). В свою очередь это обусловило новое направление лингвистических исследований – эрратическую семантику (лат. *erratum* – опечатка, недосмотр) (http://speakrus.ru/gg/microprosa_erratica-1.htm).

В целом подобные написания можно рассматривать как отражение нигилизма постмодернистской эпохи, проявляющееся в эпидемии карнавализации языка (в художественной литературе, рекламе, виртуальной коммуникации). Усложнение лингвосомиотической системы русского языка осуществляется за счет единиц иноязычного кода, что было проанализировано нами на примере написаний в виртуальной коммуникации. Не случайно Р.Барт подчеркивал, что в современном обществе с его разделением языков, «письмо становится ценностью, заслуживающей непрестанного обсуждения и теоретической разработки...» [1, с.533].

Список использованной литературы

1. **Барт Р.** Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989.
2. **Бергельсон М.Б.** Языковые аспекты виртуальной коммуникации //Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация, № 1. 2002, с.55-67.

3. **Губайловский В.** Интернет и язык // Новый мир, № 6, 2006, с.208- 211.
4. **Компьютера № 24.** 2007, с. 4.
5. **Иванов Л.Ю.** Язык Интернета. Заметки лингвиста www.ivanoff.ru/rus.
6. **Котова О.Е.** Структура и семантика англоязычного компьютерного жаргона //Антропоцентрический подход к исследованию социума: лингвистические, социолингвистические, культурологические аспекты. Материалы научно-практической конференции, посвященной Международному году языков и 10-летию гуманитарного отделения ИГХТУ. Иваново, 2002, с.99 -108.
7. **Литневская Е.И., Бакланова А.Л.** Психолингвистические особенности Интернета и некоторые языковые особенности чата как исконно сетевого жанра // Вестник МГУ, Серия «Лингвистика», № 6, 2005, с.46 – 61.
8. **Насакин Р.** Блоги и цифры // Компьютера, № 24. 2007, с. 48- 49.
9. **Шаховский В.И.** Эмоции и коммуникативное игровое пространство языка // Человек и его дискурс. Сб. научных трудов под ред.Ю.А.Сорокина. М., 2003, с.46-56.
10. **Maxwell Kerry.** Macmillan Words of the Year. Macmillan, 2006.

Н.Е. Курсанова

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Ивановская государственная медицинская академия

Статья посвящена проблеме формирования лингвокультурологической компетенции при обучении английскому языку. Автор подчеркивает сферы, которым необходимо уделять особое внимание при обучении языку, а также предупреждает от формирования неадекватных стереотипов. Также автор рассказывает о малоизвестных реалиях Великобритании, знание которых способствует формированию лингвокультурологической компетенции, а следовательно, и успешному общению.

Одной из основных задач при обучении иностранному языку в вузе в настоящее время является подготовка к межкультурной коммуникации. Очевидной становится необходимость формирования на занятиях по иностранному языку лингвокультурологической компетенции – системы знаний о культуре и совокупности умений и навыков оперировать этими знаниями в условиях конкретной речевой ситуации. Эффективность общения, помимо знания языка, зависит от множества факторов: условий и культуры общения, правил этикета, знания невербальных форм выражения, социальных норм речевого и невербального поведения, наличия глубоких фоновых знаний, и многого другого. Преодоление языкового барьера недостаточно для обеспечения эффективности общения между представителями разных культур. Для этого необходимо преодолеть барьер культурный. Поэтому, на наш взгляд, в процессе обучения должны быть представлены национально-специфические компоненты культур.

Основными сферами, передающими компоненты культуры являются: вербальное (язык) и невербальное (мимика, жесты) поведение, одежда и внешний вид, жизненные ценности и нормы, кухня, суеверия, отношение к работе и взаимоотно-

шения социальных групп. Всем этим областям требуется уделять внимание в процессе обучения иностранному языку. Но важно также и предостеречь учащихся от создания стереотипов, поскольку источники формирования стереотипа достаточно сложные и велика вероятность формирования ложного стереотипа. Стереотип основывается не на личном опыте и общении с представителями иного народа, а скорее на чьих-либо рассказах. Существуют этнические, гендерные стереотипы и, в основном, они эмоционально окрашены. Так, типичный англичанин, по мнению русских – вежливый, сдержанный, педантичный, лицемерный, малообщительный, невозмутимый, консервативный, аккуратный, добросовестный, заносчивый, хитрый и ловко ведущий тайные дипломатические игры. Американец в представлении русских – жирный тупой человек у телевизора, поедающий гамбургеры и пьющий кока-колу. Но в то же время, говорят об американском фантастическом стремлении к порядку, работе до изнеможения для достижения американской мечты, о том, что они добились очень высокого уровня жизни, техники, науки. Получаются достаточно противоречивые мнения. Таким образом, при формировании лингвокультурологической компетенции **нельзя** опираться на сложившиеся стереотипы. В доказательство этому неплохо привести студентам в пример стереотип русских глазами американцев. Русские, по их мнению, являются серьезными, грустными, свирепыми, угрожающими, голодными, несчастными, русские женщины – усталые, испуганные, бледные, замерзшие, суровые, напряженные. Русские любят с точки зрения американцев: водку, жирную пищу, книги, друзей, искусство, культуру, войну, семью и холодную погоду. Русские всегда: носят сумки и авоськи, толкаются, хорошо выступают на Олимпийских играх, целуются в обе щеки, кричат, принимают жизнь такой, какая она есть, много работают. Русские никогда: не веселятся, не носят обувь дома, не прекращают работать, не бывают оптимистичными, не ждут своей очереди, не строят планов на будущее, не улыбаются на улице, не понимают американцев [1]. Многие русские не согласились бы с таким представлением.

Необходимо разъяснить студентам, что в рамках собственной культуры создается прочная иллюзия своего видения мира, образа жизни, менталитета как единственно возможного и, главное, единственно приемлемого. И когда происходит столкновение родной культуры с чужой, то все в ней может показаться странным, неприятным, шокирующим. Например, многие носители русской культуры убеждены, что мужчине следует оторвать дверь и пропустить вперед женщину; в англо-американской культуре многие считают, что делать этого не следует. Оба убеждения можно объяснить с социокультурной точки зрения. В русской культуре помощь слабейшей женщине расценивается как помощь и забота, а в американской указание на женскую слабость показывает превосходство мужчин, а следовательно, неравноправие.

Наиболее явственно конфликт культур проявляется в лексике, так как именно эта часть языка имеет непосредственный выход в реальный мир. Узнав какое-либо иностранное слово, эквивалент родного, следует быть очень осторожным с его употреблением: за словом стоит понятие, за понятием – предмет или явление реальности чуждого нам мира.

Внимание лингвистов всегда привлекали слова, обозначающие реалии, так как именно в них наиболее наглядно проявляется близость между языком и культурой. Под реалиями понимаются слова, обозначающие предметы и явления, уникальные для исследуемой страны и культуры, такие как названия национальных праздников, исторических мест и событий, кулинарных блюд и других предметов материальной культуры. Существует достаточное количество всем известных реалий Великобритании, таких как Big Ben, Piccadilly, cricket, bank holiday, the Times, the Beatles, scouts, которые не вызывают проблем при понимании устного или письменного текста. Есть так-

же номинации, обозначающие реалии, существующие как в Великобритании, так и в России. Некоторые из них можно достаточно легко понять по значениям слов, образующих номинацию. Так реалии *alphabet soup*, *open day*, *zebra crossing*, *piggy bank*, *sleeping policeman* можно понять с помощью перевода значений слов в словосочетаниях – алфавитный суп (с макаронными изделиями в виде букв алфавита), день открытых дверей, пешеходный переход «зебра», свинья-копилка, «спящий/ лежащий полицейский».

Но на наш взгляд, существует гораздо большее количество номинаций, приводящих к непониманию или вызывающих замешательство у адресата вследствие несоответствия значения номинации значениям отдельных ее компонентов или отсутствия фоновых знаний. На рассмотрении таких реалий нам бы хотелось остановиться более подробно.

В английском языке существует ряд слов, – которые мы называем «ложными друзьями» переводчика – схожих по написанию или звучанию, но имеющих совершенно разные значения. Так, например, слова *advocaat*, *cracker*, *pantomime*, *pensioner*, *pinta*, *province*, *stipend* большинство русских людей не задумываясь перевело как адвокат, крекер, пантомима, пенсионер, пинта, провинция, стипендия. Но дело в том, что эти слова английского языка отображают совершенно другие британские реалии. *Advocaat* – название алкогольного напитка из виноградного спирта, желтков и сахара; *cracker* – новогодняя «хлопушка», *pantomime* – рождественское представление для детей; *pensioner*, как оказалось, вовсе не пенсионер, а студент-нестипендиат в Кембриджском университете. Словом *pinta* британцы называют стакан или бутылку молока, а *stipend* – вовсе не стипендия студентов, а жалование священника. Даже слово *dollar* имеет в Великобритании другое значение. Помимо официального названия денежной единицы США, долларом называют крупную монету (в одну крону – до 2-й мировой войны, сейчас – монету в 50 или 25 пенсов). Поэтому без специального лингвострановедческого словаря, отражающего понятия культуры страны, правильный, точный перевод не возможен.

Кроме «ложных друзей» существуют также слова или словосочетания, привычное значение которых не соответствует той реалии, о которой идет речь. Таким образом, они представляют собой косвенные номинации, сформированные по сходству, ассоциациям с именуемым предметом. К таким номинациям нужен особый подход – их сложно перевести или понять без справки в лингвострановедческом словаре. Так, выражение *pair of spectacles* (очки) означает нулевой счёт при игре в крокет, поскольку очки напоминают два нуля; *spotted dog* – вовсе не пятнистая собака, а варёный пудинг с изюмом, так как изюм похож на крапинки. Словосочетанием *pea soup*(er) британцы называют густой туман, особенно лондонский, поскольку он еще имеет желтоватый оттенок. *Agro-boys* в Британии – не парни, занимающиеся сельским хозяйством, а скинхэды, "раздражённые парни" (от *aggravation* – раздражение + *boy* – мальчик, парень). Номинация *angels-on-horseback* (ангелы на конях) обозначает вид закуски – устрицы и бекон на гренках, а «легкое» для перевода словосочетание *plum cake* или *plum pudding* совсем не означает нахождение слив (*plum*) или чернослива в пироге либо пудинге. В английской кулинарии словом *plum* принято называть изюм, поэтому данные номинации означают кекс или пудинг с изюмом и коринкой. В обычных англо-русских словарях нам не удалось найти перевод данных номинаций, информация о правильном переводе содержалась только в лингвострановедческом словаре. Это говорит о том, что студентам необходимо разъяснить важность использования лингвокультурологических словарей, а также преподавателю следует стараться вводить номинации реалий стран изучаемого языка в процессе изучения различных разговорных тем.

Так, при изучении темы «Образование в Великобритании», кроме простых фактов о начальном, среднем и высшем образовании, необходимо знакомить студен-

тов с названиями школ, школьных событий, традиций, быта учеников, студентов и учителей. Кроме самых известных primary, secondary, public, private schools, существуют еще и aided schools, approved schools, open-air schools, special schools и т.д., причем из значений слов не всегда ясно, что скрыто за каждым наименованием. Словосочетанием aided schools называют школы на дотации (половина их расходов покрывается местными органами народного образования); approved school – исправительная школа для малолетних преступников (с 1971 называется государственной исправительной школой для малолетних правонарушителей [community home]); open-air school – специальная школа с просторными классами и большими окнами для детей, страдающих туберкулезом лёгких; special school – начальная или средняя школа для детей, имеющих психические или физические недостатки. Учатся дети в распространенных three-deckers («трехэтажках»), общеобразовательных школах, где на первом этаже учится начальная школа, на втором – женская средняя школа, а на третьем – мужская средняя школа. Учителя, которых называют assistant master или assistant mistress – учитель или учительница в частной школе и assistant teacher – учитель или учительница в государственной школе, выставляют ученикам оценки credit («успешно»); distinction («весьма успешно»); pass («удовлетворительно») или fail («неудовлетворительно»). Ученики параллельных классов (stream) часто участвуют в состязаниях по орфографии (spelling bee). Одним из самых торжественных и запоминающихся дней является speech-day (актовый день), день вручения аттестатов, когда в присутствии родителей почётный гость произносит речь и вручает аттестаты и награды учащимся. Подобного рода страноведческий материал всегда вызывает интерес учащихся.

Именно оптимально организованный процесс преподавания может подготовить личность обучающегося к восприятию чужой культуры, к "размыванию" неадекватных стереотипов, формированию положительного и уважительного отношения к нации изучаемого языка, системе ее культурных ценностей, что, в свою очередь, приведет к успешному общению между коммуникантами различных национальных общностей.

Список использованной литературы

1. Радиостанция «Эхо Москвы»: Интервью Ф. Толстой с Натальей Авсеенко, канд. культурологии, доц. кафедры межкультурной коммуникации факультета иностранных языков МГУ и Алексеем Шмелёвым, проф. кафедры русского языка МПГУ, зав. отделом культуры речи Института Русского Языка, 26.06.2003 – <http://www.echo.msk.ru/interview/22597/index.phtml>
2. Рум А. Р. У. Великобритания: Лингвострановедческий словарь. М., 2000.

Р.В. Кузьмина

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗНОШЕНИЯ ОМОНИМИЧНЫХ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ

Ивановский государственный химико-технологический университет

Предметом рассмотрения в данной статье являются фонетические варианты имен собственных, составляющих группы омографов, а также способы представления их произношения в англоязычном орфоэтическом словаре.

Несмотря на многолетние споры лингвистов о правомерности включения имен собственных в словники, современные общие, толковые, энциклопедические и специальные (орфоэпические) словари включают обычно 4 разряда имен собственных:

- 1) топонимы (названия континентов, государств, городов и т.д.);
- 2) антропонимы (именования людей);
- 3) эргонимы (названия различных деловых объединений, фирм, торговых марок и т.д.);
- 4) идеонимы (названия произведений духовной деятельности человека, произведений национальной художественной литературы и культуры) [2, с.11].

В данной статье рассматриваются фонетические характеристики антропонимов, топонимов и частично эргонимов в рамках омонимии, поэтому именно на этих разрядах имен собственных мы и остановимся.

Антропонимика (от греч. *ánthrōpos* – человек и *ónyma* – имя) – раздел ономастики, изучающий антропонимы – собственные именованья людей: имена личные, патронимы (отчества или иные именованья по отцу), фамилии, родовые имена, прозвища и псевдонимы (индивидуальные и групповые), криптонимы (скрываемые имена). Изучаются также антропонимы литературных произведений, имена героев в фольклоре, в мифах и сказках. Антропонимика разграничивает нарицательные и канонические личные имена, а также различные формы одного имени: литературные и диалектные, официальные и неофициальные. Каждый этнос в каждую эпоху имеет свой антропонимикон – реестр личных имен. Совокупность антропонимов называется антропонимией [1, с.36].

Топонимика (от греч. *tópos* – место и *ónyma* – имя, название) – раздел ономастики, исследующий географические названия (топонимы), их функционирование, значение и происхождение, структуру, ареал распространения, развитие и изменение во времени. Совокупность топонимов на какой-либо территории составляет ее топонимию.

Топонимия служит ценнейшим источником для исследования истории языка и находит применение в исторической лексикологии, диалектологии, этимологии, лингвистической географии, так как некоторые топонимы, особенно гидронимы, устойчиво сохраняют архаизмы и диалектизмы. Топонимика помогает восстановить черты исторического прошлого народов, определить границы их расселения, очертить области былого распространения языков, географию культурных и экономических центров, торговых путей и т. п. [1, с.515-516].

Прикладным аспектом топонимики является практическая транскрипция иноязычных географических названий, одной из основных задач которой является нормирование форм написания и произношения топонимов, их унификация и стандартизация. Правила унифицированной фиксации и адекватной передачи топонимов особенно важны в картографии, для почтовой связи, прессы и других средств массовой коммуникации.

Изучение фонетических особенностей омонимичных имен собственных проводилось на материале омографов, зарегистрированных в авторитетном орфоэпическом словаре LPD Дж. Уэллса (1-2 изд.) [3; 4]. Проведенный методом сплошной выборки анализ входных единиц словаря LPD выявил наличие 740 омографических рядов (это число мы взяли за 100%), из которых 189 рядов омографов (25,54%) включают в себя имена собственные (антропонимы, топонимы и эргонимы). Эти омографические ряды можно условно классифицировать на 2 группы:

1) омографы, в которых одно слово – антропоним, топоним или эргоним, а другое слово (иногда 2-3 других слова) не является именем собственным (обнаружено 115 таких случаев – это 15,54%);

2) омографы, состоящие исключительно из имен собственных (выявлено 74 ряда таких омографов – 10%).

Значительное число омонимичных имен собственных в английском языке, которое составляет четверть от всего количества зарегистрированных в LPD омографов, а также трудности в употреблении имен в устной речи, делают проблему изучения особенностей их произношения актуальной. Знание фонетических вариантов графически идентичных имен собственных необходимо для полноценного процесса коммуникации.

С целью изучения проблемы нормы в именах и способов передачи особенностей произношения имен собственных в английском языке в нашем исследовании проведен лексикографический анализ омонимичных антропонимов с точки зрения их фонетической вариативности и вариантности. Приведем примеры антропонимов в парах омографов из орфоэпического словаря Дж.Уэллса LPD [3]:

- 1) **Dion** 'daɪ ən *classical name*
Dion 'diː ən -ən || dɪ 'oʊn *French name – Fr [djɔ̃]*;
- 2) **Dubois** du 'bɔɪs də-, -'bɔɪz *American family name*
Dubois du 'bwaː dju- *French or Dutch family name – Fr [dy bwa]*;
- 3) **Gary** 'gær i || 'ger- *personal name; place in IN*
Gary 'geər i || 'ger i 'gær i *family name*;
- 4) **Humperdinck** 'hʊmp ə dɪŋk || -əɪ- *German composer – Ger ['hʊm pɪ dɪŋk]*
Humperdinck 'hʌmp ə dɪŋk || -əɪ- *British pop singer*
- 5) **Jean** dʒiːn *female name*
Jean ʒɔ̃ || ʒɑːn *male name – Fr [ʒɑ̃]*
- 6) **Levi** 'liːv aɪ *biblical name*
Levi (i) 'lev i, (ii) 'liːv i *personal or family name*
- 7) **Panini** pə 'niːn i *Italian name – It [pa 'niː ni]*
Panini 'paːn i niː -ni- *Sanskrit name – Skt ['paː ŋɪ ŋi]*
- 8) **Wagner** 'wæg nə || -nəɪ *English or American family name*
Wagner 'vaːg nə || -nəɪ *German name, composer – Ger ['vaːg nɪ]*

Как видно из примеров, основной причиной фонетической вариативности в именах собственных являются заимствования. В данных омографических парах один из антропонимов (иногда оба антропонима) – слово иноязычного происхождения (франц., нем., итал. и др.), оно, безусловно, отражается в исконном варианте произношения, что требует применения дополнительных фонетических транскрипционных знаков.

С целью выявления нормы произношения названий географических объектов и их фонетических вариантов проведен лексикографический анализ топонимов, составляющих пары омографов. Приведем примеры из LPD [3]:

- 1) **Amman** ə 'mɑːn æ-, -'mæn, || 'ɑːm ɑːn *place in Jordan – Arabic [ʔam'maːn]*
Amman 'æm ən *river in Wales*
- 2) **Canton** n ˌkæn 'tɒn || -'tɑːn *place in China*
Canton n 'kænt ən *place in UK or US; family name*

- 3) **Ely** 'i:l i *place in England*
Ely 'i:l ai *American personal name*
- 4) **Haigh** heɪ *placename*
Haigh heɪg *family name*
- 5) **Havre** 'ɑ:v rə *place in France – Fr Le Havre [lə a:vʁ]*
Havre 'hæv ə || -ər *place in MT*
- 6) **Ife** aɪf *surname*
Ife 'i: feɪ *place in Nigeria – Yoruba [i fe]*
- 7) **Lena** 'li:n ə *personal name*
Lena 'leɪn ə 'li:n- *river – Rus [l'ɛ nə]*
- 8) **Louth** lauθ *place in Lincs*
Louth lauð *place and county in Ireland – but often called lauθ by the English*
- 9) **Nebo** 'ni:b əʊ || -ou *mountain in Jordan*
Nebo 'neb əʊ || -ou *places in Wales*
- 10) **Soar** sɔ: || sɔ:r sɔ:r *river*
Soar 'səʊ a: || 'sou a:r *place in Wales*

В приведенных примерах фонетический облик двух топонимов или топонима и антропонима, составляющих омографическую пару, отражает особенности произношения, характерные для своей конкретной географической зоны.

Очевидно, что для рассмотрения проблемы фонетической вариативности и вариантности следует обратить особое внимание на эргонимы (названия торговых марок, компаний). Являясь отличительной чертой бренда, они имеют специфические особенности произношения, неизвестные большинству носителей языка, а тем более иностранцам. Велика роль орфоэпического словаря в регистрации этого класса имен собственных. В ряду омографов встречаются такие пары, где одно из слов – эргоним.

Например:

- 1) **Coke** (i) kʊk † *ku:k*, (ii) kəʊk || kouk *family name*
Coke kəʊk || kouk *tdmk*
- 2) **Elan** ɪ 'læn eɪ- *tdmk for car*
Elan 'i:l ən *valley in Wales*
- 3) **fiat** 'fi: æt 'faɪ-, -ət || -a:t
Fiat 'fi: æt -æt || -a:t *tdmk*
- 4) **idem** 'ɪd em 'aɪd-, 'i:d-
Idem 'aɪd əm *tdmk*

Примеры иллюстрируют фонетическую вариативность и вариантность омоимичных имен собственных, а также принципы регистрации их произношения в современном орфоэпическом словаре. Ценность словаря LPD Дж. Уэллса заключается в том, что, кроме нормативных британских вариантов произношения, которые приводятся первыми, в словаре даются альтернативные британские варианты, приводимые здесь курсивом после основных вариантов, стандартные и альтернативные американские произносительные варианты, обозначаемые символом ||, социальные варианты, отмечаемые специальным знаком †, указываются региональные варианты, а также автором словаря дается информация о номинации, идентификации, дифференциации имен собственных.

Поскольку омонимичные имена собственные представляют определенную помеху в коммуникации, в процессе обучения английскому языку преподавателям необходимо учитывать существующие произносительные варианты антропонимов, топонимов, эргонимов и обращать внимание учащихся на то, что при тождестве графической формы имени собственные могут различаться фонетической формой и лексическим значением. Прочно сформированные знания учащихся о лексических значениях имен-омонимов, их графической и фонетической форме помогут им избежать трудностей при выборе того или иного варианта произношения имени собственного для правильной передачи сообщения.

Список использованной литературы

1. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / под ред. В.Н. Ярцевой. М., 1998.
2. **Епурь В.Б.** Дефиниции имен собственных в англоязычной лексикографии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1988.
3. **Wells J.C.** Longman Pronunciation Dictionary. 1 edition. Burnt Mill, 1990.
4. **Wells J.C.** Longman Pronunciation Dictionary. 2 edition. London, 2000.

О.Н. Масленникова

ЖЕСТ КАК СЕМИОТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Ивановский государственный химико-технологический университет

Данная статья посвящена проблеме невербального в широком смысле слова и возможности применения этой категории при анализе художественного текста. Рамки данной статьи не позволяют дать развернутый текстовый анализ, в частности произведений русской литературы начала XX века, но позволяют обобщить уже имеющийся по данной теме материал. Ключевым в статье является понятие «жест».

Сегодня актуальны исследования, сопрягающие невербальную семиотику и лингвистику в рамках теории коммуникации. Но изучение феномена невербального (в широком смысле слова) возможно и на примере вербальных (письменных) текстов, например, русской литературы начала XX века. И здесь мы неминуемо сталкиваемся с проблемой понимания и с проблемой перевода смыслов, причем как лингвистических, так и паралингвистических компонентов акта коммуникации, потому что традиционно находимся в заблуждении относительно возможностей языка. В размышлениях «О феноменологии языка» М. Мерло-Понти писал: «Нам представляется, будто наш язык способен полностью выразить все и вся. Но это не так, потому что полностью он выражает только то, что принадлежит нам, и на том основании, что он принадлежит нам, мы думаем, что он способен на исчерпывающее выражение» [21, с.55].

Видимо, нам важен и некий внеязыковой опыт, нечто, не складывающееся в привычную видимую форму — слова. Русская и западноевропейская словесность XX века, экспериментируя с языком, обнаружила невозможность исчерпать и эксплицировать всю полноту человеческого бытия, оперируя лишь данными языковой картины мира. Не случайны поэтому рефлексии, подобные той, что мы находим у

Г. Гессе: «Вместо того, чтобы прислушаться к интеллекту, к логосу, к слову, мы... все сплошь мечтаем о языке без слов, способном выразить невыразимое, высказать то, чего нельзя высказать» [12, с.323-324].

Или у А. Белого, маленький персонаж которого задается вопросом: «Как бы это мне выразить?» Вопрос символический и неслучайный. В нем не только растерянность детского сознания перед невозможностью что-либо номинировать, определить, в нем растерянность и собственно авторского сознания: трудно рассчитывать на понимание окружающих, если не «выговориться в слове». (Собственно говоря, в этом трагедия и Белого-художника, и его автобиографического персонажа в «симфонической повести о детстве» «Котик Летаев»). Любопытно, что у представителя совершенно иной культуры, японского писателя Кобо Абэ, не связанного с творчеством А. Белого ни хронологически, ни территориально, ни стилистически и пр., мы встречаем тот же поиск адекватного языка («...как бы это лучше сказать...») и метафору, которая возникает у не сумевших понять друг друга собеседников: «Он и не мог понять. Наш разговор напоминал два рельса, проложенных без точного расчета и расходящихся в разные стороны» [1, с.209-210].

Однако, насколько это возможно – язык без слов - и возможно ли вообще, если мы говорим о письменных текстах литературы? Как всем известно, литература – образительный вид искусства, материальным носителем образности в котором выступает слово. Но если изображено деяние, действие, поступок? То есть нечто, само по себе словом не являющееся, но в слове в тексте произведения бытующее, речью оформленное и неизреченное одновременно - жест, движение, взгляд, поза и т.д. Закономерно поэтому встает вопрос о соотношении слова и его невербального «компаньона»/«заменителя», например, жеста. В соответствии с антропологической концепцией это противопоставление решается в пользу практического интеллекта, который «древнее вербального: действие первоначальнее слова» [11, с.86]. Античной культурой этот вопрос снимался, поскольку мусические искусства, составляющие так называемую хорею, по определению Ф. Ф. Зелинского, соединяли искусство «слова /песни/, звука /напева/ и жеста /пляски/ под общим управлением ритма. В своем дальнейшем развитии они распадались на... поэзию как искусство слова, ...музыку как искусство звука, и...оркестрику как искусство жеста» [16, с.8]. Русские символисты в поисках конденсированного, сгущенного образа вновь предприняли попытку их соединения, создав не только уникальный язык для уникальных произведений (например, «Симфонии» А. Белого), но и особый язык поведения, «жизнетворчества», через который лучше «выговаривалось» то, что не всегда «выговаривалось» в слове.

Литературные и поведенческие «новаторства» символистов современников эпатировали, удивляли, шокировали. Отрицание многочисленных условностей, омертвевшего быта, ложных ценностей и норм, сформировавшись на мировоззренческом уровне, свое неизбежное «материальное» воплощение находило нередко в жестовом, поведенческом плане. Ярко и эмоционально это выразил В. Розанов: «Всю жизнь трясло. Покурить бы, да неудобно: официальное положение. Покойник в гробу должен быть «руки по швам». Я всю жизнь «руки по швам» (...) Закапывайте, пожалуйста, поскорее и убирайтесь к черту с вашей официальностью. Непременно в земле скомкаю саван и колено выставлю вперед» [25, с.537].

Глубоко личное, сокровенное, «невыговариваемое» нуждалось в особой форме выражения. Дискурсивное мышление и язык как его орудие — для художника XX столетия многоуровневая проблема, поэтому возрастает интерес к до-логическим и до-языковым способам общения с миром. Активное развитие кинематографа в первой четверти XX века, актуализация невербальных компонентов искусства - жеста, позы, ритма, звука, способных раскрыть жизнь в динамике, не прибегая к языку

слов, - факты общеизвестные. Не только слово, но и его невербальные эквиваленты обрели статус знака, символа. Писатель, создавая образ, стал более внимателен и чуток к детали, намеку, жесту, который, «соперничал» со словом за право быть смысловым «осведомителем». О таком своеобразном осведомлении М. Пруст писал: «Слова осведомляли меня, только если на лице у смущенного человека проступал румянец или же внезапно воцарялось молчание» [24, с.96]. То есть показатели истинности (!) слова - бессловесные, невербальные деяния.

Отметим однако, что жесты, телодвижения, мимика и другие поведенческие нюансы чаще всего остаются без внимания при анализе текстов художественной литературы. При этом автоматически они как бы лишаются статуса опосредованных выразителей онтологической сущности человека. Тогда как в жестовой, телесной активности человека может содержаться много более, чем о том свидетельствуют языковые реалии. В жесте важно увидеть онтологическую связь с миром, которая бы могла позволить человеку (персонажу) «жизнетворчески» утвердиться: «Поступком должно быть все во мне, каждое мое движение, жест, переживание, мысль, чувство, — только при этом условии я действительно живу, не отрываю себя от онтологических корней действительного бытия», - утверждал М.М. Бахтин [7, с.62].

Ценность и значимость невербальных средств коммуникации отмечают, прежде всего, прикладные науки, находящие широкое практическое применение. Лингвисты создают словари жестов [3], психологи все активнее изучают несловесную деятельность человека, подтверждением чему служат интересные работы последних лет (хотя они и имеют сугубо прагматический, социальный вектор направленности) [14, 23, 27]. В такого рода исследованиях центральным является понятие о теле как индикаторе отношений человека с миром: «Пластика тела выражает наши ключевые отношения к людям и событиям. Если мы меняем эти отношения, тело продемонстрирует это изменение присущим ему способом» [14, с.76]. Потребности изучения языка тела для исследования поведения человека вызвали к жизни новую науку — кинетику (кинесику), создателем которой в 1952 году стал американский антрополог Р.Бирдвистел [18, с.64]. Кинетика, или язык тела, изучает «поведенческие проявления бессловесного общения между людьми» [27, с.5]. Однако современные исследователи, в частности Г. Крейдлин, предлагают говорить не только о кинесике и паралингвистике, но и о таких науках, как: окулесика (наука о языке глаз), аускультации (наука об аудиальном поведении), гаптике (наука о языке касаний), проксемике (наука о пространстве коммуникации) и т.д. [18].

Но, разумеется, человеческое общение не может строиться только лишь на языке тел, хотя и несущем до 60-80% информации в процессе коммуникации. Эти данные позволили некоторым исследователям сделать весьма убедительный, но все же не бесспорный вывод: «Особенностью языка телодвижений является то, что его проявление обусловлено импульсами нашего подсознания, и отсутствие возможности подделать эти импульсы позволяет нам доверять этому языку больше, чем обычному, вербальному каналу общения» [23, с.6]. Художественно эту мысль намного раньше оформил А.Белый в романе «Петербург»: «...мысль иногда невзначай выражается произвольными жестами, интонацией, взглядами, — даже: дрожанием губ...». Фраза далеко не случайная для такого «жестового» писателя, как Андрей Белый. В творчестве Белого повышенная роль невербального связана с тем, что он активно создавал и развивал новый тип поэтики, расширяя сферы внеязыкового, невербального выражения. Укоренившееся в литературоведении понятие о манере писать «между строк», наиболее ёмко отражает сущность этого типа поэтического мышления.

Более того, о категории жеста в «жизнетворчестве» Белого необходимо говорить как о категории бытийственной и даже универсальной. «В любой эмоции, мыс-

ли, во всяком поступке Белый интуитивно провидит прежде всего линию жеста, угадывает ее уникальное своеобразие и, узнав и пережив открывшееся ему через жест, составляет определенное понятийное представление о человеке или явлении», - считает А. В. Лавров, один из авторитетнейших исследователей жизни и творчества А. Белого [19, с.25]. Вероятно, в этом и истоки неповторимого стиля, особенность которого «состоит в его использовании как невербального аккомпанемента к словесному выражению поэтических образов» [31, р.18].

Проявляется это в том, что тексты Белого требуют именно произнесения, проговаривания, на что неоднократно указывал и сам автор («текст мой обращен к уху читателя»), и исследователи его творчества. «Лучший способ читать романы Белого, — пишет Х. Хартман-Флайер, — особенно «Петербург», — это читать их вслух. При чтении вслух звуки, слоги, слова приобретают значения, которые часто оказываются за пределами их исходной сути» [30, р.121]. На это же «работает» и такой невербальный компонент как графическая система А.Белого «расстав» - авторская расстановка слов, фраз, «лесенок». Этот способ авторского мышления, нацеленный на активизацию читательского внимания и слуха, породил целое явление в русской литературе – «графическую прозу», в которой художественный смысл дополнительно визуализируется «при помощи массивированного введения в текст невербального материала» [22, с.282].

Феномен невербального в широком смысле слова так или иначе получил свое осмысление и трактовку в лингвистических, театральных, философских, искусствоведческих, религиозных штудиях. Так, например, весьма интересна католическая интерпретация телесности: «У католицизма есть давняя традиция более конструктивного отношения к сфере эстетического; она связана... с католической тенденцией конкретно учитывать «телесную обусловленность человеческого духа».... Романо Гвардини выразительнейше подчеркивал значение телесного жеста, телесной пластики для религиозной жизни католика: «То, что включается в литургическую ситуацию, то, что молится, приносит дары и творит действие, не есть «душа» или «внутренний мир», но «человек». Литургическое действие зиждется на человеке в его целостности. Да, душа, — но в той мере, в которой она одухотворяет тело. Да, внутренний мир, — но в той мере, в которой он раскрывается через тело...» [2, с.133]. А. Бергсон, говоря об интенсивности психологических переживаний, отметил ту же взаимосвязь в явлениях восприятия и памяти — «телесное и духовное — дубликаты друг друга». [9, с. 301]. Из рассуждений Бергсона следует также, что тело всегда связано с настоящим, «в каждой конкретной ситуации оно избирает из всей массы воспоминаний именно то, что полезно для действия». [9, с.27]. (Любопытным комментарием к этой мысли мог бы послужить случай с Андреем Белым, когда единственным способом спастись оказался тот, о котором сам он не знал - это удар рукой в болевую точку нападавшего на писателя медведя, в итоге и сохранивший ему жизнь. В письме к П. Медведеву Белый писал: «Рука знала то, чего сам не знал» [26, с.207]).

Современную трактовку телесной активности в ее зависимости от прошлого опыта находим у М. Ямпольского. По его мнению, «наши жесты в какой-то мере всегда являются повторением уже осуществленных жестов, но вместе с тем тело, производя их, не только восстанавливает прошлый опыт, но смешивает его с опытом актуальной реальности. Жест, движение тела восстанавливает... вытесненную память Бытия» [29, с.32].

Как видим, наиболее частотным при характеристике телесной деятельности человека становится понятие «жест».

«Жест» в переводе с французского языка означает «деяние», «действие». Как считает Г. Крейдлин, слово «жест» восходит «к латинскому *gestus*, производному от многозначного латинского слова *gerere*, означающего «действовать»; возможно, восходит и к слову *gestura*, «значение которого может быть описано как способ действия»; в английских памятниках слово *gesture* имело значение «способ ношения тела, то, как человек стоит или ходит»; жест – это также «значимые движения рук, ног, корпуса или лица», применяемые оратором для воздействия на слушателя» [18, с.46-47].

В редакции Большой Советской Энциклопедии от 1932 года (например, в более поздней редакции это определение отсутствует) жест понимается как «одна из форм выразительных движений, первоначально имеющая непосредственный, реактивно-инстинктивный характер» [10, с.306]. Указывается не только на психо-соматическую основу жестов, но и на их функциональное значение: выразить что-либо.

Более широкое, универсальное, на наш взгляд, понимание жеста, непосредственно связанное с характером словесного творчества, сформулировал Ю.М. Лотман: «Жест — это действие, поступок, имеющий не только и не столько практическую направленность, сколько отнесенность к некоторому значению. Жест всегда знак и символ. Поэтому всякое движение... есть жест, значение его — замысел автора» [20, с.34]. Подчеркнутая ученым знаковая и символическая природа жеста, его особая значимость с позиций авторского замысла убедительно доказывают необходимость более детальной разработки этой проблемы.

Эстетическая «история» и культура телесности и жеста, оформляется в искусстве Древней Греции. Древнегреческой скульптурой утверждалась пластическая ценность тела как такового. Вот почему безмолвные фигуры далекого прошлого столь «говорящи». «Какое богатство чувств и переживаний! Мужчина стоит, напрягая свои мышцы; другой погружен в себя и не замечает, что делается вокруг; девушка, отпрянувшая в мгновенном испуге; пловец, готовый нырнуть; и, наконец, держащий на голове сосуд мальчик. И каждая статуэтка как бы живая и готова выразить чувства в движении и жесте», - размышлял М. Алпатов [5, с.65].

Своеобразную историю развития жеста можно проследить на материале живописи. В исследовании «От Средних веков к Возрождению (Сложение художественной системы картины кватроченто)» И. Е. Данилова анализирует изменения, произошедшие в сознании художников Средневековья и Возрождения в плане отображения поведенческого аспекта [13]. По справедливому замечанию исследовательницы, «жест в живописи — эквивалент слова, он озвучивает немое изображение» [13, с.50]. И если в живописи жест более нагляден, то в литературе — более пластичен и объемен.

Средневековая культура Запада породила так называемые ритуальные, канонизированные жесты. Они превалировали над другими жестами, исключали случайность, необязательность. Как считает Г. Крейдлин, «ритуализация феодального общества в гораздо большей степени выражена в жестах, чем в устных словах и письменных текстах. Обыкновенный жест обладал огромной юридической и религиозной силой... Рыцари, купцы, монахи, палачи, риторы, врачи, ученые, ремесленники и землевладельцы образовывали ...свое жестовое сообщество со своим порядком и своим невербальным языком» [18, с.56].

Эпоха Возрождения, остро ощущая несоизмеримость такого жеста с сюжетно-психологической ситуацией, влечет за собой появление живого, психологизированного жеста. «Пусть в каждом телесные движения, - писал художник Альберти, — выражают с достоинством движения души» [13, с.58]. Размышлял об

этом и великий Леонардо, который чутко уловил знаковость движения как «вестника души» [6, с.223].

В русском искусстве наблюдались схожие тенденции. Иконопись как ритуальное искусство в полной мере отразило представления о канонах и клише, которые, однако, с течением времени подверглись трансформации. Так, «Никола 12 века — мудрый, величавый проповедник (большого канон не позволял)...; в 13-14 веках — это добрый, ласковый старичок, более близкий к людям» [4, с.170].

Литературой тоже пройден своеобразный путь от изображения статичных, малоподвижных, малодетельных, закованных в рамки канонов, образов — к деятельным, энергичным, «живым». Интересно, что в русской литературе до XVII века жесты, телодвижения, мимика героев не описывались совсем или описывались очень кратко, лаконично [15, с.73-95]. Лишь к середине XVII века литературные персонажи становятся активными в основном в драматических произведениях: они кланяются, бьют челом, жестикулируют руками, то есть находятся в состоянии энергичных физических действий. Появляются сцены драк, стычек, казней, побегов. Но поскольку в самосознании русского человека важную роль играло представление о святости, недопустимости греха, то тип «тихого», неконтактного человека еще долго оставался в сфере авторского внимания и был востребован народным сознанием.

Тип героя-подвижника, энергичного, деятельного человека мы наблюдаем в представителях другой эпохи — декабристах. Ю. М. Лотман подчеркивает нестандартность поведения декабристов. Причина этого видится ученым в следующем: декабристы не принимали условностей высшего света, были нарочито резки, прямолинейны в суждениях, безапелляционны. Свои поступки они считали достойными памяти потомков и потому, имеющими высший смысл. Поведение (как и искусство) было для декабристов «средством внешнего выражения высокой духовной насыщенности текста жизни или текста искусства» [20, с.71]. Это и привело к повышенной роли жеста в их бытовой среде. Жест декабристов стал символом противостояния косной среде, реакцией на отсутствие высоких помыслов и благородства.

Фактически работы Лотмана качественно изменили статус понятия «бытовое поведение», возвысив его до самостоятельного предмета исследования и важнейшей историко-психологической характеристики. И современное знание о человеке было бы не полным без мысли о том, что «у каждого времени своя жестикуляция, своя походка, своя манера раскланиваться, брать под руку пить чай, держать речь» [18, с.48].

Подобный краткий экскурс в историю жеста убедительно демонстрирует интерес к нему как к значительному явлению человеческого тела и души со стороны литературоведческих, лингвистических, искусствоведческих и др. исследований. Налицо сходное устремление через телесную воплощенность человека, через механику и моторику его действий проявить, высветлить психейную основу этих действий, жестов, поступков и пр.

В художественном тексте преобладающее число жестовых проявлений человеческой деятельности становится знаком внутренней жизни, «вестником души». Через жест и благодаря жесту возможно более точное прочтение смысла стоящих за ним характеров и обстоятельств, жест вырастает до уровня необходимой детали не только характерологии, но и сюжетостроения. По верному замечанию В. Кожина, в тексте произведения «существенно не столько то, что вообще изображаются движения людей и вещей, сколько то, как и какие движения изображены» [17, с.420] и то, как они становятся «подробностью, единицей сюжета» [17, с.433]. Даже самые очевидные, ясные в своей психологической мотивировке жесты и движения в том или ином контексте оказываются семантически насыщенными и содержательными. Это не означает отказ от слова как такового или пренебрежение его содержательной

энергетикой, но связывается с тенденцией выразить то «немое» и «неведомое», которое, по словам Белого, «все чаще и чаще навеваться стало» [8, с.75].

Иными словами, для текстов художественной литературы использование категории «невербального», в частности, «жеста», более чем применимо и обоснованно, и это вполне семиотическая постановка проблемы. Предельно точно и лаконично убедил нас в этом Антон Павлович Чехов: «Лучше всего избегать описывать душевное состояние героев; нужно, чтобы оно было понятно из действий героев» [28, с.242].

Список использованной литературы

1. **Абэ К.** Женщина в песках. Чужое лицо. Романы. М., 2000.
2. **Аверинцев С.** Жак Маритен, неотоцизм и католическая теология искусства // Вопросы литературы. 1968. №10.
3. **Акишина А.А., Кано Х., Акишина К.Е.** Жесты и мимика в русской речи (Лингвострановедческий словарь). М., 1991.
4. **Алпатов М.** Немеркнувшее наследие. М., 1990.
5. **Алпатов М.В.** Художественные проблемы искусства Древней Греции. М., 1987.
6. **Алпатов М.В.** Художественные проблемы Итальянского Возрождения. М., 1976.
7. **Бахтин М.М.** Литературно-критические очерки. М., 1986.
8. **Белый А.** Мироздание // Золотое руно. 1906. № 3.
9. **Бергсон А.** Материя и память // Бергсон А. Собрание сочинений в 4 томах. М., 1992. Т.1.
10. Большая Советская Энциклопедия. М., 1932. Т.25.
11. Выготский Л.С. Орудие и знак в развитии ребенка // Собр. Соч. в 6 т. М., 1984. Т.6.
12. **Гессе Г.** Степной волк // Гессе Г. Избранное. М., 1977.
13. **Данилова И.Е.** От Средних веков к Возрождению (Сложение художественной системы картины кватроченто). М., 1975.
14. **Данкелл С.** Позы спящего. Ночной язык тела. Н.Новгород, 1994.
15. **Демин А.С., Демин А.С.** Русская литература второй половины XVII — начала XVIII века: Новые художественные представления о мире, природе, человеке. М., 1977.
16. **Зелинский Ф.Ф.** История античной культуры. СПб., 1995.
17. **Кожин В.В.** Сюжет, фабула, композиция // Теория литературы. Т. 2. М., 1964.
18. **Крейдлин Г.** Невербальная семиотика. М., 2002.
19. **Лавров А.В.** Мемуарная трилогия и мемуарный жанр у Андрея Белого // Белый А. На рубеже двух столетий. М., 1989.
20. **Лотман Ю.М.** Декабрист в повседневной жизни (бытовое поведение как историко-психологическая характеристика) // Литературное наследие декабристов. Л., 1975.
21. **М.Мерло-Понти** О феноменологии языка // Мерло-Понти М. В защиту философии. М., 1996.
22. **Орлицкий Ю.Б.** Стих и проза в русской литературе. М., 2002.
23. **Пиз А.** Язык телодвижений. Как читать мысли других по их жестам. Н. Новгород, 1992.
24. **Пруст М.** Пленница. М., 1992.
25. **Розанов В.В.** Уединенное // Розанов В. В. Несовместимые контрасты жития. Литературно-эстетические работы разных лет. М., 1990.
26. Русская литература. 1979. №3.
27. **Фаст Дж.** Язык тела. М., 1997.

28. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 Т. М., 1974-1983. Письма. Т.1.
29. Ямпольский М. Демон и лабиринт (диаграммы, деформации, мимесис). М., 1996.
30. **Hartmann-Flyer, Helen.** The time bomb // Andrey Bely. A critical review. Lexington, 1978. p. 121.
31. **Woronzoff A.** Andrej Belyi's " Petersburg", James Joyce's "Ulysses" and the symbolist movement. Berne, Frankfurt / M. Las-Vegas. 1982. p. 18.

М.Н. Милеева, О.В. Угарова

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО КОМПЬЮТЕРНОГО СЛЕНГА

Ивановский государственный химико-технологический университет

Данная статья посвящена описанию характерных особенностей сленга, применяемого в настоящее время активными пользователями Интернета. Примерами послужили типичные образцы, встречающиеся в электронной переписке, а также материалы различных чатов и форумов. Рассматриваются причины возникновения данного явления, а также анализируются их языковые признаки.

Начало XXI века ознаменовалось активным внедрением в нашу жизнь Интернета со свойственными ему особенностями общения на базе электронных технологий. Любой процесс, как правило, имеет две стороны, или точки зрения — положительную и отрицательную. Все возрастающий темп жизни, желание быстро включаться во все важные процессы, возможность скоростной (или, вернее, ускоренной) коммуникации с участниками, к примеру, зарубежных конференций в режиме *on-line* во многом объясняют огромную востребованность Интернета, обеспечивающего осуществление вышеуказанных возможностей, что не может не являться благим начинанием. Современные средства телекоммуникации благотворно влияют на систему английского языка: его словарный состав обогатился, появилась разнообразная графическая презентация новых слов и словосочетаний. С другой стороны, подобный скоростной тип общения способствовал возникновению особенного гибридного сетевого языка *Weblish* с его специфическими орфографическими стандартами и своеобразным произношением.

Новый язык имеет следующие особенности. Упразднены за ненадобностью все апострофы и многие дефисы, характерные для литературного английского языка. Правописание упрощено до предела, а некоторые орфографические ошибки даже становятся нормой. Подобная тенденция к упрощению не только орфографии, но и грамматики наблюдается в настоящее время в целом ряде иностранных языков — немецком [2, с. 139], французском, английском; в американском английском она продолжается еще с 70-х годов XIX века [1, с. 121]. Часто отсутствуют заглавные буквы в начале предложения и в именах собственных. В новом языке получили распространение такие суффиксы, как *-scape*, *-babble*, *-centric*. Весьма распространены также сокращения вроде *B2B* (*business-to-business*), *cu* (*see you*), *4me* (*for me*). Замечательным примером употребления нового электронного варианта английского языка может служить музыкальный манифест американского певца Принца “4 The Love of Music”.

Откуда же берется компьютерный сленг и как научиться его понимать? Следует иметь в виду, что в компьютерной среде в настоящее время получили распространение три типа новых языковых явлений, свойственных языку Интернета: новейшие термины, аббревиатуры (акронимы) и ставшие популярными смайлики. Абсолютное большинство используемых при электронном общении подобных сленговых выражений-терминов представляет собой «русифицированный английский». Например, известное название кнопки *резет* — это всего лишь озвучивание английской фразы “*any key*” (дословно — «любая кнопка»). Кнопку *резет* стали так называть из-за распространенного несколько лет назад розыгрыша, когда возле *резет*’а приклеивали этикетку с надписью “*any key*”, и когда ничего не подозревающий «чайник» видел на экране надпись “*press any key to continue...*”, то... Несколько менее тривиальным для понимания являются выражения, где русский сленг используется вместе с английским, например, «*топтать батоны*». «*Батон*» — это простое озвучивание слова “*button*” (кнопка). «*Топтать*» — сленговое выражение для глагола «*нажимать*». Подобные выражения, как правило, используются в среде компьютерщиков для обозначения каких-то распространенных понятий. Еще труднее разобратся с терминами, которые представляют собой модификации сленговых выражений. Банальный пример, это «*подкрысник*» — коврик для мыши. Встречается, кроме него, также менее тривиальное наименование — «*по(д)хабник*» (см. англ. *hub*).

Не менее часто в электронных сообщениях встречаются акронимы, образующиеся из первых букв входящих в их состав слов. Как правило, сокращению подвергаются часто употребляемые фразы как официального, так и бытового характера. К официальным акронимам относятся, например: HDD (*Hard Disk Drive*) — жесткий диск, FDD (*Floppy Disk Drive*) — дисковод гибких дисков, CD ROM (*Compact Disc read-only memory*) — компакт-диск, предназначенный только для чтения, имеется также перевод этого акронима в виде КД ПЗУ (*Компакт-Диск Постоянное Запоминающее Устройство*) и другие. Из бытовых акронимов очень часто встречаются, например, AFAIK (*As Far As I Know*), IMHO (*In My Humble Opinion*), ASAP (*As Soon As Possible*), BBL (*Be Back Later*), BOC (*But Of Course*), BTW (*By The Way*), CYA, или C U (*See You*), KISS (*Keep It Simple, Stupid*), LOL (*Laugh Out Loud*), ROFL (*Rolling On Floor Laughing*), PG (*Pretty Good*), TTYL (*Talk To You Later*), SYS (*See You Soon*).

Бытовой акроним *IMHO* произошел от английского словосочетания, означающего «*по моему скромному мнению*», и имеет русский вариант *ИМХО*. Он показывает, что автор высказывает свое личное мнение, а не констатирует некий известный факт. Популярность данного вновь образовавшегося акронима можно подтвердить цитатой из небольшого стихотворения некоего современного пользователя Интернет В. Котова, написанного им в подражание известному отечественному барду В. С. Высоцкому: «Куда б я ни пошел, оно со мною — на форумах, в e-mail иль в ICQ. Мое ИМХО могучею скалою поддержит точку зрения мою» [6]. Подобные этому сокращения чаще встречаются в электронных письмах, нежели в переписке на чатах и форумах. Приведем еще несколько примеров: HAND (*Have A Nice Day*), AWGTHTGTTA? (*Are We Going To Have To Go Through This Again?*), BBS (*Bulletin Board System*), FWIW (*For What It's Worth*), FYI (*For Your Information*), GIWIST (*Gee, I Wish I'd Said That*), IC (*I See*), IMNSHO (*In My Not So Humble Opinion*), IOW (*In Other Words*), JSNM (*Just Stark Naked Magic*), LAB&TYD (*Life's A Bitch & Then You Die*), ОТОН (*On The Other Hand*), POV (*Point Of View*), RSN (*Real Soon Now*), SYSOP (*System Operator*), TANJ (*There Ain't No Justice*), TANSTAAFL (*There Ain't No Such Thing As A Free Lunch*), WYSIWYG (*What's you see is what's you've got*). Можно заметить, что акронимии подвергаются разговорные фразы и устойчивые выражения, хо-

рошо известные людям, знакомым с английским языком. Поэтому расшифровать данные акронимы не представляет особого труда.

По сложившимся в области сетевого общения правилам [5] предложения и абзацы при электронной коммуникации должны быть короткими, поскольку более компактные предложения легче анализировать и понимать, и, кроме того, набор непродолжительных фраз намного сокращает время пребывания в сети. Согласно естественному закону экономии (усилий, времени, места), местоимения, предлоги и артикли, как правило, часто опускаются, а оставшиеся слова также подвергаются акронимии.

Определенный интерес представляют собой сокращения английских слов, выполненные в точном соответствии с законом экономии речевых (в данном случае письменных) усилий. Используемый при этом принцип подобных сокращений пришел из языка составления телексных сообщений. Он состоит в выбрасывании гласных букв и оставлении одних согласных, поскольку по ним легко воссоздать графический облик слова, например: THX — thanks, WKND — weekend, SPK — speak, XLNT — excellent, MSG — message, PLS — please. Данный достаточно стандартный при отправлении телексов и факсов принцип сокращения слов дополняется еще одним оригинальным элементом — включением в состав усеченного слова цифр, произнесение которых способствует его пониманию. Примеры можно увидеть в следующей таблице:

B4 — <i>before</i>	NO1 — <i>no one</i>
L8r — <i>later</i>	F2F — <i>face to face</i>
B4N — <i>bye for now</i>	WAN2 — <i>want to</i>
GR8 — <i>great</i>	SOM1 — <i>someone</i>
2DAY — <i>today</i>	2MORO — <i>tomorrow</i>
2NITE — <i>tonight</i>	CUL8R — <i>see you later</i>

Следующей яркой особенностью современного компьютерного сленга является употребление смайликов. Существует большое число вариантов смайликов и не меньшее количество версий их толкования. Например, восьмерка в смайлике **8-)** может означать либо очки, либо соответствовать толкованию «глаза на лоб вылезли». Смайлики — это набранные из скобок, двоеточий и других графических символов изображения рожц, которые служат для выражения эмоционального состояния пишущего. Их также называют эмоциональными иконками (emoticons) [4], и служат они для выражения положительных эмоций (смех, радость и т.п.) — :-), а также отрицательных эмоций (недовольство, расстройство и пр.) — :-(. Смайлик может содержать не одну, а несколько скобок подряд, чтобы характеризовать степень положительных или отрицательных эмоций. Смысл смайлика легче всего понять, если посмотреть на него, наклонив голову влево. Становится сразу видно, что смайлик — не что иное, как схематичное изображение либо радостного, либо кислого выражения лица.

Ниже представлены наиболее часто используемые при электронном общении смайлики и их интерпретация:

- :-)** — *smiling, happy face; don't take me too seriously;*
- В-)** — *the same, but poster wears glasses or sunglasses;*
- 8-)** — *the same as previous; also used to denote wide-eyed look; #:-) — *done by someone with sort of matted hair;**
- :-(** — *sad or angry face;*
- @=** — *flame about nuclear war, power or weapons follows (mushroom cloud);*
- ;-)** — *winking happy face (something said tongue-in-cheek);*
- P** — *tongue stuck out; <:-) — *dumb questions;**

O>-<|= — *messages of interest to women*;
 |-(— *late night messages*;
 :^ — *messages teasing people about their noses*;
 (:-# — *message concerning something that shouldn't have been said...*;
 (:-\$ — *message indicating person is ill*;
 (:-& — *message indicating person is angry*;
 (:-* — *kiss*;
 (:-(— *message indicating person is VERY sad*;
 &:-) — *message from a person with curly hair*;
 @:-) — *message from a person with wavy hair*;
 ?-(— *message about people with a black eye*;
 (:-|K — *formal message*;
 @%&\$%& — *you know what that means*;
 ||*(— *handshake offered*;
 ||*) — *handshake accepted*;
 (-_-) — *secret smile*;
 <{:~}> — *message in a bottle*;
 <:-)<<| — *message from a space rocket*;
 (:>-< — *message from a thief: hands up!*;
 :^{} — *user wears a mustache*;
 @>--->---- — *a rose*.

Все языки мира эмоциональны. Многие написанные во время переписки фразы могут быть поняты неоднозначно, и именно поэтому в электронных сообщениях применяют смайлики. С их помощью передаётся настроение, присущее автору письма в момент написания. Также с их помощью можно понять, доброжелательно ли относится к нам автор. Кроме того, данный простой рисунок намного упрощает зрительное и ментальное восприятие сообщения.

Еще одной особенностью компьютерного сленга являются русифицированные кальки с распространенных английских сокращений. Приведем примеры прямых аббревиатур-калек, перевод которых не что иное, как жаргонизмы: INET = *инет* (Интернет); RULEZ = *рулэз* (“отпад”); SUXX = *сакс* (“отстой”); ICQ = *аська, шька* (программа-пейджер); E-MAIL = *мыло* (электронная почта, кстати, предлагался хороший вариант кальки «Емеля», жаль, что он не прижился); LAMER = *ламер, ламо* (агрессивный неопытный пользователь); PROG = *прога* (программа); PASS, PSWD = *пасс* (пароль); RL = *реал* (реальная жизнь, в отличие от виртуальной); SUBJ = *сабж* (предмет, тема); PC = *писюк* (IBM-совместимый персональный компьютер); WIN = *винды, форточки, мастдай* (OS Windows); MAC = *Макинтош, Мак* (персональный компьютер Apple); OS/2 = *полуось* (своя ОС); SPAM = *спам* (непрошенная рекламная почта).

Все вышеизложенные особенности — это, пожалуй, все, что нужно знать любителю общения по чату при ведении Интернет переписки с носителями английского языка. Впрочем, сэкономленные остатки памяти потребуются для адаптации к собственно чатовскому жаргону при прочих видах общения [6]. Не следует также забывать, о чем спрашивать в чате не совсем прилично, поскольку это просто нужно знать: Microsoft = *мелкомягкие, мелкософт*; админ, киллер, модер(атор) — «вооруженный надсмотрщик» за порядком в чате, которому ты ничего не докажешь, поэтому лучшая стратегия общения — обходить за версту; баннер; банщик (*banner*) — реклама на сайте, куда кликать не стоит, несмотря на все ее старания убедить тебя в обратном, и тот, кто ею занимается; бродилка — браузер; искалка — поисковик, поисковая система; гляделка, смотрелка — программа для редактирования изображе-

ний; *имидж* — такое изображение; *жпнег, гифец* — графические файлы с расширениями *jpg* и *gif*, а попросту картинки; *глюк* — однократный сбой, ошибка в программе; появляется ниоткуда и исчезает в никуда; *баг (bug)* — повторяющаяся ошибка в программе, устойчивый глюк; *винт* — винчестер, жесткий диск; *гестбук, гестбука* — гостевая книга на сайте, где можно самовыразиться по поводу хозяина; ИЕ, МСИЕ — *Microsoft Internet Explorer*; *конфа, диска, тред, трэд, доска* — конференция, дискуссия на форуме (одна из многих); *коннект* — соединение с Интернетом; *комп, машина* — компьютер; *кило* — килобайт; *метр* — мегабайт («я тебя просил мылить мне имидж на два метра?!»); *Клава* — клавиатура; *летать, падать, выпадать* — не по своей воле оказаться вне Интернета, хотя еще секунду назад ты был там. Это, кстати, основная проблема тех, кто использует модем («Я упал и летал минут десять».); *личномыл* — личное мыло, свой ящик, e-mail; *мама* — материнская плата; *мозги* — оперативная память, RAM; *мессага, пост, постинг (message, posting)* — сообщение, реплика в дискуссии или чате; *Нетоскоп, Нетикаф, Нетскана* — *Netscape Navigator (NN)*, тоже броузер; *опера* — *Opera*, еще один броузер; *топик (topic)* — тема, предмет обсуждения; *оффтоп, офф* — оффтопик, уклонение от заявленной ранее темы; *онтоп* — следование заявленной ранее теме; *сисадмин* — системный администратор; *фича (feature)* — возможность, функция; *флейм; флеймер (flame)* — злонамеренное провоцирование оппонента с помощью малосодержательных, но агрессивных мессаг, ругань; тот, кто этим занимается; *флуд; флудер, флудильщик (flood)* — продолжительный бессмысленный оффтопик; тот, кто этим занимается; *хай, хи (hi)* — привет (ответное приветствие может звучать как «хи-хи»); *хомяк, хоменпага, хоумпага (hotepage)* — домашняя страничка в Сети (“Сетке”).

Анализ новых графических написаний слов в английском языке показывает, что в *Weblish*, ориентированном на нормы разговорной речи, экономию усилий и экспрессивность, постепенно утвердились такие орфографические варианты слов, которые сближают их произношение и написание. Экономия усилий со стороны отправителя, которому, однако, часто приходится бороться за избирательное внимание получателя, обуславливает большую нагрузку на средства графического выделения для достижения большей эксплицитности официального сообщения или эмоциональности неформального [1]. Подобные сокращения имеют распространенное хождение при написании и отправлении SMS-сообщений, когда приходится укорачивать слова, экономя объем послания.

Интернет в настоящее время стал особой сферой коммуникации, в которой причудливо преломляются особенности литературного и разговорного языка, широко используются ходовые клише, а также жаргонные и сленговые выражения. Данное утверждение справедливо не только для английского языка, но также и для русского. Появившийся в последнее время компьютерный стиль употребления русского языка под названием «язык падонкаф» отличается фонетически адекватным, но нарочито неправильным написанием слов, частым употреблением нецензурных выражений и определенных штампов, характерных для сленгов вообще. Наиболее часто он используется при написании комментариев к текстам в блогах, чатах и интернетовских форумах. Это жаргон пользователей Интернета, предполагающий, прежде всего, декоративную обработку фонетики. Особенности стиля «падонкаф» заключаются в намеренном нарушении норм орфографии русского языка в сторону письма фонетического (так называемых «декоративных транскрипций»). Суть такого письма состоит в смещении фонетически адекватных форм в сторону орфографически-неправильных. Примерами данного жаргона могут служить следующие слова и словосочетания: *превед!* — приветствие, искаженное «привет», *кагдила* — искаженное от «Как дела?», *аффтар жжот* — одобрение; один из самых распространенных

штампов, *гатично* — хорошо, необычно, *зачот* — одобрение качества, *красавчег* — восхищение оппонентом, *пацтулом* — читатель упал от смеха со стула [3, с. 20].

Бытует мнение, что компьютерный сленг засоряет язык общения. Многие просто считают его грязью. А грязь ли это? Сленг как одна из составляющих языка имеет право на существование. Сленгов наличествует огромное множество — у представителей практически каждой профессии и социальной группы есть свой сленг. Это неизбежно в силу многогранности человеческого разума. С другой стороны, невозможно заставить носителей строго соблюдать правила родного языка. Всё в этом мире относительно, и пытаться измерить мир единым стандартом бессмысленно и бесполезно, он многообразен изначально — процесс эволюции сам определит, что останется, а что уйдёт в историю. Пытаться влиять на эволюцию совершенно бесполезное занятие, так как в конечном итоге, скорей всего, получится обратный результат.

Список использованной литературы

1. **Иванова Н.К.** Письменная речь и современные особенности английской орфографии // Вестник гуманитарного факультета ИГХТУ. Вып. 1. Иваново, 2006, стр. 118-126.
2. **Лобанова И.В.** Особенности развития единого общенационального немецкого языка: фонетико-орфографические аспекты // Вестник гуманитарного факультета ИГХТУ. Вып. 1. Иваново, 2006, с. 136-140.
3. **Родионов П.** Требуется переводчик с «языка падонков» // «Хронометр-Иваново», №51, 2006, с. 20.
4. **Hornby A.S.** Oxford Advanced Learner's Dictionary. 7th edition. 2005, p. 57.
5. <http://faqs.org.ru/fidonet/imho.htm>
6. **Sellin R., Winters E.** Cross-Cultural Communication. Internationalization of Documentation. Internet Communication. <http://www.bena.com/ewinters/sect7.html>, 1999.

С.В. Мощева

КРЕОЛИЗОВАННЫЙ РЕКЛАМНЫЙ ТЕКСТ

Ивановский государственный химико-технологический университет

Рост количества визуальной информации в современной коммуникации вызывает закономерный интерес лингвистов к паралингвистическим (невербальным) средствам, которые сопровождают письменную речь. Роль паралингвистических средств в тексте не является однозначной, т.е. в некоторых случаях участие данных средств в организации текста охватывает только план его выражения, его внешнее оформление и не является существенным для плана содержания; в других же текстах паралингвистические средства приобретают особую значимость.

Рекламный текст можно отнести к креолизованным текстам на основании того, что в их структурировании используются коды различных семиотических систем. Отметим, что под креолизованными текстами мы понимаем тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной, принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык.

В настоящее время очевидно, что роль креолизованных текстов стремительно возрастает по мере «эскалации изображения», которое знаменует собой качественно новый процесс развития речевой коммуникации, отвечающий потребностям современного общества.

В семантике изображения различают денотативное и коннотативное значение. В текстах рекламы, по мнению Р.Барта, различают три вида сообщений: лингвистическое, визуальное кодированное (символическое), визуальное некодированное (буквальное) [4]. Иконический комплекс, по мнению данного автора, содержит два рода означающих: означающие, означаемыми которых являются реальные предметы, и означающие, означаемыми которых являются идеи, образы, эвфористические ценности. Соответственно, информация первого типа является денотативной (в известной степени буквальной), и ее понимание не представляет для адресата трудности, основывается на антропологических знаниях. Информация второго типа – коннотативна и основывается на ассоциативных связях; ее понимание предполагает наличие у адресата знания культурного кода, социальных связей, национальной специфики, т.е. информация второго типа допускает многовариантность толкования.

В процессе восприятия креолизованного текста происходит двойное декодирование заложенной в нем информации, т.е. при извлечении концепта изображения происходит его наложение на концепт вербального текста. Соответственно, взаимодействие двух концептов приводит к созданию единого общего концепта (смысла) креолизованного текста.

Роль изображения в процессе восприятия и понимания креолизованного текста неоднозначна. Исследования креолизованных текстов на материале художественных текстов показывают, что присоединение к вербальному тексту с упрощенным или усложненным содержанием изображения, находящегося с ним в отношении синонимии или дополнения, приводит к уменьшению эмоциональности художественного текста, снижает его информативность и убедительность [3]. Причина этого - психологические особенности восприятия креолизованного текста, т.е. реципиент, воспринимающий текст без изображения, приписывает ему такие характеристики, которые могут быть извлечены из самого текста, а также из своей концептуальной системы, из своей картины мира, где содержатся лингвистические и нелингвистические знания относительно описываемых предметов и явлений. Добавление изображения накладывает ограничения на восприятие текста, ведет к перестройке смыслового кода реципиента в сторону сужения его концептуального поля, при этом возможности интерпретации текста уменьшаются.

Абсолютно противоположные данные были получены нами в результате анализа рекламного текста: перестройка смыслового кода направлена в сторону расширения концептуального поля, происходит увеличение возможностей интерпретации текста.

Известно, что к основным текстовым категориям относятся целостность и связность (целостность – это единство текста, способность существовать в коммуникации как внутренне и внешне организованное целое; связность заключается в содержательной и формальной связи частей текста). Целостность креолизованного рекламного текста проявляется в согласовании вербального и иконического компонентов и прослеживается на содержательном, содержательно-языковом, содержательно-композиционном уровнях.

Связность вербального и визуального компонентов на *содержательном уровне* обнаруживает себя в семантических связях, которые представлены следующими основными типами:

а) *прямая* денотативная соотнесенность имеет место между вербальными и визуальными знаками (т.е. знаки обоих кодов обозначают одни и те же предметы либо предметные ситуации). В качестве примера можно привести рекламу торгового

центра «Домус» («Домус Вашей мечты!»), где в слове «Домус» первая буква представлена в виде рисунка дома;

б) *опосредованная* денотативная соотнесенность между вербальными и визуальными знаками (т.е. знаки обоих кодов обозначают разные предметы и предметные ситуации, которые взаимодействуют между собой тематически или ассоциативно). Так, фото мужского лица в шрамах после аварии сопровождается следующим текстом: «*Don't lose face. Drive a Volkswagen!*» - выражение «*потерять лицо*» - «*lose face*» используется в рекламном тексте (РТ) в прямом смысле.

в) чаще всего в РТ вербальные и невербальные средства *дополняют* друг друга, тем самым создавая более яркий, более запоминающийся образ. Например, органично выполненное фото машины сопровождал текст - «*FORD. Качество. Надежность. Комфорт*».

Очевидно, что в представленных выше рекламных сообщениях невербальные средства помогают формировать определенный рекламный образ.

Связность вербального и визуального компонентов на *содержательно-языковом уровне* проявляется в том, что семантическая зависимость одного компонента от другого выражается соответствующими языковыми маркерами в вербальной части текста.

Данная связность может быть выражена эксплицитно - например, рекламные плакаты в транспорте, в метро, где говорится о запрете курения и распитии алкогольных напитков. Перечеркнутое изображение бутылки либо горящей сигареты сопровождается текстом такого же содержания. Подобная связь носит структурный характер, поскольку иконический знак включен в вербальный компонент и способен к его замещению.

Анализ рекламного материала показал, что связность представленная имплицитно обычно не носит явно выраженного характера, а устанавливается на основе более тщательного соотнесения обоих компонентов и присутствует как в печатных, так и устно-речевых РТ.

Связность вербального и визуального компонентов можно проследить и на *содержательно-композиционном уровне*, т.е. между компонентами креолизованного текста устанавливаются семантико-композиционные отношения, которые проявляются в порядке расположения визуального и вербального компонентов. Принимая участие в композиционном строении рекламного текста, визуальные элементы могут коррелировать в содержательном плане с разными частями вербального компонента – с буквой, со словом/словосочетанием, с предложением/частями предложения, с одним либо несколькими абзацами, со всем текстом. Данное утверждение может быть проиллюстрировано следующими примерами: в названии магазина «*Европульс*» вместо заглавной буквы «*Е*» используется изображение денежного знака «*евро*»; а в слове «*Лас-Книгас*» (название магазина) – буква «*к*» представлена в виде рисунка книги; в рекламном материале, который посвящен развитию «*WISA-Business Promotion and Development Company of Saxony-Anhalt*», в одной из частей говорит об условиях роста: «*The tree needs the right conditions to grow. Companies flourish in Saxony-Anhalt, thanks to our favorable business climate, substantial investment incentives, worker training programs and nearly unlimited access to transportation...*». Текст сопровождается изображением ухоженного и жизнеспособного дерева, имеющего вместо листвы денежные знаки. А та часть сообщения, где говорится о партнерских связях, снабжена географической картой, показывающей масштаб сотрудничества и открывающиеся деловые возможности.

Следует отметить, что информационная эффективность рекламного сообщения зависит и от непосредственного изображения (иллюстрации), и от самого рекламного текста. Отмечено, что на невербальный аспект рекламы приходится половина нагрузки по передаче информации. Реклама должна привлечь и захватить вни-

мание потенциального покупателя, дать ему определенное представление о продукте (услуге), создать у него благоприятное впечатление и, в конечном результате, заставить купить данный предмет [2, с.311].

Текст и изображение взаимодействуют в рекламе и образуют один многослойный знак, вводящий в контекст сразу несколько значений. Успешная (удачная) реклама – это такая реклама, где составляющие ее компоненты функционируют как единое целое и подчинены общей цели: вызвать положительную реакцию покупателя, стимулировать приобретение рекламируемого объекта или сделать популярным имидж фирмы, упрочить ее положение на рынке. Соотнесенность всех компонентов рекламного текста с предметом рекламы, характером аудитории, целями и задачами темы – это то, что на сегодняшний день отличает качественную профессиональную рекламу.

Является очевидным тот факт, что в современной межкультурной коммуникации возрастает роль креолизованных текстов (особенно рекламных), в которых вербальный компонент в сочетании с иконическим имеет тенденцию к воспроизведению картины мира, эстетических и нравственных ориентиров нации.

Можно определять рекламные тексты как утилитарные, примитивные, но невозможно отрицать того, что они (РТ) являются динамичными, способными к адаптации практически в любой среде и занимают доминантную позицию в средствах массовой коммуникации. В рекламе в упрощенном виде отражается самосознание, самооценка собственной лингвокультурной общности, формируется отношение к иным лингвокультурным общностям [1].

Таким образом, текст массовой коммуникации следует рассматривать в качестве единства вербального и невербального компонентов, поскольку коммуникативно-оправданное использование данных составляющих в РТ способствует достижению определенного перлокутивного эффекта высказывания.

Список использованной литературы

1. **Анисимова Е.Е.** Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М.: Academia, 2003.
2. **Бове Кортлэнд А., фон Аренс У.** Современная реклама. М.: Довгань, 1995.
3. **Головина Л.В.** Влияние иконических и вербальных знаков при смысловом восприятии текста: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1986.
4. **Barthes R.** Rhetoric des Biles // Alternative. 1964. № 54.

А.Н. Смирнова

КОМПЬЮТЕРНЫЙ СЛЕНГ: ЕГО ПЕРЕДАЧА И ЗНАЧИМОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

ГОУ ВПО РГТЭУ, Ивановский филиал

Развитие информационных технологий повлекло возникновение нового лексического пласта, который можно назвать «компьютерным сленгом», который используется для коммуникации группы людей с общими интересами. Он служит для общения людей одной профессии – программистов, или просто людей, использующих

компьютер для определенных целей. Рассматриваемые сленговые названия относятся только к этому профессиональному сообществу, что отделяет его от всех остальных, и зачастую делает непонятным людям несведущим.

Первые компьютеры появились в начале 50-х годов и по мере того, как они совершенствовались, люди, работающие с ними, обрели огромный лексический багаж, который широко известен ныне. Но это было время до наступления эры персонального компьютера, то есть до 1988 г., поэтому это было достоянием посвященных, а их язык был закрытым для общества. С начала компьютерной революции конца 80х годов этот словарный запас и новые приращения к нему стали общим достоянием [5, с.45]. В настоящее время во всем мире развитию микропроцессорной техники, вычислительной техники, компьютерных технологий уделяется огромное внимание. В связи с этим первой по количеству появляющихся новых слов является именно область компьютерных технологий. В это время произошел своеобразный “обвал”; англоязычные термины и аббревиатуры, зачастую в английском же написании, заполнили страницы журналов и засорили речь специалистов. Новые термины из закрытого лексикона программистов и разработчиков компьютерной техники стали переходить в разряд общеупотребительных, т.к. количество людей, имеющих отношение к компьютерам, постоянно увеличивается. И параллельно этому явлению происходит еще один закономерный с точки зрения лингвистики процесс – это образование специфического компьютерного сленга. Термин «компьютерный сленг» относится к словам, которые употребляются только людьми, имеющими непосредственное отношение к компьютерам в повседневной жизни, заменяющим профессиональную лексику и отличающимся разговорной, а иногда и грубо-фамильярной окраской. Кроме того, нельзя забывать, что большинство слов, относящихся к компьютерному сленгу, являются производными от профессиональных терминов, практически все из которых заимствованы из английского языка [2, с. 26].

Пути и способы образования компьютерного сленга весьма разнообразны, но все они сводятся к тому, чтобы приспособить английское слово к русскому компьютерному дискурсу и сделать его пригодным для постоянного использования. Вот основные методы образования сленга, которые, вероятно, охватывают значительную часть ныне существующей сленговой лексики [4, с. 311]:

- 1) **Калька** (полное заимствование);
- 2) **Полукалька** (заимствование основы);
- 3) **Перевод**
 - а) с использованием стандартной лексики в особом значении;
 - б) с использованием сленга других профессиональных групп;
- 4) **Фонетическая мимикрия.**

I. Калька

Этот способ образования включает в себя заимствования, грамматически не освоенные русским языком. При этом слово заимствуется целиком со своим произношением, написанием и значением. Такие заимствования подвержены ассимиляции. Каждый звук в заимствуемом слове замещается соответствующим звуком в русском языке в соответствии с фонетическими законами. Эти слова кажутся иностранными в произношении и написании, они соответствуют всем нормам английского языка. Вот примеры слов, полностью заимствованных из английского языка:

device «девайс»

hard drive « хард драйв»

Вероятнее всего, некоторое количество подобных слов в русском языке явилось следствием того, что большинство программного обеспечения на компьютерах все еще работает на английском языке. Вследствие этого у людей происходит своеобразное привыкание к некоторым распространенным командам или сообщениям. Вот, к примеру, “инвалид юзер” (популярный ответ на вопрос о том, почему что-либо не работает) является известной перефразировкой сообщения операционной системы **MS-DOS 'Invalid drive'**.

Кроме “привыкания”, здесь, конечно же, сыграла свою роль еще и общая тенденция среди молодежи к привлечению в свою повседневную речь англицизмов. Увлечение англицизмами стало своеобразной модой, оно обусловлено созданными в молодежном обществе стереотипами, идеалами. Таким стереотипом нашей эпохи служит образ идеализированного американского общества, в котором уровень жизни намного выше, и высокие темпы технического прогресса ведут за собой весь мир. И добавляя в свою речь английские заимствования, молодые люди определенным образом приближаются к этому стереотипу, приобщаются к американской культуре, стилю жизни. Именно в этой группе имеет место русское или просто неправильное прочтение английского слова. Порой ошибка становится привлекательной до того, что овладевает массами: **message** «мессаг». Очень часто встречается просто перенос слова в русский язык с неправильным ударением: **label** «лабиль». Примечательно, что стилистически нейтральные в английском языке слова, перейдя в сленг российских программистов, приобретают иронически-пренебрежительную или просто разговорную окраску [1, с. 51].

II. Полукалька

При переходе термина из английского языка в русский язык, последний подгоняет принимаемое слово под нормы не только своей фонетики как в предыдущей группе, но и написания с грамматикой. При грамматическом освоении английский термин поступает в распоряжение русской грамматики, подчиняясь ее правилам [3, с. 38]. Существительные, к примеру, приобретают падежные окончания:

application «апликуха» – прикладная программа
«апликуху» (В.п.)
«апликухи» (Р.п.)

Слова этой группы образуются следующим образом. К первоначальной английской основе определенными методами прибавляются словообразовательные модели русского языка. К ним относятся, прежде всего, уменьшительно-ласкательные суффиксы существительных -ик, -к(а), -ок и других:

disk drive «дискетник»,
User's Manual «мануалка»
ROM «Ромка»
CD-ROM «сидиромка» и т.д.

Вследствие того, что исходный язык является аналитическим, а заимствующий синтетическим, имеет место добавление флексий к глаголам:

to connect «коннектиться» – соединяться при помощи компьютеров;
to programm «програмить» – заниматься программированием;
to click «кликать» – нажимать на клавиши мыши.

В соответствии с тем, что одной из причин необходимости сленга является сокращение длинных профессионализмов, существует такой прием, как прием универбизации (сведение словосочетания к одному слову). Вот пример такого явления: **strategic game** «стратегия». Здесь из словосочетания заимствуется данным методом одно слово, и при этом оно получает значение всего словосочетания. Довольно большое количество слов этой группы произошло от различных аббревиатур, названий различных протоколов, фирм.

Bulletin board system (BBS) «бебеска, бибиэска»
IBM «Айбиэмка».

Здесь нельзя не вспомнить то, что операционная система MS-DOS, работавшая многие годы на большинстве персональных компьютеров в России, позволяла давать файлам и каталогам имена, состоящие не более чем из восьми знаков и расширения, состоящие всего из трех знаков. Это привело к тому, что название многих программ и игр также приходилось сокращать или использовать аббревиатуры, если полные названия состояли из нескольких слов. Производные от различных прочтений этих сокращений попадали в русский сленг. Таким путем появилось много слов, вот их примеры:

Norton Utilities (NU) «нушка»
Kai's Power Tools (KPT) «кэпэтэшка»
Execution file (EXE) «экзешник»
Three-dimensional Studio (3DS) «тридэшка»

В результате создается большое количество звуков [э] не характерное для обычной разговорной речи.

III. Перевод

Не всегда в русский компьютерный сленг попадают слова, заимствованные из английского языка. Очень часто сленговая лексика образуется способом перевода английского профессионального термина. В данной классификации можно различить два возможных способа перевода. Первый способ включает в себя перевод слова с использованием существующих в русском языке нейтральных слов, которые при этом приобретают новое значение со сниженной стилистической окраской [1, с. 57]:

Windows «форточки»
virus «живность»
user's manual «букварь»

В процессе перевода работает механизм ассоциативного мышления. Возникающие ассоциации или метафоры могут быть самыми разными: по форме предмета или устройства: **disk** «блин»; **adapter card** «плитка», по принципу работы: **matrix printer** «вжикалка»; **patch file** «заплата».

Многочисленны также и глагольные метафоры: **to delete** «сносить»; **to read from disk** «пилить диск»; **to seek smth on disk** «шуршать».

Нужно заметить, что к этой группе относятся лишь те слова, которые ранее не имели никаких сленговых значений. Но гораздо более многочисленна вторая группа – это термины, которые приобрели свой сленговый перевод путем использования лексики других профессиональных групп. В результате значение слова несколько

изменяется, приобретая специфический для компьютерного сленга смысл. Чаще всего встречаются слова и выражения из молодежного сленга: **incorrect program** «глукало»; **streamer** «мофон».

Слово «мофон» перешло из молодежного сленга, где оно означает магнитофон, в компьютерном сленге таким же словом называют устройство хранения для информации на магнитной ленте – стример. Многочисленны также переходы слов из водительского, уголовного и т.п. сленга: **microassembler programmer** «макрушник»; **to connect two computers** «шлангировать». Например, о компьютере Pentium-200 говорят: “Модная тачка с двухсотым мотором”. Примечательно, что при таком образовании сленговых слов, создается некоторая размытость в значении, не характерная для профессиональных английских терминов. В большинстве случаев обозначается только характер действия или явление и не определяется его специфика. Сравним два эквивалента английского термина, первое из которых принадлежит профессиональной лексике, а второе сленгу: **LED** (светодиод) – «фонарь».

Когда человек впервые слышит сленговое “фонарь”, ему вряд ли станет понятно, о чем речь, т.к. это слово указывает лишь на то, что предмет разговора излучает свет. Слово, вероятно, появилось в сленге благодаря его тенденции к преувеличению, которое создает несоответствие. Таким образом, небольшой “светодиод” превратился в “фонарь”.

IV. Фонетическая мимикрия

Этот метод наиболее интересен с точки зрения лексикологии. Он основан на совпадении семантически несхожих общеупотребительных слов и английских компьютерных терминов: **error** «Егор»; **jamper** «джемпер»; **button** «батон»; **shareware** «шаровары».

Слово, которое переходит в сленг, приобретает совершенно новое значение, никаким образом не связанное с общеупотребительным словом. Рассмотрим такой пример: **laser printer** «Лазарь».

Так, слово, имеющее в общенародном языке значение мужского имени Лазарь, в компьютерном сленге приобрело совершенно новое содержание. Возможны как случаи, основанные на фонетическом совпадении всего английского и стандартного слова, так и случаи, основанные на совпадении части слов. В этом случае сленговое слово дополняется оставшейся частью слова, заимствованной методом кальки у английского оригинала: **break point** «брякпоинт»; **ARJ archived** «аржеванный»; **Windows** «виндовоз».

Есть также слова, у которых одна часть – фонетическое подражание, другая перевод: **Cash memory** «кыш-память». В этой группе слов особенно много названий различных программ, быть может, потому, что именно эти названия чаще всего неясны в употреблении и восприятии для российских пользователей вычислительной техники: **Corel Draw** «Король дров»; **Aldus PageMaker** «Альдус Пижамкер»; **AutoCAD** «Автогад».

К этому явлению также относятся случаи звукоподражания, без каких-либо сходств со словами из стандартной лексики. Такие слова представляют собой своеобразную игру звуками. Они образуются путем удаления, прибавления, перемещения некоторых звуков в оригинальном английском термине: **MS-DOS** «мздос»; **interpreter** «интертрепатор»; **Pentium** «пентюх».

Проследив путь слова от самого рождения в английском языке до перехода в сленг, можно сказать, что сленг в русском языке является своеобразной “отдушиной”, облегчающий процесс адаптации англоязычного термина. Сленг помогает ускорить этот процесс в ситуации стремительного развития компьютеров, когда язык

пытается угнаться за новыми технологиями. В этом вопросе русский язык, вне всяких сомнений, находится под непосредственным влиянием английского языка. И мы не сможем остановить этот процесс до тех пор, пока сами не станем создавать что-то новое в области компьютерных технологий. Как видно, компьютерный сленг в большинстве случаев представляет собой английские заимствования или фонетическую ассоциацию, случаи перевода встречаются реже, да и то благодаря бурной фантазии компьютерщиков. К привлечению иностранных слов в язык всегда следует относиться внимательно, а тем более, когда этот процесс имеет такую скорость. Существование компьютерного сленга позволяет специалистам не только почувствовать себя членами некоей замкнутой языковой общности, но и позволяет им понимать друг друга с полуслова, служит элементарным средством коммуникации. Не будь сленга, им бы пришлось или разговаривать на английском языке, или употреблять в своей речи громоздкие профессионализмы.

Список использованной литературы

1. **Гальперин И.Р.** Стилистика английского языка. - М.: Высшая школа 1981.
2. **Лихолатов П.В.** Компьютерный жаргон. // Русская речь. 1997. № 3.
3. **Матюгин И.Ю.** Как запоминать иностранные слова. М.: Эйдос, 1992.
4. **Реформатский А.А.** Перевод или транскрипция?// Восточнославянская ономастика.- М.: «Наука», 1972, с. 311-333.
5. **Рюгемер В.** Новая техника - старое общество: Кремниевая долина. М.: Политиздат, 1989.
6. **Ричард А. Спирс.** Словарь американского сленга. М.: Русский Язык., 1991.
7. The Oxford Dictionary of Modern Slang. - Oxford University Press, 1992.
8. www.microsoft.com/protect/computer/basics/netiquette.msp
9. www.lexscripta.com/desktop/dictionaries/slang
10. www.worldwideschool.org/library/books/tech/computers/TheHackersDictionaryofComputerJargon

Раздел 4 Филология и литературоведение

А.Ю. Благовестный

ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ РОМАНА ГАРРИЕТ БИЧЕР-СТОУ «ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА»

Ивановский государственный химико-технологический университет

Рассматривается проблема синтетичности художественной системы романа Г.Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома», которая складывается из влияния литературы аболиционизма, романтизма, сентиментализма и трансцендентализма.

Гарриет Бичер-Стоу – американская писательница середины девятнадцатого века, чей первый роман «Хижина дяди Тома» (Uncle Tom's cabin), вышедший в 1852 году, внес весомый вклад в развитие литературы США. Он отразил все нравственно-эстетические, этические, литературные тенденции США середины девятнадцатого века, являясь и ярко выраженным аболиционистским манифестом, одой нравственности и гуманизма, а также в нем слились различные элементы литературных направлений - «реализм и романтизм, перерастающий в откровенный сентиментализм, показательно характерный для многих литературных произведений этого периода» [5].

Целью статьи является анализ преломления четырех различных социально-политических, философских и литературных направлений в романе. Такие советские исследователи, как Р. Орлова [4] и М. Тугушева [5] отмечали явный аболиционистский характер произведения. Литературоведы А.Зверев [1], А. Краснов [2], Н. Михальская [3] выделяли в нем романтические и сентиментальные черты. В американской науке до сих пор рассматривается религиозно-нравственный характер творчества Бичер-Стоу, а роман анализируется как исторический документ эпохи гражданской войны (Б.Смит [6], Н.Джонстон [7], Ш.Гэлловей [8]).

На наш взгляд, целесообразнее рассматривать роман как многоаспектное произведение, со сложной художественной системой.

По своей теме, пафосу, идейной направленности роман является аболиционистским, резко социальным, а система его образов служит иллюстрацией жестокости и аморальности рабства. По сути, изображая жизненные пути двух главных героев романа – дяди Тома и Джорджа Гарриса, Бичер-Стоу отобразила нарастание общественного протеста против рабства, недовольство и возмущение, зреющее в стране.

Писательница указывает два выхода, рассматривая вопрос о разрешении данного конфликта. Путь Джорджа Гарриса и его жены Элизы – это путь активных действий (побег, сопротивление при попытке преследования и достижение результата - мирная жизнь в Канаде), ведущий героев к освобождению. Путь дяди Тома для Бичер-Стоу более приемлем. Нравственный бунт и противостояние героя тупой жесто-

кости своего последнего хозяина Легри писательница рассматривает как основу для решения сложившегося конфликта.

Авторским замыслом обусловлены и сентиментальные особенности романа. Создавая образ дяди Тома, Стоу хочет сказать, что человек не тождественен самому себе и, в зависимости от ситуации, проявляет различные качества. Бичер-Стоу разрушает «веру во всемогущий разум», говорит, что жизнь гораздо сложнее и многообразнее.

Одной из особенностей сентиментализма восемнадцатого века был интерес к демократическому герою. Бичер-Стоу в своих философских, нравственно-эстетических исканиях показывает нового для американской литературы героя - раба, чье социальное положение незавидно, а система взглядов и жизненных ценностей не уступает, а чаще всего и превосходит других людей.

Как известно, в основе сентиментализма лежит культ чувств, их высвобождение и совершенствование. Можно сказать, что подобно сентименталистам, Бичер-Стоу, изображая жизнь американского общества, обвиняет его в излишнем рационализме, атрофии чувств. Испытания чувствами проходят все герои романа и те из них, кто был более исполнен сочувствием к ближнему, смогли возвыситься над обыденностью. Так, например, утратившая веру в искренние человеческие чувства Касси, меняется при общении с дядей Томом. Она будет защищать героя от побоев Легри, лечить его; из-за его доброты Касси захочет спасти Эммелину, несмотря на все опасности, грозящие ей самой.

Как и в творчестве сентименталистов, миру естественной морали в романе Бичер-Стоу противостоит мир разума и холодного, расчетливого материализма. Таковы, например, хитрый работороговец Гейли, охотник на рабов Мэркс, эгоцентричная жена Сент-Клера Мари и, конечно, последний хозяин дяди Тома – Саймон Легри - настолько привыкший жить ради прибыли, что забыл все свои истинные человеческие качества и превратился, по мнению писательницы, в животное.

Особое место занимает в романе образ автора. Большая роль авторских комментариев и пояснений являлась характерной чертой сентиментальной литературы. Благодаря им, писательница смогла лучше описать чувства и эмоции своих героев.

Романтические тенденции в «Хижине дяди Тома» заметны в том, что автор возвеличивает дух свободного человека, интерес к сильным и ярким чувствам, к тайным порывам души отдельного индивида. Создавая систему образов романа, писательница намеренно наделяет некоторых из них романтическими чертами. Это сближает ее с Ч.Диккенсом. Так, дядя Том - герой, который не может быть полностью мотивирован окружающей средой и изначально является нравственным (у Диккенса такой герой, например, Оливер Твист). Также Бичер-Стоу использует мотив нравственного перевоплощения, то есть метаморфозы отрицательного персонажа под воздействием определенных обстоятельств-Том Локкер осознает свою вину в поселке Квакеров (пафос нравственного исправления Домби у Диккенса).

В романе можно проследить мотив романтического бегства героев Джорджа и Элизы в Канаду от жестокости американской действительности.

Трансценденталистские концепции нравственного очищения, единой церкви для всех людей, свободны отдельного индивида, его духовного развития и совершенствования, близости человека к природе проявляются на уровне системы образов. По Бичер-Стоу, человек должен воспитать себя, изменить свою внутреннюю сущность, то есть стать нравственной и духовно целостной личностью. Образ дяди Тома воплотил идею трансценденталистов о самоценном, свободном индивиде, совершенствующемся духовно, который не желает оставаться в стороне от страданий других.

Во многом идеи Бичер-Стоу утопичны. Ситуации, в которые попадают герои, намеренно обобщены. Писательница, скорее всего, задает пропагандистский пафос, направляющий читательское сознание. Синтез различных литературных, социально-политических и философских направлений обусловлен не только веяниями времени, но и общей концепцией, а также желанием Бичер-Стоу заставить своего читателя размышлять, задуматься над проблемами, существующими в обществе.

Таким образом, художественная система романа Гарриет Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома» неоднородна. Во многом ее обусловили рассмотренные выше социально-политические и литературно-философские течения. Их влияние не изменило художественную систему, но творчески усложнило ее.

Список использованной литературы

1. **Зверев А.М.** Послесловие // Г. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома». М., 1989.
2. **Краснов А.П.** Г. Бичер-Стоу и ее роман «Хижина дяди Тома»: к 175 - летию со дня рождения Г. Бичер-Стоу // Лит. в шк., 1986. № 3.
3. **Михальская Н.П.** Гарриет Бичер-Стоу // История зарубежной литературы 19 века. Под ред. А.М. Зверева. М., 1972.
4. **Орлова Р.Д.** Хижина, устоявшая столетия. М., Книга, 1975.
5. **Тугушева М.П.** Роман Г. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома». М., Высшая школа, 1985.
6. **Galloway S.** Martyrdom and the Unjust Society.
<http://www.cyperpat.com/shirlsite/essays/martyr.html>
7. **Johnston N.** Harriet: The Life and World of Harriet Beecher-Stowe. N.Y., 2000.
8. **Smith B.** Harriet Beecher-Stowe: "A Little Bit of a Woman".
<http://www.chfweb.net/smith/harriet.html>

И.В. Долинина

РЕЧЕВАЯ МАНЕРА КАК КРИТЕРИЙ ДЛЯ ТИПОЛОГИИ ПРАВЕДНЫХ ГЕРОЕВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Н.С. ЛЕСКОВА

Ивановский государственный химико-технологический университет

Статья посвящена актуальному вопросу типологии праведных персонажей в художественном мире Н.С. Лескова. Автор предлагает свою классификацию типов лесковских «праведников», основанную на анализе их манеры осмысления себя и окружающей мира в устном и письменном слове.

В творчестве Н.С. Лескова мы наблюдаем широкую картину типов праведных персонажей: от педантичных философов и последовательных мыслителей до «эмоционально безмерных», непредсказуемых героев. Писатель гордился, что все они приходят к одному итогу, основное содержание которого заключается в своеобразной самоидентификации, через которую идет осмысление всего мира. Все праведники находятся в постоянных раздумьях о своей личности, об окружающей действительности, о своем месте в ней. В таких рассуждениях, осуществляемых в устной или письменной форме, никогда и ничего не остается «подтекстом» – за пределами

речи. Не только явления действительности, но и собственные мысли, переживания и даже чувства героев получают воплощение в слове. Лишь в этом случае они обретают смысл и ценность. Получается, что раскрытие процесса сознания и самопознания праведных героев у Лескова осуществляется в первую очередь *через их слово* о себе, о мире и о своем месте в этом мире.

Такой подход к изображению персонажей повлиял на жанровую форму произведений. Многие лесковские повести и рассказы о праведниках написаны в жанре сказа, в форме записок или дневников. Значение этих форм заключается в особом «проговаривании» размышлений. В слове праведные герои осуществляют движение к истине: они перебирают слова, ищут их, создают и постоянно находятся в поиске адекватной словесной формы для выражения своей личности и для интерпретации окружающего мира.

Стремление выразить себя в слове объединяет праведных героев писателя, но характер и формы этого выражения у каждого из них свои. Сравнивая образ мышления, выраженный в речи лесковских «праведников», мы пришли к выводу о существовании нескольких типов праведных героев у Лескова. В науке подобных наблюдений еще не проводилось. Лишь в статье Г.Б. Курляндской отмечено: «Проблема типологии лесковских праведников до сих пор остается неосвещенной в научной литературе» [1, с.5].

Мы полагаем, что при создании подобной типологии следует проанализировать сам характер процесса сознания и самопознания у праведных героев, осуществляемый через слово.

В понимании Лескова праведные герои условного *первого типа* призваны служить для читателя положительным примером. К ним мы относим Савелия Туберозова из романа-хроники «Соборяне», Мефодия Червева из хроники «Захудалый двор», столичного протоиерея Ивана Образцова из рассказа «Русское тайнобрачие», Ивана Самбурского из рассказа «Русский демократ в Польше». Они наделены глубоким проницательным умом и добрым сердцем, живут и действуют по специально разработанной ими личностной «философии», которая является плодом долголетнего умственного труда, раздумий над собой и окружающей действительностью. Чтобы понять, интерпретировать и утвердить этот своеобразный жизненный кодекс праведным героям нужно облечь мысли в словесные формы, придать им, так сказать, зримый вид. Отсюда их постоянное стремление рассуждать устно, а чаще всего – письменно. Все герои Лескова этого типа ведут дневники, пишут книги.

Обратим внимание, как строится речь таких героев. Вот, к примеру, отрывок из «Демикотоновой книги» Савелия Туберозова – праведного героя из романа-хроники «Соборяне»: «Вывел два заключения, и оба желаю признавать ошибочными. Первое из них, что христианство на Руси не проповедано; а второе, что события повторяются и их можно предсказывать. О первом заключении говорил раз с довольно умным коллегой своим, отцом Николаем, и был удивлен, как он это внял и согласился. «Да, – сказал он, – сие бесспорно, что мы во Христа крестимся, но еще во Христа не облакаемся». Значит, не я один сие вижу, и другие видят, но отчего же им всем это смешно, а моя утроба сим до кровей возмущается» [2, т.4, с.59].

Как мы видим, в таких рассуждениях одно положение вытекает из другого. Каждая последующая мысль подкрепляет и одновременно развивает предыдущую: «два заключения» – «первое из них», «второе» – «о первом заключении говорил» – «не я один сие вижу». Поток размышлений направляется вводными словами («значит»), которые становятся «маркерами», отмечающими начало новой или обобщающей все вышесказанное мысли. Особое место в речи лесковских праведников занимают афоризмы («христианство на Руси не проповедано», «мы во Христа кре-

стимся, но еще во Христа не облакаемся») и образные выражения, в которых заложена оценка обсуждаемого предмета («моя утроба сим до кровей возмущается»). Именно в них происходит главное обобщение раздумий персонажей: результатом рассуждений наедине с самим собой почти всегда становится яркая оценочная сентенция, усиленная образным обыгрыванием значений слов.

В устных рассуждениях, в записках и дневниках лесковские праведники первого типа не только формируют собственный кодекс поведения, утверждают оценку окружающему, но стремятся сами моделировать действительность по законам добра и красоты. Мы видим в их устной и письменной речи отражение как бы трех «реальностей», спроецированных в слове персонажей.

Первая «реальность» представляет собой описание внешнего мира, в котором герои живут. Вторая «реальность» – внутренняя проекция этого внешнего мира – его словесная интерпретация, в основе которой анализ и оценка происходящего с точки зрения жизненной «философии». Третья «реальность» – идеальный образ мира, построенного на основе соблюдения нравственных норм. Получается, что с помощью слова герои не только находят адекватные формы самовыражения и выражения своего понимания действительности, но еще моделируют новый идеальный мир.

Поясним нашу мысль на примере рассуждений Ивана Фомича Самбурского из рассказа «Русский демократ в Польше». В основе словесного образа «внешней реальности» – его рассказы о канцелярии, рассуждения о ее работе. «Внутренняя реальность» раскрывается в отрицательной оценке устройства делопроизводства и постоянных соображениях, как преобразовать работу согласно нормам добра и справедливости. Образ «идеальной реальности» предстает в письменном проекте Самбурского о преобразовании Польши. Иван Фомич хочет превратить ее в часть России и сделать это «по совести»: так, чтобы никто не пострадал. Самбурский говорит: «А когда на двадцати пяти тысячах мест встанут двадцать пять тысяч русских помещичьих домиков, да в них перед окнами на балкончиках задымятся двадцать пять тысяч самоваров и поедет сосед к соседу с семейством на тройках, заложенных по-русски <...> так это будет уже не Литва и не Велико-Польша, а Россия» [3, т.2, с.87].

Мы видим, что праведные герои первого типа в своих рассуждениях стремятся опираться на разум, следовать определенной логике, согласованной с их жизненной «философией». Для них главным способом постижения себя и мира всегда является слово. Через рассуждения, анализ собственных поступков и явлений окружающей среды они формируют не только представление о мире и отношение к нему, но обретают понимание собственной личности. Поэтому все герои этого типа постоянно находятся в процессе монолога: устного или письменного.

Второй тип «праведников» в художественном мире Лескова составляют образы героев, в рассуждениях которых наряду с разумом заметную роль начинают играть чувства и эмоции. Орест Ватажков («Смех и горе»), Марк Александров («Запечатленный ангел»), княгиня Протазанова («Захудалый род»), Меркул Праотцев («Детские годы»), как и герои первого типа, стремятся осмыслить и оценить себя и мир, но в некоторых случаях их рассуждения основываются на эмоциях и сердечных волнениях. Нельзя сказать, что они отдаются им без остатка или что эмоции выступают главным организационным началом в их записках и речах. Через устный или письменный монолог праведные персонажи этого типа пытаются осмыслить свои «страсти» и чувства, сделать определенные выводы. Они тоже, как и «праведники» первого типа, живут по собственному нравственному кодексу, сформированному их сознанием. Самих себя, свои поступки и среду они воспринимают и оценивают, ориентируясь на утвержденные их сознанием нормы.

Поскольку этот второй тип праведных героев ориентирован на сочетание в их речевой манере логичных рассуждений и выражений непосредственных эмоций, Лесков любит показывать, как постепенно формируются взгляды и оценки, жизненные ориентиры и принципы его персонажей и как они в итоге меняются. Для этого автор вновь использует жанр биографического или автобиографического очерка («Смех и горе», «Детские годы», «Захудалый род», «Однодум», «Кадетский монастырь», «Мелочи архиерейской жизни», «Инженеры-бессребреники», «Белый орел», «Антука»).

Очень часто герои второго типа показаны в рассуждениях о какой-либо противоречивой ситуации, испытывающей устоявшийся в их сознании комплекс нравственных воззрений. В таких случаях именно в монологе праведного персонажа наступает кульминация развития этой ситуации и открывается правда. Например, княгиня Протазанова после беседы с Черевым по-новому осмысливает и интерпретирует свою жизнь: «Я никогда не думала, что я совсем не христианка. Но вы принесли мне пользу, вы смирили меня, вполне показали, что я живу и думаю, как все, и ничуть не лучше тех, о ком говорят, будто они меня хуже <...> Привычки жизни держат в оковах мою «христианку», страшно <...> разорвать их я бессильна <...> Конец! Я должна себя сломать или не уважать себя, как лгунью!» [2, т.5, с.207].

Мы видим, что благодаря воплощению своих смутных сомнений и переживаний в слове лесковские герои второго типа стремятся осмыслить и устранить те противоречия, которые мешают им объективно оценить себя и свое поведение.

Так называемые «стихийные» герои Лескова: Ахилла Десницын из «Соборян», Иван Северьяныч Флягин из «Очарованного странника», Левша и печерские антики из одноименных произведений – составляют, с нашей точки зрения, *третий тип* праведных персонажей писателя.

В науке давно стала традиционной их оценка как людей непосредственных, совершающих свои поступки под действием сиюминутных чувств и эмоций. Например, И.В. Столярова говорит о «природном бесконтрольном артистизме природы, влечении сердца» у праведников этого типа [4, с.126].

Действительно, они часто совершают поступки, подчиняясь порыву, но такие предварительно не обдуманые действия могут иметь отрицательные последствия для них самих и для окружающих людей. Показательно, что постфактум «стихийные» праведные персонажи всегда обращаются к поиску причины своих действий и пускаются в их объяснение так же, как это делают герои двух вышеописанных типов.

Пусть в начале своих раздумий они не могут правильно объяснить свое поведение. Вот, например, мотивация Ивана Флягина: «Я многое даже не своей волей делал» [2, т.4, с.395], «чужая воля во мне действовала» [2, т.4, с.449]. Но наличие потребности в таких рассуждениях доказывает, что даже у непосредственных, эмоциональных праведников Лескова есть склонность к анализу своих поступков и окружающего мира. Они тоже стремятся реализовать свои раздумья в слове, хотя и не всегда могут подобрать правильные слова для оценки своего поведения и событий.

С течением времени аналитические навыки героев в их речевой манере совершенствуются. Первый шаг на пути такого становления – попытки связать свои поступки с общим ходом происходящих событий и через это установить некоторые закономерности жизни, найти свою общественную «нишу».

В романе-хронике «Соборяне» дьякон Ахилла сбивчиво объясняет самому себе и окружающим причины размолвки с отцом Савелием в длинном и эмоциональном монологе: «Мне следовало пасть к ногам отца протоппа и сказать, что так и так, что я это, отец, протопп, не по злобе, не по ехидству сказал, а единственно

лишь чтобы только доказать отцу Захарии, что я хоть и без логики, но ничем его не глупей. Но гордыня меня обуяла и удержала» [2, т.4, с.19].

Чем дальше влечет героев судьба, чем тяжелее она испытывает их, тем активнее они начинают рассуждать об этом. Благодаря постоянному обращению к словесным размышлениям, сознание героев как бы просыпается. Через объяснение и самоанализ – вербализацию раздумий - они начинают видеть и понимать себя в новом качестве. Так происходит нравственная переоценка личности.

Например, в «Соборях» после тяжелых размышлений по поводу происходящего «немудрый Ахилла стал мудр: он искал безмолвия и, окрепнув, через несколько дней спросил у Савелия: «Научи же меня старец великий, как мне себя исправить, если на то будет божия воля, что я хоть на малое время останусь один? Силой своею я был горд, но на сем вразумлен, и на нее я больше не надеюсь». Ахилла отказывается следовать влечениям своего сердца, так как «сердце мое бессловесно» [1, т.4, с.282]. Нечто подобное переживает и «очарованный странник» Иван Флягин, когда вспоминает: «Я в погребу, наконец, в раздумье впал, что какой у меня самоничтожный дух и сколько я через него претерпеваю, а ничего не усовершеншаюсь» [1, т.4, с.511]. Рассуждая о своем прошлом, заново оценивая свои поступки, Иван Северьяныч приходит к новому взгляду на свою роль в жизни.

Мы отмечаем, то стремление воплотить свои переживания и мысли в слове присутствует и у праведных героев третьего типа. Несмотря на «стихийность» и эмоциональность своей натуры, эти персонажи тоже постоянно находятся в процессе внутреннего и внешнего монолога с самими собой и с окружающими. Через обращение к слову они нравственно развиваются и в итоге приходят к мысли о самосовершенствовании.

Таким образом, мы видим, что процесс сознания и самопознания у героев осуществляется через устное и письменное слово, и разработка типологии образов праведных персонажей Лескова возможна на основе анализа речевой манеры их осмысления себя и окружающего мира.

Список использованной литературы

1. **Курляндская Г.Б.** Лесковские праведники. К проблеме положительного героя в русской литературе // Тезисы докладов Межвузовской научной конференции, посвященной 160-летию со дня рождения Н.С. Лескова. 1-3 октября 1991. Орел: Изд-во «Орловский государственный университет», 1991. С. 5-6.
2. **Лесков Н.С.** Собрание сочинений: В 11 т. / Под ред. В. Г. Базанова, Б. Я. Бухштаба, А. И. Груздева, С. А. Рейсера, Б. М. Эйхенбаума. – М.: Изд-во «ГИХЛ», 1956–1958.
3. **Лесков Н.С.** Собрание сочинений: В 12 т. / Под ред. В. Ю. Троицкого. М.: Изд-во «Правда», 1989.
4. **Столярова И.В.** В поисках идеала (Творчество Н.С. Лескова). Л.: Изд-во «Наука», 1978.

Е. Н. Золина

К ИСТОКАМ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ (по материалам немецкой гуманитарной мысли второй половины XIX века)

Ивановский государственный химико-технологический университет

В статье рассматривается проблема взаимообусловленности и взаимодействия различных отраслей гуманитарного знания на поле истории. Основное внимание уделяется развитию немецкой гуманитарной мысли второй половины XIX века, появлению новой отрасли знания – истории культуры и ее роли в эволюции художественно-исторической прозы.

На всем протяжении своего развития от античности до современности историческая проза, точнее говоря, ее авторы, стремились не только установить и зафиксировать факты прошлого, но и живописать их в яркой индивидуальной манере, использовать ресурсы творческого воображения и найти пути органического сочетания в тексте произведения ‘содержательной научности’ и ‘формальной художественности’. Мощное основание в художественное изложение исторического материала заложили уже «Истории» Геродота и Фукидида (обе относятся к 5 веку до н. э.). На более поздних этапах развития мировой историографии античная традиция требовательного отношения к литературному мастерству историка фактически не прерывалась, находя свое воплощение в сочинениях средневековых хронистов и агиографов, историков эпохи Возрождения и Нового времени.

Появление в начале XIX века исторического романа В. Скотта резко обострило проблему соотношения, сосуществования, взаимодействия, симбиоза научности и художественности на поле истории. Аккумулируя опыт предшествующей гуманитарной (историко-философской, исторической, литературной) мысли, исследовавшей прошлое, и реально-исторической практики конца XVIII – начала XIX веков, В. Скотт сделал решающий шаг на пути преодоления разрыва, параллелизма в восприятии и отображении «большой» истории и частной, «домашней» жизни прошлого. Ему удалось органически слить (а не механически переплести) «индивидуальные ряды жизни» и «ряд исторического времени, в котором протекает жизнь нации, государства, человечества» (М. М. Бахтин). Он сумел это сделать посредством творческой фантазии писателя, основанной на научном поиске Скотта – собирателя и знатока народных преданий, легенд, предметных свидетельств материальной и духовной культуры прошлого, в результате чего и родился поразивший его современников оксюморон «правдивый вымысел»: «Роман у Скотта не противопоставлен истории. Он мог бы сказать, какие элементы своего романа он заимствовал из биографии исторического лица и где нашел описание какого-нибудь древнего обряда. Но ни другим, ни себе он не сумел бы объяснить, где кончается история и начинается роман, потому что все было романом и все – историей. Средствами романа он писал историю и воображением историка создавал роман» [1]. Исторический роман В. Скотта засвидетельствовал изменение ракурса восприятия и истолкования истории. В нем «события общественно значимые неизбежно и органически вырастают из всего людского коллектива страны и из всей массы действий, в ней совершающихся. Все предопределено и взаимосвязано, и человек, считающий себя незаметной и никому не нужной песчинкой, участвует в потоке неотвратимых событий, изменяющих жизнь

целой страны» [2]. В. Скотт обозначил начало движения гуманитарной мысли (не только литературной) XIX века от человека вообще, относительного человека к индивидуальному, конкретному человеку, движение (пользуясь образным выражением А. В. Карельского) «от героя к человеку».

В 1820–40-е годы в Германии на фоне мощного конкурента в лице европейского и отечественного исторического романа происходит бурное развитие истории как «серьезной» и «точной» самостоятельной науки, имеющей свой объект изучения, использующей специальный понятийный и терминологический аппарат, методы жесткого отбора и критического анализа источников. Складывается так называемая историческая школа, ведущим теоретиком и практиком которой был долгие годы Леопольд фон Ранке (1795–1886), сделавший альфою и омегою исторического знания объективное изучение и описание конкретных фактов прошлого в их исторической неповторимости. Вооружив своих сторонников и последователей историзмом, он поставил перед исторической наукой задачу показать, «как это было на самом деле»: «Я же утверждаю: каждая эпоха стоит в непосредственном отношении к богу, и ее ценность основана вовсе не на том, что из нее выйдет, а на ее существовании, на ее собственном «я». Благодаря этому рассмотрение истории, и именно индивидуальной жизни в истории, получает особую привлекательность: каждая эпоха должна быть рассматриваема как нечто, имеющее цену само по себе, и является в высшей степени достойной рассмотрения» [3]. Выражая намерение сделать историю наукой индивидуализирующей, понимающей прошлое, и тем самым отмежеваться от генерализирующей, нравоучительной, объясняющей исторической науки предшествующей эпохи, он подчеркивал, что его исследования не ставят перед собой задачи «судить прошлое» и «давать уроки настоящему на благо грядущих веков». Ранке полемизировал прежде всего с Шиллером и историческим знанием рационализма. Однако ему не удалось дойти до ключевого пункта индивидуализирующей истории – до конкретного человека. «Индивидуальная жизнь в истории» на практике означала у Ранке жизнь выдающейся исторической личности, носительницы неких «родовых» черт успешного или неуспешного государственного деятеля, политика, дипломата, министра, военачальника и пр., хотя и локализованной в конкретной социально-исторической ситуации. «Индивидуальные ряды прошлого» как параллельно существующие с историческим рядом, т. е. с «большой» историей, остались за пределами его рассмотрения. В целом историческая школа, основанная немецким ученым, осталась в рамках традиционной событийной истории. Однако концепция европейского единства как общности романских и германских народов, основанной на античной и средневековой традициях, неизменное стремление к синтетическим концепционным построениям, высокая исследовательская техника Ранке оказали большое воздействие на развитие исторической науки в целом, хотя ни самому Ранке, ни многим из его последователей не удалось в своей научной практике целиком и полностью реализовать программный принцип объективности исторического познания. Тенденциозный подбор источников (выбор фактов для описания по определению не мог не содержать оценку и не отражать позицию историка) в их трудах зачастую превращал критический метод исторической школы в орудие субъективного толкования истории. Кроме того, к их объективности и историзму активно примешивались мировоззренческие, идеологические элементы. Сам Ранке занимал позиции умеренного политического консерватизма и достаточно сдержанного национализма. Однако его последователи и ученики, представители так называемой малогерманской (или прусской) исторической школы Г. Трейчке, Г. Зибель и др. редуцируют историю до науки о гражданском обществе (фактически превращая историю в социологию) и придают ей отчетливо националистическую и социальную направлен-

ность. Став, по сути, идейно-политическим течением, малогерманская историческая школа до конца XIX века сохраняла главенствующие позиции в официальной немецкой историографии и активно влияла на формирование историко-философского мировоззрения и политических настроений в обществе. Это влияние проявилось со всей очевидностью в развитии так называемого историко-биографического направления в немецкой исторической беллетристике середины и второй половины XIX века с его акцентированным вниманием к проблемам социально-политической власти, ее роли в жизни общества, нации как высшей ценности, форм государственной деятельности и т. п., а также к главным носителям и выразителям событийно-политической истории – выдающимся государственным деятелям.

Под флагом «историзма» были подвергнуты тотальной проверке и перепроверке сохранившиеся свидетельства и документы прошлого, специальные исторические комиссии издавали сотни томов памятников истории, археологи настойчиво исследовали древние руины и надписи, открывались музеи античных и прочих древностей при университетах, создавались руководства и путеводители по ним, резко возросло количество исторических журналов, коллективных и индивидуальных научных трудов. Однако все эти стремления к математической точности и строгости не могли помешать магистральному движению исторической науки к своей главной цели: не только устанавливать факты прошлого, но и объяснять их. Один из корифеев немецкой «исторической школы» Теодор Моммзен (1817–1903), уникальный труд которого по истории Рима («История Рима» 1854–1857), написанный на основании корпуса найденных автором во время путешествий по Италии оригинальных исторических источников, был отмечен Нобелевской премией (1902), однажды признался: «Фантазия – мать не только всей поэзии, но и истории» [4]. Нобелевская премия историку Моммзену была присуждена в области литературы.

В середине XIX века в Германии как оппозиционное по отношению к событийно-политической истории зародилось новое направление исторического знания – история культуры, развитие которой связывают с творческой деятельностью публициста, писателя, музыковеда, историка, профессора Мюнхенского университета Вильгельма Генриха Рилья (1821–1897), с его трудом «Естественная история народа как основа германской социальной политики» («Naturgeschichte des Volkes als Grundlage einer deutschen Sozialpolitik»), выходящим отдельными частями с 1851 по 1869 годы («Buergerliche Gesellschaft» 1851, «Land und Leute» 1853, «Familie» 1855, «Wanderbuch» 1869). Свою главную задачу Риль, как историк, видел в изучении и верном понимании народной жизни, «исторически возникших жизненных обычаев» как источника не менее важного, чем древние письменные тексты и памятники материальной культуры. «Изучение народа, а не государственных систем, должно быть альфою политической мудрости», – писал он в первой части «Естественной истории» – «Гражданском обществе». – Историческая наука об обществе может строиться только на фундаменте социального народоведения, где изображается народ в своих общих наслоениях, в пределах известной, определенной страны, известного, определенного периода времени» [5]. Основой немецкого народа, его «остерегающими и движущими силами» Риль считал крестьянство и мелкое бюргерство под руководством аристократии. Его идеалом был немецкий княжеский абсолютизм XVIII века. Единство народа, по Рилью, заключалось в народной культуре, в традициях, обычаях, верованиях, морали, фольклоре. «Я поставил рядом с вполне законным материализмом экономических интересов имеющую одинаковое право на существование поэзию народной жизни, рядом со школьным образованием – романтическое обаяние народных обычаев, рядом с критическим знанием – детски верующее народное чувство» – писал он в предисловии к «Гражданскому обществу» [6]. Логичным продол-

жением научного творчества Рияля стала серия культурно-исторических новелл («Kulturgeschichtliche Novellen» 1856), художественных произведений, в которых автор ставил цель сохранить живыми «мельчайшие детали эпохи» и «воссоздать внутреннюю духовную жизнь прошедших поколений со всей теплотой и непосредственностью» [7].

В 70-е годы из истории культуры как ее составная часть выделяется экономическая история, так же в известной мере противостоявшая истории политической. В эти годы появляются «Возникновение цехов» Штиды (1877). «История левантийской торговли» Гейда (1879), «История немецкого хозяйства» Инамы-Штернегга (1879), «Народное хозяйство, наука о народном хозяйстве и ее методы» Шмоллера (1881) и др. Одним из наиболее влиятельных немецких историков этого направления был Карл Лампрехт (1856–1915). Он рассматривал историю как всеобщий синтез социального, экономического, политического и интеллектуального развития человеческого общества. Он выдвигал на первый план духовную жизнь общества, коллективную психологию массы. Каждой ступени духовной жизни соответствовала, по Лампрехту, определенная ступень хозяйственного, социального и политического развития общества. В «Истории Германии» (начала выходить в свет с 1891 года) К. Лампрехт представил всю историю немецкого народа как последовательную смену социально-психологических этапов. Современное состояние немецкого общества он рассматривал как наивысший уровень национального сознания, который нашел выражение в полной свободе хозяйственной деятельности индивидуума, что в свою очередь привело к промышленной революции.

Центральной фигурой культурно-исторического направления в историографии является швейцарский немецкоязычный историк Якоб Буркхардт (1818–1897), воздействие которого невозможно не учитывать при рассмотрении развития гуманитарной мысли Германии второй половины XIX века. Главное творческое наследие Я. Буркхардта составляют книги «Время Константина Великого» (1853), «Чичероне» (1855), «Культура Ренессанса в Италии» (1860), «История греческой культуры» (опубликована посмертно в 1902 году). Делом его жизни и научного творчества становится, по его собственному определению, данному в курсе лекций об изучении истории (на основе этого курса в 1905 году была издана книга «Размышления о всемирной истории»), сохранение накопленной человечеством «суммы тех развитий духа, которые происходят спонтанно и не притязают на универсальное или принудительное значение» [8]. Эта сумма складывается, по Буркхардту, из трех основных потенциалов человечества – государства, религии и культуры, которые тесно связаны друг с другом, по-разному взаимодействуют на разных этапах исторического развития и специфичны для каждой эпохи. Культуру он рассматривал как творческое начало, осуществляющееся без принуждения. Государство и религия воплощали начало постоянное, сдерживающее развитие общественной жизни. Главным предметом его лекций и книг по истории культуры были изобразительное искусство (живопись, скульптура, графика), архитектура, литература (прежде всего поэзия), в меньшей степени музыка, наука и философия минувших исторических эпох, при этом его неизменно интересовала сфера общественного и домашнего быта, нравов, повседневных проявлений веры и суеверия. Центральное место в культуре Буркхардт отводил искусству, которое, по его мысли, являлось высшим выражением смысла истории, превращало ее в единый процесс. С уровнем развития культуры он связывал степень свободы человека от гнета государства и религии. Политическим идеалом швейцарского историка были города-республики вроде греческих полисов или итальянских средневековых городов-государств, культура которых достигла особо высокого уровня.

Я. Буркхардт создал законченную схему развития европейской культуры от ее источника – Древней Греции – до европейской современности, причем с современным ему буржуазным обществом он связывал гибель европейской культуры, ибо государство и религия в нем целиком подчинили себе культуру и в особенности искусство. Буркхардт разработал также понятие «возрождения» как определенной эпохи и выделил основные черты его культуры – индивидуализм, преклонение перед человеком и его миром как ценностью, светский характер этой культуры.

Сохраняя «всепроникающий историзм» Гегеля, взгляд на любую область жизни как на часть целого, Буркхардт лишает свои книги «самой материи историографии – в них почти отсутствует то, что, как принято думать, составляет содержание истории – исторические события. <...> Широта исторического потока представлена <у него> иначе. Буркхардта занимают не события, а их восприятие, образ мыслей <человека>». Роль исторического знания, по Буркхардту, заключается в способности вооружить современного человека опытом прошлого: «Мировую историю он приводит к ближнему, в человеческие пределы. <...> Если Гегель оценивает личность в ее значении для всеобщего, если судьба играет, таким образом, служебную роль, то для Буркхардта главное сам человек. <...> По Гегелю свобода – это участие в движении целого, осознанная необходимость. Для Буркхардта – это способность подняться над давящими душу обстоятельствами, свободная оценка жизни. Подлинное величие для него в отказе от власти, в душевной чистоте и независимости» [9]. Таким образом, Я. Буркхардт, ученик Л. фон Ранке, многое воспринявший от учителя – объективность, постоянную опору на исторический источник, включенность любой частности в общий ход времени, сумел пойти дальше него и воссоздал в своих книгах широкие «индивидуальные ряды жизни» прошлых эпох в органической полноте этой жизни через анализ и воспроизведение «предметных продуктов психической жизни» (В. Дильтей) прошлого, но понимает он эти «психические развития» намного шире Дильтея. Результатом и проявлением психической деятельности человека являются, по Буркхардту, формы государственного устройства, религиозные институты, произведения искусства и науки, законотворчество, суеверия, религиозные обряды, праздники, домоводство и т. п.

По мнению А. В. Михайлова, Буркхардт рассматривал историческую науку как своеобразную критику культуры и искусства, чем поставил науку «на грань с самим искусством», сделал ее «ближайшим соседом художественного творчества». В результате в гуманитарном знании второй половины XIX века появляется «целый конгломерат различных жанров, которые ведут самое непостоянное существование между полюсами собственно исторической науки и простой беллетристики. Это не один жанр, а беспрестанное жанровое превращение и переход, и внешне и внутренне, когда, например, исторический роман может абсорбировать научный подход к истории, <...> когда можно чередовать в своем творчестве исторические очерки-характеристики и культурно-исторические новеллы (здесь автор делает отсылку к творчеству Г. В. Рилля – Е. З.), в которых общее – это создание «характеров» – портретов целых эпох или их существенных сторон, причем автор явно не может отдать предпочтение научной или беллетристической тенденции, и т. д.» [10].

В этом смысле показательным признанием известного немецкого ученого-египтолога Г. Эберса, считающегося родоначальником особой разновидности художественно-исторической прозы – «профессорского» романа (именно его имеет в виду А. В. Михайлов, когда пишет о «конгломерате различных жанров», возникающих в гуманитарном знании второй половины XIX века «между полюсами собственно исторической науки и простой беллетристики»). В книге воспоминаний «История моей жизни» Эберс пишет, что во время работы над первым историческим романом

«Дочь фараона» (1864) «образцом» ему служило «Время Константина Великого»: «Я хотел сделать главный акцент <в романе> на состоянии культуры, на духовной и религиозной жизни, на искусстве и науке Египта, Персии, Финикии...» [12].

«Профессорский» роман (калька с нем. Professorenroman) появился в Германии в последней четверти XIX века. В качестве литературоведческого термина он закрепился в научном обиходе значительно позже, победив в «конкурентной» борьбе такие дефиниции, как «научный», «ученый», «археологический», «антикварный» роман.

В отечественном литературоведении этот термин используется, как правило, по отношению к литературным сочинениям – историческим романам – двух известных немецких ученых, профессоров германских университетов Георга Эберса (1837–1898), археолога, знатока Древнего Египта, и Феликса Дана (1834–1912), правоведа, специалиста по истории древних германцев [11]. Немецкие литературоведы этим термином определяют также художественно-историческую прозу целого ряда их последователей, немецкоязычных писателей второй половины XIX века – В. Валлота, Р. Хамерлинга, А. Хаусрата, Э. Экштейна и др. [13]. У последних связь литературного творчества с профессиональными занятиями историей уже не столь непосредственна. Если рассматривать «профессорский» роман не только как литературное произведение ученого-историка, но как особую разновидность художественно-исторической прозы, впитавшей научный подход к истории, то круг авторов, представляющих данный тип исторической беллетристики, может быть существенно расширен. Вместе с тем, чтобы определить типологическую особость этой разновидности исторического романа, нужно исходить именно из тесной связи первых «профессорских» романов с профессиональной деятельностью их творцов, которая пришлась на период активного развития немецкой историографии, в результате чего был накоплен огромный фактографический, документальный, археологический и прочий источниковедческий материал. Стремление популяризировать результаты своих научных разысканий и наблюдений, сделать опыт и уроки прошлого доступными и полезными массовой читательской аудитории явилось для ученых одним из важных стимулов к литературному творчеству. Беллетристика, обладающая законным правом на интуицию, воображение и художественный вымысел, который исключался в труде историка, позволяла им в доступной и занимательной форме решать одну из самых сложных задач исторического исследования – сопрягать в единое целое большую историю и частные судьбы рядовых индивидов, массовое, стереотипное и личное, уникальное.

Показательной является уже проблематика «профессорских» романов. Их авторы затрагивают такие важные для понимания духа времени и сохраняющие актуальность для современного им читателя проблемы, как феномен власти («Борьба за Рим» (1876) Ф. Дана, «Император» (1881) Г. Эберса, «Нерон» (1889) Э. Экштейна), человек в кругу семьи («Сестры» (1880) Г. Эберса, «Ксантиппа» (1889) Ф. Маутнера, «Сыновья Будивоя» (1896) А. Шперля), мир чувств, этических и эстетических идеалов («Аспасия» (1876) Р. Хамерлинга, «Арахна» (1898) Г. Эберса), природа религиозного чувства («Уарда» (1877) Г. Эберса, «Ипатия» (1892) Ф. Маутнера, «Патоминэна» (1900) А. Хаусрата) и др.

Научная строгость, фактографическая точность и погруженность авторов «профессорских» романов в культурные формы реконструируемой эпохи нашла отражение в максимально подробном, во всех деталях, «в самых разнообразных житейских положениях» [14] рассмотрении человеческой личности от властелина до раба, иными словами, в изображении истории в ее обыденной каждодневности, в повседневном течении.

В формальном плане это находит отражение в наличии большого количества научных разъяснений исторических реалий далекой эпохи, которые даны либо в тексте произведения, либо в виде специальных подстрочных и затекстовых примечаний, причем последние могут занимать довольно большое место в общем объеме романа. Так, затекстовые комментарии Эберса-ученого к роману «Дочь фараона» занимают около 70 страниц, а всего их более 550. А. Шперль, доктор истории, профессиональный архивариус и по совместительству писатель, снабжал свои романы еще и списком источников и пособий, которыми он пользовался, чтобы проникнуть в дух отдаленных эпох. У большинства других авторов такие специальные научные справки изначально отсутствовали, но это не мешало им в мельчайших деталях воссоздавать исторический колорит той или иной эпохи. В дальнейшем и у Эберса количество постраничных сносок-разъяснений становится все меньше, а примечания и вовсе исчезают. Научные сведения, дававшиеся в них, более или менее органично переходят в ткань художественного произведения, теряя при этом свою внешнюю наукообразность.

Отсюда, из научно выверенной фактографической достоверности и детальной строгости при воссоздании материальной и духовной культуры, из пристального внимания к повседневной общественной и частной жизни древних народов (одежда, жилище, питание, условия жизни и труда, медицина, наука, техника, искусство, религиозные культы, ритуалы, политические институты и т. д.) вытекает высокая познавательная ценность «профессорского» романа. Однако он не привлек бы к себе внимания и не заслужил бы признания читателя, если бы его художественная ценность ограничивалась только бытописанием, этнографическими картинками, портретными и биографическими зарисовками, экфрастическими описаниями и пр. Напротив, чрезмерное погружение в собирание и коллекционирование фактов часто служило поводом для критики «профессорского» романа, превращавшегося в «мелочную лавку, где всякому хламу находилось место» [15] и в котором «антикварные подробности нередко весьма нехудожественно мешали свободному развитию действия» [16].

Авторы лучших «профессорских» романов, к каковым, на наш взгляд, могут быть отнесены, например, романы «Аспасия» Р. Хамерлинга, «Ипатия» Ф. Маутнера, «Арахна» Г. Эберса, «Нерон» Э. Экштейна, пытаются воссоздать ментальные стереотипы незаурядных и рядовых людей из различных слоев общества, поставив их в зависимость от представлений о мироустройстве (идеалы, ценности, желания, страхи, правила поведения, индивидуальная и общественная практика и пр.). Для этих авторов интересны не только массовые феномены, типичное, но и поступки людей разного социального статуса, которые могут идти вразрез с поведенческими стереотипами (неординарное, маргинальное, девиантное поведение, так называемые казусы) и, тем не менее, выражать то «культурное всеобщее, которое общим лишь стирается, нивелируется» [17].

Эволюция «профессорского» романа, которую можно обозначить как движение от бытописательства к микроанализу, соответствовала общей тенденции развития мирового исторического жанра поствальтерскоттовской эпохи: макроисторизм В. Скотта, т. е. историзм в изображении социального бытия в его основных тенденциях, нравов, «вещных атрибутов», усредненного героя, типичного носителя ментальных и поведенческих стереотипов, характерных для определенной исторической эпохи, распространяется на микроуровень (а в классических образцах жанра гармонически дополняется, углубляется микроисторизмом) рядовой, малозаметной и в то же время уникальной человеческой личности, обладающей исторически обусловленным, но индивидуальным восприятием жизни, смерти, любви, дружбы, семьи и

т. п., на уровень конкретного индивида, поведение которого не обязательно совпадает с общепринятым, но, тем не менее, вызывает интерес и сочувствие у читателя, показывает ему «предельный замысел», потенциал определенной эпохи, делающий возможным движение истории.

Сделанные на материале немецкой гуманитарной мысли середины и второй половины XIX века наблюдения позволяют нам высказать мысль о том, что истоки «новой исторической науки», науки XX века и наших дней, в лице истории ментальностей, истории представлений, истории частной жизни, истории повседневности, микроистории и пр., следует искать в «культурно-исторических жанрах» второй половины XIX века. Именно в это время происходит разрыв с исторической мыслью Гегеля, под знаком которой развивался философский и художественный историзм XIX века, и появляется новый образ истории, рожденный иным представлением о культуре, государстве и роли в них человека. Отсюда вытекает необходимость вводить в научный обиход более широкий круг авторов и произведений культурно-исторического направления, не ограничиваясь только знаковыми фигурами, проводить научные исследования с учетом многообразия и многослойности интеллектуальных процессов, их взаимообусловленности и взаимодействия.

Примечания

¹ Реизов Б. Г. Творчество Вальтера Скотта. М. – Л., 1966. С. 333.

² Там же, С. 336–337.

³ См.: Ранке Л. фон. Об эпохах новой истории. Цит. по: Историки и история: Жизнь, судьба, творчество. М., 1998. Т. 2. С. 297.

⁴ Цит. по: Фейхтвангер Л. Дом Дездемоны. Величие и границы исторической поэзии // Фейхтвангер Л. Собр. соч.: В 6 т. Т. 6, Кн. 1. М., 1991. С. 548.

⁵ Риль В. Г. Гражданское общество. СПб., 1883. С. 3233.

⁶ Там же, с. 4.

⁷ Riehl W. H. Kulturgeschichtliche Novellen. Stuttgart, Berlin, 1912. S. 9–10.

⁸ Цит. по: Володарский М. В. Якоб Буркхардт. Жизнь и творчество // Буркхардт Я. Культура Возрождения в Италии. Опыт исследования. М., 1996. С. 531.

⁹ Павлова Н. С. Общественная и научная мысль в Швейцарии второй половины XIX века. Якоб Буркхардт. Иоганн Якоб Бахофен // История швейцарской литературы: В 2 т. М., 2002. Т. 2. С. 272–279.

¹⁰ Михайлов А. В. Й. Хейзинга в историографии культуры // Хейзинга Й. Осень средневековья. М., 1998. С. 426.

¹¹ Ebers G. Die Geschichte meines Lebens. Stuttgart, Leipzig, Berlin, Wien, 1883. S. 504.

¹² См.: Данилевский Р. Ю. Россия и Швейцария: Литературные связи VIII–XIX веков. Л., 1984. С. 195; Руцкая Г. С. Романтическая традиция в немецкой литературе второй половины XIX века в свете категории меры. Пермь, 1999. С. 37, 49 и др.

¹³ Best O. F. Handbuch literarischer Fachbegriffe. Definitionen und Beispiele. Frankfurt a/M., 1991. S. 398; Lexikon deutschsprachiger Schriftsteller von den Anfängen bis zur Gegenwart. Bd. 1. Leipzig, 1967. S. 277; Wilpert G. von. Deutsches Dichterlexikon. Stuttgart, 1988. S. 165 u.a.

¹⁴ Эберс Г. От автора // Эберс Г. Клеопатра. М., 1993. С. 11.

¹⁵ Raabe W. In alles gedultig. Briefe von W. Raabe (1842–1910). Berlin, 1940. S. 245.

¹⁶ Булгаков Ф. И. Исторический роман на западе // Исторический вестник, 1884, № 8. С. 402.

¹⁷ Баткин Л. М. Письма Элоизы к Абеляру. Личное чувство и его культурное опосредование // Человек и культура: индивидуальность в истории культуры. М., 1990. С. 157.

Список использованной литературы

1. **Баткин Л. М.** Письма Элоизы к Абеляру. Личное чувство и его культурное опосредование // Человек и культура: индивидуальность в истории культуры. М., 1990.
2. **Булгаков Ф. И.** Исторический роман на западе // Исторический вестник, 1884, № 8.
3. **Буркхардт Я.** Культура Возрождения в Италии. Опыт исследования. М., 1996.
4. **Данилевский Р. Ю.** Россия и Швейцария: Литературные связи XVIII–XIX веков. Л., 1984.
5. Историки и история: Жизнь, судьба, творчество. Т. 2. М., 1998.
6. **Михайлов А. В. Й.** Хейзинга в историографии культуры // Хейзинга Й. Осень средневековья. М., 1998.
7. **Павлова Н. С.** Общественная и научная мысль в Швейцарии второй половины XIX века. Якоб Буркхардт. Иоганн Якоб Бахофен // История швейцарской литературы: В 2 т. Т. 2. М., 2002.
8. **Реизов Б. Г.** Творчество Вальтера Скотта. М.; Л., 1966.
9. **Риль В. Г.** Гражданское общество. СПб., 1883.
10. **Руцкая Г. С.** Романтическая традиция в немецкой литературе второй половины XIX века в свете категории меры. Пермь, 1999.
11. **Фейхтвангер Л.** Дом Дездемоны. Величие и границы исторической поэзии // Фейхтвангер Л. Собр. соч: В 6 т. Т. 6, Кн. 1. М., 1991.
12. **Эберс Г.** От автора // Эберс Г. Клеопатра. М., 1993.
13. **Best O. F.** Handbuch literarischer Fachbegriffe. Definitionen und Beispiele. Frankfurt a/M., 1991.
14. **Ebers G.** Die Geschichte meines Lebens. Stuttgart, Leipzig, Berlin, Wien, 1883.
15. Lexikon deutschsprachiger Schriftsteller von den Anfängen bis zur Gegenwart. Bd. 1. Leipzig, 1967.
16. **Raabe W.** In alles gedultig. Briefe von W. Raabe (1842–1910). Berlin, 1940.
17. **Riehl W. H.** Kulturgeschichtliche Novellen. Stuttgart, Berlin, 1912.
18. **Wilpert G.** von. Deutsches Dichterlexikon. Stuttgart, 1988.

Е.Н. Клёмина

СЕМАНТИКА СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО WULDOR В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОЙ ПОЭМЕ «ЕЛЕНА»

Ивановская государственная медицинская академия

В древнеанглийской поэме «Елена» семантическая специфика существительного wuldor определяется высокой частотностью употребления, грамматической вариативностью, концептуальной значимостью, многозначностью, семантической диффузностью, разнообразием коннотаций. Для слова wuldor характерна также ведущая роль в построении композиции поэмы.

В древнеанглийском языке существовало немало слов, которые хотя и не сохранились в современном английском языке, однако их семантическое своеобразие и

богатство для историков языка представляет особый интерес. Обратимся к существительному *wuldor*, которое согласно словарям и глоссариям древнеанглийского языка имело следующие значения: “слава”, “великолепие”, “Небеса”, “Царство славы” [2, Р. 1279; 1, Р. 429; 3, Р. 113]. В древнеанглийской поэзии слово *wuldor* нередко передавало концепт ‘слава’, соотносящийся с Единым Богом, например, в древнеанглийской Псалтири (*Ps* 103, 32; 18, 1 etc.) и даже в героическом эпосе (*Beo* 17, 182 etc.).

В поэме *Елена* лексема *wuldor* является, пожалуй, одной из самых частотных и насчитывает тридцать три словоупотребления, включая три композита. Слово широко используется в различных перифрастических наименованиях Бога, представляющих собой различные лексико-грамматические конструкции: *wuldor* в генитиве + наименование Бога (*wuldres Weard* “славы (Небес) Страж”); сущ. в генитиве + *wuldor* (*cyninga wuldor* “конунгов Слава”, *beorna wuldor* “людей Слава”), а также в качестве первого элемента в составе композитов (*Wuldorcyning* “славы Конунг”, *Wuldorgeofa* “славы Податель”). Следует отметить, что наименования подобного типа были весьма распространены в других поэтических памятниках, в том числе в эпосе *Беовульф* (например, *wuldres Hyrde* (*Beo* 931), *wuldres Wealdend* (*Beo* 17, 183, 1752), *Cyningwuldor* (*Beo* 665), *Wuldorcyning* (*Beo* 2795)).

В *Елене* употребление формульных выражений *cyninga wuldor* и *beorna wuldor* связано с двумя главными евангельскими событиями: Рождеством Христовым (“родился / царей Слава // в срединном мире” *acenned wearð / cyninga wuldor // in middangeard* – 5-6а) и Его всехвальным Воскресением (“из гроба / людей Слава // от смерти восстал” *of byrgenne / beorna wuldor // of dēaðe áras* – 186-187а). В первом случае *wuldor* ассоциируется со славой Божественного смирения в Боговоплощении, во втором – со славой воскресшего Христа. В составе данных формул благодаря сочетаемости с генитивными атрибутами (*cyninga* и *beorna*) происходит конкретизация значения слова *wuldor*, что оказывается весьма существенным для идейного замысла поэмы. Поскольку в *Елене* речь идет о деятельности первых в истории христианских правителей (называемых англосаксами “конунгами” *cyning*) – римского императора Константина и его матери Елены, то в формуле *cyninga wuldor*, возможно, отражается представление о том, что именно Христос является славой этих правителей, то есть прославляет их и наделяет Своей Божественной славой, и Сам прославляется в них. С помощью другой формулы *beorna wuldor* (“людей Слава”) Христос прославляется как Первенец из мертвых среди людей, получивший после Своего Воскресения сугубую славу, и как Тот, Кто соделал всех людей, подверженных смерти (обратим внимание на аллитерацию *byrgenne/beorna*), причастниками славы Своего Воскресения.

Другое формульное выражение – *wuldres Weard* “славы Страж” – связано в *Елене* с мотивом небесного видения императору Константину Креста Господня. Ангел говорит Константину: “ты на Небеса посмотри, // на славы (Небес) Стража; / там ты помощь найдешь” (*þu to heofenum beseoh // on wuldres Weard; / þær ðu wraðe findest* – 83b-84). В анализируемой формуле явно прослеживается неразграниченность двух значений слова *wuldor* – “Небесное Царство” и “Божественная слава” (*wuldor* уравнивается в эпической вариации с *heofon* как своим контекстуальным синонимом), что обуславливает диффузность контекстуального смысла слова. Внутри данной формулы у слова *wuldor* выявляется сема ‘собственность Бога’, а также ‘духовно-ценностный’ компонент (*wuldor* – это то, что охраняется Богом), поскольку ‘Страж’ в переносном значении всегда охраняет нечто ценное. Интересно, что в данном случае эксплицируется этимологический потенциал слова (ср. гот. *wulþrs* “ценность”, “стоимость”). В свою очередь аллитерация *wuldor/wraðe* соединяет концепты

‘слава’ и ‘помощь’: небесная слава Божия осмысливается здесь как источник помощи людям, а Бог – как Милосердный Помощник.

Значение “небесная Божественная слава” реализуется у слова *wuldor* в словосочетании *þurh his/þines wuldres miht* (“Своей/Твоей славы силой”), где *wuldor* выступает в качестве генитивного атрибута лексемы *miht*, имеющей контекстуальное значение “сила Божия”. В контекстах поэмы, связанных с упоминанием о двух основополагающих вехах в истории Вселенной и человечества, слово *wuldor* служит для обозначения небесной славы Бога, проявляющейся в Его силе и могуществе (*miht*) при сотворении мира (726b) и спасении людей (295b).

В качестве косвенного дополнения в генитиве слово *wuldor* связано с мотивом прославления Господа и реализует значение “Божественная слава” в следующих двух отрывках поэмы. В своем молитвенном обращении Иуда прославляет Бога, говоря, что Царь мира Христос “правит вечно / славой на Небесах” (*walde wīdan ferhð / wuldres on heofenum* – 800). Аллитерация и грамматическая сочетаемость с глаголом *wealdan* (“править”) и с выражением *wīdan ferhð* (“вечно”) позволяют выделить в семантике слова *wuldor* семы ‘вечность’ и ‘собственность Христа’. В отрывке ангельского славословия Богу (“исполнены сей славы // Небо и земля” *is ðæs wuldres ful // heofun and eorðe* – 751b-752a) в семантике слова *wuldor* на первый план выступают компоненты ‘пространственный’ и ‘вездесущность’.

Следует отметить, что в *Елене* лексема *wuldor* в качестве генитивного атрибута широко употребляется в перифрастических наименованиях ангелов и Креста Господня, акцентируя их освящение Небесной славой Божией (славой Христовой): *wuldres boda* (77a), *wuldres ar* (737a) “славы (Небес) посланник” – об ангеле; *wuldres trēo* (827b, 867b, 1251b), *wuldres bēam* (217b) “Божественной славы Христовой Древо”, *wuldres wunbēam* (843a) “Божественной славы Христовой радость-Древо” – о святом Кресте (в русском переводе мы попытались отразить некоторые различия в семантике *wuldor*, обусловленные референтной отнесенностью данных выражений).

Семантическая емкость лексемы *wuldor* проявляется также в предложных конструкциях типа “гл. / или сущ. + предлог *in/to* + *wuldor* в дативе”. В двух отрывках слово связано с мотивом Царства Небесного: ангелы “поют во славе (на Небе)” (*singaþ in wuldre* – 746b) дивную песнь хвалы Богу; первомученик Стефан “почтен на Небесах (во славе)” (*geweorðon in wuldre* – 822a). Выражение *in wuldre* здесь можно понимать одновременно в функции обстоятельства места (“на Небе”) и образа действия (“во славе”). Следовательно, в семантике *wuldor* сливаются воедино значения “Небесная слава” и “Царство Небесное”. У слова *wuldor* на первый план выступает ‘духовно-пространственный’ компонент, при этом слово аккумулирует ассоциации в первом случае – с царством ангелов, во втором – с наградой и исполнением закона Господня (обратим внимание на аллитерацию *wuldor* со словом *wæte* “завет Божий” в строке).

Другие два выражения связаны с мотивом искания Бога, обращения человека к Немю: Елена начала “в душе искать / с истинной верой // путь к славе (к Небесам)” (*on sefan secean / soðfæstnesse // weg to wuldre* – 1148-1149a); Иуда крестился, “воодушевленный сердцем / на лучшую жизнь, // обратившись к славе (к Небесам)” (*inbryrðed breostsefa / on þæt betere life // gewended to wuldre* – 1045-1046a). Здесь в семантике *wuldor* также наблюдается своеобразный синкретизм значений “Небеса” и “небесная слава Божия”. На уровне высказывания концепту, маркируемому слову *wuldor*, создается определенный ассоциативный фон. *Wuldor* предстает как цель внутренних духовных исканий человека (“в душе искать” *on sefan seccan*) и определяется как “лучшая жизнь” (*betere lif*).

В предложной конструкции с атрибутивным местоимением *þin* (“Твой”), относящимся к Богу (“Если Он во славе Твоей // от Благолепной / Сыном бы не был” *gif in wuldre þin // þurh ða beorhtan / bearn ne wære – 781b-782*), слово получает значение “слава Бога Отца в вочеловечившемся Сыне”.

В двух контекстах слово *wuldor* функционирует в качестве прямого дополнения и, подобно лексеме *lof*, имеет значение “хвала Богу” за Его чудесные благодеяния людям: “воздали хвалу (букв. сказали славу) Богу” (*sægdon wuldor Gode – 1116b*); “словами прославляли; / Ему слава и благодарение // всегда без конца / от всех созданий” (*wordum heredon; / Sie him wuldor and þanc // ā butan ende / eallra gesceafta – 892-893*). Новое значение “хвала” образуется у лексемы благодаря аллитерации со словом *wordum* (“словами”) и объектным сочетанием с глаголом “говoreния” *sægdon*. На уровне высказывания выражение *ā butan ende* соотносит концепт, выражаемый лексемой *wuldor*, с вечностью, тем самым как бы приоткрывая суть и смысл жизни в Небесном Царстве – в непрестанном благодарении и славословии Богу, и само слово аккумулирует ‘вневременной’ компонент.

В поэме есть один случай, где анализируемое слово приобретает конкретное значение “чудо, славное деяние Божие”. В эпизоде восхваления Господа за чудо обретения святого Креста через воскрешение мертвеца говорится: “через Твою славу открыл / событий тайну” (*þurh þin wuldor inwriga / wyrda geryno – 812*).

Один раз слово *wuldor* используется в адвербиальной функции, уподобляясь наречию образа действия: *wuldre* (1134b) “славно” – об искусно сделанном зажиме для закрепления святых гвоздей в уздечке коня Константина. Художественная функция слова *wuldor* заключается здесь в том, что, с одной стороны, характеризуется красота и качество сделанного зажима, а с другой – подчеркивается, что работа сделана во славу Божию.

Особенностью лексемы *wuldor*, в отличие от существительных *blæd*, *mægd*, *lof* и *tīg*, является ее использование в качестве первого элемента трех композитов, обозначающих: 1) Бога (*Wuldorcuning* (291b, 962a, 1304a) “Конунг славы”; *Wuldorgeofa* (681a) “славы Податель”); 2) благодать Божию (*wuldorgifu* (1071a) “славный дар”).

Итак, в *Елене* (по сравнению с *Беовульфом*) расширяется референтная отнесенность *wuldor* как небесной славы, которой обладают Господь, ангелы, праведники на Небесах и Честной Крест. Слово *wuldor* в поэме относится к ключевым христианским концептам и реализует в зависимости от контекста и лексикограмматической сочетаемости следующие значения: 1) “Божественная слава” (726, 295, 751, 800, 843); 2) “небесная Божия слава-Небеса” (77, 84, 737, 746, 822, 1046, 1149); 3) “хвала Богу” (892, 1116); 4) Христос как ‘слава’ конунгов и всех людей (5, 186); 5) “чудо” (812); 6) “славно” в дативе ед. ч. (1134). В семантике *wuldor* появляются новые семы: ‘ценность’ (84), ‘вездесущность’ (151), ‘духовное пространство’ (746, 822), ‘вечность’ (800), ‘собственность Христа’ (800), а также ассоциации с лучшей жизнью, царством ангелов, небесной наградой и Божественной помощью. Употребляя слово *wuldor*, обладающее большой ценностью, автор придает особое значение данным эпизодам. Слово *wuldor* выполняет определенную композиционную функцию, будучи задействовано не только в важных, с точки зрения наррации, отрывках поэмы, но своей высокой частотностью употребления как бы наполняет и освящает собой всю поэму, созданную Кюневульфом с целью прославить Бога.

Список использованной литературы

1. Beowulf & the Fight at Finnsburg / Ed. F. Klaeber, with introduction, bibliography, notes, glossary and appendices. 3rd ed. Boston, 1950.
2. **Bosworth J., Toller T.N.** An Anglo-Saxon Dictionary based on the Manuscript Collection of Joseph Bosworth / Ed. and enlarged by T.N. Toller. Oxford, 1882-1898; Neudruck 1964; Supplement 1955.
3. Elene: Cynewulf's *Elene* / Ed. P.O.E. Gradon. London, 1958.

И.П. Кузнецова

ОБРАЗ ПЕТЕРБУРГА В «РУССКИХ» РОМАНАХ ГРЕГОРА САМАРОВА

Ивановский государственный химико-технологический университет

В статье рассматривается эволюция образа Санкт-Петербурга в романах Г. Самарова «Императрица Елизавета» и «Адъютант императрицы». Анализируется роль образа Петербурга в раскрытии главной темы «русских» романов писателя – развитие монархической власти в России.

К истории России и Петербурга авторы немецкого исторического романа второй половины XIX века обращались нечасто [1]. Грегор Самаров (1829-1903) составляет в этом смысле исключение. Русская тема является одной из ведущих в его художественно-исторической прозе. В романном творчестве Самарова четко прослеживаются два направления: романы из политической истории современности и собственно исторические романы [2]. Русская тема затрагивается в произведениях обоих направлений. Но центральное место в самаровской росике занимают романы о русской истории XVIII века: «Императрица Елизавета» («Die Kaiserin Elisabeth» 1881), «Великая княгиня» («Die Grossfürstin» 1882), «Пётр III» («Peter der Dritte» 1883), «Адъютант императрицы» («Der Adjutant der Kaiserin» 1885) и др.

Как автора исторических романов Самарова привлекает «большая», событийная история и связанная с ней деятельность выдающихся исторических личностей: монархов, дипломатов, полководцев, придворных министров, представителей культуры, искусства, науки и т.п. Не случайно исследователи немецкой художественно-исторической прозы второй половины XIX века относят его романы к историко-биографическому направлению с присущим его представителям (Т. Мундт, Л. Мюльбах, Г. Кленке, Г. Борн, А. Э. Брахфогель и др.) интересом «к отдельным ярким эпизодам, единичным драматическим фактам и событиям прошлого, взятым вне связи с общим историческим процессом той или иной эпохи, и их действующим лицам, реальным историческим персонам, как правило, коронованным особам и их окружению» [3]. Отмечается, что для авторов историко-биографической прозы принципиальным является внимание к частной жизни великих мира сего. Так, Х. Эггерт вводит специальное понятие *Binnenraum* (буквально с немецкого языка – внутреннее пространство). Под ним он понимает, во-первых, пространство личной жизни исторических личностей, которое, как правило, недоступно для наблюдателя; ему противостоит сфера «официальных» политических и общественных событий.

Во-вторых, это пространство, где «внутренние» причины этих событий раскрываются в высказываниях и суждениях личностей, которые как обычные люди излагают свои убеждения, взгляды, настроения, мотивы поступков и решений. Изображение исторических личностей в сформированной таким образом личной сфере, делает вывод исследователь, приближает изображение истории к уровню жизненного опыта читателя и тем самым облегчает ему ориентацию в чужом мире [4].

Материалами по истории России Самарову могли служить самые разнообразные источники. К услугам писателя была обширная немецкоязычная «россика» – многочисленные печатные издания о России, накопленные в немецких библиотеках к середине XIX века [5]. Кроме того, Самаров мог воспользоваться также военными реляциями, торговыми договорами, различными материалами из секретных европейских архивов, которые были доступны ему как бывшему дипломатическому деятелю, служившему до начала своей писательской карьеры при ганноверском и прусском королевских дворах.

Предметом анализа в данной статье является образ Петербурга XVIII века, воссозданный Самаровым в романах «Императрица Елизавета» и «Адъютант императрицы». В романе «Императрица Елизавета» – это Петербург 1754 года, т. е. на четырнадцатом году правления Елизаветы Петровны (1741–1761). Время действия романа «Адъютант императрицы» – 1773–1775 годы, т. е. спустя восемнадцать лет после восшествия на престол Екатерины II (1762–1796). Иными словами, время действия обоих романов – это примерно середина соответственно елизаветинской и екатерининской эпох в истории России, время, позволяющее подводить некоторые итоги и улавливать перспективы властной деятельности обеих цариц. Исторически известно, что правление Елизаветы Петровны было временем расцвета русского барокко в самом его эффектном итальянском варианте. Елизавета Петровна стремилась украсить Петербург и его пригороды величественными ансамблями и зданиями, достойными столицы великой империи. При ней Растрелли завершил строительство замечательного дворца в Царском Селе и приступил к сооружению современного здания Зимнего дворца. Однако особенно бурно Петербург стал развиваться при Екатерине II. Считая себя наследницей идей Петра и желая снискать лавры просвещенного монарха, Екатерина очень много сделала для укрепления могущества России и процветания ее столицы. Именно при Екатерине город обрел основные контуры и стал привлекать всеобщее внимание своей классической красотой [6].

Петербург в изображении Самарова – это, прежде всего, средоточие властных структур русского самодержавия, политический центр империи, архитектурное пространство которого составляют преимущественно дворцовые постройки. Здесь проводятся дипломатические приемы, переговоры, заседания, аудиенции всякого рода, официальные и полуофициальные встречи и беседы императрицы и ее придворных, маскарады, балы, театрализованные постановки и т. п. Особое внимание автор уделяет описанию царской резиденции – Зимнего дворца. Читатель узнает, что он был построен архитектором Растрелли во времена царствования Анны Иоанновны и на момент разворачивания основного действия в романе «Императрица Елизавета» представлял собой четырехэтажное здание, вмещавшее в себя церковь, тронный зал с аванзалом, семьдесят помещений различной величины и театр. Проводя своих читателей по внутренним покоям дворца, автор указывает на их великолепие и разнообразие. Одна из комнат была в готическом стиле с витражами немецких художников в оконных рамах и произведениями Гольбейна и Дюрера на стенах. За нею следовало помещение с богатой коллекцией оружия. В деталях описана в романе Китайская комната, представлявшая собой «особое великолепие». На обитых шелками стенах комнат были вышиты и нарисованы фигуры китайских мандаринов и дам.

Лица их были сделаны из фарфора и вставлены в картины и благодаря искусству живописца казались почти живыми. На циновках и матах тонкой работы сидели китайские болванчики, равномерно двигавшие руками и покачивавшие головами. По потолку тянулись ряды колокольчиков, которые при каждом движении воздуха издавали нежные звуки. Там же были подвешены светильники из пестрой шелковой бумаги с нарисованными на ней драконами и всевозможными чудовищами. В комнате царил полумрак. Она освещалась фонарями, «свет которых придавал еще большую фантастичность ее обстановке» [7]. В одном из помещений Зимнего дворца при Елизавете была возведена сцена, на которой была поставлена первая русская трагедия – «Хорев» А. Сумарокова. При Екатерине помещение театра мало отличалось от елизаветинского. Но располагался театр в Эрмитаже и представлял собой невысокие мостки для сцены, несколько рядов стульев для зрителей; в центре стояло кресло с двуглавым орлом, предназначенное для императрицы, рядом с ним помещалось несколько более простых кресел с легкими подлокотниками. Императрица предпочитала смотреть комедии Мольера. Особенно ей нравилась постановка «Тартюфа» в исполнении французской труппы актеров.

В романе «Адъютант императрицы» Самаров показывает, какие изменения произошли в Петербурге при Екатерине. В экспозиции романа автор подробно описывает внешнее и внутреннее политическое положение России в период правления Екатерины II. И только после положительной оценки деятельности императрицы автор переходит к описанию столицы, связывая напрямую положительную динамику в развитии облика Петербурга с умелым правлением императрицы Екатерины II. Автор показывает, какие изменения произошли в городе по сравнению со временем правления Елизаветы, подчеркивая при этом, что «вся окрестность свидетельствовала об энергичном господстве повелительницы, которая стремилась с неутомимым усердием продолжать дело Петра I и успела наложить отпечаток своих стремлений на внешний вид столицы» [8]. Проводя читателя по улицам столицы, автор перечисляет все «плюсы», которые появились в Петербурге благодаря Екатерине. С ее именем Самаров связывает расцвет империи и появление всего самого лучшего в городе: роскошных карет и магазинов, приветливых и нарядных домов, светлых улиц, широких площадей и т. д. Главным украшением города при Екатерине служила набережная Невы, представлявшая во времена императрицы Елизаветы Петровны только странное смешение хижин, пустырей и гордых, величественных зданий; теперь же на ней возвышался сплошной ряд роскошных дворцов. Самые богатые помещики переселялись из своих имений в Петербург, который при Екатерине превратился в «сосредоточение блеска и власти, где в угоду императрице вырастал дворец за дворцом, соперничая в величии и пышности» [8, с. 28]. Показательным для отражения авторского отношения к обеим императрицам является также и то, что, упоминая имя Петра Великого по отношению к Елизавете Петровне, автор, как правило, делал акцент на том факте, что она приходится ему кровной дочерью, не более. В Екатерине же он видит, в первую очередь, преемницу и продолжательницу петровских реформ. Кроме того, он подчеркивает, что Екатерине удалось в своей нежной руке держать «бразды правления обширного государства крепче, чем это могла сделать дикая, гигантская сила Петра Великого» [8, с. 15].

Сады, окружавшие императорские дворцы, были, по сравнению с елизаветинскими временами, расширены и улучшены. В самом дворце был разведен удивительный Зимний сад. Читатель созерцает его глазами пажа Екатерины Сергея Салтыкова, у которого при виде такой красоты в очередной раз вырвалось восторженное восклицание. «Из сверкающей, искусственно сложенной скалы выбивался серебристо-светлый ручей, изливавшийся в круглый бассейн из каррарского мрамора. Во-

круг бассейна расположились полукругом густые кусты роз. Над этой душистой оградой склонялись стройные стволы и роскошные листья веерных пальм. Вся эта группа была освещена бледно-голубыми фонарями, почти создававшими иллюзию озаренного вечерним светом неба» [8, с. 96]. Самаров, подтверждая реакцию пажа, пишет, что картина, представившаяся его взорам, была действительно способна возбудить удивление и восхищение даже у человека, привыкшего к фантастической роскоши двора Северной Семирамиды.

Основные события романов русского цикла разворачиваются, как правило, в самом Петербурге. Однако общую картину дополняют и пригороды столицы. Известно, что для европейских монархов также было типичным иметь загородные резиденции для отдыха и неофициальных политических встреч и контактов. Русский императорский двор покидал северную столицу с пробуждением весны. Императрица Елизавета в это время года отдыхала в Петергофе «с его дивными садами, спускающимися к морю и разбитыми по образцу версальских террасами». У молодого двора была своя резиденция для отдыха. Великий князь Петр Алексеевич жил со своей супругой в летний период в Ораниенбауме, в загородном замке, построенном князем Меншиковым. Этот замок был подарком императрицы своему племяннику и наследнику. В романе описывается и императорский дворец в Царском Селе. Елизавета Петровна приезжала туда крайне редко лишь при торжественных обстоятельствах. Она подписывала здесь государственные акты и устраивала большие празднества, где в неформальной, более доверительной обстановке можно было обсудить политические вопросы.

Одним из немногочисленных рядовых зданий города, детально описанных в романе «Императрица Елизавета», является гостиница сына бывшего крепостного Михаила Евреинова. Это было своеобразное строение. Одна часть дома была деревянная и напоминала старинные русские терема. Другая – каменная, «всем своим видом говорившая, что ее строили не без ведома западноевропейской архитектуры» [7, с. 21]. В самой гостинице имелись две половины: «русская» – с очень скромной обстановкой, грубым сукном на полу вместо ковра, большим медным самоваром на дубовой стойке, простым камином, скамейками, обитыми кожей, небольшими столами, и «европейская» – с широкими коридорами, устланными французскими коврами, элегантными туалетными столиками и умывальными приборами, огромными зеркалами, нарядными мраморными каминами, т. е. с комфортной и элегантной обстановкой, что «в пору была бы и Лондону и Парижу» [7, с. 22]. На примере этого здания автор подчеркивает, как тесно соседствовали и уживались в елизаветинской столице «русскость» и «европейскость».

Облик любого города определяется не только его ландшафтно-архитектурными особенностями, но и людьми, которые в нем живут. В романах Самарова это, прежде всего, императрицы и их окружение. Автор описывает их личные покои. Так, кабинет императрицы Елизаветы резко отличался от остальных роскошных апартаментов дворца. «Над громадным камином черного мрамора висел портрет императора Петра Великого в адмиралтейском мундире, во весь рост. Стены были покрыты старым, почти черным дубом, паркет покрывал толстый, слегка поблекший персидский ковер, совершенно заглушавший шаги» [7, с. 254]. В этой комнате, которая «по своей полной достоинства красоте словно специально была создана для решений и суждений о судьбе великого государства», стояли дубовые стулья с высокими спинками и золоченое кресло для императрицы. Но императрица Елизавета, по роману, появляется здесь лишь однажды. Политику, по мысли Самарова, она находит утомительной и отдает предпочтение маскарадам и балам. В романе «Императрица Елизавета» читатель побывал и в гостиной у великой княгини Екатерины Алек-

сеевны, «необыкновенно простой в сравнении с полуазиатской, полуевропейской роскошью обстановки Зимнего дворца» [7, с. 121]. «Казалось, – пишет Самаров, – старая мебель, обитая выцветшим светло-голубым шелком, была нарочно собрана в апартаментах великой княгини, чтобы резче подчеркнуть разницу между ней и царствующей императрицей, а также и любимцами последней, помещения которых были гораздо богаче обставлены» [7, с. 122]. Но несмотря на отсутствие роскоши во всем чувствовался «вкус и рука изящной женщины». Позднее, в романе «Адъютант императрицы» Самаров покажет читателю глазами фаворита императрицы Екатерины Григория Потемкина один из апартаментов Зимнего дворца для приема иностранных августейших особ, где уже будут сочетаться, с его точки зрения, «не только ослепительная роскошь, но и тонкий, благородный вкус». Подчеркивая кроме утонченного вкуса и просвещенность Екатерины, автор описывает императорскую библиотеку с богатым собранием книг в переплетах с шифром императрицы, которая поражала прекрасной гармонией; неоднократно читатель застаёт императрицу за рабочим столом при чтении деловой корреспонденции; упоминается об активной переписке Екатерины с Вольтером. Самаров описывает один из обедов в Зимнем дворце, в котором принимал участие знаменитый французский мыслитель и философ Дидро. Он выразил сожаление, что здесь не присутствуют его парижские друзья, «которые могли бы убедиться, что в этих гиперборейских странах при участии великой Семирамиды восемнадцатого века цветы остроумия и веселые шутки расцветали пышней и богаче, чем на знаменитых обедах барона Гольбаха, на которых собирались величайшие мыслители и остроумнейшие критики Франции» [8, с. 280]. Несколько раз в романе «Адъютант императрицы» упоминается Эрмитаж, где «несметные богатства соединились с самым утонченным вкусом в украшении комнат, куда повелительница необъятного государства уединялась, чтобы изучать проблемы политики или в легкой, непринужденной беседе с гостями отдохнуть от трудов и забот» [8, с. 268]. В этом же романе описывается деловая обстановка комнаты для совещаний с сановниками. Самаров отмечает, что это было «помещение среднего размера с темными обоями и темными занавесями на обоих окнах; посередине стоял огромный стол, покрытый зеленым бархатом. Над креслом императрицы, украшенным императорским гербом, висел портрет императора Петра Великого; вокруг стола стояли кресла для министров; на боковых столах были видны книги, карты и письменные принадлежности» [8, с. 155].

В тексте романов достаточно часто можно встретить такие сочетания, как «весь Петербург», «целый Петербург» и т. д. И так как для Самарова, автора историко-биографической прозы, интересны в первую очередь коронованные особы и их окружение, то и за понятием «весь Петербург» у него стоит, прежде всего, придворное общество. Основная масса придворных – это «армия царедворцев», «толпа царедворцев», «блестящий рой сановников», «блестящая веселящаяся толпа», «туча придворных дам, кавалеров и офицеров всех чинов», «золотой рой придворных дам». К некоторым представителям этого общества, наиболее приближенным к императорскому двору, автор проявляет повышенный интерес, уделяя особое внимание детальному описанию их жилищ. Так, например, выглядел приемный зал могущественного фаворита императрицы Елизаветы Ивана Шувалова: «стены были увешаны картинами лучших итальянских художников, вдоль них на черных постаментах красовались античные фигуры из каррарского мрамора, пол был выложен мозаикой, превосходившей своей красотой лучшие мозаики знаменитых итальянских палаццо» [7, с. 58]. Этой роскоши не уступает Мраморный дворец, подарок императрицы Екатерины II одному из своих фаворитов – Григорию Орлову. В очередной раз подчеркивая могущество и богатство Екатерины, Самаров пишет, что строение это было

подарком, который едва ли кто-либо из могущественнейших и богатейших государей Европы мог презентовать своему любимцу [8, с. 56]. Постройка из-за нагроможденных каменных глыб была слишком массивна и мрачна, но внутри царил «благородный, чистый, артистический вкус, которым отличались все творения императрицы» [8, с. 56]. Картины и скульптуры лучших мастеров украшали галерею, а лучшие торговые фирмы Парижа и Лондона доставили всю обстановку комнат. На широком письменном столе из черного дерева хаотично лежали письма, прошения, военные приказы и планы крепостей. Драгоценная мебель из черного дерева с золотой инкрустацией и с пурпурной шелковой обивкой указывала на княжескую роскошь. Следующий фаворит императрицы Екатерины – Григорий Потемкин, был обладателем роскошных помещений в Зимнем дворце. Они поражали своей пышностью, «показывающей как его вкус, так и неистощимость средств», предоставленных в его распоряжение императрицей. Повсюду можно было видеть редкие драгоценные изделия из бронзы, мраморные статуи, картины лучших мастеров всех школ. Самаров отмечает, что Потемкину «удалось обратить свои пышные палаты в настоящий музей, заключавший в себе неоценимые сокровища и вызывающие восторг и удивление всего двора» [8, с. 205]. Целая глава посвящена великому канцлеру и фельдмаршалу графу Алексею Петровичу Бестужеву-Рюмину, где описывается «скрытый» образ жизни государственного канцлера, поставленной на «княжескую ногу». «Изнеженный утонченной роскошью» граф, чтобы предупредить покушения политического свойства, предпринял все меры предосторожности: «широкие коридоры были застланы толстыми коврами, скрадывавшими звуки шагов, тяжелые портьеры висели на всех дверях и препятствовали проникновению звуков внутрь», покои охранялись «наиболее надежными казаками царской гвардии» [7, с. 205].

Петербург в романах Самарова – это еще и центр многонациональной культуры. Отличительной особенностью Петербурга, подчеркивающей его многонациональность, были дома колонистов из разных европейских стран, которых, последовав примеру Петра Великого, приглашали для развития ремесленничества, индустрии и торговли. Дома колонистов располагались преимущественно на берегах Невы, Мойки и на Невском проспекте и были построены в зависимости от национальности владельцев в немецком, английском или голландском стиле, производя весьма благоприятное впечатление. Самаров отмечает, что на улицах Петербурга можно было встретить: английских, немецких и французских торговцев, голландских плотников, гвардейских офицеров в великолепных наполовину европейских, наполовину азиатских униформах, лакеев богатых русских горожан, иностранных дипломатов в сверкающих золотом ливреях, экипажи с кучерами, иностранных матросов, попов и монахов. «Все это многообразие, – пишет Самаров, – объединялось, чтобы предоставить взору необыкновенно живописную картину, какую не встретишь нигде в Европе» [7, с. 42].

Не случайно среди главных действующих лиц «русских» романов писателя часто оказываются иностранцы. Так, в романе «Императрица Елизавета» – это два голштинских барона – Ревентлов и Брокдорф. Глазами Брокдорфа автор даёт бытовавшее в Европе стереотипное видение России как «полуварварской страны», к которой он изначально испытывает раздражение из-за нелепых русских порядков, точнее из-за отсутствия порядков, из-за несносного языка «этих полярных медведей», из-за жуткого холода и т. д. [9]. Нестереотипное восприятие России и Петербурга Самаров представляет глазами Ревентлова, которому сам автор симпатизирует. Перед взором иностранца предстает «весьма необычная картина» панорамы Санкт-Петербурга: из великолепного квартала можно было перейти в сырой лес, рядом с палатами вельмож и их роскошными садами стояли деревянные избышки, от кото-

рых в разные стороны разбегались пустыри. Здесь как будто поместились бок о бок различные цивилизации, а «пестрота зданий соперничала с пестротой типов людей». Автор информирует читателя о том, что «изумление иностранца перед юной столицей русских еще долго не проходило и после, когда он уже в ней освоился и обошел едва ли не все улицы» [7, с. 15]. От взора Ревентлова не ускользнули контрасты, присущие северной столице. И, тем не менее, он воспринимает столицу как какую-то «сказочную страну», восхищаясь «дивным творением человеческого разума и воли» [7, с. 17]. В гостинице Михаила Евреинова, в более привычной для голштинца обстановке, восприятие России Брокдорфом начинает трансформироваться в положительную сторону. Он вдруг замечает, что и в «этой варварской стране» можно жить, что здесь прекрасно готовят, пьют спиртные напитки на любой вкус и многие говорят по-немецки. Далее, описывая подготовку к водосвятию перед Зимним дворцом, Самаров пишет: «И вся эта пышность, раскинувшаяся на фоне далекой снежной равнины, войска с развевающимися знаменами, опьяняющая музыка и блестящие на солнце золотые купола церквей и дворцов – все это казалось страницей из какой-то волшебной сказки и могло очаровать даже Брокдорфа, преисполненного сугубо реальными честолюбивыми планами и замыслами» [7, с. 79]. Но, по роману, корыстолюбивый Брокдорф так и не смог понять и полюбить Россию. В то время как Ревентлов встретил здесь свою любовь, дочь хозяина гостиницы Анну Евреинову, и вместе с ней и во многом благодаря ей полюбил и Петербург, и Россию.

«Простой» Петербург Самаровым не индивидуализирован и представлен как некий «коллективный персонаж» [10]. Во время водосвятия, «достопримечательного зрелища, на котором бывает во всем своем блеске русский двор», перед Зимним дворцом собралась «необозримая толпа народа» [7, с. 76]. И вся эта собравшаяся «масса народа» приветствовала повелительницу обширной монархии. «Причудливым многолюдством» называет Самаров жителей Петербурга в романе «Адъютант императрицы», выразительно представляя их внешний вид как «живую смесь русских костюмов простонародья с утонченной европейской роскошью» [8, с. 27].

Итак, Петербург в романах Самарова «Императрица Елизавета» и «Адъютант императрицы» – это столица русского самодержавия, город «большой» политики, дипломатических приемов, политических переговоров, город дворцов и особняков второй половины XVIII века. Хронотоп романов персонифицирован образами двух императриц. Задачей автора было показать не только внешний облик столицы, но и передать дух времени, заостряя внимание на роли главных героинь в становлении и развитии города. В изображении Самарова Елизавета – истинно русская царица, русская по крови и по духу, по необъятной широте и грандиозности замыслов и планов, огромности трат, расточительной щедрости и праздности. Елизавета Самарова – прежде женщина, а не правительница, хотя годы ее царствования отмечены многими важными завоеваниями, одному из которых – созданию русского национального театра – Самаров уделяет особое внимание в романе «Императрица Елизавета». Петербург в елизаветинскую эпоху – это полуазиатский-полуевропейский город, для которого более свойственен лишь внешний европейский лоск. Автор отмечает смешение стилей в архитектуре, обилие иностранных колонистов, многонациональность города, но при этом и непохожесть русской столицы ни на одну другую. Екатерина – тоже русская царица, но русское в ней – это лишь внешние атрибуты. Она прилежно учит русский язык, принимает русское имя и переходит в православие, усваивает традиции и каноны страны, которой правит. У нее, как и у Елизаветы, много фаворитов, повсюду роскошь и богатство азиатской правительницы. Но при этом она абсолютно самодостаточна и самостоятельна. По своей разумности, просвещенности, трудолюбию, практицизму, жажде порядка – она европейский монарх. Именно бла-

годаря Екатерине, по мысли Самарова, в России началось интенсивное развитие градостроительства, промышленности и торговли. Во внешнем облике столицы стало проследиваться меньше контрастов. Город принял более четкие контуры. Основная идея, которую Самаров проводит красной нитью через все романы русского цикла, состоит в том, что для автора, убежденного монархиста, Екатерина – это образ идеального правителя, так называемого просвещенного монарха. Любая деталь в романе призвана работать на создание положительного имиджа императрицы. Таким образом, Самаров, противопоставляя две столицы и две эпохи, показывает эволюцию образа Петербурга, а вместе с ним и эволюцию российской монархической власти. Екатерина, по замыслу автора, сумела органично сочетать безграничные возможности азиатской империи с европейской культурой и сделать тем самым Россию сильным евразийским государством.

Примечания

¹ См.: Projekt «Historischer Roman» <http://histrom.literature.at/register.html>. В библиографических фондах австрийского Интернет-проекта «Historischer Roman», обширная электронная база которого составляет свыше 6300 единиц исторических романов, опубликованных в период с 1780 по 1945 год, нам удалось отыскать лишь несколько произведений немецких авторов второй половины XIX века, затрагивающих образ русской столицы: Hensen, Theodor: Die Czarentochter. Historischer Roman 1866; Mundt, Theodor: Cagliostro in Petersburg. Historische Novelle 1858; Mundt, Theodor: Czar Paul 1861-1862; Mylius, Otfrid: Am Hofe der nordischen Semiramis. Historischer Roman 1873.

² Х. Ауст называет произведения Самарова романами с сенсационными подробностями [прежде всего, из дипломатической и политической истории – И.К.] (zeitgeschichtliche sensationelle Romane). См.: Aust, H. Der historische Roman. Stuttgart, Weimar, 1994. – S. 88. В интернет-проекте «Historischer Roman», как и в других библиографических источниках, эти произведения Самарова даются с полными авторскими подзаголовками, например такими, как «historischer Roman», «historischer Roman aus der Gegenwart», «historischer Roman aus der Berliner Vorzeit» и др. См.: Projekt «Historischer Roman». <http://histrom.literature.at/register.html>. В. Серганова называет жанр, в котором Самаров пишет о событиях современной ему истории, жанром «политического романа». См.: Серганова В. Завороженный Россией // Самаров Г. Собрание сочинений: В 7 тт. – М., 1997. – Т. I. – С. 8.

³ См.: Золина Е. Н. Немецкая историческая беллетристика второй половины XIX века: Учеб. пособие. – Иваново, 2001. – С. 23.

⁴ См.: Eggert, H. Studien zur Wirkungsgeschichte des deutschen historischen Romans 1850–1875. Frankfurt a. M., 1971. – S. 141–144.

⁵ К числу лучших по тем временам трудов о России принадлежали: «Преображенная Россия» Х. Ф. Вебера (Weber Chr. Fr. Das veränderte Russland. Frankfurt, 1721) с гравюрами и ландкартами, «Российская империя в Европе и Азии» шведа Ф. Я. Страленберга (Strahlenberg Ph. J. Das ganze Russische Reich in Europa und Asien. Stockholm, 1730), «Картина С.-Петербурга» (Das Gemälde von St. Petersburg. Riga, 1794) и др. По каталогу «Россика» РНБ и БАН в Петербурге таких книг, изданных с конца XVIII по начало XIX в., насчитывается до четырех десятков, не считая переизданий. См. также: Grabosch U. Studien zur deutschen Russlandskunde im 18 Jh. Halle (Saale), 1985.

⁶ См.: Петербург при преемниках Петра. www.gopiter.ru/piter/history/173.html ; Северная столица в XVIII веке <http://his.1september.ru/articlef.php?ID=200203501/>

⁷ Самаров Г. Императрица Елизавета // Самаров Г. Собрание сочинений: В 7 тт. – М., 1997. – Т. I. – С. 46. Далее роман «Императрица Елизавета» цитируется по данному изданию с указанием в скобках страницы.

⁸ Самаров Г. Адъютант императрицы // Самаров Г. Собрание сочинений: В 7 тт. – М., 1997. – Т. III. – С. 19. Далее роман «Адъютант императрицы» цитируется по данному изданию с указанием в скобках страницы.

⁹ Ср.: Варварские тексты: Яковенко И. Г. Россия – «варварская цивилизация»? // <http://varvar.ru/arhiv/texts/yakovenko2.html>.

¹⁰ Выражение Б. Г. Реизова. См.: Реизов Б. Г. Творчество Вальтера Скотта. М., 1965. – С. 458.

Список использованной литературы

1. Варварские тексты: Яковенко И. Г. Россия – «варварская цивилизация»? // <http://varvar.ru/arhiv/texts/yakovenko2.html>.
2. **Золина Е. Н.** Немецкая историческая беллетристика второй половины XIX века: Учеб. пособие. Иваново, 2001.
3. Петербург при преемниках Петра www.gopiter.ru/piter/history/173.html; Северная столица в XVIII веке. <http://his.1september.ru/articlef.php?ID=200203501>.
4. **Реизов Б. Г.** Творчество Вальтера Скотта. М., 1965.
5. Самаров Г. Адъютант императрицы // Собрание сочинений: В 7 тт. М., 1997. – Т. III.
6. **Самаров Г.** Императрица Елизавета // Собрание сочинений: В 7 тт. – М., 1997. – Т. I.
7. **Aust H.** Der historische Roman. – Stuttgart, Weimar, 1994.
8. Eggert H. Studien zur Wirkungsgeschichte des deutschen historischen Romans 1850–1875. Frankfurt a. M., 1971.
8. Projekt «Historischer Roman» // <http://histrom.literature.at/register.html>.

М.А. Миловзорова

А.Н. ОСТРОВСКИЙ И Н.А. ЧАЕВ: ДВИЖЕНИЕ СТИЛЯ

Ивановский государственный химико-технологический университет

Творчество Николая Александровича Чаева (1824 – 1914 гг.) до сих пор не получило адекватной оценки в отечественном литературоведении, несмотря на то, что современники и дореволюционные историки литературы считали его одним из наиболее интересных русских писателей, особенно много сделавшим на поприще развития драматической литературы. Н.А. Чаев был весьма заметной фигурой и в истории русской культуры в целом – после окончания юридического факультета Московского университета долгие годы занимал должность хранителя и помощника директора московской Оружейной палаты, был временным председателем Общества любителей российской словесности (в 1872-1874 и 1878-1884 гг.), после смерти А.Н. Островского заведовал репертуарной частью в московских театрах, писал драмы и хроники преимущественно на исторические темы (наиболее известные – «Князь Александр Михайлович Тверской», «Дмитрий Самозванец», «Царь и князь всея Руси Василий Иванович Шуйский», «Свекровь», «Грозный царь Иоанн Васильевич»), печатался в известных литературных журналах («Библиотека для чтения», «Эпоха» и др.).

Проблема «А.Н. Островский и Н.А. Чаев» практически никогда серьезно не рассматривалась в отечественном литературоведении, несмотря на то, что для ее обсуждения есть достаточные основания – параллели в творчестве, прочное место Н.А. Чаева в театральной культуре второй половины XIX века, профессиональные и

биографические «пересечения» писателей. Историками литературы в XX веке эта проблема была решена, безусловно, «в пользу» А.Н. Островского; Н.А. Чаеву было определено соответствующее место в литературном процессе – место второразрядного исторического драматурга 1860-х годов, творческие поиски которого нашли должное художественное выражение только в исторических пьесах А.Н. Островского. В изданиях (чаще разделах изданий¹) посвященных драматургии более позднего времени имя Н.А. Чаева, прожившего девяносто лет и, пусть нечасто, но представлявшего вниманию читателя и зрителя исторические пьесы на протяжении всей своей жизни, – практически не упоминается. Такая ситуация представляется тем более несправедливой, что в XIX веке творчество Н.А. Чаева привлекало внимание многих значительных литературных критиков и историков литературы: П.В. Анненков, оценивая новый этап развития русской исторической драмы, когда она стала «чем-то вроде новой исторической науки», полагал, что «...представители нового направления в исторической драме г. Чаев и гр. Толстой могут быть поставлены рядом с именами г. Островского и покойного Мея»²; подобного мнения придерживался и А.М. Скабичевский³ и даже Д.И. Писарев объединял в некое целое исторические драмы А.Н. Островского и Н.А. Чаева, правда, принципиально отрицая художественные и идейные достоинства тех и других: «С легкой руки г. Островского, воспевшего Козьму Минина в каком-то странном произведении, нисколько не похожем на драму – исторические трагедии, драмы и комедии начинают плодиться в нашей литературе <...> г. Чаев, как писатель начинающий, может еще обратиться на путь истины и уразуметь всю сущность исторического дарамоделания»⁴. Столь разноречивые отклики, заметная реакция современников на творчество Н.А. Чаева, дают, на наш взгляд, достаточные основания для постановки литературоведческой проблемой «Чаев и Островский».

Размышление над этой проблемой может дать интересные результаты. Во-первых, другое представление о «соотношении величин» (А.Н. Островского и Н.А. Чаева), так как приверженность «абсолютам», наверное, не всегда полезна; во-вторых – более полное и всестороннее понимание логики развития литературного процесса в России, истории драматургии, в первую очередь.

В данном случае, в литературных отношениях А.Н. Островского и Н.А. Чаева (речь идет об исторической драматургии) мы видим ситуацию «движения стиля», под которым мы понимаем изменение и развитие художественной формы исторической пьесы, причем, ситуацию достаточно сложную, принципиально не совпадающую с той, что скупо очерчена в упоминавшихся изданиях по истории литературы и драматургии XIX века.

Это «движение стиля» можно рассматривать и широко, сопоставляя весь материал исторической драматургии А.Н. Островского и Н.А. Чаева, но в данной статье мы ограничиваемся одним сюжетом, разработанным и тем и другим драматургом – «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский». Это одна известная пьеса А.Н. Островского 1866⁵ года с точно таким названием и две пьесы Н.А. Чаева – «Дмитрий Самозванец» (1865 года)⁶ и «Царь и великий князь всея Руси Василий Иванович Шуйский»⁷ (1883 года).

Пьесы «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» А.Н. Островского и «Дмитрий Самозванец» Н.А. Чаева появились практически в одно время. Их появление сопровождалось известной интригой, в ходе которой писатели оспаривали друг у друга право первой постановки пьесы на сцене московского театра. Пьеса Н.А. Чаева в первый раз была поставлена в Петербурге 7 января 1866 года в бенефис А.А. Никольского. Постановка имела успех, и Н.А. Чаев планировал поставить ее в Москве (в Большом театре). Но неожиданным для всех препятствием стало то, что

А.Н. Островский в то же время написал пьесу на тот же сюжет и практически с тем же названием, предназначавшуюся, естественно, также для московских театров. Спор был решен в пользу А.Н. Островского, главную роль в этом сыграла известность уважаемого драматурга; Н.А. Чаев был чрезвычайно обижен, усмотрев в этом даже своеобразное нарушение авторских прав⁸. Этот сюжет, тем не менее, дает возможность понять, что создавались эти пьесы независимо друг от друга, следовательно, являются разными художественными концепциями исторического события.

Необходимо учитывать, что для Н.А. Чаева это было, по сути, первое достойное внимания публики драматическое произведение, где, кроме реализации увлечения историей как «археологией», автор пытается создать самостоятельное драматургическое целое, в отличие от своего предшествующего опыта такого рода («Князь Александр Михайлович Тверской». 1864 г.⁹).

В противоположность этому, А.Н. Островский в 1866 году выступал как драматург с большим стажем, мастер драматической техники, выразивший новые тенденции развития драматургии в особой форме комедии и поэтому позволивший себе драматический эксперимент на историческом материале, что, во-первых, отвечало запросам публики, сочувственно встречавшей русские исторические пьесы, во-вторых, выражало настроения самого писателя – в 1860-е годы он уже готов был мыслить глобальными категориями, для чего история – наиболее подходящая почва.

Каковы же результаты обращения к истории в драмах А.Н. Островского и Н.А. Чаева? Вопреки мнениям некоторых критиков: «Который их двух самозванцев лучше или хуже, решить невозможно... Это два близнеца, сшитые по одной мерке и при равной степени отсутствия даже намеков на творчество со стороны их авторов»¹⁰, – можно сказать, что они очень разные. А.Н. Островский, несмотря на внимание к «панораме» и «исторической перспективе», всё же создал драму «лиц», «личностей», «характеров» (ими провоцируются и «народные движения» – новый предмет изображения, по мнению П.В. Анненкова¹¹), опираясь на романтическую традицию и обогащая её собственными интеллектуальными, духовными и техническими открытиями. К их числу можно отнести: некоторое усложнение характера Самозванца; выражение общих (народных) идей способом произнесения их в речи персонажей «третьего плана» – не героев, а «статистов», в «необязательном» диалоге; попытку воплотить не только локальный исторический, но и «метафизический» конфликт, метаисторическую проблематику. В целом это, конечно, «пушкинские смыслы» и формы их воплощения, но пережитые автором в новых условиях существования репертуара русского театра. Можно сказать, что «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» А.Н. Островского – романтическое произведение, усложненное достижениями социально-психологического искусства середины XIX века. Поэтому мы видим такое нестандартное для русской предшествующей драматической практики соединение главных фигур, выражающий здесь, в первую очередь психологический контраст. Критики упрекали А.Н. Островского в концептуальной и художественной непродуманности пьесы. Некоторая доля справедливости в этом, наверное, есть, но в целом, конечно драматург создал оригинальное произведение, воплотившее диалог традиции и современных поисков русской исторической драмы.

Н.А. Чаев создаёт пьесу, также связанную с романтической традицией и не укладывающуюся в её рамки, но значительно отличающуюся от пьесы А.Н. Островского. Больше всего она соответствует определению такого рода пьес, данному М.Н. Виротайнен: «тип пьесы», где действует «сама история» (о драматических хрониках на историческом материале)¹² – определение крайне неясное, но интересное как попытка уловить и описать то новое, по отношению к традиции пьесы, где основой действия является интрига, пусть даже историческая, организован-

ная одним лицом или несколькими лицами. Это новое качество отчасти присутствует и в хронике А.Н. Островского, но пьеса Н.А. Чаева, пожалуй, ещё больше соответствует такому определению.

«Археологизм» Н.А. Чаева – порой, действительно, излишний, претворяется здесь в иное качество. Специфика структуры «Дмитрия Самозванца» Н.А. Чаева в том, что он состоит из огромного количества микродействий (микросцен), представляющих в своем большинстве короткие диалоги между разными лицами, цель которых – передать настроение момента, отношение к событию (т.е. также «необязательных» для прямого развития интриги). Таких диалогов в пьесе Н.А. Чаева гораздо больше, чем у А.Н. Островского (и они еще более «необязательные» – А.Н. Островский всегда акцентирует какие-либо смыслы, тогда как Н.А. Чаев – несравненно меньше), они как бы «наслаиваются» друг на друга, почти повторяют, но периодически, в последних репликах этих дублирующих друг друга микродиалогов появляются новые оттенки смысла, которые, мало того, что переводят действие на новый уровень, подготавливают и оправдывают очередной виток интриги, но и вообще меняют соотношение между интригой и «ощущением» истории, «настроением действия» в пользу последнего, к которому интрига выглядит необходимым логическим дополнением, а не источником его.

В этом плане интересна сцена маскарада, устроенного Мариной Мнишек (отмеченная критикой положительно). Такой сцены практически нет у А.Н. Островского. Здесь Н.А. Чаев выступает наследником другой традиции, собственно романтической, представители которой составляли исторические пьесы, перекладывая в форму диалогов подробности «Истории» Н.М. Карамзина (наиболее близкий к пьесе Н.А. Чаева образец такого рода – сцена маскарада из «истории в лицах» на тот же сюжет М.П. Погодина¹³) У Н.А. Чаева эта сцена, безусловно, добавляет зрелищности спектаклю, но выполняет и другую функцию. Это тоже – цепь микродействий, «необязательных» диалогов между поляками, иностранцами вообще, обсуждающими русские обычаи; между поляками и русскими боярами, имеет здесь значение кульминации, так как контрастирует с предыдущими «настроениями», выросшими из всего предшествующего пространства действия. Отсюда – закономерность трагического финала, представляющего собой не только и не столько трагедию Самозванца, сколько результат столкновения двух контрастных полюсов истории, на одном из которых попытка насильственного личностного изменения ее законов и хода, а на другом – масштаб и сила традиции.

Атмосфера трудно уловимых «настроений истории» сказывается и на характере основного лица – если у А.Н. Островского Самозванец в монологах предстает сознательным властолюбцем, то у Н.А. Чаева в первом же монологе герой проявляет какую-то «мистическую» озабоченность своим положением, ищет сверхъестественное объяснение коллизий своей необычной судьбы: «...Чудно, однако, Не верь вот чародейству-то. Не ты ли, сила плодоносная, не ты ли несла меня сюда...? <...> Был я лет эдак десяти ... идет старуха – не то нищая, не то – ворожея, подозвала меня, взглянула мне в глаза, погладила по голове и говорит: “Ты будешь, говорит, в большом почете, дитятко, тридцать четыре годика тебе, мой сокол, ликовать”. Я этих слов и черных глаз старухи всю жизнь забыть не мог... Сбылось». И далее на протяжении всего действия Дмитрий Самозванец находит подтверждения чудесному предсказанию, а неудачи также объясняет действием или игрой независящих ни от кого сил. Последний монолог Дмитрия Самозванца тоже демонстрирует его «особенный» характер – герой погружается в странное состояние, забвение, его перестает волновать реальный ход событий, он не очень связно вспоминает разнообразные детские впечатления, любит природу и т.п.

Сравнивая пьесы, можно сказать, что в творческом диалоге А.Н. Островский и Н.А. Чаев ищут примерно в одной области трансформации классической интриги, находятся приблизительно на одной ступени развития стиля (формы) драматургии и дают похожие и в то же время различные результаты. Н.А. Чаев, даже в большей степени, чем А.Н. Островский, стоит на художественной позиции, позволяющей воссоздать «живую ткань» истории, уловить ее незаметные движения, рождающие, в конечном итоге, глобальные события.

Почти через 30 лет Н.А. Чаев вновь обращается к сюжету Смуты и пишет пьесу «Царь и Великий князи всея Руси Василий Иванович Шуйский», являющуюся в какой-то мере продолжением предшествующей. Было ли это в данном случае сознательным диалогом с А.Н. Островским? Сложный вопрос. Принимая во внимание то, что исторические драмы А.Н. Островского были для Н.А. Чаева ближайшей традицией и учитывая заинтересованное личное отношение – наверное. С другой стороны – творческая самостоятельность Н.А. Чаева, движение его к новой пьесе через попытки драматизировать песенное народное наследие («Царь Иван Васильевич Грозный»), создать своеобразную поэтическую трагедию «из времен уделов» («Свекровь»), и, в целом, независимый характер Н.А. Чаева – может быть, и нет. Но это, в любом случае, – диалог для нас, диалог, выявляющий движение литературного процесса.

«Василия Ивановича Шуйского» Н.А. Чаев обозначил даже не как «хронику», а как «летопись в лицах», не претендуя на лавры уже устоявшегося жанра «драматической хроники». Эта авторская маркировка опять обращает нас к романтической традиции, но только на первый взгляд. Н.А. Чаев создает при этом другой тип пьесы, в чем-то новый по отношению ко многим предшествующим опытам. Это произведение в культурном сознании XIX века, вероятно, и имело больше родства с летописью, чем с хроникой, так как там гораздо меньше событийных и исторических деталей, взяты крупные и разновременные фрагменты. Хотя нельзя сказать, что Н.А. Чаев отказывается здесь от найденных им и не им приёмов «драматических хроник» 1860-х годов (многофигурные сцены, «необязательные» диалоги и т.д.) Но это здесь не главное. Как не главное и характер Василия Шуйского, который мог бы быть развернут и усложнен и должен был бы стать «зерном интриги», если бы Н.А. Чаев находился только в русле романтической традиции (мог бы стать альтернативой «однобокому», по мнению критики характеру Василия Шуйского у А.Н. Островского, где одна черта «лукавство»). В этом отношении Н.А. Чаев делает определенные сдвиги – Василий Шуйский у него, действительно, сложный герой, который имеет благородные цели, способен совершать созидательную государственную работу, но при этом его характер сформировался под влиянием разрушительных для личности исторических процессов эпохи смуты, нашедших выражение в переоценке роли личной интриги в общем движении истории. Эта черта личности Василия Шуйского не дает ему возможность в какой-то момент «встать над» перипетиями исторического действия, что и обуславливает трагическое развитие характера в целом.

Но здесь главное опять-таки не характер главного героя, а история в «чистом виде», но уже не как процесс (действие), предложенный для понимания зрителю, с авторской точкой зрения, запрятанной за позиции героев, персонажей, а как смысл, смыслы этого процесса, максимально обнаженные в драме.

Если попытаться приблизительно определить смысл истории, ради выражения которого Н.А. Чаев создавал свою пьесу, то это, пожалуй, неизбежность и непреодолимость смуты, как состояния нашей, в общем, трагической истории. А для

воплощения этого или близко лежащих к нему смыслов, нужна была другая поэтика, не поэтика «хроники».

Создал ли ее Н.А. Чаев? И какова она?

Пьеса «Василий Иванович Шуйский» относительно бедна событиями, имеющими значение интриги (автор надеется на то, что она – в головах зрителей, да и история Василия Шуйского это не столь яркая страница). Главное, что в ней создается сознательным усилием автора – настроение/ состояние – эмоциональное (транслируемое в основном женскими персонажами) и духовно-нравственное, для передачи которого и выбрана фигура Шуйского. Реализуется это в многочисленных коротких монологах – эмоционально-лирических или метафорических. Для этого же (а не только для живописной фольклорной стилизации вводится поэтический плач жены у гроба А.М. Тверского. Вообще, текст перенасыщен метафорическими высказываниями – на разные темы – вплоть до метафорической характеристики лагеря тушинцев (особенно это заметно в сравнении со «статистами» тушинского лагеря, выведенными А.Н. Островским в хронике «Тушино»), – как «стаи птиц» (хищных – глупых – каждый человек – определенный птичий характер; к этому здесь добавляются еще и метафорические оценки исторической обстановки «шутком») Но главная линия – духовная метафористика В. Шуйского, который начинает царствовать со словами: «Не в одеянии, не в ризах толк. Парча не сделает светлей того, кто весь внутри-то сгнил и омрачился...», – продолжает в том же духе: «Слово... Вода глубоко в сердце мужа – изнесено; река, источник жизни, смерть и живот... Не убивал я, Господи; не убивал, а прошептал словцо, что после век внимавшему, что яд снесало, разрушая сердце...» и т.д. (монологи наедине с собой). И заканчивается предсмертным монологом В. Шуйского, заключенного в Гостыньском замке, на протяжении которого он философствует на разные темы, начиная с превратностей личной и человеческой судьбы и заканчивая покаянным обращением к Богу и Святой Руси.

Характерно, что с продвижением драмы вперед эти метафорические монологи все больше обращаются от реальных вещей к мистическим, иррациональным, сугубо внутренним переживаниям; они становятся все менее понятными внешне и все больше воздействуют на какие-то душевные, психические «рецепторы» восприятия. Это сильное эмоциональное воздействие в конечном итоге способствует усвоению того настроения пьесы, и тех ее смыслов, о которых было сказано выше. Мы видим в этом черты нового художественного стиля, законы которого будут сформулированы и выражены несколько позднее.

На наш взгляд, Н.А. Чаев, продолжая художественные поиски А.Н. Островского, идет дальше, являясь в какой-то степени, «промежуточным звеном» на пути к «новой драме», для которой выражение иррациональных субстанций станет главной задачей и пусть в другом пространстве (не истории) она будет использовать приемы, сходные с теми, которые интуитивно находил Н.А. Чаев в своей исторической драматургии.

Примечания

¹ См., например: Лотман Л.М. Драматургия шестидесятых годов (общий обзор) // История русской литературы в 10 тт., т.8, Ч.II, СС.400-401; Ее же А.Н. Островский и русская драматургия его времени., М.-Л., 1961. СС. 271-273.

² Анненков П.В. Чаев и гр. А.К. Толстой в 1866 г. // Анненков П.В. Воспоминания и критические очерки, СПб, 1879, Ч.II. СС.323-324.

³ См.: Скабичевский А.М. Соч. Т.1., СПб., 1903, СС. 783-788.

⁴ См.: Писарев Д.И. Прогулка по садам российской словесности // Писарев Д.И. Литературная критика в 3 тт., Т.2, Л., С.275-276.

⁵ Островский А.Н. Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский. // Островский А.Н. Полное собрание сочинений. В 16 т.

⁶ Чаев Н.А. Дмитрий Самозванец. // Эпоха, 1865, Т1.

⁷ Чаев Н.А. Царь и великий князь всея Руси Василий Иванович Шуйский. М., 1886.

⁸ См. подробнее: Дризен Н.В. Эпизод из жизни А.Н. Островского // Исторический вестник, 1906, № 11, С.528-543.

⁹ Чаев Н.А. Князь Александр Михайлович Тверской. Б.м. и г.

¹⁰ Весёлкин Ф. Лакомый кусок // Гласный суд. – 1867. – №155. – 12 марта. – С.3.

¹¹ Анненков П.В. Там же, С.323.

¹² См. Виролайнен М.Н. Историческая драматургия 1850-1870-х гг. // История русской драматургии. Вторая половина XIX – начало XX вв. – М.1984. – С.309-335.

¹³ Погодин М.П. История в лицах о Дмитрие Самозванце. М., 1835.

В.И. Страдымова

КОНЦЕПЦИЯ ДРУЖБЫ В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ (РАННИЙ ПЕРИОД)

Ивановский государственный химико-технологический университет

Статья посвящена феномену дружбы, одному из аспектов межличностных отношений, интерес к которым в последнее время значительно возрос в связи с всеобщей гуманизацией современной жизни. Для рассмотрения аспектов восприятия дружбы в ранний период древнегреческой цивилизации (гомеровская Греция и период «семи мудрецов») привлекаются тексты гомеровских поэм и других античных источников.

В последнее время наблюдается все возрастающий интерес к гуманитарным ценностям, заложенным в основу некоторых этических представлений. Изучение сферы межличностных отношений представляется сегодня весьма актуальным, и поэтому общество все чаще обращается к вопросам о философско-этических ценностях, моральных принципах, определяющих смысл существования человека. В античности зародились основные нравственные представления, среди которых одним из важнейших является дружба. В сознании людей дружба представлялась величайшей социальной и нравственной ценностью.

В современном понимании дружба – это «форма общения людей, основанная на общности интересов, взаимном уважении, взаимопонимании и взаимопомощи; предполагает личную симпатию, привязанность и затрагивает наиболее интимные, душевные стороны человеческой жизни; одно из лучших нравственных качеств человека» [5, с.76]. Дружба вырабатывалась в процессе многовекового социального общения людей, что позволяет, вполне обоснованно, обратиться к истокам возникновения этого этического феномена.

Уже со времен античности вопрос о том, что такое истинная дружба, и является ли она необходимым условием для полноценного существования индивида, вызывал у мыслителей повышенный интерес. Общеизвестно, что античность – культура исключительно мужская, женщина в ней рассматривалась греками лишь как мать их детей, домоправительница. Носителем же духовной жизни был в античности

мужчина. Укоренившееся предубеждение о невозможности испытывать возвышенные чувства по отношению к женщинам, чтобы не оказаться в их подчинении, заставило мужчин направить все свои аффективные проявления в сферу дружеских отношений. Поэтому дружба мыслилась (и это было общепризнанно) чисто мужским занятием, а «институт дружбы» был открыт исключительно для мужчин. Г. Лихт утверждает: « все, что сделало Грецию великой, все, что создало греческую цивилизацию, которой мир будет восхищаться до конца своего существования, уходит корнями в беспрецедентную этическую оценку характера мужчины в общественной и частной жизни» [3, с.354]. Но хотя в сознании древних греков идеал настоящей дружбы носил мужской характер, персонифицированный образ дружбы имел женский образ. Действительно, символом дружбы в Греции являлось изображение молодой девушки, одетой в длинное платье с загнутой кромкой, одну руку она прижимала к груди, а другой прикасалась к рассеченному молнией дубу, обвитому виноградной лозой [7, с.277]. Все эти элементы, сопровождающие образ девушки, несут определенную смысловую нагрузку. Так, вяз – это символ невзгод и неудач, которых не боится дружба, виноград же символизирует радость от дружеского утешения. Сам факт того, что дружба представлялась грекам в образе молодой девушки, свидетельствует, на наш взгляд, о том былом величии, какое имели женщины в архаическое время.

После дорийского завоевания, в эпоху «гомеровской Греции» в Элладе господствовало мифологическое мировоззрение. Сложившийся к этому времени эпос явился преломлением раннеклассового аристократического микенского строя в более примитивном дорическом сознании. Однако эпос – это скорее художественно-мифологическое, нежели религиозно-мифологическое мировоззрение, так как в центре эпоса находятся люди и полубоги (герои), боги пребывают на периферии, они – соучастники человеческой драмы, их интересы переплетены с интересами людей. Гомеровский эпос – это, прежде всего, художественное произведение, которому присущи все черты художественного поэтического текста. Поэтому, изучая гомеровский эпос как одну из форм античной предфилософии, необходимо это учитывать и пытаться выявить мировоззренческие вкрапления из всей массы литературного (художественного) текста.

В гомеровском эпосе рассматриваются, главным образом, начала мироздания; не удивительно, что космология – одна из центральных тем гомеровского эпоса. В нем затрагиваются также вопросы социо-антропоморфизма, что выражается в отношениях кровного родства между сверхъестественными мифологическими личностями. Следует отметить, что в отличие от богов Древнего Египта, обладающих, как правило, биморфизмом (полулюди-полузвери), боги гомеровского эпоса – существа антропоморфизированные.

Не менее важное, чем космология, место в гомеровском эпосе занимают вопросы отношений человека и богов, существование в независимости от которых мыслилось невозможным. Так, поэма «Илиада» – это повествование о том, как люди были вовлечены по воле богов в кровопролитную войну. Более всего эта, во многом мифологическая, поэма, в которой царит смерть, воспевает любовь к жизни, однако честь человека она ставит много выше жизни и делает ее сильнее воли богов [2, т.1, с.49].

Античная мифология не отличалась ни нравственным уровнем, ни морализированием. У Гомера всё в нравственном отношении безразлично, кроме мужества – главной и единственной добродетели, и трусости – главного и единственного порока. Упреки совести Одиссею неведомы. Между тем совесть – это «переживание расхождения между должным и сущим в поведении человека» [4, с.114]. Эпический же

мир полон чувств и мыслей, которые находят свое выражение в поступках героев. В сфере чувственных переживаний следует отметить дружбу, любовь и даже чувство отъединения, «индивидуализма», присущие гомеровскому эпосу. Характер сведений о греческом эпосе, которыми мы располагаем, не позволяют делать далеко идущие выводы о выяснении столь важного для человека установления принципов изображения такого понятия, как «дружба». Можно лишь свидетельствовать, что эпическая дружба (φιλία) являла собой нечленимое единство долга и симпатии и рождалась как результат взаимоподдержки в процессе совместных действий, дел, подвигов.

Действительно, особенностью эпической дружбы является то, что она не связана ни с кровным, ни с приобретенным родством. Это – воинское товарищество, очень похожее на ритуализованные личные отношения. Друзьями в «Илиаде» называются все, кто делает общее дело – Агамемнон перед битвой обращается ко всем воинам: «Други, вожди и правители храбрых Данайцев!» (XI,276); воины не могли помочь другу Перифету, убитому Гектором (XV,650-652); Аякс в жесточайшей битве призывал греков: «Други, Данаи-герои, безстрашные слуги Арея!» (XV,732-734). Друзьями в поэме называются господин и слуга, которые вместе были на поле брани – Ликург подарил своему слуге (ратному другу) Эревфальону тяжелые доспехи, снятые с поверженного троянца (VII,14). Друзьями могли быть воины-союзники (VI, 111-112) или люди, связанные узами гостеприимства (VI, 234-225). Все друзья друг другу милы, любезны. Уже само понятие «друг» включает этот личностный оттенок значения: «ο φίλος – одновременно и «друг», и «любовник», φίλος – «дружественный» и «милый», «дорогой», «приятный». Наряду со словом φίλος «друг» у Гомера встречается слово «εταίρ, ρος «товарищ», «спутник», различие между которым определяется лишь степенью дружеского расположения. При этом оба значения обычно взаимозаменяемы. Так, «товарищи», спутники гомеровского Одиссея – как правило, его друзья (VIII,581-586; IX,63; X,172-174; XI,344; XI,33,309 и др.), а «друзья» – это те, с кем он делит свои дела, труды, походы (II,225,253-254; IV,169; XXII,208-209 и др.).

Слово «φίλος», в привычном значении «друг», по своему происхождению – местоимение, имеющее значение обладания «своей». Это слово, в первую очередь, означало кровных родственников, затем вообще близких, далее – доброжелателей и соратников. Таким образом, уже в гомеровскую эпоху произошла трансформация понятия «φίλος» от «своего» к «другому», но «близкому», причем слово приобрело не только констатирующий, но и оценочный характер, известную эмоциональную нагрузку, выражая идею взаимной поддержки, связи, союза [6, с.198]. Друзьями нарекаются люди, на которых можно положиться в ненадежном окружающем мире.

Вместе с тем, дружеские отношения различаются по степени расположения любви: Ахилл более прочих любит Патрокла, а после Патрокла – Автомедона и Алкима (Ил. XXIV,572-575). Идоменей наибольшую симпатию питает к Мериону (Ил. XIII,249) и т. п. В «Илиаде» рассказывается, как Диомед сразил Энея и как возник Диомед Сфенел:

*Бросился быстро на праздных Энея коней пышногривых,
И, отогнав от троян к меднолатным дружинам ахеян,
Другу отдал Деипилу, которого сверстников в сонме
Более всех он любил по согласию чувств их сердечных*

(Ил.V,323-326).

Сфенел уважал, почитал всех своих сверстников, дружинников, но «более всех» он любил Деипила. Любил потому, что у них было «согласие в мыслях», а если точнее, то «равное на сердце».

Таким образом, основу эпической дружбы составляют в большей степени не чувства, а действия, проявление взаимной поддержки; личная приязнь и общественный интерес сливаются воедино. Понятие же «дружба» представлено в эпосе словом ἡ φιλοτις, приложимым равно и к дружбе двух людей, дружбе частной, и к дружбе – союзу племен, народов, т.е. к дружбе в том же понимании, имеющей общественный смысл (Ил. III, 73, 94, 323, 453; IV, 16).

Зарождение древнегреческой этики и дальнейшее развитие представлений о дружбе связано с «семью мудрецами», время деятельности которых VII – начало VI века до н.э. Это конец четвертого (после Эгейского неолита, Критской и Микенской Греции, «гомеровской Греции») периода в истории Эгейского мира – периода архаической Греции (VIII-VII вв. до н.э.). В VI в. до н.э. Эллада вступает в век железа, одновременно с этим происходит отделение ремесла от земледелия, что дает толчок к развитию античного полиса – города-государства, в котором входящие в полис сельские местности экономически и политически подчинены городу. Развиваются товарно-денежные отношения между людьми. Именно в эту эпоху зарождается тираническая форма правления – в Мегаре, Коринфе, Милете, Эфесе и других полисах Эллады.

Мудрость «семи мудрецов» нельзя отнести ни к науке, ни к мифологии. Здесь проявляется третий духовный источник философии – обыденное моральное сознание, которое достигает уровня житейской мудрости и проявляется в пословицах, поговорках, сентенциях, гномах, отражающих социальность человека.

Начинают складываться первые немифологические системы взглядов. Миру богов героев противопоставляется осмысление обыденного сознания в афоризмах, которые не имеют, по своей сути, ничего сверхъестественного. Такие афоризмы имели форму всеобщности. Изречения «ничего сверх меры» и «познай самого себя» (ὄλι σῆαυτόν γυνω) были даже высечены над входом в дельфийский храм Аполлона [1, с.490,527]. В этих афоризмах можно увидеть зарождение древнегреческой этики. Конечно, этика – наука о нравственности, а не сама нравственность, однако нравственное сознание – это уже начало этики. Один важнейший принцип объединял складывающиеся этические нормы. Он был продиктован Гесиодом: «Меру во всем соблюдай!» (Гесиод. Труды и дни.350). Исходя из этого, умеренность понималась как благо, а безмерность, соответственно, как зло. Говоря о складывающихся этических нормах, нельзя не назвать имена поэтов-моралистов, таких как Феогнид Мегарский, а также некоторых из «семи мудрецов» – Хилон (200 стихов), Питтак (600 стихов), Клеобул (3 тысячи стихов) (Диоген Лаэртский I, 71, 73; 78, 81; 89, 90, 93).

Выдающимся поэтом был мудрец и законодатель Солон. Анализируя свой жизненный опыт, а также душевное состояние окружавших его людей, Солон формирует особый взгляд на феномен дружбы. Среди советов Солона есть и такой: «Заводить друзей не спеши, а заведши, не бросай» (Диог. Лаэрт. I, 60). Таким образом, античный мудрец предостерегает тех, кто пытается завязать дружбу с человеком, не удостоверившись полностью в подлинности своего чувства. Своим коротким советом Солон призывает ценить это ни с чем не сравнимое чувство – чувство дружбы.

Другой античный мудрец Биант считал, что друга можно приобрести и потерять в споре. «Лучше разбирать спор между своими врагами, чем между друзьями, ибо заведомо после этого один из друзей станет твоим врагом, а один из врагов твоим другом» (Диог. Лаэрт. I, 87). В этом наблюдении Биант делает акцент на том, что у друзей не всегда совпадают взгляды, и следствием этого может стать спор, чаще всего заканчивающийся не в пользу дружбы. Так как друг является одним из самых близких людей, он претендует на некоторые чувства со стороны другого члена их маленького дружеского союза. И это естественно. Однако у Бианта есть некоторые

опасения: «Друзей надо любить так, будто они ответят тебе ненавистью, ибо большинство людей – злы» (Диог. Лаэрт. I, 87).

Таким образом, происходит эволюция понятия «дружба» от гомеровского эпоса до начала этики «семи мудрецов». В связи с зарождением этических представлений феномен дружбы становится объектом наблюдения философов, которые синтезируют его и оформляют в виде изречений на нравственные темы.

Дальнейшее развитие и изменение представлений древних греков о дружбе происходит в классической Греции.

Список использованной литературы

1. **Бабичев Н.Т. Боровский Я.М.** Словарь латинских крылатых слов. М., 1997.
2. **Боннар А.** Греческая цивилизация: в 2-х т. / Пер. с франц. Ростов-на-Дону. 1994.
3. **Лихт Г.** Сексуальная жизнь в Древней Греции. М. 2003.
4. **Чанышев А.Н.** Курс лекций по древней философии. М. 1981.
5. **Шестаков В.** Дружба // Философская энциклопедия: В 5 т. М. 1962. Т. 2.
6. **Шгаль И.В.** Художественный мир гомеровского эпоса. М., 1983.
7. Grand dictionnaire universel du XIX siècle / Par P. Larousse. Paris. 1865.

Ю.Л. Цветков

МОДЕРН И МОДЕРНИЗМ В ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

Ивановский государственный университет

Рассматриваются проблемы периодизации и нового смыслового наполнения литературного процесса двух предшествующих столетий. Под модерном понимается литература с начала 19 века, фиксирующая неблагополучие личности во враждебном обществе и достигшая значительного развития на рубеже 19-20 веков. Модернизм начала 20 века естественно продолжает традиции модерна в новых формах отчуждения личности: абсурда, хаоса, игры – и намечает пути преодоления отчуждения.

В последнее десятилетие российское гуманитарное знание стремится к выдвиганию концептуально сильных научных проектов, которые могли бы конкурировать на мировом рынке идей. У нас успешно продолжают интересными, междисциплинарными, поэтологическими и другими исследованиями. Особое внимание уделяется переходным периодам, зонам «повышенного риска», для которых характерна неопределенность доминант литературного процесса: «Лишь последующее развитие литературы позволяет ответить на вопрос, в каком направлении произошел переход, внутри же периода он ощущается как некая неясность, повышенная изменчивость, заметная аморфность большого числа явлений». [5, с.10] В постперестроечное время появилась возможность обратиться к опыту современной западной, в данном случае к немецкоязычной историко-философской мысли. В ней существование глобальных теорий (по Ж.-Ф. Лиотару «метанарраций») хотя и проблематично, по-

сколькx ставится под сомнение сама целесообразность масштабных теоретических проектов, но все-таки возможно. Без усвоения отечественной наукой базовых ориентиров зарубежной культурологии, таких как модерн и модернизм, не могут быть заложены прочные основы для обобщающих начинаний многих исследовательских проектов. Введение в научный обиход нашего литературоведения термина *модерн* как качественной характеристики эпохи и специфической идеологии представляется настоящей необходимостью.

В осмыслении литературного процесса последних столетий зарубежное знание с большой убедительностью дефинирует такие тесно связанные между собой понятия, как *модерн*, *модернизм* и *постмодернизм*. Два последних из них имеют в отечественном гуманитарном знании совершенно определенное семантическое наполнение. Среди зарубежных теоретиков культуры существуют значительные расхождения в конкретизации отдельных элементов прочно утвердившейся триады-парадигмы, однако закономерная последовательность вектора развития: от модерна к постмодернизму не вызывает каких-либо возражений. Ганс Роберт Яусс (1921—1997) с иронией писал в «Штудиях по эпохальному изменению эстетического модерна» (1989): «Призрак бродит по Европе — призрак постмодернизма», — и отмечал удивительную продуктивность префикса «пост» не только в культурологии и постструктурализме, но и в исторических и социальных науках, например, *постиндустриальное общество*, *посткапитализм*, *постистория* и др. [7, S.87].

Макро- и микроэпохальная диалектика в изучении гуманитарных проблем не может создать универсальную и законченную систему координат: «Макро- и микроэпохальные понятия являются всегда, что давно известно в науке по глобальным проблемам, *конструктами* интерпретатора. Они представляют собой, как и все понятия, *операциональные вспомогательные средства* для лучшего постижения какого-либо феномена. Одновременно справедливо и другое: эвристическая ценность понимания эпохи должна всегда доказываться материалом, ради дифференцированного уразумения которого она и изучается» [6, S.15]. Без учета вышеназванной релятивности любого конструкта нельзя правомерно ставить вопрос о разработке специфических смысловых образований. Главное, чтобы элемент субъективности не разрушал самоосмысление культурных феноменов. Решить проблему конституирования модерна от его истоков до современного, по словам Ж.-Ф. Лиотара (1924—1998), «состояния постмодерна» как «недоверия в отношении метарассказов» можно благодаря тому, что эксплицируются ранее неявно подразумеваемые трактовки, связи и ассоциации исторических микроэпох, приобретающие при однонаправленном развитии макромодерна свое содержание и актуальность [4, с.10].

На вопрос об изменившейся природе прекрасного впервые дал исчерпывающий ответ, считает Яусс, Шарль Бодлер (1821—1867) в статье о Константине Гису «Поэт современной жизни» (1863). Чувство новизны ассоциируется у Бодлера с переходящим понятием прекрасного. Оно лучше всего выражается в феномене моды, исходном пункте модерной бодлеровской эстетики. В моде Бодлер видит двойную привлекательность: она воплощает поэтическое в историческом, вечное в переходящем, в ней проявляется прекрасное не как безвременный идеал, а как идея, которую создает человек о прекрасном, в ней аккумулируются мораль и эстетика эпохи, которая позволяет человеку быть таким, каким он хочет быть [7, S. 89-96]. Мода, по Бодлеру, устраняет двойственную природу прекрасного и декларирует его новизну, которая не устаревает: «Новизна составляет переходную, текучую, случайную сторону искусства; вечное и неизменное определяет другую его сторону» [2, с.800]. Важную пограничную линию между двумя эпохами Бодлер прочерчивает, по мнению Яусса, отрицая руссоистский идеал природы, провозглашая «сверхприроду» и эстетизируя

индустриальную революцию. В начале концептом Бодлера «сверхъестественной» поэзии модерна была аналогия с употреблением гашиша: эстетическая утонченность, которая возвышает современного человека над его падшей природой и приводит в его воображении к «преумножению индивидуальности». Бодлер пишет о «новом Адаме», искусственном по своей природе. Тем самым устраняется классическое представление «наивного» у Руссо. Эстетическая переоценка природного изменяет и моральные нормы, представления об аллегории и создает программу эстетизма [7, S. 166-188].

Новый эстетический прорыв модерна, считает Яусс, знаменует программное стихотворение «Зона» цикла «Алкоголи» (1912) Гийома Аполлинера (1880—1918), в котором поэт прощается со старым миром прошлого, чтобы прокламировать красоту городской цивилизации и искусство индустриального общества. По оценке Яусса, Аполлинер основывает новую эстетику симультанализма: из разрозненных обрывков и их монтажа, аналогом чего может служить кубистическая (П. Пикассо, Ж. Брак, Х. Грис) и орфическая живопись (Р. Делоне, Ф. Купка). Эпатирующее начало модернизма проявляется здесь в самоотчуждении распавшегося на части субъекта, который воспринимает фрагменты-воспоминания о своей жизни как встречу с чужим «я». Потеря целостного опыта, который не могут воскресить отрывочные воспоминания, а также попытка ухватить утраченную идентичность в погоне за «потерянным временем» (М. Пруст) представлены в «Зоне» многоголосием отчужденного субъекта. Первые коллажи Пабло Пикассо (1881—1973) могут рассматриваться как своеобразная иллюстрация к стихотворению Г. Аполлинера [7, S. 216-256].

Если процесс современного обновления, наметившийся еще в «Споре древних и новых», радикализировался, то современное состояние постмодернизма означает для Яусса впервые в истории эстетического модерна сознание наступившего «разрыва старого и нового». Эстетический дискурс модерна, таким образом, конституирует макроэпоху модерна не простой последовательностью концептов микроэпох. Современное эстетическое развитие от Руссо и раннего немецкого романтизма до последней трети XX века подготовило своеобразный *постмодернистский взрыв*, изменивший наши представления об эстетических категориях.

С. Виетта — профессор университета в Хильдесхайме — предлагает концепт немецкоязычного *литературного* модерна. Глубокий кризис сознания западного человека после Великой французской революции, считает Виетта, убедительно эксплицируется в произведениях Фридриха Гёльдерлина, Генриха фон Клейста, йенских романтиков, Георга Бюхнера, Фридриха Ницше, Гуго фон Гофманстала, Райнера Марии Рильке, Роберта Музиля, Франца Кафки, Ингеборг Бахман, Томаса Бернхардта и Петера Хандке. Литературный модерн, по мнению Виетта, начинается с появления самостоятельных утопических художественных концепций мира и человека, в которых вначале достаточно робко, а затем всё сильнее звучат критические голоса недовольства и неприятия по отношению к научно-техническому и социально-экономическому развитию общества, которое своими разумными доктринами и силой власти ограничивает природную полноценность и свободу волеизъявления человека, превращая его в однобокий, ограниченный и ущербный конструкт рационального антропоцентрического мышления [8, S. 10].

Первым шагом раннего модерна Виетта считает обособление формального языка и стремление к утверждению *автономности литературы*, которая пока ещё не отграничивается от действительного мира защитными теориями «чистого искусства», но становится утопической ради примирения человека с самим собой и природной средой. Кризис современного сознания адекватно проявляется и в языке. Специфическими средствами иронии, пародии, сатиры, эстетикой безобразного и фраг-

ментарностью литературный модерн участвует в процессе деконструкции традиционной метафизики и теологии. Конституирующей чертой модерна как макроэпохи выступает его принципиальная *оппозиция к философскому рационализму и общественному цивилизационизму*. По мнению Виетта, «все центральные проблемные узлы литературного модерна уже запрограммированы в историко-философских началах раннего модерна», в частности в новелле йенского романтика Вильгельма Генриха Вакенродера (1773—1798) «Достопримечательная музыкальная жизнь композитора Йозефа Берглингера» (1797), в которой автор утверждает, что прекрасное в искусстве и, прежде всего музыке, можно постичь только чувством [8, S.11]. Вопрос о политической ангажированности, религиозных воззрениях и нравственных ориентациях писателей модерна представляется весьма существенным: «Они должны быть признаны условиями модерна, а это означает, условиями относительной автономии литературного текста. При этом выясняется, что с обособлением литературного языка в тексте накапливается значительный критический потенциал, но не в виде политической конфликтности, а в смысле *принципиальной современной критики литературы*» [8, S. 11]. Политическую функциональность этой критики необходимо подробнейшим образом изучать, считает исследователь, а в целом политизация литературы в модерне означает потерю горизонтов ожидания. Многие из современных авторов: Ф. Гёльдерлин, Новалис, Р. Музиль, Ф. Кафка, И. Бахман стояли в стороне от политических движений, а в некоторых случаях, например в творчестве Г. Бюхнера, политика и литература находились в оппозиционных отношениях. Иными словами, исследование литературы модерна своей стратегией должно иметь изучение политического пространства художественного текста, а не выяснение тех или иных перипетий политических установок времени.

Литературный модерн как *макроэпоха* представляет собой в концепции Виетта непрерывающуюся критику философского цивилизационизма или «большого нарратива» (Ж.-Ф. Лиотар). Это концепция противостояния, сомнения и неприятия оптимистического пафоса научно-технической модернизации, а следовательно, и альтернативная картина мира, контroversная парадигма ценностей, направленных на самоутверждение. Виетта выделяет пять основных признаков рационалистического начала, свойственные философскому модерну, которые стали мишенью критики литературного модерна: 1) точность и системная структура математики, то есть того рационализма, который формировался в русле философии Рене Декарта и Томаса Гоббса, что привело к расцвету современных точных и естественных наук; 2) общественный рационализм как особый вид мышления, подавляющий природу в целом и человека как её части; 3) технический и экономический прогресс, изменивший жизненные и коммуникативные условия жизни людей, приведя их к постиндустриальному обществу; 4) рефлексивный и критический характер рациональности, открывший исследовательское пространство эксперимента; 5) новое временное осознание постоянной изменчивости и динамики новаторских идей, то есть идеологии общественно-экономического прогресса [8, с. 28-30].

Итак, можно сделать замечания о качественных параметрах понятия *модерн*. Макроэпохально он эксплицируется как исторически и саморефлективно сложившийся культурный феномен, появившийся более двухсот лет тому назад в западноевропейских странах. *Модерн* — это ожидаемое и необходимое для функционирования культуры явление, возникшее первоначально из понятий современности, новизны и моды и сохраняющее имплицитно этот основополагающий смысл, не ограничиваясь им. Модерн в понимании одних современных исследователей служит перспективной модернизации общества, и поэтому такой проект остается открытым (Ю. Хабермас), для других модерн представляет собой историко-философскую и литера-

турно-художественную категорию как специфическое мироощущение, наиболее полно выражающееся в отчуждении человека в мире рациональной упорядоченности и общественного угнетения. Формами их неприятия становятся современные философия, эстетика, литература и искусство с их воплощением идеи автономности личности и её самоопределения. По точному определению Т. Адорно, «"модерн" определяется общественным образом в результате конфликта с производственными отношениями и внутриэстетически, путем отказа от уже использованных и устаревших приемов художественной техники» [1, с.53]. В модерне не существует ничего умеренного и усредненного. Это энергия, распространяющаяся на критическое восприятие как природного мира и социума, так и средства художественной выразительности, формы, техники или язык. Модерн радикализуется в своем развитии путем отрицания наступающего цивилизационизма до форм неприятия и разрыва с ним. Адорно убедительно констатирует: «Признаки разложения, распада — вот печать, которой подтверждается подлинность модерна; именно с помощью этих средств современность отчаянно отрицает замкнутость вечно неизменного; одним из её инвариантов является взрыв. Антитрадиционалистская энергия взвихривается всепожирающим смерчем. В данном отношении «модерн» — это миф, обращенный против самого себя; его вневременность становится катастрофой для мгновения» [1, с.37].

Таким образом, дифференцированное знание о динамике развития модерна как макроэпохи в её внутренних связях, противостояниях и разрывах задают микроэпохи, представляющие собой исторические этапы различного современного наполнения: латентного, новаторского или более или менее регрессивного. *Авангард* — это крайнее проявление энергетики модерна, направленной в социальную сферу и разрушающей общепринятые эстетические нормы. *Модернизм* представляет собой термин, сложившийся в англо- и русскоязычной культуре как аналог современных инноваций с начала XX века. Его можно рассматривать в общем развитии макроэпохального модерна как период наиболее смелых и удачных экспериментов писателей, художников и композиторов XX века, начиная с Марселя Пруста, Джеймса Джойса, Франца Кафки, Пабло Пикассо, Василия Кандинского, Арнольда Шёнберга, Альбана Берга и др. Модернизм принципиально не принимает одномерную и конечную картину мира и раз и навсегда данного человека. По авторитетному мнению А. М. Зверева, модернизм противостоит «принципу репрезентации»: «Для модернизма характерно пристрастие к изображению действительности как хаоса и абсурда; личность чаще всего описана в контексте её отчужденности от социума, законы которого ею воспринимаются как непостижимые, алогичные и иррациональные. Ситуация отчуждения, с которой человек сталкивается и в общественной, и в частной жизни, постоянно убеждаясь в невозможности реального взаимопонимания и диалога с другими, порождает комплекс «несчастливого сознания», воссозданный во многих наиболее значительных произведениях модернизма, начиная с творчества Ф. Кафки» [3, с.568]. Современное отечественное литературоведение, обходясь, большей частью, без термина модерн, предполагает наличие подготовительной эпохи модернизма, а именно *романтизма*, в котором обнаруживаются многие сходные идеи, мотивы и жанры. Поиски отечественными литературоведами новых подходов в изучении романтизма привели к концепции, в которой художественные явления XIX века рассматриваются как явления «романтической эпохи» в широком смысле (М. В. Толмачёв, М. И. Бент, Д. Л. Чавчанидзе, С. Н. Зенкин и др.). Такое понимание романтической эпохи, в которой начинают складываться предмодернистские тенденции, можно с полным правом назвать «модерными».

Модерн не отрицает сложившиеся исторические литературные и художественные направления и школы, так называемые «измы». Многие из них обнаруживают современные или даже постмодернистские черты, которые могут вскрываться сразу

и скандально или спустя много лет: «Нигде историческая сущность любого искусства не выражается с такой силой и яркостью, как в качественной необоримости «модерна»,— писал Адорно [1, с.53]. Модерн и постмодернизм — это самостоятельные и одновременно тесно связанные между собой категории культуры. В социально-историческом контексте *постмодернизм* можно рассматривать как коррелят модерна, в эстетическом же плане постмодернизм — контрагент модерна. Исследовательская парадигма макроэпохи модерна в немецкоязычных странах предполагает изучение качественно различных исторических микроэпох, развивающихся во всей диахронно-синхронной сложности, дискурсивной динамике, начиная с *раннего модерна*: романтическая эпоха XIX века, *зрелого (или исторического) модерна*: рубеж XIX—XX веков, *модернизма (или классического модерна)* в общепринятом в нашей культурологии понимании и *постмодернизма*: последняя треть XX века.

Список использованной литературы

1. **Адорно Т.-В.** Эстетическая теория. М., 2001.
2. **Бодлер Ш.** Поэт современной жизни // Бодлер Ш. Цветы зла. Обломки. Парижский сплин. Искусственный рай. Эссе, дневники. Статьи об искусстве. М., 1997.
3. **Зверев А.М.** Модернизм // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001.
4. **Лиотар Ж.Ф.** Состояние постмодерна. СПб., 1998.
5. **Луков В.А.** Теоретические основы истории литературы // Луков В. А. История литературы: Зарубежная литература от истоков до наших дней. М., 2003.
6. **Ästhetische Moderne in Europa: Grundzüge und Problemzusammenhänge seit der Romantik.** München, 1998.
7. **Jauss H.R.** Studien zum Epochenwandel der ästhetischen Moderne. Frankfurt a. Main, 1989.
8. **Vietta S.** Die literarische Moderne: Eine problemgeschichtliche Darstellung der deutschsprachigen Literatur von Hölderlin bis Thomas Bernhard. Stuttgart, 1992.

С.Г.Шишкина

ЛИТЕРАТУРНАЯ АНТИУТОПИЯ: К ВОПРОСУ О ГРАНИЦАХ ЖАНРА

Ивановский государственный химико-технологический университет

В статье рассматривается проблема специфики литературного жанра антиутопии. Доказывается, что антиутопия обладает стойкими типологическими признаками интернационального характера. Исследуется сходство и различия антиутопии с литературной утопией. Определяются границы некоторых жанров прогностико-предостерегающего характера. Автор статьи, на основании изученного теоретического и практического материала, предлагает собственное определение литературного жанра антиутопии.

Принято считать, что утопия как способ социального мышления появилась вместе с оформлением государства в систему институтов. Утопические мотивы,

мечты о лучшем возможном будущем в несуществующем месте (в переводе с греческого «у» - «топия» - место, которого нет) в литературных произведениях прослеживаются задолго до выхода в свет сочинения Томаса Мора «Золотая книга, столь же полезная, как забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии», больше известного как «Утопия» (1516). Антиутопия, будучи генетически и тематически связана с утопией, сопутствует ей на всех этапах развития человечества. Традиция антиутопического мышления тоже насчитывает более 2500 лет. Антиутопические мотивы, еще не сформировавшиеся в самостоятельный жанр, можно встретить уже в «Государстве» Платона, в философии «киников», в комедии Аристофана «Женщины в народном собрании» и т.д. Вместе с развитием философии и естественнонаучных знаний растет и число произведений, в которых утопические идеи оформляются художественным образом, отделяясь от жанра философских трактатов. Однако вместе с ними увеличивается и количество литературных сочинений, в которых ставится под сомнение возможность осуществления положительных идеалов в силу разных причин. Анализ и критика отдельных негативных сторон социума и экзистенции в нем человека постепенно становятся все более значимыми, переплетаясь с утопией, но при этом обретая все большую самостоятельность, оперируя собственными ценностными характеристиками, приобретая специфические черты жанровой поэтики, что позволяет говорить о формировании особого литературного жанра – антиутопии.

Если согласиться с тем, что литературная антиутопия – анти -, но, тем не менее, самостоятельный жанр, следует, вероятно, признать, что антиутопия, отрицая утопию, развивается на основе характерных для утопии жанровых принципов. В то же время, в соответствии с законами диалектики, антиутопия, в свою очередь, становится отправной точкой для развития утопии, с последующим новым спиралевидным изменением и собственной сути, но уже на основе новой утопии. Таким образом, утверждение «антиутопия состоит с утопией в отношениях диалога» [10, с.183-184], является, бесспорно, справедливым и плодотворным для определения специфики жанра.

Закономерным, поэтому, считается определение антиутопии методом «от противоположного» в соотношении с жанром утопии. Например, «Утопия – идеально хорошее общество, дистопия – идеально плохое и антиутопия – где-то посередине [3, с.11]». Антиутопия считается «зазеркалем утопии [20, с.320]», «перевернутой утопией [17, с.5]», жанром, иронически переосмысливающим ценностные ориентации литературной утопии [8, с.233-251]. По мнению философа А.Баталова, «антиутопия – принципиальное отрицание утопии утопическими же средствами, произвольное конструирование образов иного мира, призванных отбить у читателя всякую охоту изобретать, а главное пытаться осуществить утопические проекты [1, с.264-265]». Асимметричные принципы повествования о мире, по мнению большинства исследователей, и отличают утопию от антиутопии, что справедливо как по отношению к модели мышления, так и к жанровым характеристикам. Отмечается, что литература опровергает утопию не логическими рассуждениями, не демонстрацией исторического «так не выходит», но самым способом своего бытия, самой возможностью повествования о мире [6, с.4-5]. Утопия пренебрегает границей между фантазией и реальностью, антиутопия стремится их подчеркнуть [8]. При этом переплетение научной фантастики и утопии порождает антиутопию [19, с.100]. Однако от научной фантастики антиутопия отличается явным креном в анализ нравственной проблематики даже при рассмотрении достижений научно-технической мысли.

Многоголосицу определений антиутопии сквозь призму утопии можно было бы продолжать довольно долго. К тому же, XX век справедливо считают временем

антиутопического социального мышления, что не могло не сказаться на становлении жанра литературной антиутопии. Подсчитано, что только за четверть века после II мировой войны лишь в англо-американской литературе появились 39 произведений, созданных в рамках утопии, и 199 жанровых разновидностей антиутопии [26; с.358-366]. Причины такого жанрового бума кроются в социальном и научно-техническом опыте человечества и сопряженной с ним опасности потери человеческого в самом человеке и обществе, им созданном. «Надежда на индивидуальное и социальное совершенство человека, которая в философском и антропологическом плане была отчетливо выражена в сочинениях философов Просвещения и социалистических мыслителей XIX века, - писал Эрих Фромм в «Послесловии» к роману Оруэлла «1984», - оставалась неизменной вплоть до конца первой мировой войны... Война ознаменовала начало процесса, которому предстояло в сравнительно короткое время привести к разрушению двухтысячелетней западной традиции надежды и трансформировать ее в состояние отчаяния[22; с.258-259]».

В этом высказывании уже намечена грань между утопией и антиутопией. Воспользуемся определением Л.Сарджента, который считает, что «утопия – это подробное и последовательное описание изображаемого, но локализованного во времени и пространстве общества, построенного на основе альтернативной социально-исторической гипотезы и организованного как на уровне институтов, так и человеческих отношений, - совершеннее, чем то общество, в котором живет автор[25, с.13]». Добавим, что в основе утопических построений лежит мысль, создающая некий утопический хронотоп, вынесенный за рамки настоящего, реального исторического. Заметим, что классические утопии рождались на основе художественного моделирования социально-философских теорий; антиутопии отталкивались от уже реализовавшихся теоретических постулатов. Это, как нам представляется, объясняет некоторую декларативность стилистики жанра, что косвенно подтверждается и в следующем высказывании: «Утопизм есть постоянный и неизбывный соблазн человеческой мысли, ее отрицательный полюс, заряженный величайшей, хотя и ядовитой энергией [15, с.83]».

Этой «ядовитой энергией», своего рода водоразделом между утопией и антиутопией является модель человеческой цивилизации, созданная новым временем. Развитие математического естествознания и тесно связанной с ним техники изменили характер производства; индустриализация цивилизации разрушила традиционные отношения между людьми, превратив личность, по выражению Хосе Ортеги-и-Гассета, в «человека массы» [11, с.83], небывалое насилие человека над природой порвало естественные связи и сделало из природы противника, а не соратника человека; наконец, возрастание насилия, возведение его едва ли не в норму общественной жизни привело к крушению старых идеалов, сделало иллюзорной саму возможность построения справедливо устроенного общества. «А главное, - писал в конце 1915 года русский философ Л.М.Лопатин, - непоправимо и глубоко колеблется самая наша вера в современную культуру: из-за ее устоев вдруг выглянуло на нас такое страшное звериное лицо, что мы недовольно отвернулись от него с отвращением и недоумением [7, с.2-3]». Вот почему совершенно справедливым представляется замечание Н.Б.Якушевой: «Антиутопист – разочарованный или тайный утопист [19, с. 100]». Интересно замечание А.Зверева: «Антиутопия испытывает нравственность существования земного рая [4, с.70]». Еще более горько и обреченно, хотя несколько витиевато, звучит замечание философа А. Некиты: «Антиутопия XX века – литература «потерянных» и «ненайденных поколений [9, с.190]».

Типологическое исследование произведений, созданных в жанре антиутопии, позволяет сделать вывод о приоритете в них общечеловеческого над национальным

в содержательном плане и об особой степени устойчивости жанровой поэтики антиутопии, способствующей ее идентификации при всем разнообразии жанров прогностическо-предостерегающего характера. В своем исследовании «Лексическое представление социокультурного пространства в жанре антиутопии» Тараненко И.В. характеризует их следующим образом: ритуализация жизни, антропоцентричность, статичность времени и замкнутость пространства [14, с.7]. Признавая логичность и значимость данных выводов для констатации основных жанрообразующих признаков, которые объединяют антиутопические художественные произведения, принадлежащие разным культурам и созданные в разное время, нельзя не заметить их неполноту, недосказанность.

Более подробной и полной представляется классификация, предложенная Л.М.Юрьевой [18, с.73-76]. Не цитируя ее дословно, назовем вычлененные этим автором специфические признаки антиутопии: 1) пространство антиутопии – государство с тоталитарной системой управления; 2) территория нового государства отгорожена огромной стеной от всего окружающего мира; 3) порабощение человека подчеркивает абсурд ситуации; 4) прошлое в антиутопиях отвергается; 5) герой произведения – бунтарь-одиночка или коллектив единомышленников, состоящий в оппозиции к существующему строю; 6) тоталитаризму противостоит любовь; 7) описание природы своей красочностью подчеркивает обреченность происходящего; 8) мир не статичен, он конструируется, он только возможен; 9) повествование часто строится в форме дневника; 10) в литературном произведении антиутопического жанра ослабевает преемственность между прошлым, настоящим и будущим. В целом соглашаясь с характеристиками, добавим, что антиутопия – интернациональный жанр, поэтому выводы, сделанные Л.М.Юрьевой применительно к русской литературе, во многом справедливы и для интересующих нас иноязычных художественных произведений. Думается, однако, что и эта классификация не является исчерпывающей и может быть дополнена, а также несколько изменена.

Антиутопия – жанр, исследующий художественными методами и способами сосуществование человека и социума, то есть социальный жанр. Это отмечено и в классическом, как считается, определении антиутопии, принадлежащем М. Квапиен: «Антиутопия – это литературное произведение, представляющее в разнообразных формах отрицательную картину социальной системы, которую автор может наблюдать в тенденциях, существующих в развитии реальных обществ» [23, с.49]. (В данном случае, по-видимому, будет справедливым расширение границы понятия «произведение» до уровня «жанр»). Непонятно, однако, почему в приведенном выше определении базовое понятие «утопия» - как жанр и как система мышления - остается совершенно в стороне). Поэтому закономерным представляется то, что в качестве первого и главного признака всегда называется существование государства с тоталитарной системой управления. Действительно, во всех произведениях действие происходит в государствах, переживших освободительные войны или революции. Социум в романах весьма искусно смоделирован с учетом всех достижений цивилизации. Знание и познание, отрицающие ассоциативное и образное мышление, служат единственной цели – безусловному подчинению большинства меньшинству и поддержанию этой сконструированной модели государственного устройства. В его описании нарочито отчетливо, как нам кажется, видна переключка утопий и антиутопий. Сухое, констатирующее, лишенное определений описание почти дословно повторяет залитые солнцем картины, созданные воображением Платона, Мора, Кампанеллы, Чернышевского. Все это – следствие когда-то произошедших революций, направленных на материализацию утопических идеалов. Однако «что всегда превращало государство в ад на земле – это попытки сделать его земным раем», - грустно заме-

тил когда-то Ф. Гельдерлин. Антиутопия перечеркивает, разоблачает мечту. Тоталитаризм в антиутопических государствах - естественное продолжение революций, в результате которых человек становится заложником идей, им самим созданных, а лозунг «цель оправдывает средства» становится главным. Весьма показательными в этом отношении является образ Рубашова в «Слепящей тьме» А. Кестлера и аллегорические персонажи притчи Д.Оруэлла «Звероферма». Вместе с тем, – и это важно – современная антиутопия говорит о неизбежности тоталитаризма при условии реализации утопических идеалов, поскольку их осуществление синхронно включает в действие механизм перерождения социума в нечто прямо противоположное (О.Хаксли «Остров», «Обезьяна и сущность», М.Булгаков «Багровый остров», В.Войнович «Москва 2042», Т.Толстая «Кысь», В.Аксенов «Москва-ква-ква», романы У. Голдинга, Дж. Оруэлла, П. Акройда.) Социум в антиутопии моделируется, он не статичен, он возможен, но не обязателен. Думается, что и эта характеристика позволяет говорить об отличиях утопии и антиутопии в плане не столько архитектоники произведений, сколько стилистики. Для антиутопии характерна «инверсия утопической тематики» [10, с.185]. Декларативность стиля, присущая утопии, заменяется в антиутопиях другой модальностью, «условной» [16, с.20]. Это уже не «формульная литература [2, с.3]», не пророчество, а, скорее, игра воображения прогностико-предостерегающего характера, что было неоднократно отмечено нами выше.

Место действия в антиутопиях, как верно подмечено Л.М.Юрьевой, замкнуто географически. Это пространство, живущее по своим законам, отделенное от всего остального мира огромной оградой, земляной стеной, многометровым мощным забором, морем, лесами и т.д. Пространство, однако, агрессивно по отношению к главному герою – и это, представляется, основная его функция и ценностная характеристика. Замкнутость пространства, его небольшие размеры и отсюда «просматриваемость» каждого движения лишают героя возможности что-то изменить в системе. Оно – пространство - отталкивает личность, деперсонифицирует ее, выхолащивая человеческое, пробуждая звериные инстинкты послушания, подчинения, ибо только это ведет к физическому самосохранению. Дискурс антиутопии наполнен насилием. «Безумие разума» здесь наглядно и объемно.

Интересны в антиутопии описания природы, также выделенные Л.Юрьевой как отдельный жанрообразующий признак. Любопытно, что мы почти не встречаем лирического повествования, антиутопические пейзажи не расцвечены буйными красками и яркими эпитетами. Природа либо загнана в резервации, либо, как и государство в целом, отделена от нового мира искусственно созданной перегородкой, либо существует как фон жизни низших классов и каст, либо используется прагматически, для воспитания потребностей, необходимых в обществе разумного потребления. На страницах антиутопий нет щебетанья птиц – а если и есть, оно действует на героя раздражающе (Р.Шекли), отсутствует любование красками живого мира. Вполне естественным кажется и отсутствие смеха, улыбок. Это уже не Город Солнца, созданный воображением Кампанеллы и грезами Веры Павловны. Небо затянуто мрачными, тяжелыми или стремительно бегущими серо-стальными тучами. Атмосфера пропитана ощущением страха, который лишь нагнетается сухим констатирующим изображением пейзажей. Солнце светит лишь для Дикаря и ему подобных, либо оно обжигает и создает условия для пробуждения в человеке первобытных чувств, ощущений и желаний (У. Голдинг, О. Хаксли). Отсутствие теплого, ласкающего Солнца, естественной смены времен года, замена динамики естественного природного развития статичностью изображения – еще один символ жизни нового общества, в котором через цивилизацию творится насилие над природой. В результате

она – природа - становится не союзником, а противником человека, наполняя еще больше микрокосм его существования мотивами обреченности.

Добавим, что абсурдность, бессмысленность существования человека обозначены и художественными средствами, методом деперсонификации личности. В романах отсутствуют описания внешности, говорящие о личностных характеристиках персонажей. Упоминаются лишь детали униформы, отличающие, в силу необходимости, одного от другого. Индивидуум становится частью общего лица массы. В «Мы» Замятина персонажи не имеют имен – это всего лишь номера. В романе О.Хаксли «О дивный новый мир» процесс создания количественно одинаковой общности происходит путем изначального вмешательства в механизм селекции. Регламентация природных механизмов рождения приводит к появлению новой формы общественного сознания, когда один думает как все, а все – как один. Общность сознания – еще один показатель деперсонификации. В таких условиях счастье для отдельных особей общества становится синонимом понятия «выполнение долга», а долг – это и есть счастье быть таким, как все, в едином общем «Мы». Мотив безличности бездумной, но послушной массы становится более значимым благодаря и отсутствию качественных характеристик труда, которым заняты герои антиутопии. Их деятельность оценивается лишь количественными показателями. Эра царствования умных машин не принесла одухотворенного труда, как предполагалось в утопиях. Человек, создавая машины, сам создается ими, попадая к ним в зависимость. Такой труд выкидывает из обращения как нечто атавистическое ненужное чувство ответственности, поскольку любой из винтиков огромного механизма, именуемого «труд во имя государства», может быть с легкостью заменен каждым представителем массы. В новом мире Оруэлла границы возможного приложения сил изначально определены принадлежностью к касте, в которой рождаешься, и скачок вверх невозможен.

Нами замечено, что обязательное для утопии понятие исторической и коллективной, диахронической памяти изъято из топоса антиутопии. Человек, зачастую еще до рождения, лишается права на индивидуальную память. У него нет отца и матери - проводников между настоящим, прошлым и будущим. Материализованные памятники культуры – книги, предметы быта – изъяты из обращения или скрыты в спецхранах. (Брэдбери Р. «451 по Фаренгейту», Толстая Т. «Кысь»; Хаксли О. «Обезьяна и сущность», П. Акройд «Бумаги Платона»). Встреча с памятью и рожденный в результате нее ассоциативный образ мышления лежат в основе антигосударственных настроений («Мы»), преступления в виде бунта чувств («1984»), переоценки системы ценностей («О дивный новый мир», «Бумаги Платона»). Память о несовершенном, но живом мире ведет к самоубийству Дикаря Джона, младшего брата Простодушного. Образ потерянной и обретаемой памяти, своеобразная художественная амнезия, в антиутопии меняет наполнение хронотопа – время как бы застывает на нуле или опускается вниз по минусовой отметке. Пытка памятью пробуждает совесть Рубашова (А. Кестлер «Слепящая тьма») и рождает неизменно сопутствующий категориям Совести и Памяти образ Храма, отсутствующего в стекляннокубических городах-близнецах, сошедших с проектов Л.Корбюзье и предназначенная для жителей эры бога Форда. Храм – это чужеродный образ для мира будущего, как, скажем, заводной апельсин вместо настоящего. Порой для разрушения условного линейного романного времени требуются очень сильные внешние раздражители, благодаря которым начинается мозаичный процесс восстановления диахронической памяти, зафиксированный в произведении, иногда и в форме дневника, как это замечено Л.М. Юревой.

Нам кажется, что вычленение данной характеристики как обязательной справедливо лишь отчасти. В классических антиутопиях, форма дневника бунтаря-

одиночки действительно встречается часто, ибо повествование от первого лица подчеркивает контраст между желаемым и ожидаемым, имеющимся и возможным (либо невозможным). Однако функции его не исчерпываются фиксацией происходящего и только необходимостью развития еще одной сюжетной линии. Дневник – это воплощенное свидетельство формирования личностного сознания, вычленение «я» из безликого «мы», ибо «...когда появляется «я», создается сюжет о появлении и развитии личности, который превращает текст в роман [8, с.242]». «Личное сознание – это болезнь», – заметил А.Солженицын. «Чувствует себя отдельно только нарывающий палец, а здорового – будто и нет [13, с.192]». Дневник является своего рода поисками лекарства, таким психологическим паллиативом в больном мире. Художественное слово здесь фиксирует не столько историю, сколько её ценностное восприятие, подтверждая мысль, что «утопия социоцентрична, антиутопия *антропоцентрична*» (выделено мною – С.Ш.) [5, с.98]. К тому же, дневник – материализация сокровенных мыслей – отчетливо и объемно иллюстрирует расщепленность сознания главного героя, его раздвоенность, усиливая трагизм ситуации. Заметим, что в постмодернистском антиутопическом пространстве, наполненном ощущением низвержения незыблемых истин, функция дневника, как и повествования от первого лица (П. Акройд, Д. Барнс), уже другая: заключить некую конвенцию с читателем, разрушить привычную дихотомию «автор – читатель», сконструировать микрокосм «я – не я – читатель», дабы показать зыбкость понятий «истинно-ложно-возможно-реально» и весьма относительную границу между ними.

Наряду с уже упоминавшимися специфическими характеристиками антиутопий мы наблюдаем в ней и такие жанровые особенности, как обилие сходных образов-функций, повторяющиеся мотивы, трафаретность микросюжетов, исключающих альтернативные варианты. Это и системы государств, которым необходимы одинаковые аппараты управления. Это и одна одинаковая идея, воплощенная в образах-типажах. Это, наконец, безликий, но страшный вождь государства – Старший Брат, Благодетель, Первый, Главноуправитель. Одухотворение персонажа руководителя, придание ему личностных характеристик – как это наблюдается на примере Мустафы Монда – только усиливает жуткий контраст искусственно сконструированной модели государственного устройства и цивилизованного общества, созданного в соответствии с законами природы.

В данном контексте нельзя не вспомнить рассуждения Хосе Ортеги-и-Гассета, который, как известно, говорил о том, что XX век впервые привел к власти человека массы, который не будет испытывать комплексы по поводу бескультурья, а будет с наслаждением демонстрировать свои знания, а еще больше – упиваться правами и властью. Этот мотив вряд ли присутствует в утопиях, поскольку «Утопия враждебна тоталитаризму, потому что она думает о будущем как об альтернативе настоящему [16, с.72]».

Именно поэтому уместно отметить еще одну характерную жанровую особенность антиутопий. В XX веке в рамках антиутопического жанра ярко прослеживается и другая тенденция – идея бессилия разума перед животным началом в человеке. В романах нового времени, как когда-то в произведениях Свифта, вновь возникает тревога по поводу того, что человек – это не разумное животное, а, скорее, животное, которое может быть разумным. В наибольшей степени эти мотивы в сатирическом ключе рассматриваются, например, в произведениях Г.Уэллса, М.Булгакова («Собачье сердце») и в философском плане – в романах-притчах У. Голдинга, М. Булгакова («Багровый остров»), О. Хаксли, Дж. Барта, А. Кестлера. Тот факт, что носителями звериного хищно-злобного начала являются дети (У. Голдинг), ставит под сомнение неизбежность поступательного развития истории. Налет цивилизован-

ности легко слетает с человека, извлеченного из цивилизации XX века или попавшего в экзистенциальную «пограничную ситуацию». И тогда, как в «Звероферме» Оруэлла, становится трудно разобраться, где зверь, а где человек.

Весьма интересен хронотоп антиутопии. Художественное время в этом литературном жанре – один из основных, как нам кажется, сюжетных и жанрообразующих элементов. Время в антиутопии живет по своим собственным законам. Оно не исторично. По воле автора-создателя, действие может происходить в далеком будущем (В.Войнович «Москва 2042», «1984» Дж. Оруэлла, «Мы» Е.Замятина, «Обезьяна и сущность» О. Хаксли, «Кысь» Т.Толстой, «Бумаги Платона» П. Акройда и др.), в каком-то моменте прошлого (произведения У. Голдинга, роман А. Кестлера «Слепящая тьма» и др.) и условного настоящего («Остров» О.Хаксли, «История мира в 10 ½ главах» Д. Барта). Период развития событий, как правило, становится понятным из контекста. При этом условное настоящее и время действия наделяются абсолютной самоценностью, не всегда объясняются прошлым, прогнозируют возможное для читателя и автора социальное, но не хронологическое будущее. Временные координаты искорежены, генетическая и историческая память смоделированы по законам условного социума, созданного в антиутопии. Антиутопия исследует не мир в истории, а остановившуюся историю как художественный образ мира, созданный в результате не реального, но вероятного развития цивилизационного процесса. Замкнутость хронотопа антиутопии ведет к возникновению у читателя ассоциаций. Читатель сам связывает реальное и условное настоящее, ищет объяснение происходящего в возможном будущем, смоделированном автором в прошлом, изучает возможное прошлое в «остановленном» процессе развития истории, объясняет происходящее, соглашаясь с гипотезами писателя или отвергая их. Возникает особая жанровая разновидность антиутопии – ахрония, то есть «отсутствие времени» или ухрония (юхрония, юкроника) – антиутопия с определенным неисторическим временем, извлеченным из диахронического процесса и остановленным для стереоскопического рассмотрения смоделированной автором псевдореальности.

Поскольку речь зашла о разновидностях жанра антиутопии, заметим, что в научной литературе как философского, так и литературоведческого плана, существует четкая точка зрения относительно нескольких жанровых подвидов. Выше уже упоминалось определение «дистопия». Для более четкого, хотя и не совсем оправданного его синонимичного употребления с общим термином «негативная утопия», приведем точку зрения О.А.Павловой: «Дистопия – это жанровая разновидность негативной утопии, возникшая в XX веке. Её отличительная черта заключается в том, что она не содержит детально изображенной структуры псевдосовершенного мира – его описание подается через точку зрения «драматизированного сознания» (П. Лаббок) нарратора, носителя мифологем тоталитарного мира, которые постепенно, в ходе развития сюжета, начинают подвергаться сомнению, что и составляет концептуальное ядро произведения [12. с.217]». Важным представляется сформулированное раньше В.Чаликовой определение дистопии, которое дополняет выводы О.А.Павловой: «Художественная дистопия – не роман, а романсе, то есть, повышенно личный текст, с совершенно иными отношениями автора и героев. В текстах дистопии решается задача перестройки сознания [16, с.60]». Приведем еще одно определение, красивое и ёмкое: «Дистопия – опровержение утопических мечтаний, которым противопоставляется реальность, непослушная грезам [4, с.32]». Классическим образцом дистопии считается «1984» Дж. Оруэлла. Добавим, что дистопические мотивы часто использует современная научная фантастика для создания сюрреалистического мира.

Какотопия – «дурное, плохое место». Перевод греческого корня этого слова уже подсказывает функциональные возможности его употребления. Заметим, что «какос» по-гречески еще и «мертвый», то есть термин «какотопия» может употребляться в значении «мертвое место», «место, где жизнь невозможна», или «место, где нет жизни». Необходимо отметить, однако, что в большинстве известных нам исследованиях понятия «антиутопия», «негативная утопия», «дистопия», «какотопия» употребляются абсолютно синонимично, без прояснения принципиального их различия.

Из наиболее часто встречающихся понятий и определений следует также называть «бестиарную антиутопию». Этот аллегорический жанр объединяет произведения о жизни животного мира в антиутопическом социуме, в котором легко угадываются как черты пространства жизни человека, так и его - человека - типические характеристики. Среди образцов этого жанра чаще всего называют роман К. Чапека «Война с саламандрами», фантазию Ф. Искандера «Кролики и удавы», «Разумное животное» Р. Мерля.

В новейших исследованиях встречаются термины «антиантиутопия», или «постантиутопия». Постантиутопия, как отмечают современные российские литературоведы, а также теоретики из стран бывшего социалистического лагеря, характерна для русской литературы нового времени, осваивающей новую постсоветскую реальность. По определению А.Н. Воробьевой, которая предприняла анализ этого жанра [2], постантиутопия характеризуется принципиальным переносом, точнее, сдвигом фантастических элементов в реальную действительность. При этом в центр повествования ставится частная судьба обывателя, ирония которого совпадает с авторской иронией. Характерной особенностью, по мнению автора серьезного и глубокого исследования, становится то, что государство и человек изображены уже как единый, хотя и разорванный организм. При этом не только человек боится государства, но и государство страшится его.

На основании предпринятого изучения специфики жанра и высказанных по этому поводу мнений рискнем предложить собственное его определение. *Антиутопия – интертекстуальный литературный жанр, дискурс которого отличается своеобразно смоделированным хронотопом и направлен на выяснение соотношений внутри триады «человек – цивилизация – общество» с отрицанием возможности реализации утопических идеалов при условии нарушения баланса и гармонии между социумом и его нравственным наполнением.*

Список использованной литературы

1. **Баталов А.Я.** В мире утопии. Пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах. М., 1989.
2. **Воробьева А.Н.** Русская антиутопия XX века в ближних и дальних контекстах. Самара, 2006.
3. **Геворкян Э.** Чем вымощена дорога в ад? Антипредисловие // Антиутопии XX века. М. 1989.
4. **Зверев А.** «Когда пробьет последний час природы...». Антиутопия. XX век // Вопросы литературы, 1989, №1.
5. **Ланин Б.А.** Русская литературная антиутопия. М., 1993.
6. **Латынина Ю.Л.** Литературные истоки антиутопического жанра. Автор. дисс. ...к. филол. н. М., 1992.

7. **Лопатин Л.М.** Современное значение философских идей кн. С.Н.Трубецкого // «Вопросы философии и психологии». М., 1916.
8. **Морсон Г.** Границы жанра // Утопия и утопическое мышление. М.,1991.
9. Некита А. Институциональное за-бытие Мифа как антиутопическая демагогия социального Ничто // Некита А.Г. Онтология социального будущего. Великий Новгород, 2006.
10. **Новикова Г.** Необыкновенные приключения науки в утопии и антиутопии (Г.Уэллс, О.Хаксли, А.Платонов) // Вопросы литературы, 1998, №4.
11. **Ортега-и-Гассет Х.** Восстание масс // Вопросы философии. 1989, № 3.
12. **Павлова О.А.** Метаморфозы литературной утопии: теоретический аспект. Волгоград, 2004.
13. **Солженицын А.** Из Евгения Замятина//Новый мир, №10, 1987.
14. **Тараненко И.В.** Лексическое представление социокультурного пространства в жанре антиутопии. Автореф.дисс....к. филол.н., СПб., 2001.
15. **Флоровский Г.В.** Метафизические предпосылки утопизма // Вопросы философии. 1990, № 10.
16. **Чаликова В.** Утопия и свобода. М., 1994.
17. **Шестаков В.** Эволюция русской литературной утопии//Вечер в 2217. Русская литературная утопия. М.,1990.
18. **Юрьева Л.М.** Русская антиутопия в контексте мировой литературы. М., 2005.
19. **Якушева Н.Б.** Трансформация утопии в антиутопию в культуре XX века. СПб., 2001.
20. **М.Янг.** Возвышение меритократии // Утопия и утопическое мышление. М.,1991.
21. **.Хабибуллина Л.Ф.** Антиутопия в творчестве Энтони Берджесса. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Казань, 1993.
22. **Fromm E.** Afterword to George Orwell's "1984". N.Y., 1962.
23. **Kwapien M.** The Antiutopia as Distinguished from its Cognate Literary Genres in Modern British Fiction//Zagadnienia Rodzajow Literarih. XIV.-№2(20) – 1972.
24. **Morson G.** The Boundaries of Genre. Dostoevsky's Diary of a Writer and the Tradition of Literary Utopia. University of Texas Press. Austin, 1981.
25. **Sargent L.** Introduction// British and American Utopian Literature, 1516-1978. Boston, 1979.
26. **Sargent L.** Eutopias and Distopias in Science Fiction:1950-1975.// America as Utopia. N.Y., 1981.
27. **Young M.** The Rise of Meritocracy, 1870-2033: An Essay on Education and Equality. L., 1958.

(научные публикации студентов специальности
«Культурология»)

С.Г. Шишкина: ЗНАКОМЬТЕСЬ: САША ИВАНОВ.

С.Г. Шишкина: Всякий раз, когда я захожу в аудиторию к студентам-культурологам, меня встречают широко раскрытые, радостные, пытливые глаза, в которых можно прочесть немой вопрос: «А что нового узнаем мы сегодня?» Любознательный народ, эти культурологи. Они скорее будут изучать исключения, нежели правила. Им чужды хрестоматийные истины, принимаемые на веру, они любят познавать мир сами, самостоятельно доказывая или отвергая аксиомы. Они с восторгом будут открывать сокровищницу мировой культуры, читая энциклопедии, справочники, труды маститых ученых и сочинения эпатажных авторов. Они «оживят» события Гражданской войны в США, чтобы лучше понять характеры героев «Унесенных ветром». Они перероят горы книг, чтобы (на английском) рассказать о Булгакове или Чехове, о Сартре или Элинек, о различиях и сходствах немецкого и итальянского Ренессанса... Они проникнут в административные дебри, чтобы начертить схемы управления учреждениями культуры Ивановской области. Они съезжат на военный аэродром или в маленький музей бабы Яги, чтобы затем красочно, ярко, и главное, - на неплохом специфическом английском - сделать презентацию этих и других экспозиций. И мечты их совсем не приземленно-потребительские, а мировоззренческие, одухотворенные и требующие активности от них самих. В общем, скука и жизнь по принципу «от сих до сих» не для них. И чем сложнее задание, сформулированное для них преподавателем, тем ярче, разнообразнее и, порой, непредсказуемее их реализация. К примеру, когда я попросила найти все английские эквиваленты, передающие смысл и оттенки глаголов «говорить», «спрашивать», «отвечать», одна из студенток (Марина Кувина) принесла такой свиток, что только разматывать его нужно было никак не менее десяти минут – более двухсот фраз для выражения разных способов вхождения в коммуникацию и поведения в ней.

Несколько семестров тому назад я озадачила тогдашних первокурсников вопросом: «Что для меня шоппинг – мука или наслаждение?» Один из студентов принес стихи – и на русском, и на английском. И столько в обоих вариантах было юмора, точности, насмешливой откровенности и изящества, что мне захотелось узнать, нет ли в портфеле этого первокурсника чего-нибудь еще, столь же многогранного и лексически богатого. Так я поближе познакомилась с Сашей Ивановым.

Не могу сказать, что Саша – явление уникальное, но то, что это уже личность – бесспорно. Будучи доступен в общении и даже подчеркнuto современен внешне, Саша живет особой, сложной и богатой ритмом жизнью, пропуская ежесекундно ее сквозь пушкинский вечный вопрос: «Жизнь, зачем ты мне дана?» И ответ он ищет с помощью своих верных друзей – книг. Саша очень много читает, в основном классическую литературу – и это ощущается в его стихах. Саша взрослеет – и это тоже видно в его творчестве. Это уже не просто открытие мира и передача ощущений. Мальчишеская осторожность, а иногда, напротив, бесшабашная

категоричность сменяются неожиданно глубокими и емкими образами и мудростью размышлений. Раз от раза его слог все более отточенный, мысли глубже, мировоззрение шире, мышление обогащенное, взгляд на себя в мире все менее саморефлексирующий и замкнутый вокруг собственного «эго». Познается мир, рождаются новые чувства, переживания – и это тоже зафиксировано в рифмах. Здесь ясно присутствует переключка голосов прошлых веков и юноши – нашего современника. И это не подражание авторитетам, а проверка своих позиций сквозь призму мировоззрения классиков. Ясность стиля, хрустальность стиха сочетаются в его произведениях с желанием взглянуть на все, что вокруг, внутри, вне как можно глубже и всеобъемнее. Кажется, это и о нем Пастернак произнес: «Во всем мне хочется дойти до самой сути».

И вот здесь мне хочется поставить точку, чтобы читатель мог познакомиться с творчеством Саши Иванова – поэта.

SHOPPING	Мечты и кошельки
<p>Carrots, garlic and potatoes, Cabbage, onion and... mob!.. Stockings, sandals, coats and trousers, Mutton, chicken, goose and duck...</p>	<p>Чеснок, морковь и картофель, Капуста, лук и... толкотня!.. Пальто, чулки, сандайки, брюки, Цыпленок, утка, гусь, баран...</p>
<p>Oh, that dress is so amazing! Oh, this frock's too loose on me! What's the price of green pyjamas? – How much?! Oh, this cannot be!</p>	<p>О, как прекрасно вон то платье! О, мне сюртук великоват! А сколько стоят те пижамы? – Так дорого?! В них, что, не спят!?</p>
<p>Were those jackets made in England? – They seem terrible at all! Where is knitted goods department? – I want stockings made of wool!</p>	<p>Неужто тот пиджак английский? – Ужасный у него видок! А где здесь вязаные вещи? – Хочу чулки из шерсти, вот!</p>
<p>Crowding, bags, a lot of money, Grannies grumbling in the queue, Children's caprices and weeping, I don't like it, so do you?</p>	<p>Толкучка, сумки, кучи денег, Старушек гул в очередях, Капризы детские и плачи – Всё это скучно для меня!</p>

С.Ш.: Необходимо подчеркнуть, что Саша – не только поэт, владеющий двумя языками одинаково артистично и художественно. Представляется, что Саша одарен умением сопоставлять, анализировать, критически и самокритично мыслить, осторожно взвешивать узнанное и вновь погружаться в непознанное. В общем, в его характере присутствует многое из того, что совершенно необходимо для исследователя. Подтверждение тому – концептуальный отрывок из приведенной ниже научной работы, не совсем обычной для студента-второкурсника как с точки зрения избранной проблематики, так и по качеству охвата материала и зрелости суждений. Не всякий аспирант столь ясно, обоснованно сумеет извлечь нужную информацию из сложных научных источников и логично ее сконструировать, доказывая собственную точку зрения. Работа была подготовлена самостоятельно для студенческой научной конференции в 2007.

МЕЧТА

Хожу по лезвию судьбы
И режу безнадежно ноги...
От быстрой длительной
Ходьбы
Порезы глубоки, как рвы,
Но нравы остаются строги!

Узка та грань, что под душой
Сверкает лентою стальной.
Бегу по ней я на восход,
Теряя сон, стирая пот,
Ведь так прекрасен горизонт!

ПОЧЕМУ?!

На снегу нашел монетку,
Что от солнца почернела.
Посмотрев на темный аверс,
Положил её в карман.

По дороге серебристой
Я последовал к прибою,
Где волна под слоем снега
Порождает тонкий лед.

Бросил в воду серый камень –
Он во льду оставил рану,
Через которую наружу
Потекла морская кровь.

Там, где лед был слишком крепкий,
Я оставил свой автограф;
Там, где лед был слишком тонкий,
Я оставил в нем дыру.

Через проруби глазницу
Вижу я морскую бездну,
Что под снежным покрывалом
Прячет в сердце тишину...

ORPHEUS

Inspiration's a great thing to play with
It's a little bit like burning match
Right in the eye of the tsunami
Or may be it's just a fluctuation
Of the air – the drift

Overcoming its simplicity
Hush! The jealousy is talking!
There's an abyss among our fingertips
And a chasm great and vast in its "nothing"

So let inspiration to come!
Among shadows my love is numbered
Inside its great antique austerity
Behold!

A bridge has been built
(it consists of my poems)
So, these stairs shows me
the way
down.

ПОНЯТИЕ «ПОЛЯ» В АНАЛИЗЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА: ТРАДИЦИИ И XXI ВЕК

Ивановский государственный химико-технологический университет

1. Понятие «поле» как основополагающий принцип в анализе художественного текста.

Проанализировав соотношения характеристик пространства и текста, доступных нам на сегодняшний день, мы пришли к выводу, что художественное произведение представляет собой своеобразное пространство, сформированное в результате соприкосновения множества факторов. Так, первой проблемой, с которой сталкивается исследователь, является проблема методологии. Невозможно исследовать пространственный объект средствами, предназначенными для плоскостного анализа, это будет все равно, что попытка нарисовать круг при помощи квадрата. Отсюда понятно, как нам кажется, почему все большую популярность на данный момент приобретает понятие «поля» как инструмента, позволяющего создавать репрезентативные модели. На данный момент самую интересную разработку это понятие получило в двух сферах научного познания: социологии (т.н. структуралистский конструктивизм, П. Бурдьё) и лингвистике (петербургская школа функциональной грамматики, А.В. Бондарко). При всей разнице, присутствующей между этими научными областями, которые имеют различные объекты исследования, они обнаруживают некоторую согласованность в том, что собой представляет поле как инструмент познания и моделирования окружающей реальности. Изучение социологического и одновременно с этим лингвистического аспектов данного понятия представляет особую важность в анализе художественного текста, который имеет двойственную природу, будучи детерминирован как со стороны общества, так и со стороны языка.

1.1. Внетекстовая среда. Методологический инструментарий.

Итак, первый аспект существования художественного текста относится к его социумной экзистенции. Социологическая концепция, предложенная французским ученым П. Бурдьё, предлагает следующие инструменты для работы с данным уровнем объективной реальности. Это, в первую очередь, само понятие «поле» как пространственная модель определенной сферы общества, а также связанные с ним понятия агента и габитуса.

Проблема представления внетекстовой среды в качестве поля наиболее тесным образом связана с проблемой пространства в целом. Как было отмечено выше, пространство – это некая сущность, конституируемая вещами. Оно уступает вещам форму, взамен навязывая им определенный пространственный порядок. Так, поле представляет собой некое пространство, но упорядочиваемое не вещами, а т.н. агентами [1], которые посредством собственных практик участвуют в формировании его структуры. Социальное поле, по Бурдьё, есть структурированное пространство позиций, взаимодействующих друг с другом при помощи парадигматических связей (противостояния или содружества, конкуренции или коо-

перации). Совокупность позиций определяет объективную структуру поля, находящуюся в постоянном изменении. Эта динамика обуславливается, прежде всего, наличием в поле постоянных силовых отношений между позициями, между позициями и агентами, а также между самими агентами за обладание определенными ресурсами (символическими [1] или материальными). Борьба или т.н. поле власти как «пространство силовых отношений между агентами и институциями, обладающими капиталом, необходимым для того чтобы занять доминантные позиции в различных полях (в частности, в экономическом и в культурном)» – одно из основополагающих понятий данной теории [1].

Главным условием существования поля является наличие внутри его различных ставок и интересов, не сводимых к ставкам и интересам других полей (ср. поле экономики и поле литературы), которые обладают абсолютной ценностью для всех вовлеченных в борьбу (одной из таких ставок может быть сама структура поля или его границы). Между полем и входящими в него агентами существует прочная диалектическая связь: с одной стороны, есть единая внутривополевая структура, «навязывающая» агентам определенные правила игры, но с другой стороны, существует социальная практика (то, что находится между позициями), посредством которой одни позиции обходятся, а другие создаются заново, что, собственно, и приводит к постоянной модификации структуры поля (при этом, как замечает сам Бурдьё, структура поля заинтересована в своей перестройке). Поле живет, пока оно динамично, динамика – своеобразный механизм его выживания, не позволяющий полю превратиться в аппарат (чем жестче структура, тем она более хрупкая – ср. опыт СССР и др. тоталитарных режимов). Здесь ярчайшим образом проявляется концепция двойного структурирования П. Бурдьё, своего рода «столп» его теории поля: «социальная действительность структурирована, во-первых, со стороны социальных отношений, объективированных в распределениях разнообразных ресурсов (капиталов) как материального, так и нематериального характера, и, во-вторых, со стороны представлений людей о данных отношениях и об окружающем мире, оказывающих обратное воздействие»[7].

Положение агентов внутри поля определяется общей совокупностью их «жизненного» капитала (совокупность материальных и нематериальных благ, а также средств их получения). Причем капитал отличается как по своей структуре, так и по объему: структура определяет принадлежность агента к тому или иному полю(-ям), способ движения внутри него (стиль жизни); общий объем капитала определяет высоту и важность тех позиций, которые данный агент сможет занять). Но чтобы агенты могли продуктивно осуществлять свои практики, взаимодействуя с полевой структурой, им необходим некий механизм, позволивший бы им свободно ориентироваться в пространстве и реагировать на происходящие в нем события.

Таким механизмом является габитус, который представляет собой т.н. матрицу восприятий, позволяющую формировать и структурировать практики агента. Если отвлечься от строгих научных понятий, то описанное выше можно представить в виде игры в шахматы: профессиональный шахматист держит в голове несколько тысяч комбинаций шахматных ходов, полученных им путем длительных и многодневных практик (усвоения правил), но реализация того или иного хода зависит от конкретной ситуации, момента игры. Причем, каждый сделанный ход оказывает влияние на игру, а игра, в свою очередь, создает определенные рамки, оказывая влияние на выбор конкретного хода. В реальности все то же самое, только шахматист – это социальный агент, игра – жизнь (а вернее конкретное поле), а не-

скольких тысяч ходов, содержащихся в голове шахматиста, - и есть габитус. По способам своего функционирования габитус является бессознательным механизмом, координирующим поведение агента опосредованно, путем тонких (а возможно, и спонтанных) психических воздействий (ср. концепцию Делеза и Гваттари, утверждающую мысль о механико-шизофренической природе бессознательного).

1.2. Язык как план-содержание художественного текста (А.В. Бондарко).

... Частично рассмотрев вопрос о междисциплинарных различиях понятия поля можно перейти непосредственно к его лингвистическому пониманию.

Поле в функциональной лингвистике, определяется следующим образом: «Функционально-семантическое поле (ФСП) – это базирующаяся на определенной семантической категории группировка разноуровневых средств данного языка, взаимодействующих на основе общности их семантических функций» [4, с.17]. Отсюда видно, что насущными проблемами анализа являются: семантические аспекты языкового существования, функции языковых единиц относительно их смыслового содержания, а также вопрос об их вне- (среда) и внутриязыковых взаимодействиях (структура). ФСП как пространство, базирующееся на определенном смысле и обладающее рядом способов его выражения – центральное понятие данной теории. В такой трактовке поле выступает одновременно как план-содержание и план-выражение глубинных языковых процессов, так как касается одного из самых важных вопросов – вопроса языкового содержания, являющегося смысловым (мыслительным) в своей основе. То, каким образом смысл объективируется в полевой структуре и способах её функционирования, отражается в концепции ФСП.

Так, по мнению самого А.В. Бондарко, проблема структурного устройства поля тесно связана с его континуальностью, а именно проблемой «центр и периферия – постепенные переходы – пересечения системных объектов», «центр и периферия, континуальность, пересечение», «концентрация-диффузия». Поле здесь выступает в качестве пространства с ярко-выраженной внутренней дифференциацией, где наиболее яркие структуры сосредоточены вокруг центра (ядра), а самые диффузные, разреженные и слабые обитают на границе. Анализ – это некий путь, идущий от центра к периферии, от сильного к слабому, от концентрированного к разреженному, от частого к периодичному, от полного к неравномерно насыщенному, асимметричному [4]. Противопоставление центральных и периферийных элементов формирует структуру поля.

Если обратиться к работам Бурдье, то в его теории также можно обнаружить подобные моменты. Неоднородность структуры проявляется в наличии определенной иерархии внутри поля, концентрации наиболее ценных ставок и интересов в ядре и неравномерным распределением различных видов капитала (и средств его достижения) между агентами и институциями. Диффузность периферии, по Бурдье, выражается, прежде всего, в подвижности, высокой динамичности границ поля, в возможности агента занимать позиции в разных полях, а также вероятностью межполевых взаимодействий (ср. поле экономики и искусства: «навязывание» структуры). Плотность периферии и четкость границ отрицали бы такую потенцию. Если же говорить конкретнее, то как такового центра в структуре поля Бурдье не выделяет. Безусловно, он говорит о некоем ядре, где содержатся основы функционирования поля – ставки и интересы, но какого-то четкого места в материальной полевой структуре ядро не получает. Скорее существует бессознательное представление о некоем

центре и его смысловом наполнении, «встроенное» в габитусы агентов, что собственно и позволяет им определять себя как представителей того или иного поля (центр как образец для самоидентификации).

Если также сопоставлять концепции поля Бурдьё и Бондарко, следует упомянуть такое важнейшее понятие теории первого как борьба (т.н. поле власти). Соглашаются ли данные концепции в этом аспекте анализа? По-видимому, да. Так, Бондарко говорит о том, что по мере концентрации основных признаков вокруг ядра поля, их оппозиции достигают максимального числа (ср. поле залога: активность-пассивность как центральные признаки поля). А что есть, собственно, оппозиция? В сущности, это и есть некие силовые отношения между двумя различным полюсами. У Бондарко, как и у Бурдьё, данное противостояние является структурообразующим свойством: насколько ярко оно выражено в центре («сильные позиции»), настолько слабо на периферии («слабые позиции»).

Рассматриваемое направление лингвистических исследований выделяет 2 вида ФСП: моноцентрические и полицентрические. Первый характеризуется наличием в своем центре грамматической категории, окруженной наиболее специализированными, наиболее регулярно выраженными функциями (например, поле залога). Моноцентрические поля, в свою очередь делятся на поля а) с целостным ядром и б) с комплексным (гетерогенным) ядром (опирающиеся на группировку средств, относящихся к разным уровням системы). К полицентрическим относятся такие поля как качественность, количественность, локативность и др., т.е. поля, имеющие внутри себя несколько областей, каждая из которых располагает собственным центром и периферией. Здесь также уместно провести некоторую параллель с социологической теорией. Соответственно, к полицентрическим полям можно отнести поле литературы (или искусства в целом), в котором, согласно Бурдьё, одновременно сосуществуют два центра – суб-поле «массового производства» и суб-поле «элитарного производства». Эти центры сформировались благодаря двум способам иерархизации внутреннего пространства: гетерономного и автономного. Так, по причине двойственного характера вышеупомянутого поля в нем сосуществуют агенты, следующие принципу «искусство для искусства» и выстраивающие свои практики на инверсии принципов экономики и поля власти, а также агенты т.н. «буржуазного искусства», ставящие перед собой цель получения экономических и символических выгод. Помимо этого существуют и агенты «переходного звена», например, владельцы картинных галерей (или редакций), которые по своим убеждениям и средствам достижения позиций в поле могут относиться к блюстителям автономии, а по «оборотному» характеру деятельности являться проводниками гетерономных влияний (получение экономической прибыли).

Вопрос о центральных структурах поля является наиболее важным. Его ядерные компоненты, будь то ставки и интересы (социология) или семантические категории (лингвистика), выделяются на основе регулярности их функционирования, как в «чистом» виде, так и в различных сочетаниях. Учитывая упомянутую выше концентрированность основных признаков, их эталонный характер в центре, имеет смысл говорить о некоем прототипе, содержащемся в ядре поля. «Прототип – это наиболее репрезентативный (канонический, эталонный) вариант определенного инвариантного системного объекта, характеризующийся наибольшей специфичностью (концентрацией специфических признаков данного объекта), способностью к воздействию на производные варианты и (во многих случаях) наиболее высокой степенью регулярности функционирования»[4, с.20]. Таким образом, обогащая теорию поля понятием теории

прототипов (Р. Лангакер, Э. Рош, Е.В. Рахилина и др.) мы можем несколько ярче представить то, что лежит в основе полевой структуры. А именно позиции внутри поля распределяются в соответствии с их большей или меньшей прототипичностью. Отсюда, в поле прослеживается наличие некоего идеала (но: идеал как оппозиция – «+» и «-») и огромного количества его разновидностей, модификаций.

В целом соотношения ФСП друг с другом в рамках языковой системы как определенной среды трактуется следующим образом: «Каждое ФСП входит в более широкую систему, элементы которой играют роль среды по отношению к данному полю как исходной системе. Обычно ФСП включается в целый комплекс пересекающихся систем. Функцию среды по отношению к данному полю выполняют все поля в составе определенной группировки ФСП и за ее пределами, которые взаимодействуют с изучаемым полем, участвуя в формировании, сохранении и развитии его свойств как системы»[5, с.39].

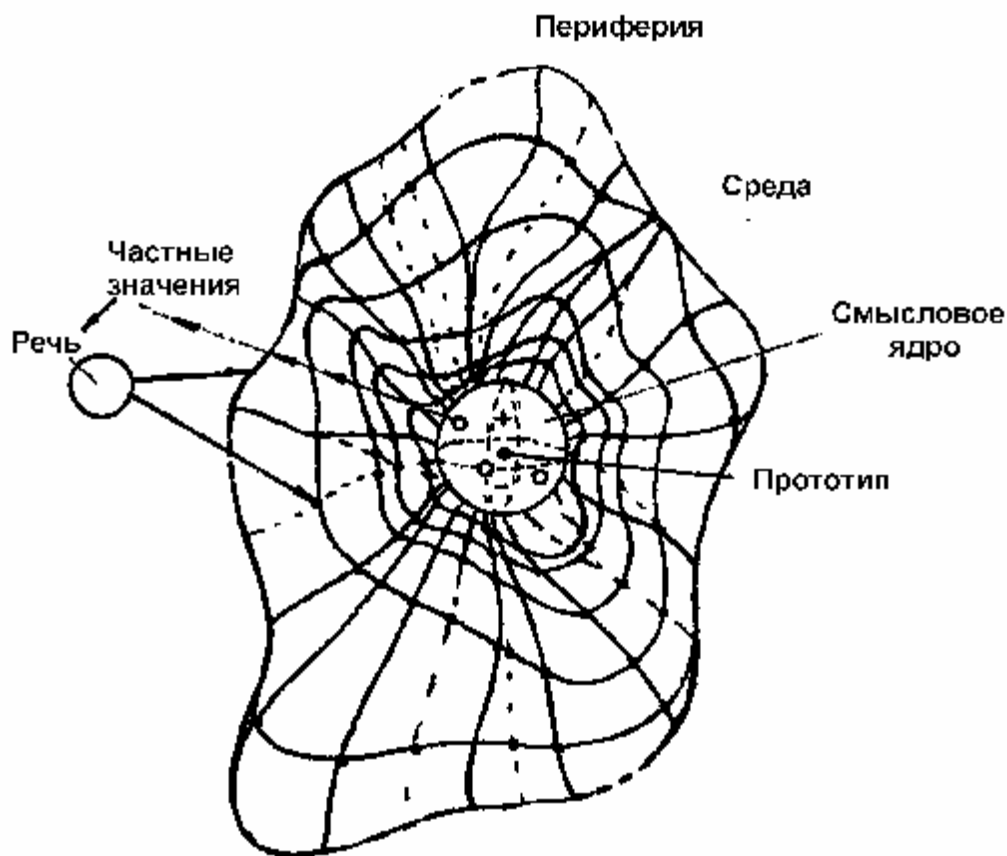

Рис. Продольный срез функционально-семантического поля

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Частично рассмотрев вопросы соотношения пространства и текста, а также различные модификации понятия «поля» в рамках социологического и лингвистического пониманий, следует заострить внимание на том, каким образом все вышесказанное может быть применено в литературном / источниковедческом / текстологическом анализе. Понимание художественного произведения как некоего пространства,

обладающего одновременно как уникальной парадигмой, так и многими особенностями того контекста, в рамках которого оно создавалось, ставит перед исследователем ряд серьезных задач. Среди них: проблемы «текст – создатель» (текст и мышление), «текст – социум», «текст – поле литературы», «текст – интертекст», «текст – язык», «текст – время – пространство». Для всех этих довольно сложных и противоречивых задач вопрос о методологии играет ведущую роль. Отождествление художественного текста с пространством требует определенных методов исследования, которые позволяют раскрыть его «объемную» континуальную структуру. Это возможно выполнить при двух условиях. Во-первых, помимо обращения к классическому моносистемному анализу, расчленяющего пространство на однородные узлы и элементы, оперирующего в основном отдельными слоями, необходимо также использовать анализ полисистемный, который раскрывает взаимодействия систем отдельных уровней. Текст есть некая сфера, находящаяся со своей средой в состоянии интенсивного диалога. Диалог этот осуществляется различными способами и на различных уровнях. Моносистемный анализ, безусловно, является эффективным инструментом для подробного исследования групп и комплексов объектов, в рамках отдельных слоев, но существенным его недостатком является некая расчлененность повествования, невозможность понимания объекта в его целостности. Полисистемный анализ, основанный на интеграции, есть способ более эффективный и плодотворный на пути целостного познания определенных сущностей в их разноуровневом положении. Но тип анализа – это ещё только половина вопроса. Второй немаловажной проблемой является проблема т.н. методологического инструментария. Понятие «поля» в связи с этим выступает как инструмент, при помощи которого полисистемный анализ может смоделировать пространственный объект (например, художественный текст) без значительной редукции и потери смысла, заключенного в нем. Наглядность – одно из самых важных достоинств такого анализа, позволяющее не только понять сущность изучаемого текстового объекта, но и реально представить его структуру, а также те многочисленные связи, которыми она «вплетается» в действительность. Социологическое понятие «поля» помогает справиться с исследованием огромного контекстуального массива, пронизывающего текст по всем четырем его измерениям (четвертое измерение – время). Лингвистическое вскрывает «костяк» текста, построенный на процессах смысловыражения через языковое пространство, а также демонстрирует некоторые бессознательные механизмы реализации подтекста⁴. Внедрение понятия «поля» непосредственно в анализ образной, семантической структуры произведения позволит соединить оба вышеуказанных аспекта. Поле здесь выступит в роли «перемычки» / среднего звена, скрепляющего текст с его многоплановым контекстом.

Также, ведя разговор о некоторой методологии, всегда встает вопрос о рамках, в которых она будет осуществляться. И это вполне естественно. Несмотря на кажущуюся универсальность, понятие «поле» представляет собой лишь определенную модель реального объекта. И какой бы совершенной данная модель не была, реальность всегда будет ярче, шире и полнее. Так, в литературоведении полевое моделирование будет уместным при анализе крупной художественной прозы (или других достаточно объемных текстов), содержащей в своей структуре довольно большое количество пространственных элементов, связи которых не могут быть четко выявлены и репрезентированы обычным анализом. Это же касается и различных полисемантических текстов, которые по своему объему могут быть и небольшими, но по «плотности» смысла и по количеству его связей с контекстом и интертекстом явля-

ются не менее сложными, чем первые. Также термин «поле» может быть использован в анализе некоторого количества внешне разнородных текстов, но внутренне объединенных либо по времени своего создания (принадлежность к определенному отрезку времени), либо по месту (географический фактор), либо по какому-то другому принципу, позволяющему представить некую общность в качестве поля. Но только уместное и грамотное использование этого понятия может дать положительные результаты.

Список использованной литературы

1. **Бурдые П.** Поле литературы // Новое литературное обозрение, № 45, 2000.
2. **Иванов Вяч.Вс.** Чет и нечет: Асимметрия мозга и знаковых систем. М., 1978.
3. **Ильин И.П.** Постмодернизм. Словарь терминов. М., 2001.
4. **Проблемы функциональной грамматики: Полевые структуры.** //Бондарко А.В. (ред. Бондарко А.В., Шубик С.А.) СПб., 2005.
5. Теория функциональной грамматики: // Бондарко А.В. (ред.) – Ленинград, 1987.
6. **Топоров В.Н.** Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983.
7. **Шматко Н.А.** «Габитус» в структуре социологической теории // Журнал социологии и социальной антропологии, том 1, 1998, № 2.

С.Ш.: И вновь в повествование уже вмешиваюсь я, Шишкина С.Г. Не правда ли, впечатляющее исследование? Вот поэтому смею предположить, что данная публикация – одна из первых в будущей успешной научной и творческой деятельности А.Иванова – разумеется, при условии его постоянной активной познавательной деятельности. И опять я вспомню своего любимого Пастернака: «Цель творчества – самоотдача, а не шумиха, не успех...». И все-таки, вопреки Слову процитированному, хочется пожелать открытий и успехов Саше на этом поприще, бескорыстном и порою кажущемся бессмысленным, но очень интересном и наполняющим существование жизнью.

ЛИЯ ВАСИЛЬЕВНА БОНДАРКО (1932- 2007)

Этот год, 2007, был омрачен трагическим событием – после тяжелой болезни ушла из жизни Лия Васильевна Бондарко – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой фонетики и методики преподавания иностранных языков Санкт-Петербургского государственного университета.

Имя Лии Васильевны, славно продолжившей традиции Санкт-Петербургской фонологической школы и дело своих знаменитых учителей – М.И. Матусевич, Л.Р. Зиндера, навсегда вошло в историю фонетики и фонологии. Ее многочисленные работы, посвященные языковой матери, звуковому строю разных языков, современным речевым технологиям известны в нашей стране и за рубежом широчайшему кругу лингвистов.

...Нет в нашей стране ни одного аспиранта, исследователя-фонетиста, который не обращался бы к трудам Л.В. Бондарко. Знаю, что у многих, на ближайшей книжной полке, или на письменном столе, лежат книги Лии Васильевны. Тонкая синяя, в твердом переплете – «Звуковой строй современного русского языка» (1977), зеленая - «Фонологическое описание языка и фонетическое описание речи», темно-синяя - «Фонетика современного русского языка» (1998), «Основы общей фонетики» (в соавторстве с коллегами с кафедры) (1991, 2001), сборники научных статей, подготовленные на кафедре фонетики, и, конечно, за стеклом, лицом ко всем – «Проблемы и методы экспериментально-фонетических исследований» (2002), сборник научных статей, подготовленный к 70-летию Лии Васильевны, с ее портретом на обложке. Мягкая полуулыбка, добрый, внимательный взгляд...

Если открыть любую из этих книг, можно мысленно услышать голос Лии Васильевны: фразы в книгах такие же простые, четкие, как и ее речь, но насыщенные информацией.

Трудно описать и определить то место в науке и в жизни многих, кто встречался и сотрудничал с Лией Васильевной. Трудно переоценить тот вклад, который внесла Лия Васильевна в подготовку фонетистов-исследователей для нашего города. Важным событием в научной жизни г. Иваново стала в 1982 году совместная научная конференция преподавателей ИвГУ и ЛГУ, одного из старейших вузов России,

которому было поручено шефство над молодым провинциальным университетом. В составе делегации из ЛГУ в Иванове были, выступали на конференции и читали лекции студентам Л.В. Бондарко и Л.А. Вербицкая - в то время профессор этой же кафедры. Именно тогда были установлены научные контакты с кафедрой фонетики и добрые человеческие отношения на долгие-долгие годы.

Сегодня почти во всех вузах города работают ученики Лии Васильевны. Под руководством Л.В. Бондарко защитили свои кандидатские диссертации Г.Н. Шастина (выпускница ИвГУ 1977 года, первая заведующая кафедрой русского языка как иностранного ИГХТУ, ныне – доцент СПбГУ), Н.К. Иванова (зав. кафедрой иностранных языков ИГХТУ), В.А. Лобанов (зав. кафедрой иностранных языков ИвГМА), Е.Ю. Борзов (проф. кафедры иностранных языков ИГТА). На кафедре фонетики, которой руководила Лия Васильевна более 30 лет, прошли обучение в аспирантуре и защитили диссертации К.М. Денисов (доц. ИвГУ), О.А. Ужова (доц. ИвГУ), а также аспиранты нового поколения, выпускники аспирантуры ИГХТУ – А.Н. Смирнова, Р.В. Кузьмина, С.В. Мощева. На этой же кафедре и в Ученом Совете СПбГУ, бессменным членом и руководителем которого Л.В. Бондарко была много лет, состоялась защита докторских диссертаций проф. Г.М. Вишневской и проф. Н.К. Ивановой.

Все, кто учился на кафедре фонетики, проходил стажировку, принимал участие в научных конференциях и мемориальных чтениях, эпизодически или постоянно сотрудничал с кафедрой, навсегда сохраняют в памяти встречи с Лией Васильевной.

Можно ли забыть ее блестящие лекции? Даже если занятие проходило в камерном помещении (часто, в кабинете Лии Васильевны), она всегда стояла перед своими слушателями, без конспектов или каких-либо записей простым языком, своим неповторимым высоким и мелодичным голосом, излагая довольно сложные понятия из области акустической или перцептивной фонетики. Удивительное умение Лии Васильевны просто и доступно излагать самые противоречивые подходы и сведения (но самые актуальные и современные в то время!), сопровождать свою лекцию-рассуждение неожиданными и яркими примерами, эпизодами и воспоминаниями о встречах с известными фонетистами, способствовало тому, что однажды услышанное из ее уст запоминалось на всю жизнь.

Можно ли забыть блестящие выступления Лии Васильевны на конференциях и столь же блестящие, меткие и лаконичные ее комментарии к выступлениям других? Иногда казалось, что только она смогла в сумбурном и пространном изложении ухватить суть, определить рациональное зерно и уже своим языком довести их до слушателей.

Личные качества Лия Васильевны были таковы, что позволяли ей многие годы, несмотря на ветры социальных и других перемен, сохранять особый дух кафедры, ее доброжелательную атмосферу, завещанные основателями кафедры. На кафедре фонетики никогда не отделялось общественное от личного, «научное» от «человеческого», поэтому каждый, кто попадал в этот коллектив, пусть даже на короткий срок, проникался этой атмосферой интереса и уважения к ЛИЧНОСТИ, которой многие готовы помочь - и не только в научном исследовании. И самой Лии Васильевне, и членам руководимой ею кафедры, часто приходилось вникать в житейские,

повседневные проблемы аспирантов и сотрудников, помогать их решить, оставляя в душе последних глубокое чувство благодарности на всю жизнь. Не удивительно, что неожиданная болезнь Лия Васильевны вновь сплотила многих бывших выпускников кафедры – по всей нашей обширной стране и за ее пределами.

Время обучения в вузе и в аспирантуре – это и период становления личности, выбора нравственных ориентиров, формирования собственной позиции. Думаю, что всем нам, кто учился на кафедре в разное время, очень повезло: перед нами был пример неподкупной честности, справедливости, благородства, стойких моральных принципов. Вероятно, у всех, кто хорошо знал Лию Васильевну в течение многих лет, найдутся в памяти такие случаи, когда она просто «вычеркивала» из своей жизни людей, прекратив с ними отношения, если они совершили безнравственный поступок. Уверена, что всем запомнились заключительные слова Лии Васильевны на заседании Ученого совета филологического факультета, посвященном ее 70-летию: «Я всегда хотела, чтобы мои ученики были, прежде всего, хорошими, порядочными людьми».

Все знают, что Лия Васильевна всегда гордилась своими учениками, их успехами в науке и карьере. Ее радовали наши монографии и аспиранты; она гордилась, что выпускники кафедры фонетики СПбГУ востребованы за рубежом.

Тезис о том, что сама Лия Васильевна была не только хорошим, чутким, умным человеком, но и выдающимся ученым – не требует доказательства. Ее исследования в фонетике всегда были на самых передовых рубежах. Именно благодаря работам Лии Васильевны, ее учеников, благодаря наличию ее научной ШКОЛЫ, сегодня в отечественной фонетике прочно утвердился нерасторжимый союз эксперимента и теории, лингвистической науки и техники, звучащей речи и информационных технологий...

Думаю, что не только в нашей стране, но и за рубежом, работы Лии Васильевны по фонетике, фонологии и речевым технологиям имеют один из самых высоких индексов цитирования. Это очевидно и по материалам международных фонетических конгрессов, и по публикациям в различных научных сборниках. Вот передо мной лежит монументальное академическое периодическое издание «Проблемы фонетики V. Issues in Phonetics. М., Наука, 2007. Нет, это не дань памяти – сборник был подписан в печать, когда Л.В.Бондарко еще была в добром здравии, но – почти каждая статья содержит ссылки на работы Л.В. Бондарко, на то, что было сделано ей за сорок с лишним лет служения отечественной науке.

С нами работы Лии Васильевны, с нами воспоминания о тех жизненных уроках, которые она дала нам; нас много в разных уголках страны – пожизненных учеников нашего любимого УЧИТЕЛЯ.

Н.К. Иванова

ХРОНИКА НАУЧНОЙ И НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ФАКУЛЬТЕТА В 2007 г.

О работе научно-практического семинара-совещания «Русский язык в Центральном регионе России: состояние, функционирование и перспективы развития»

17 – 19 октября 2007 года в Ивановском государственном химико-технологическом университете работал научно-практический семинар-совещание «Русский язык в Центральном регионе России: состояние, функционирование и перспективы развития», посвященный объявленному Президентом РФ Году русского языка в России.

В соответствии с заявленной тематикой семинара-совещания на заседаниях был рассмотрен широкий круг вопросов, касающихся современного состояния русского языка, особенностей его функционирования в ЦФО и перспектив дальнейшего развития.

Научно-практический семинар-совещание «Русский язык в Центральном регионе России: состояние, функционирование и перспективы развития» явился своего рода итоговым мероприятием в десятилетней научной, методической и организационной деятельности кафедры в этом направлении.

С семинаре-совещании принимали участие представители самых разных сфер общества: органов исполнительной и законодательной власти, культуры, духовенства, СМИ, библиотек, фонда мира, активно участвовали в заседаниях учителя и руководители школ, преподаватели вузов и Института повышения квалификации, писатели, журналисты, студенты и аспиранты, руководители национальных диаспор, работники департаментов образования регионов. Участники представляли такие областные центры ЦФО, как: Москва, Тула, Курск, Брянск, Владимир, Тверь, Орёл, Воронеж и др.

Рабочая программа мероприятия включала пленарное заседание и ряд «круглых столов» по следующей тематике:

- Актуальные проблемы русского языка и культуры речи.
- Теория и практика преподавания русского языка в школе и вузе.
- Русский язык как средство межнационального общения.

На **пленарном заседании** прозвучало 7 докладов.

Академик РАН, д.ф.н., проф., зав. кафедрой русского языка и методики его преподавания Российского университета дружбы народов **В.М. Шаклеин** выступил с докладом «**Лингвокультурологическое предисловие к характеристике русского языка конца XX – начала XXI вв.**». Он отметил, что за последние десятилетия в культуре России произошли сдвиги глобального характера: изменилась структура общества, поменялись его приоритеты, появились новые социальные группы, возникли новые поведенческие нормы, поменялась «мода на культуру». Последнее во многом сориентировало людей в выборе источников информации и развлечений. В период резких социальных потрясений усиливаются и языковые изменения, оказывающие большое влияние на личность человека – носителя русского языка. Более подробно докладчик проанализировал инновационные процессы в лексике, в частности приемы фразеотворчества.

Доклад к.ф.н., доцента кафедры русского языка для иностранных учащихся

естественных факультетов МГУ им. М.В. Ломоносова **В.А. Кузьменковой** был посвящен *анализу некоторых тенденций в современном русском языке*. В докладе подчеркивалось, что эта проблема в той или иной степени занимает всех, кому небезразлична судьба великого русского слова, и вопрос о порче русского языка, о его спасении обсуждается в самых различных аудиториях.

Большой интерес аудитории вызвал доклад священника Иваново-Вознесенской Духовной семинарии, преподавателя, иеромонаха **Макария** «*Политкорректный язык: насилие над сознанием*». Он поделился своими размышлениями о современном общественно-политическом дискурсе. Как известно, язык политики представляет собой одну из наиболее динамичных ветвей языка. Но если раньше существенное влияние на его развитие оказывали идеи политической корректности (использование эвфемизмов и др.), то в современных социальных условиях мы наблюдаем ярко выраженный феномен речевой агрессии и активное использование приемов манипулирования сознанием общественных масс. Это проявляется в появлении единиц с ярко выраженной негативной коннотацией, в употреблении стилистически сниженной лексики, сквернословии, что в совокупности уничтожает наш язык, его душу и в итоге отрицательно сказывается на духовном здоровье нации.

В докладе действительного члена РАЕН, д.ф.н., профессора, зав. кафедрой русского языка Ивановского государственного химико-технологического университета **Л.Н. Михеевой** рассматривались *вопросы государственной языковой политики и её роли в формировании лингвокультурной среды региона*. Было подчеркнуто, что в настоящее время, когда язык выступает доминантным признаком этноса, важность изучения происходящих языковых процессов, отражающих особенности мышления, культурного развития народов, начинает осознаваться не только учеными-филологами и специалистами смежных наук. Стремление правительств, общественно-идеологических течений, организаций направленно воздействовать на процессы языкового и этнического развития особенно характерно для сегодняшнего дня, и признание роли национального языка в государственном строительстве, в защите национальных интересов можно считать приметой времени.

Л.Н. Михеева подняла очень важную проблему реализации государственной политики в области языка на местах, в отдельно взятом регионе, и отметила, что в современной этнолингвокультурной ситуации региональные советы по русскому языку, будучи проводниками государственной языковой политики на местах, приобретают особое значение. Они играют важнейшую роль в объединении различных – научных, политических, общественных – сил вокруг проблем русского языка, в привлечении региональных властных структур к решению задач в области языковой политики. Кроме того, такие советы оказывают реальное влияние на языковую ситуацию в регионе, на формирование языковой и речевой культуры в обществе. С этой точки зрения показательны практический опыт ивановского совета по русскому языку, его деятельность по реализации государственной языковой политики в Ивановской области как одном из субъектов Российской Федерации.

Продюсер радиопрограмм ВГТРК «ГТРК “Ивтелерадио” **Н.Б. Егошина** представила свои *наблюдения над языком современных средств массовой информации*. Она подчеркнула, что информация, язык и культура – взаимозависимые понятия, непосредственно связанные с проблемами существования и развития современного общества, духовной и социальной экологии. Новые информационные технологии вносят радикальные изменения в существующую картину мира. Пресса, радио, кино, телевидение, реклама, Интернет являются неотъемлемым элементом социального бытия современного человека, основным способом его приобщения к событиям

окружающего мира, посредником в образовании стереотипов, формирующих общественное и языковое сознание.

К.ф.н. учитель русского языка и литературы МОУ школа № 24 г. Иваново, лауреат конкурса «Педагог года – 2007» **А.Ю. Антонец** выступила с докладом «*Учебно-исследовательская деятельность учащихся на уроках литературы*». В нем были затронуты особенно актуальные в наши дни вопросы, возникающие перед любым учителем-словесником: как увлечь нынешних, в большинстве не желающих читать ребят литературой; как научить их постигать и ценить художественный текст; как воспитать думающего человека, раскрыть в нем способность самостоятельного мышления и творческий потенциал?

О своем опыте работы по пропаганде русского языка и речевой культуры в СМИ рассказала радиожурналист **Т.Я. Соловьева** – автор и ведущая *программы «Служба русского языка» в ГТРК «Тула*». С 2005 г. «Служба русского языка» выходит в эфир каждый понедельник в рамках утренней программы, звучащей на волне «Радио России». Одну из таких передач, посвященную проблеме обращений в рамках русского речевого этикета, Т.Я. Соловьева представила слушателям, собравшимся на пленарном заседании.

В ходе работы трёх «круглых столов» развернулась живая и заинтересованная дискуссия по обсуждаемым в повестке заседаний вопросам. Ведущими столов стали как преподаватели-филологи, так и учителя, как лингвисты, так и представители органов законодательной власти.

Круглый стол «Актуальные проблемы русского языка и культуры речи».

С основными докладами выступили к.п.н., профессор кафедры русского языка и методики обучения, первый проректор Шуйского государственного педагогического университета В.В. Гадалова и студентка II курса Ивановского государственного химико-технологического университета Н.В. Девятина.

Участники дискуссии, инициированной заведующим отделом организации НИР ИГХТУ Е.К. Сафоновым, обсудили такой важный вопрос, как противостояние языковой системы и нормы. Как известно, разговорный язык и просторечие «размывают» литературную норму, способствуют развитию явления вариантности (так, в последнее время допустимым стало двойное ударение в слове «обеспечение» и т.п.). Однако язык – саморегулирующаяся система, которая в целом характеризуется стабильностью (степень стабильности на разных этапах эволюции языка бывает разной). Поэтому сейчас следует говорить все-таки не о кризисе русского языка, а о его сегодняшнем качестве, которое «приспосабливается» к новому состоянию общества. Заместитель директора Ивановской областной научной библиотеки М.Н. Короткевич рассказала о позитивной роли публичных библиотек в свете проблем русского языка, о сотрудничестве школьных учителей и вузовских преподавателей с работниками библиотек.

Член Союза писателей **Ф.З. Грек** поделился своими размышлениями на тему «Как наше слово исказится?». В своем эмоциональном выступлении он затронул проблему активизации заимствованных слов в качестве названий магазинов, торговых центров, кафе, парикмахерских и т.п. Было принято решение внести в резолюцию семинара-совещания предложение о проведении лингвистической экспертизы названий торговых марок.

Корреспондент районной газеты «Сельская правда» (г. Гаврилов-Посад) **Г.В. Чернов** рассказал о ежемесячной тематической газетной полосе «Знай и люби русский язык». Публикуемые материалы о правильности русской речи, истории не-

которых слов и выражений и т.п. помогают формировать языковой вкус читателей газеты и влиять на их отношение к русскому языку.

В профилактике общей культуры важную роль играют не только СМИ, но и специальные языковые курсы в вузах и школах – таких, как «Русский язык и культура речи». Однако, как отметила ведущая круглого стола *В.В. Гадалова*, содержательная сторона данного курса требует большей четкости и упорядочения. К.ф.н., доцент ИГЭУ *В.А. Фалина* подчеркнула, что усвоение студентами главных, базовых понятий курса проходит довольно тяжело; особую сложность представляет дифференциация форм национального языка (различение диалектных, просторечных, разговорных, жаргонных слов).

В работе круглого стола также приняли участие преподаватели ШГПУ к.ф.н. *А.В. Варзин*, к.ф.н. *В.В. Кочетков*, к.ф.н. *А.Н. Соколов*. Были затронуты проблемы языковой игры в современной речевой практике, анализа печатной рекламы, реализации некоторых эмоциональных концептов в художественном произведении и др.

Круглый стол «Теория и практика преподавания русского языка в школе и вузе».

Основные доклады подготовили к.ф.н., доцент кафедры русского языка Ивановского государственного химико-технологического университета) *Е.В. Атаева* и учитель русского языка и литературы, зам. директора Новоталицкой школы Ивановской области *В.В. Земскова*.

Е.В. Атаева в своем докладе «*О некоторых проблемах обучения русскому языку и культуре речи студентов-нефилологов*» обобщила целый ряд теоретических и методических вопросов, которые продолжают волновать преподавателей-русистов: 1) многообразие представлений – зачастую непримиримых – о содержании дисциплины «Русский язык и культура речи» для студентов нефилологических специальностей (соотношение основных разделов – ортологии, стилистики и риторики); 2) отсутствие стандартной программы данной дисциплины с единой сеткой часов для всех вузов негуманитарного профиля, а также базового учебника, рекомендованного УМО (аудиторная нагрузка колеблется в разных вузах от 18 до 72 часов); 3) резкое снижение уровня владения русским языком у выпускников средней школы, падение уровня общей культуры и мотивации к получению гуманитарных знаний.

Доклад *В.В. Земсковой* «*Обучение приемам мыслительной деятельности на уроках русского языка*» отразил одну из ведущих идей реформирования российского школьного образования – переход на субъективную основу с установкой на всестороннее развитие личности школьника, его творчески-познавательной и мыслительной деятельности. Участники дискуссии отметили, что в настоящее время очевидна необходимость в преодолении негативных тенденций в сфере школьного обучения русскому языку (в частности, «орфографоцентричность» в ущерб другим аспектам изучения языка). Обсуждалась предметно-содержательная сторона отбираемых текстовых материалов и мн. др.

Учитель высшей категории МОУ лицей № 21 *Т.Ю. Воробьева* посвятила свое выступление проблеме комплексного анализа текста. Умение анализировать текст и создавать свой собственный занимает особое место в системе базовых компетенций, которые должны быть сформированы у выпускника российской школы.

Активное участие в работе круглого стола приняли гости из г. Брянска – *В.И. Ульянова*, *С.В. Герасименко*, *О.В. Изотова*, *С.М. Наливайко*. Методист кабинета русского языка и литературы Брянского ИПКРО *В.И. Ульянова* обозначила пути решения проблем гуманитарного образования в школах Брянской области. Она познакомила участников семинара-совещания с основными направлениями разносторон-

ней деятельности Брянского института повышения квалификации работников образования; проанализировала учебные планы и учебно-методические комплексы, по которым работают учителя общеобразовательных учреждений Брянской области, а также привела статистические данные о результатах ЕГЭ в данном регионе.

Круглый стол «Русский язык как средство межнационального общения».

Основные докладчики – зам. начальника Управления образования администрации г. Иваново Н.А. Недосекина и учитель Ивановской школы-интерната им. Е.Д. Стасовой *А.Н. Шаймарданова*.

В докладе **Н.А. Недосекиной «Этнокультурный компонент воспитательной деятельности образовательных учреждений г. Иваново»** прозвучала важная мысль о том, что любой язык является существенным элементом культуры народа – носителя данного языка и средством передачи этой культуры через язык другим народам. Было отмечено, что повышение коммуникативной компетенции школьников – задача сложная, требующая не только увеличения количества часов на русский язык в старшей школе, но и изменения отношения к языку в обществе. Не в полной мере отвечает сегодняшним требованиям и обучение школьников иностранным языкам. Особая проблема – преподавание русского языка учащимся, прибывшим в РФ из стран ближнего и дальнего зарубежья. Н.А. Недосекина рассказала об опыте работы учителей русского языка и литературы школы № 18 г. Иваново, в частности, о проведении массовых праздников (Дни национальных культур, фестиваль языков, детский «Сабантуй» и др.).

Доклад **А.Н. Шаймардановой «О проблемах обучения школьников, не владеющих русским языком»** осветил целый ряд трудностей, возникающих в процессе преподавания русского языка данному контингенту учащихся. Важно установить речевой контакт с детьми уже на первом этапе обучения, основной целью которого является активное саморазвитие личности ребенка с учетом его национального менталитета и реальных возможностей. Тогда речь постепенно станет средством познания окружающего мира. Было отмечено, что в работе с учащимися разных национальностей необходимо создать благоприятные условия для формирования толерантных межличностных отношений.

Учитель Ивановской школы-интерната им. Е.Д. Стасовой *Е.Л. Парфенова* также говорила о проблемах обучения детей, не говорящих по-русски. Перед учителями-словесниками встает сложная задача: как построить урок, чтобы все ученики были вовлечены в активную учебную деятельность. Один из путей решения этой задачи – использование приемов дифференцированного обучения, т.к. школа должна дать возможность каждому ребенку получить общеобразовательный минимум с учетом его способностей, возможностей и желаний. Е.Л. Парфенова представила критерии деления учеников на группы, определила особенности планирования урока, подчеркнула роль самостоятельной работы для данной категории учащихся.

На круглом столе обсуждались также вопросы методики преподавания русского языка как иностранного (РКИ).

К.ф.н., доцент кафедры русского языка (как иностранного) ИГТА *О.А. Николаева* в своем сообщении «Особенности преподавания РКИ в англоговорящих группах иностранных студентов» затронула весьма неоднозначный вопрос об использовании языка-посредника в процессе обучения русскому языку. В практике работы О.А. Николаева использует с этой целью английский язык. Сопоставительный межъязыковой анализ позволяет рационально распределить усилия и время на изучение языковых явлений, меньше затрачивая его на изложение сходных фактов и

больше – на выявление различий. В результате появляется возможность увеличения объема учебного материала и интенсификации обучения русскому языку.

Д.ф.н., профессор кафедры современного русского языка и методики преподавания ИвГУ *Ф.В. Фархутдинова* сказала о продуктивной деятельности областного совета по русскому языку (принятие областной целевой программы «Русский язык», конкурс грантов среди молодых ученых-филологов, конкурс публикаций по проблемам русского языка в СМИ и мн. др.) и выступила с предложением проводить мероприятия для иностранных студентов. Русский язык – это язык толерантности, он помогает удерживать равновесие в сложных социальных условиях.

В обсуждении приняли участие руководители национальных диаспор Ивановской области: *А.Г. Гарибян* (Региональная национально-культурная автономия армян Ивановской области), *Э.Б. Кириштейн* (Еврейская община г. Иваново), *Н.А. Кублановская* (Ивановская областная общественная организация украинской культуры «Мрия»), *Ф.У. Ляпин* (Национально-культурная автономия татар Ивановской области), *А.А. Ханариков* (Центральное чечено-ингушское национальное объединение «Вайнах»), *М.А. Файзман* (Афганская община в Ивановской области), а также представители других национальных объединений. Они рассказали о мероприятиях, которые проводятся в рамках Дней национальной культуры и обсудили проблему изучения родного языка на территории России.

Участники круглого стола под председательством депутата Ивановской областной Думы, Председателя комиссии по образованию **Н.Л. Ковалевой** внесли ряд предложений в резолюцию семинара-совещания.

На **итоговом** заседании семинара-совещания была принята **резолюция**, в которой отмечалось, что в последние годы внимание Правительства РФ направлено в сторону поддержки и развития русского языка как государственного языка Российской Федерации и национального языка русского народа. Задача отечественных ученых-филологов – дать всесторонний анализ новых тенденций в области русского языка, выявить особенности его функционирования и определить перспективы развития, совершенствовать методы обучения русскому языку. Поскольку для современной лингвокультурной ситуации характерно расшатывание традиционных литературных норм языка, стилистическое снижение устной и письменной речи, вульгаризация бытовой сферы речевого общения и т.д., закономерно в процессе обучения русскому языку в школе и вузе первостепенное значение приобретают вопросы формирования языковой и речевой культуры учащихся. Также сегодня в российском обществе, в условиях многоязычия и полиэтничности, особую актуальность приобретает обеспечение консолидации, единства и культурного развития народов России, а значит, возрастает роль русского языка и как средства межнационального общения.

Резолюция включала следующие **рекомендации**: кафедрам русского языка вузов в целях реализации государственной языковой политики регулярно организовывать мероприятия (конференции, научно-практические семинары, «круглые столы» и т.д.) с привлечением представителей сфер образования, культуры, науки, СМИ; филологам-русистам активнее участвовать в освещении проблем культуры языка и речи в региональных средствах массовой информации (радио- и телепередачах, постоянных рубриках в вузовских газетах и другой прессе); руководству высших учебных заведений оказывать всемерную помощь и поддержку кафедрам русского языка в организации и проведении научных конференций и семинаров, в обеспечении новой научно-методической литературой, а также в организации и проведении внеаудиторной работы со студентами; ходатайствовать перед Министерством образования и науки Российской Федерации о включении дисциплины «Русский язык и культура речи» в число обязательных дисциплин федерального компонента

ГОС ВПО; рекомендовать руководству вузов при составлении рабочих учебных планов включать данную дисциплину в федеральный компонент (поскольку она входит в число рекомендованных) с выделением на данную дисциплину не менее 72 аудиторных часов – технические специальности, до 144 часов – гуманитарные специальности; руководству телевизионных каналов и радиостудий, а также организациям и предприятиям, финансирующим их работу, выделить постоянное место в эфире программам, посвященным русскому языку; редакторам и издателям газет и журналов обеспечить регулярную публикацию материалов в защиту русского языка и его поддержку; областным советам по русскому языку курировать деятельность кафедр русского языка в сфере формирования языковой и речевой культуры молодежи; областным советам по русскому языку выработать рекомендации и предложения в адрес региональной государственной власти о правомерности употребления в рекламе и названиях заведений просторечных и других нелитературных слов, а также о мерах по защите чистоты русского языка; рекомендовать региональным органам государственной власти создавать при областных правительствах советы (или комиссии) по русскому языку; советам (или комиссиям) по русскому языку разработать на основе Федеральной целевой программы «Русский язык» соответствующие областные целевые программы; Межведомственной комиссии по русскому языку при Правительстве Российской Федерации курировать и направлять деятельность региональных советов; редакторам вузовских многотиражных и школьных газет и других СМИ обеспечить регулярную публикацию материалов в защиту русского языка, уделять особое внимание рубрикам по русскому языку и культуре речи; кафедре русского языка ИГХТУ издать сборник научных трудов по итогам работы семинара-совещания.

По итогам работы научно-практического семинара-совещания «Русский язык в Центральном регионе России: состояние, функционирование и перспективы развития», кафедрой русского языка ИГХТУ подготовлен **сборник научных трудов**.

*Л.Н. Михеева, проф., зав. кафедрой русского языка ИГХТУ,
Е.В. Атаева, доцент кафедры русского языка ИГХТУ,
И.В. Долинина, доцент кафедры русского языка ИГХТУ.*

О работе межвузовского методологического семинара

В январе 2007 г. открылся десятый сезон работы межвузовского теоретического семинара «**Актуальные проблемы теории и истории культуры**» (руководитель Е.М.Раскатова).

За годы существования этого неформального объединения преподавателей гуманитарных дисциплин из вузов г. Иваново и Ивановской области на его заседаниях, с обсуждением актуальных проблем теории, истории и философии культуры, выступили ведущие специалисты в этих областях исследования. Основная идея семинара – познакомить его участников с новыми научными достижениями из различных областей гуманитарных наук, обсудить актуальную информацию непосредственно с письменного стола ученого.

На юбилейном заседании (январь 2007 г.) с докладом «Художественная интеллигенция и власть в эпоху позднего социализма» выступила декан гуманитарного факультета ИГХТУ Е.М.Раскатова.

В новом учебном году (2007-2008) 11-й сезон работы семинара был открыт

выступлением **доктора филологических наук, профессора, заведующей кафедрой зарубежной литературы ИвГУ О.Ю. Анцыферовой** на тему: «Англо-американская университетская проза в современной социокультурной ситуации».

Согласно утвержденному плану работы на этот учебный год на семинаре состоятся выступления доктора филологических наук, профессора О.И. Жмурко, доктора философских наук, профессора М.Ю. Тимофеева, доктора филологических наук, профессора Н.К. Ивановой.

Областной студенческий конкурс ораторов

26 мая 2007 года в Иванове прошел Областной конкурс ораторов среди студентов-нефилологов вузов области. Уже в третий раз Ивановский государственный химико-технологический университет приглашал на риторический турнир начинающих Цицеронов и Демосфенов – молодых, талантливых и смелых, чувствующих в себе потенциал ораторов.

Гостями и участниками стали студенты и преподаватели из Ивановского государственного университета, Ивановского государственного архитектурно-строительного университета, Ивановского государственного энергетического университета, Ивановской государственной медицинской академии, Ивановской государственной сельскохозяйственной академии, Шуйского государственного педагогического университета.

В жюри конкурса вошли уважаемые и авторитетные представители администрации, деятели культуры и образования Ивановской области. Выступления конкурсантов оценивались в пятибалльной системе по трем критериям:

1) содержание (актуальность и оригинальность темы, соответствие содержания теме речи, композиция);

2) коммуникативные качества речи (правильность, чистота, логичность, убедительность, богатство речи);

3) артистизм и речевое мастерство (эмоциональная выразительность, техника речи, контакт с аудиторией).

Жюри предстояло нелегкое решение: из шестнадцати достойных выбрать трех победителей, а еще пятерых ораторов наградить по специальным номинациям за оригинальность темы, за умение владеть аудиторией, за использование особых ораторских приёмов, за эмоциональность выступления и за речевое мастерство.

Самыми этически ориентированными были признаны выступления студентов *Ивановского государственного архитектурно-строительного университета*. Они призывали любить и беречь русский язык в «Оде русскому языку», заставили слушателей задуматься об этической стороне семейной жизни в речи «Семья – какой смысл я вкладываю в это слово?», призвали сделать собственный выбор в дилемме «Брак по любви или по расчёту?»

Самыми веселыми и праздничными стали выступления участников от *Ивановской государственной медицинской академии*. На лицах слушателей появлялись улыбки, когда студенты серьезно рассуждали «Про это» (– про курение, а вы о чем подумали?) или задорно декламировали оду «Ах, веник!» (между прочим, очень важная вещь в хозяйстве). В преддверии Дня города будущие медики напомнили всем, что нужно заботиться о «Городе, в котором мы живем».

Самым серьезным и научным было признано выступление студента *Ивановского государственного университета*. Начинающего ратора заинтересовала

экономическая тема, и в своей речи он постарался подчеркнуть необходимость внедрения инновационных форм в производственный процесс.

Самыми равнодушными к повседневным заботам студентов по праву могут считаться студенты *Ивановской государственной сельскохозяйственной академии*. Именно они активно рассуждали в своих выступлениях о двух главных заботах студента: грамотно написать свою курсовую работу (речь «Знаки пунктуации – проблема или решение проблемы?») и одеться модно и удобно (речь «О моде»).

Победа в неофициальной номинации «**Самые оригинальные**» досталась студентам *Ивановского государственного энергетического университета*. Каждый год этот вуз придумывает что-то новое, и в этот раз не обошлось без приятного сюрприза: преподаватели и студенты подготовили для конкурса интересную мультимедийную презентацию о риторике в ИГЭУ. Оригинальными оказались студенты этого вуза и в выборе тем для выступления: «Спорт и коммерция», «Откуда есть пошла Баба-Яга», «Поощрить или наказать?». Сказка и быль, синтез и анализ, мечта и практика соединились в выступлениях участников от ИГЭУ.

Презентация ИГЭУ вызвала восхищение зрителей, однако «**Самыми мультимедийными**» ораторами в этом году стали студенты *Шуйского государственного педагогического университета*. Их выступления на тему «Университет – это звучит гордо!» и «Демографическая ситуация: проблема, решающая массу других проблем» сопровождалась показом слайдов. Вот где действительно древнее искусство красноречия соединилось с современными технологиями! Компьютер пришел на помощь оратору, и в результате родилась новая форма выступления на конкурсе! Успех шуян был полным: наградой от зрителей стал приз зрительских симпатий, а жюри единогласно присудило **третье место** в конкурсе ораторов студентке ШГПУ. Девушка получила диплом, подарок и, что очень важно, приглашение на праздник русского языка, где ей был вручен ценный приз от Совета по русскому языку при Правительстве Ивановской области.

Первые два места по праву достались студентам *Ивановского химико-технологического университета*. В этом году их выступления оказались **самыми победными!** Первокурсник ИГХТУ А.Кузнецов великолепно раскрыл тему «Мат – не наш формат!» и завоевал второе место. Жюри было просто покорено его мужественной манерой держаться, его сильным голосом с оригинальными «бархатными» интонациями. Триумфом ораторского искусства стало выступление Р.Вичужанина - второго участника от химтеха с темой «Давайте не будем воевать!» Едва он произнес первые слова своей речи, как всем стало ясно: вот он – **победитель III Областного студенческого конкурса ораторов!** Победный пафос, эмоциональность, умение владеть ораторскими приемами редко встретишь даже среди маститых риториков. Оба участника от ИГХТУ были награждены дипломами и призами. Однако на этом чествование победителей не закончилось, а продолжилось на празднике русского языка, где студенты получили ценные подарки от Совета по русскому языку при Правительстве Ивановской области.

И.В. Долинина, доцент кафедры русского языка.

Кампания «Студенты – против мата»

Одной из форм поддержки и популяризации русского языка стала *многомесячная масштабная акция «Мату – нет!»*

Показательно, что коллектив Ивановского химико-технологического университета решился открыто заявить о давно существующей в русском языке проблеме – нецензурной брани. В последние годы ее волны буквально захлестнули нашу речь, матерные слова звучат в общественных местах и средствах массовой информации. К сожалению, вузы, в которых учится будущая интеллигенция страны, не стали исключением. Мат становится настоящей проблемой в учебном процессе, угрозой для речевой грамотности будущего специалиста, тормозом для духовного развития нравственной личности. Вот почему преподаватели и студенты ИГХТУ решили сказать свое решительное «нет!» сквернословию.

Мысль о кампании, направленной против мата, родилась на кафедре русского языка. Но какой должна быть эта акция, какие этапы она будет включать, как привлечь к участию в ней студентов? – эти и другие вопросы встали перед организаторами в первую очередь. Было принято решение обратиться за поддержкой к студенческому правительству, к руководству вуза. Так родилась концепция масштабной общевузовской акции «Мату – нет!»

Наступление на матерную лексику было организовано по нескольким направлениям сразу. *В начале января* студенческое правительство и кафедра русского языка ИГХТУ объявили программу акции «**Мату - нет!**»:

1. Конкурс студенческих лозунгов «Мату - нет!»
2. Конкурс мини-сочинений «Мое отношение к мату» среди учащихся химического лицея при ИГХТУ
3. Интервью преподавателей и сотрудников университета
4. Конкурс студенческих плакатов
5. Оформление стендов в кабинете русского языка
6. Митинг «Студенты ИГХТУ – против мата!»

Печатным органом, освещающим ход кампании, стала вузовская газета «Химик». В Интернете, на сайте университета, был открыт Форум, на котором все желающие могли высказать свое мнение по поводу употребления мата. Акция набирала обороты, в нее вовлекалось все больше и больше участников.

Организаторы акции всеми силами старались вовлечь в борьбу с матом как можно больший круг участников. Десятки студентов разных курсов приняли участие в создании агитационных плакатов, сотни – в их написании. Кульминацией кампании стал студенческий митинг «Мату – нет!» и принятая революция, направленная против нецензурной ругани в стенах университета.

Резонанс от акции был так силен, что в других вузах города задумались об аналогичных мероприятиях. Проблема употребления мата переключалась в средства массовой информации: дискуссия велась в программах местного телевидения. Но самое главное заключается все-таки в том, что технический вуз положил начало решительной борьбе с нарушителями речевой культуры. Акция «Мату – нет!» всколыхнула не только весь университет, но и весь город Иваново. Студенты поняли, что они несут ответственность за сохранение русского языка во всей его чистоте и красоте.

И.В. Долинина, доцент кафедры русского языка

Кафедра истории и культурологии. 2007 г. Хроника событий.

Март 2007 г. – впервые состоялся **межвузовский научно-практический семинар «Молодые гуманитарии – городу»**, собравший студентов гуманитарных специальностей вузов Ивановской области (от «социологии», «связи с общественностью» (ИГЭУ) до «культурологии» (ИГХТУ) и «текстильного дизайна» (ИГТА)). Участники семинара предложили авторские проекты преобразования социокультурной среды нашего города. Представители властных структур, работники учреждений культуры сочли возможным и необходимым рекомендовать ряд идей студентов к реализации.

Апрель 2007 г. – заведующая кафедрой истории и культурологии ИГХТУ Е.М. Раскатова, доцент этой кафедры М.А.Миловзорова **участвовали в заседании УМО по культурологии (РГГУ, г.Москва)** и вместе с Председателем Комитета по культуре Ивановской области Т.Б.Котловой вошли в состав экспертной комиссии. Концепция подготовки в нашем университете будущих культурологов-менеджеров с участием специалистов-практиков, потенциальных работодателей вызвала интерес коллег и получила одобрение профессионалов.

Полный текст доклада М.А.Миловзоровой и Е.М.Раскатовой «О возможностях реализации прагматического потенциала образовательной программы «Бакалавр культурологии» на заседании УМО см. на сайте университета www.isuct.ru.

Май 2007 г. – впервые организована **выставка кукол** (реконструкция народного костюма разных губерний России), изготовленных студентами второго курса во время этнографической практики (рук. Н.Н.Павлова).

Октябрь 2007 г. – итоговая научно-практическая конференция студентов 2-5 курсов **«Практики культурологов – прагматический потенциал специальности»** (рук. М.А.Миловзорова), в работе которой участвовали работники Комитета по культуре Ивановской области. Актуальная проблема – готовность выпускников к будущей работе, спектр необходимых профессиональных компетенций будущего менеджера в сфере культуры – обсуждалась горячо/остро, заинтересованно и студентами, и преподавателями, и потенциальными работодателями.

Ноябрь 2007 г. – **VI ежегодная археологическая конференция** (рук. – В.А.Аверин). Научные доклады студентов были посвящены анализу работы летних экспедиций в Костромской области, г.Рыбинске, г.Шуе. Особый интерес вызвало сообщение о результатах археологических разысканий в г.Иваново.

Декабрь 2007 г. – День гуманитарного факультета.

ДИССЕРТАЦИИ, ЗАЩИЩЕННЫЕ В 2007 ГОДУ НА ГУМАНИТАРНОМ ФАКУЛЬТЕТЕ

Торшинин М.Е. Рефлексивный контроль качества освоения предметной области «Педагогика» в педагогическом образовательном пространстве. Дисс. ... канд.филол.наук. Ярославль, 2007 .

Кузьмина Р.В. Фонетическая вариативность и вариантность в английском языке и принципы их отражения в современных орфоэпических словарях (фонетико-лексикографическое исследование на материале феномена омонимии). Дисс. ... канд.филол.наук. Санкт-Петербург, май 2007 г. (научный руководитель проф.Н.К.Иванова).

Лобанова И.В. Кодификация произносительной нормы в процессе формирования и развития литературного языка (фонетико-лексикографическое исследование на материале немецких орфоэпических словарей XVIII –XXI веков). Дисс. ... канд.филол.наук. Ярославль, октябрь, 2007 (научный руководитель проф.Н.К.Иванова).

Мощева С.В. Фонетико-орфографические особенности оформления рекламного дискурса (сравнительно-сопоставительное исследование на материале английского и русского языков в свете теории речевых актов). Дисс. ... канд.филол.наук. Санкт-Петербург, ноябрь 2007 г. (научный руководитель проф.Н.К.Иванова).

Палей Е.В. Проблема ценности (социально-онтологический аспект). Дисс. ... канд.философ. наук. Иваново, 2007 г. (научный руководитель проф. М.Г.Зеленцова).

СПИСОК АВТОРОВ НОМЕРА

1. **Аверин Вадим Александрович** — старший преподаватель кафедры истории и культурологии ИГХТУ
2. **Благовестный Алексей Юрьевич** — ассистент кафедры иностранных языков и лингвистики ИГХТУ
3. **Блинов Роман Юрьевич** — ассистент кафедры иностранных языков и лингвистики ИГХТУ
4. **Борунова Елена Николаевна** — студентка 5 курса ИГХТУ
5. **Ганина Вера Владимировна** — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и лингвистики ИГХТУ
6. **Гусева Марина Александровна** — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социальных дисциплин ИГСХА
7. **Долинина Ирина Вячеславовна** — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка ИГХТУ
8. **Емельянова Марина Владимировна** — аспирант кафедры иностранных языков и лингвистики ИГХТУ
9. **Зеленцова Марина Григорьевна** — доктор философских наук, профессор кафедры философии ИГХТУ
10. **Золина Елена Наполеоновна** — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и лингвистики ИГХТУ
11. **Иванов Александр Сергеевич** — студент 5 курса ИГХТУ

12. **Иванова Наталия Кирилловна** — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков и лингвистики ИГХТУ
13. **Кирсанова Наталья Евгеньевна** — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков ИГМА
14. **Клейман Марк Борисович** — кандидат психологических наук, доцент кафедры философии ИГХТУ
15. **Клемина Екатерина Николаевна** — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков ИГМА
16. **Козлов Иван Васильевич** — аспирант кафедры философии ИГХТУ
17. **Кузнецова Ирина Петровна** — аспирант кафедры иностранных языков и лингвистики ИГХТУ
18. **Кузьмина Римма Владимировна** — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков и лингвистики ИГХТУ
19. **Малкова Юлия Леонидовна** — кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков и лингвистики ИГХТУ
20. **Масленникова Ольга Николаевна** — кандидат филологических наук, доцент кафедры истории и культурологии ИГХТУ
21. **Милеева Марина Николаевна** — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и лингвистики ИГХТУ
22. **Миловзорова Мария Алексеевна** — кандидат филологических наук, доцент кафедры истории и культурологии ИГХТУ
23. **Михеева Любовь Николаевна** — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка ИГХТУ
24. **Морозова Алеся Александровна** — выпускница ИвГУ 2007, кафедра истории и культурологии ИГХТУ
25. **Мощева Светлана Васильевна** — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков и лингвистики ИГХТУ
26. **Нечаева Елена Александровна** — аспирант кафедры иностранных языков и лингвистики ИГХТУ
27. **Палей Елена Вадимовна** — старший преподаватель кафедры философии ИГХТУ
28. **Портнов Александр Николаевич** — доктор философских наук, профессор кафедры истории и культурологии ИГХТУ
29. **Раскатова Елена Михайловна** — кандидат исторических наук, доцент, декан гуманитарного факультета ИГХТУ
30. **Рыжкова Наталья Анатольевна** — старший преподаватель кафедры истории и культурологии ИГХТУ
31. **Садина Светлана Семёновна** — доцент кафедры истории и культурологии ИГХТУ
32. **Смирнова Анна Николаевна** — кандидат филологических наук, кафедры иностранных языков ИФ РГТЭУ
33. **Страдымова Валентина Ивановна** — кандидат филологических наук, доцент кафедры истории и культурологии ИГХТУ
34. **Угарова Ольга Викторовна** — студентка 5 курса ИГХТУ
35. **Федорова Елена Львовна** — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культурологии ИГХТУ
36. **Цветков Юрий Леонидович** — доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной литературы ИГХТУ
37. **Шишкина Светлана Григорьевна** — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и лингвистики ИГХТУ